

ВЕСТНИК

2(79) 2022

АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ
ВОЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с мая 2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-12244 от 02.04.2002 г.
Выходит 4 раза в год

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Н.И. Турко, первый вице-президент Академии военных наук, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (главный редактор);
Е.Г. Анисимов, доктор военных наук, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
В.А. Балыбин, доктор технических наук, профессор, заслуженный военный специалист;
С.П. Белоконов, доктор технических наук, профессор (заместитель главного редактора);
В.М. Валеев, доктор военных наук, старший научный сотрудник;
В.М. Глущенко, доктор военных наук, доктор экономических наук, профессор;
П.А. Дульнев, доктор военных наук, профессор, почетный работник науки и высоких технологий РФ (заместитель главного редактора);
А.В. Зюзин, доктор технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы;
И.Н. Караваяев, доктор военных наук, кандидат педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы;
И.Л. Кардаш, доктор военных наук, профессор;
А.Н. Карпов, доктор политических наук, профессор;
А.Е. Кондратьев, кандидат военных наук, секретарь;
В.В. Круглов, доктор военных наук, профессор, заслуженный работник высшей школы;
В.Ф. Лазукин, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы;
В.Л. Махнин, доктор военных наук, профессор, заслуженный работник высшей школы;
С.А. Модестов, доктор политических наук, профессор, доктор философских наук, профессор;
А.А. Павловский, доктор военных наук, профессор;
Д.Н. Филипповых, доктор исторических наук, профессор;
С.В. Чварков, доктор военных наук, профессор;
Н.Н. Швеиц, доктор экономических наук, профессор.

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

В.П. Баранов, доктор исторических наук, кандидат военных наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Татарстан (председатель);
В.Г. Анисимов, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
И.В. Бочарников, доктор политических наук;
С.Ф. Викулов, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
В.А. Виноградов, доктор военных наук, профессор, заслуженный работник высшей школы;
А.О. Камбаров, доктор экономических наук;
В.Ю. Корчак, доктор экономических наук, профессор;
М.Ю. Куприков, доктор технических наук, профессор;
В.Ф. Лата, доктор военных наук, профессор;
Е.К. Миннибаев, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
С.Л. Печуров, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
В.В. Пименов, доктор экономических наук, профессор;
А.А. Рахманов, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
А.В. Сержантов, доктор военных наук, профессор, заслуженный военный специалист;
П.В. Суханов, доктор педагогических наук, доцент;
В.В. Сухорученко, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
А.Я. Черныш, доктор военных наук, профессор;
Ю.Ф. Шлык, доктор военных наук, профессор, заслуженный работник высшей школы;
Б.А. Якимович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» редакция имеет право не вступать в переписку с авторами. При перепечатке материалов ссылка на «Вестник Академии военных наук» обязательна. Журнал предназначен для лиц старше 18 лет.

Подписано в печать 05.08.2022 г. Формат 60х90 1/8.
Печать офсетная. Печ. л. 23. Тираж 1000 экз. Заказ № 317. Цена договорная.
Адрес редакции: 117330, г. Москва, Университетский пр., д. 14,
тел. (499) 194-24-48, (499) 147-51-19, факс: (499) 143-67-38

© Вестник Академии военных наук

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОПОЛИТИКА И ОБОРОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития и пути разрешения

В.П. БАРАНОВ. Украина – форпост НАТО в Европе . . 5

О.Г. КАРПОВИЧ. Информационная война против
России в условиях осуществления специальной
военной операции 10

И.Л. КАРДАШ. Исторические аспекты
политики Запада по военной конфронтации
Украины с Россией 13

А.А. КУЛАКОВ. Украинский кризис как следствие
политики США и их союзников (коллективного
Запада) по созданию пояса стратегического
окружения России 21

И.В. СУРМА. Возрастание фактора
информационно-психологической войны
в условиях эскалации украинского кризиса 33

О.А. ОВСЯННИКОВА. Противоборство
в информационной войне
(на примере украинского кризиса) 37

И.Н. КАРАВАЕВ, П.В. СУХАНОВ. Ментальная
война как новый вид противоборства 42

И.В. БОЧАРНИКОВ. Украинский кризис:
современные реалии и тенденции развития 46

С.А. МОДЕСТОВ. Политико-правовые аспекты
специальной военной операции на Украине
как стратегической контртеррористической
операции 53

А.А. ПАВЛОВСКИЙ, А.В. ШЕРИС. Государственная
функционализация традиционных ценностей
как способ обеспечения культурной
безопасности 60

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

П.А. ДУЛЬНЕВ, А.В. КОТОВ, Н.П. ПЕДЕНКО.
Проблемы применения программно-целевого
метода для обоснования планирования
строительства и развития Сухопутных войск
с использованием имитационно-моделирующего
комплекса 69

Уважаемые читатели!
Подписка на электронную версию журнала –
на сайте www.avnrf.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

А.Д. ГАВРИЛОВ, И.В. ГРУДИНИН, Д.Г. МАЙБУРОВ. Проблемные вопросы организации комплексного противодействия противнику в гибридной войне 77

С.В. БУГ. Исторический опыт ведения контрбатарейной борьбы как фактор развития разведывательно-ударных действий в современных операциях 90

УПРАВЛЕНИЕ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ И ИХ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ

И.В. ГРУДИНИН, О.В. ИКОННИКОВ, Б.Д. КАЗАХОВ. Особенности постановки задачи оценивания показателей боевых возможностей формирований сил управления космическими аппаратами 95

ВООРУЖЕНИЕ, ВОЕННАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕХНИКА

А.С. ДУРНОВ, Д.А. ЕГОРУШКИН, Д.Н. ЧЕШЕВ. Применение генетических алгоритмов при обосновании рационального состава системы вооружения и средств РХБ защиты 102

ВСЕСТОРОННЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВС РФ

Ю.Г. СЫЧ, Д.П. МОТАСОВ, Г.В. ВДОВЕНКО. Создание и развитие системы ядерного обеспечения как составной части ядерного щита советского и российского государства (к 75-летию 12-го Главного управления Министерства обороны Российской Федерации) 112

В.В. БАГРОВ, Е.А. ВОРОНИН, А.И. ДИВЕЕВ, И.В. ПРОКОПЬЕВ. Универсальные оценки безопасности и их применение к организации комплексной системы защиты от микробиологического заражения в задаче безопасности объекта человеческой деятельности 119

ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

А.П. СТЕПАНОВ. Методика разработки нормативов по предметам боевой подготовки 127

С.А. ЦУЦИЕВ. Оценка условий военной службы как практический инструмент управления безопасностью военной службы 133

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Ю.Н. АРЗАМАСКИН, О.В. КЕПЕЛЬ, Б.Н. НЕДБАЙЛО. Идеология государственного патриотизма на службе Отечеству 140

В.В. ЛИТВИНЕНКО. Сталинградская битва в демографическом измерении 148

Ю.В. РУБЦОВ. Май 1942 г.: «Охота на дроф» 156

С.В. ФЕДУЛОВ, Д.Н. СОЛОВЬЕВ, В.В. БЕЛЯКОВ. Использование немецких специалистов в качестве консультантов по созданному ими минно-торпедному вооружению 165

ПАМЯТИ ТОВАРИЩЕЙ

Видный военный учёный, педагог–новатор
(к 100-летию Ивана Николаевича Воробьёва) 171

В.В. Карпов – воин, писатель, гражданин своей страны 177

CONTENTS

V.P. BARANOV. Ukraine – nasa outpost in europe	5
O.G. KARPOVICH. Information war against russia in the context of a special military operation	10
I.L. KARDASH. Historical aspects of the west's policy of military confrontation between Ukraine and Russia	13
A.A. KULAKOV. Ukrainian crisis as a result of the usa and its allies policy to create a strategic environment belt around Russia	21
I.V. SURMA. The increasing factor of information and psychological warfare in the context of the escalation of the ukrainian crisis.	33
O.A. OVSYANNIKOVA. Confrontation in the information war (on the example of the ukrainian crisis)	37
I.N. KARAVAEV, P.V. SUKHANOV. Mental war as a new kind of confrontation.	42
I.V. BOCHARNIKOV. The Ukrainian crisis: modern realities and development trends.	46
S.A. MODESTOV. Political and legal aspects of special military operation in Ukraine as a strategic counter-terrorism operation.	53
A.A. PAVLOVSKY, A.V. SHERYS. State functionalization of traditional values as a way to ensure cultural security	60
P.A. DULNEV, A.V. KOTOV, N.P. PEDENKO. Problems of application of a program-target planning method to justify the construction and development of ground forces using a simulation-modeling complex	69
A.D. GAVRILOV, I.V. GRUDININ, D.G. MAIBUROV. Problematic issues of creation integrated countermeasure system to the enemy in hybrid warfare.	77
S.V. BOOG. Historical experience of conducting counter-battery warfare as a factor in the development of reconnaissance and strike actions in modern operations	90
I.V. GRUDININ, O.V. IKONNIKOV, B.D. KAZACHOV. Features of setting the assessment task indicators of the combat capabilities of the formations of the spacecraft control forces	95
A.S. DURNOV, D.A. EGORUSHKIN, D.N. CHESHEV. The use of the genetic algorithm the substantiating the rational composition of the weapons system and the means of the radiological chemical and biological protection	102
YU.G. SYCH, D.P. MOTASOV, G.V. VDOVENKO. Creation and development of a nuclear security system as an integral part of the nuclear shield of the soviet and Russian states (to the 75th anniversary of the 12 main department of the ministry of defense of the Russian Federation on september 4, 2020	112
V.V. BAGROV, E.A. VORONIN, A.I. DIVEYEV, I.V. PROKOPIEV. Universal safety assessments and their application to the organization of a comprehensive system of protection against microbiological contamination in the task of safety of an object of human activity	119
A.P. STEPANOV. Methodology for the development of standards for the subjects of combat training	127
S.A. TSUTSIEV. Assessment of the military service conditions as a practical tool for the military service security management	133
YU.N. ARSAMASKIN, O.V. KEPEL, B.N. NEDBAYLO. Ideology of state patriotism for its service	140
V.V. LITVINENKO. The battle of stalingrad in the demographic dimension	148
YU.V. RUBTSOV. May 1942: "bustard hunting"	156
S.V. FEDULOV, D.N. SOLOVYOV, V.V. BELYAKOV. The use of german specialists as consultants on the created by them mine-torpedo armament	165

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития и пути разрешения

7 апреля 2022 года научными отделениями «Общие проблемы войны, мира и армии» и «Военное искусство» Академии военных наук во взаимодействии с Институтом актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России под руководством вице-президента АВН доктора исторических наук генерал-полковника Баранова В.П. проведен «круглый стол» на тему: «Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития и пути разрешения».

В рамках «круглого стола» обсуждены вопросы:

1. Современные трансформации мирового порядка: условия, тренды и перспективы с учетом роли в этих процессах Украины.
2. Украинский кризис как следствие политики США и их союзников (Коллективного Запада) по созданию пояса стратегического окружения России.
3. Основные направления антироссийской стратегии Коллективного Запада в условиях эскалации украинского кризиса.
4. Специальная военная операция: взгляд с позиции национальных и государственных интересов.

5. Возрастание фактора информационно-психологической войны в условиях эскалации украинского кризиса.

По результатам обсуждения признано целесообразным в рамках Академии военных наук проработать вопрос о создании экспертно-аналитической группы (совета) для анализа и прогнозирования развития текущей ситуации как в зоне конфликта, так во взаимоотношениях со странами Коллективного Запада и подготовке предложений военно-политическому руководству России по нейтрализации и противодействию недружественным акциям.

УКРАИНА – ФОРПОСТ НАТО В ЕВРОПЕ UKRAINE – NATO OUTPOST IN EUROPE

В настоящей статье рассматривается состояние вооруженных сил Украины на закате советской эпохи и сегодня. Отмечается переформатирование военного сотрудничества Украины в сторону ее сближения со странами Запада и, прежде всего, странами НАТО.

This article examines the state of the armed forces of Ukraine at the end of the Soviet era and today. The reformatting of the military cooperation of Ukraine in the direction of its rapprochement with the countries of the West and, above all, the NATO countries, is also noted.

Ключевые слова: ВС Украины, Верховная Рада, военный экспорт, НАТО, ЕС, КНУ, ДНР, ЛНР, США, Российская Федерация, Минские соглашения.

Keywords: Armed Forces of Ukraine, Verkhovna Rada, military exports, NATO, EU, KNU, DPR, LPR, USA, Russian Federation, Minsk agreements.

После обретения независимости Украина сразу начала рассматривать возможность установления отношений с НАТО и ЕС. В НАТО сразу же оценили этот шаг. Украина становилась в данных условиях мостом между Западной и Восточной Европой, продвигая возможности НАТО на восток.

Официальные отношения между НАТО и Украиной начались уже в 1991 г., когда Украина присоединилась к Совету Североатлантического сотрудничества (затем его сменил Совет Евроатлантического пространства). В 1994 г. Украина стала первым государством – членом СНГ, присоединившемся к программе «Партнерство ради мира» (ПРМ). В дальнейшем она продемонстрировала свою лояльность, оказав поддержку миротворческим операциям НАТО на Балканах.

9 июля 1997 г. в Мадриде украинский президент и главы государств и правительств стран НАТО подписали «Хартию об особом партнерстве» между НАТО и Украиной. Этот документ стал официальной основой отношений между НАТО и Украиной. В соответствии с хартией была создана комиссия НАТО–Украина (КНУ), которая являлась руководящим органом, ответственным за развитие отношений между НАТО и Украиной и определяла направления совместной деятельности. В КНУ представлены все государства – члены НАТО и Украина. Для продвижения вперед работы в конкретных областях были созданы совместные рабочие группы по вопросам: военной реформы, вооружения; экономической безопасности; научной и экологической безопасности; кризисного

урегулирования и гражданского чрезвычайного планирования [1].

В мае 2002 г. политическое руководство Украины поставило цель в будущем вступить в НАТО. В этом же месяце на встрече КНУ в Рейкьявике министры иностранных дел подчеркнули свое желание вывести эти отношения на качественно новый уровень посредством консультаций и сотрудничества в политической, экономической и оборонной сферах. В том же году на заседании КНУ в Праге был принят план действий НАТО–Украина. Его цель – выделить стратегические задачи Украины, ее приоритеты в реализации по полной интеграции в североатлантические структуры альянса. Подчеркивалось, что помощь Украине в преобразовании системы обороны и безопасности – является основным приоритетом сотрудничества между НАТО и Украиной [5].

Для обозначения выполнения плана действий в рамках НАТО–Украина разрабатывались годовые планы, проделанную работу по которым КНУ раз в полгода оценивала на своих заседаниях и делала доклад о достигнутых результатах. Так, оценивая результаты за первую половину 2004 г., НАТО обратило внимание руководителей Украины на организацию и проведение выборов, работу СМИ, создание внутреннего законодательства, судебной власти, на реформы в области безопасности и обороны. Был также сделан вывод о необходимости глубокой реорганизации системы обороны Украины в сочетании с модернизацией украинских ВС на основе технического перевооружения, основанного на стандартах НАТО.

Осенью 2004 г. при активном давлении стран НАТО и Госдепартамента США на Украине произошла «Оранжевая революция», которая привела к повторному проведению второго тура голосования выборов президента страны, в результате чего победил их ставленник В. Ющенко. И уже 22 февраля 2005 г. при встрече на высшем уровне в Брюсселе руководители стран НАТО выразили поддержку смелым планам нового президента в области реформ, которые соответствовали задачам, ранее поставленным НАТО Украине.

25 апреля 2005 г. на встрече министров иностранных дел КНУ в Вильнюсе Украина и НАТО начали конкретный диалог в стремлении Украины вступить в НАТО, а первый практический шаг был сделан во время визита генерального секретаря НАТО в Киев 27 июля 2005 г., когда украинское правительство представило свой исходящий документ для обсуждения этого вопроса. В нем были рассмотрены вопросы внутренней и внешней политики, обороны и реформ в сфере безопасности [1].

В результате вооруженного переворота 22 февраля 2014 г. Верховная Рада незаконно отстранила от должности президента Украины В. Януковича, воспользовавшись нежеланием правительства страны поддержать соглашение с ЕС. Уже 23 февраля и.о. президента А. Турчинов отменил закон о предоставлении русскому языку статуса регионального в ряде областей страны. Через некоторое время Киевский окружной суд принял решение о прекращении работы четырех российских каналов. Эти события стали поводом для массовых протестов на юго-востоке Украины. Одним из требований было проведение референдума о федерализации Украины и статусе русского языка.

В 2014 г. Крым не признал легитимность новой украинской власти. 11 марта Верховный Совет Крыма принял декларацию в поддержку независимости региона от Украины и намерении войти в состав Российской Федерации. В марте прошел референдум, на котором 96,7% высказались за воссоединение с Россией. 17 марта Верховный Совет Крыма принял постановление о независимости от Украины. 18 марта был подписан договор с Российской Федерацией. 21 марта был принят Федеральный конституционный договор об образовании двух новых

субъектов РФ — Республики Крым и города федерального значения — Севастополь.

В восточных областях Украины начались массовые митинги и протесты среди населения. 30 марта участники митинга в Харькове потребовали создания юго-восточной автономии из восточных областей. 7 апреля в Донецке был создан Республиканский Народный Совет, который объявил о суверенитете Донецкой Народной Республики. В тот же день и.о. президента страны объявил о начале «антитеррористических мероприятий», а 15 апреля начал силовую фазу силами армии и национальной гвардии на востоке Украины. В Харькове, Одессе и других городах волнения подавили националистические отряды [7], созданные по подобию штурмовых отрядов Э. Рема в нацистской Германии. В последующем боевые действия переросли в полномасштабную гражданскую войну.

12 февраля 2015 г. в Минске прошли переговоры в «нормандском формате» по урегулированию ситуации в Донбассе: канцлера ФРГ А. Меркель, президента России В. Путина, президента Франции Ф. Олланда и президента Украины П. Порошенко. По итогам встречи были приняты два документа — комплекс мер, направленный на имплементацию Минских договоренностей, который приняла контактная группа по Донбассу, что параллельно работала в Минске, а также — декларация в поддержку комплекса мер принятых «нормандской четверкой» [7]. Минские договоренности по урегулированию ситуации на Украине стали основой для разрешения конфликта на Донбассе, но переговоры зашли в тупик. За год работы трехсторонней контактной группы по Донбассу и четырех профильных подгрупп так и не удалось достичь выполнения ни одного положения Минских соглашений [4].

Сегодня Украина стала ключевым региональным стратегическим партнером США, которая направляет колоссальные усилия на проведение реформ вооруженных сил и повышение их оперативно-боевой совместимости с вооруженными силами стран-участниц НАТО. Соединенные Штаты Америки продолжают поддерживать Украину в ее стремлениях к Евро-Атлантической солидарности. В Американо-украинском пакте о стратегическом партнер-

стве основное внимание уделяется важности поддержания двустороннего сотрудничества и дальнейшей приверженности обязательствам со стороны США поддерживать нацеленность Украины на взаимодействие с НАТО. Соединенные Штаты Америки и их союзники сформировали Межгосударственную совместную комиссию и Совместный межгосударственный учебно-тренировочный центр по координации действий, направленных на оказание помощи Украине в создании необходимых оборонных возможностей с целью сдерживания, по их мнению, будущей агрессии России.

Соединенные Штаты Америки выделили свыше 2,5 млрд долларов на подготовку и техническое оснащение украинских воинских формирований для поддержания ее территориальной целостности, защиту государственных границ и повышения темпов работ по дальнейшей совместимости с армиями стран-участниц НАТО [1].

Начиная с 2014 г., Соединенные Штаты Америки направили Украине свыше 4,6 млрд долларов общей помощи, включая финансирование вопросов, связанных с обеспечением безопасности, так и для иных целей, равно как и трижды по 1 млрд долларов в качестве государственных гарантий. Эта сумма включает в себя 721 млн долларов США из фондов международного валютного финансирования Государственного департамента и 1,35 млрд долларов США из фондов Министерства обороны по программе инициативы помощи в обеспечении безопасности Украины. Кроме этого Украина получила около 19,7 млн долларов США в целях оказания содействия по программе международной военной подготовки, в рамках которой около 370 военнослужащих младшего среднего и старшего офицерского звена прошли переподготовку в учебных заведениях Министерства обороны США в период с 2014 по 2016 гг. [3].

Оказание помощи Соединенными Штатами по линии обороны привело к значительному повышению уровня боеготовности, совершенствованию системы управления войсками, повышению качества информационного обеспечения формирований в условиях непрерывно изменяющейся обстановки. Также этому способствовало оснащение украинских воинских формирований летальным и нелетальным

оборонительным вооружением. В их число вошли многоцелевые колесные автомобили высокой проходимости, тактические БпЛА, технические средства ЗАС, средства отображения и анализа обстановки с применением спутниковой системы связи, средства РЭБ, технические средства наблюдения повышенной четкости и тепловизоры, а также средства эвакуации раненых [1,2,3].

Соединенные Штаты Америки по действующей программе «правительство-правительству» передали на возмездной основе Украине, с использованием ресурсов МВФ, 595,5 млн долларов США. Обращения МВФ в конгресс по вопросам осуществления продаж, главным образом, включали: в 2018 г. — 35 ПТУР «Джавелин», и 210 ракет (в апреле 2021 г. эксперты доложили, что заводской гарантийный срок у них закончился); в 2019 г. — дополнительно 150 ПТУР «Джавелин»; в 2020 г. — патрульные катера класса «Марк-6». Продажа ПТУР «Джавелин» была осуществлена совместно за счет финансирования валютного фонда Госдепартамента США и украинской государственной финансовой системы.

Во время визита в США президента Украины В. Зеленского, президент США Д. Байден пообещал ему поставить ракеты «Джавелин» на сумму 30 млн долларов, советников и инструкторов США в украинскую армию. Деньги Украина в итоге не получит, а армия США избавится от устаревших ракет [1,4].

Начиная с 2017 г. управление по вопросам международной безопасности и нераспространения ОМП Государственного департамента США направило в виде помощи 17 млн долларов управлению береговой охраны из состава государственного пограничного управления Украины по программе экспортного контроля и обеспечения безопасности госграниц. Подобная помощь должна была сформировать новые оперативные, технические и обучающие возможности (включая части берегового резерва в Мариуполе, Бердянске и Одессе), равно как оснащение их необходимыми ВВСТ, программами подготовки и наставничества. Данные меры не только нацелены на замену утраченных возможностей, но и должны были позволить в значительной степени модернизировать имеющееся вооружение военную и

специальную технику, учебные объекты, повысить качество подготовки военнослужащих с целью повышения боевых возможностей сил береговой охраны [2].

Глобальный фонд непредвиденных расходов, как совместная программа Минобороны и Госдепа США, выделил правительству Украины более 23 млн долларов США для обучения, переподготовки личного состава, направления инструкторов и советников, а также оснащения современными ВВСТ с целью дальнейшего совершенствования тактических, оперативных и боевых навыков военнослужащих, в рамках подготовки подразделений сил специальных операций, национальной гвардии, регулярных подразделений, военнослужащих сержантского состава и медицинской службы вооруженных сил Украины.

Для укрепления оборонных возможностей МВФ принял решение о продлении программы Stand с Украиной и выделил 780 млн долларов кредита, США — 13 млрд долларов, Франция — 1,2 млрд евро, Великобритания — 3,88 млрд фунтов, Германия — 150 млн евро, Дания — 22 млн евро, Швеция — 5,4 млн долл., Нидерланды — 400 тыс. евро, Еврокомиссия — 1,2 млрд евро, Совет Европы — 31 млн евро.

В 2018 г. были созданы командование объединенных сил ВС Украины, командование сил поддержки, командование войск связи и кибернетической безопасности ВС Украины, командование медицинских сил. Сформировано 16 механизированных бригад (из них 4 в корпусе резерва), 4 пехотные бригады, 7 танковых бригад, 25 бригад территориальной обороны, 1 ракетная бригада, 2 реактивные бригады, 7 артиллерийских бригад, 1 реактивный полк, 4 бригады армейской авиации.

Силы специальных операций: 2 полка спецназа; 2 отряда пловцов; 2 отряда спецназа; 4 батальона разведки. ВМФ: 2 бригады морской пехоты; 1 артиллерийская бригада; 1 реактивный полк; 1 корвет; 1 фрегат и несколько катеров различного назначения. ВВС: 11 бригад тактической авиации и 1 полк беспилотных летательных аппаратов (12 БпЛА). Десантно-штурмовые войска: 1 бригада ВДВ; 6 бригад десантно-штурмовых; самоходно-артиллерийский дивизион; отдельный разведывательный батальон [3,4,6].

Украина в соответствии с государственной партнерской программой является партнером национальной гвардии штата Калифорния. Все последние 28 лет национальная гвардия штата Калифорния проводит регулярные тренировки с украинскими частями национальной гвардии, оказывая поддержку в модернизации ее системы.

29 августа 2005 г. был подписан договор между Министерством обороны США и Министерством здравоохранения Украины о создании на Украине биологических лабораторий. До недавнего времени на Украине действовали более 30 биологических лабораторий (города Киев, Одесса, Винница, Ужгород, Днепр, Львов, Мерефа, Харьков, Тернополь, Херсон). Донор всех исследований — Пентагон.

По этому соглашению Украина передала контроль над биологическими исследованиями Пентагону, без права вмешиваться в работы, которые проводились в лабораториях. Кроме этого Украина передала Пентагону опасные патогены, оставшиеся от СССР для исследований. Также Пентагону был предоставлен доступ к секретным украинским разработкам в области биологии и вирусологии.

В созданных и финансируемых на Украине биолaborаториях проводились, как показывают документы, эксперименты с образцами коронавируса летучих мышей. Цель данных исследований — создание механизма скрытого распространения смертоносных патогенов.

По всему миру США разместили более 400 таких объектов. Общая стоимость двадцатилетней программы уже превзошла сумму в 100 млрд долларов. В программе задействовано более 13 тыс. ученых, работающих с опасными патогенами человека и животных. Официальный представитель МИД КНР Чжао Лицзянь считает, что вирус мог родиться в этих лабораториях. Международная инспекция в лаборатории так и не была допущена.

После захвата власти в 2014 г. руководство Украины полностью заменило глав областей и районов в восточных и южных районах Украины. В органах МВД, Нацгвардии на руководящие посты были назначены подготовленные в странах НАТО генералы и офицеры. Армия полностью стала подконтрольна США и перешла на стандарты НАТО. Идеология государ-

ства направлена на национализм. Героями стали пособники фашистов.

8 февраля 2021 г. президент Украины подписал закон «Об одобрении решения президента Украины и допуске подразделений ВС других государств на территорию Украины в 2021 г. для участия в многонациональных учениях». Всего было проведено восемь многонациональных учений на территории Украины, к участию в которых было привлечено около 21 тыс. украинских военнослужащих и около 11 тыс. иностранных участников, в частности, многонациональных учений по подготовке подразделений вооруженных сил: украинско-американских учений Rapid Trident – 2021 («Репид Трайдент – 2021»); украинско-британских учений Kozak Mace – 2021 («Козак Мейс – 2021»); украинско-американских учений Sea Breeze – 2021 («Си Бриз – 2021»); украинско-румынских учений Riverine – 2021 («Риверайн – 2021»); украинско-британских учений Warrior Watcher – 2021 («Вориер Вотчер – 2021»); украинско-польских учений «Три Меча – 2021» и «Silver Saber – 2021» («Сильвер Сэйбер – 2021») [1].

В ходе своей деятельности структуры НАТО и ЕС на Украине не замечают националистических проявлений в обществе и вооруженных силах Украины. Происходит героизация пособников фашистов, сносятся памятники советского периода. В системе МВД в зоне АТО действует 6 батальонов добровольческого украинского корпуса «Правого сектора» (организация, запрещенная в РФ), три подобных батальона находятся в других областях Украины для подавления волнений, а в зоне АТО – для провокации и противоправных действий против мирного населения ДНР и ЛНР [2,4,7]. В ходе визита В. Зеленского в США было подтверждено, что на Украине идет гражданская война,

в ходе которой погибло более 14 тыс. украинцев и более 20 тыс. ранено.

На Украине стало нормой – неприкрытая ненависть к России. Так, депутат Верховной Рады Ирина Фарион, от партии «Свобода», говорит: «У нас один путь – уничтожить Москву, ради этого мы живем, ради этого и пришли в этот мир, чтобы уничтожить Москву. Уничтожить не просто москалей на наших землях, а черную дыру европейской безопасности, которую нужно стереть с карты мира». Подобная риторика звучит у Светланы Крюковой, заместителя главного редактора одного из украинских СМИ: «Обязательно вернуться в родную гавань финская Карелия и германский Кенигсберг, молдавское Приднестровье и украинский Крым, грузинские Абхазия и Северная Осетия, казахский Оренбург и Астрахань, японские Карафуто (Сахалин) и Курильские острова». Главнокомандующий ВС Украины В. Залужный и вовсе публично выразился о желании проехать на танке по Красной площади к Арбату [7].

21 февраля Президент РФ В.В. Путин подписал два указа – о признании независимости ДНР и ЛНР и два договора – о дружбе и взаимопомощи с ДНР и ЛНР.

На 8 марта, согласно плану командования ВСУ, было назначено наступление на ДНР и ЛНР.

24 февраля В.В. Путин принял решение о проведении специальной военной операции на территории ДНР и ЛНР.

Ее цель – защита людей, которые на протяжении 8 лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. Ранее главы ДНР и ЛНР обратились к Президенту РФ с просьбой об оказании помощи. Совет Федерации дал разрешение на использование ВС РФ за пределами страны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Справочник НАТО 2006 г. Public Diplomacy Division NATO. Отдел общественной дипломатии Division Diplomatique publique. 1110 Brussels Belgium. 2006. – 442 p.
2. Перспективы развития вооруженных формирований Украины // Военное обозрение. 13.04.2021. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.topwar.ru/181862-perspektivy-razvitiya-vooruzhennyh-formirovaniy-ukrainy.html> (дата обращения 28.09.2021).
3. Закупки вооружений для украинской армии в 2021 г. // Военное обозрение 11.02. 2020 г. Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.topwar.ru/179862-zakupki-vooruzhenij-dlja-ukrainskoj-armii-v-2021-godu.html> (дата обращения 28.09.2021).

4. Изнанка украинской армии. Названы силы для удара по Донбассу // Московский комсомолец. 30.03.2021. Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2021/03/30/iznanka-ukrainskoj-armii-nazvany-sily-dlya-udara-po-donbassu.html> (дата обращения 28.09.2021).
5. 29 лет безопасности и обороны Украины: от наследия СССР до НАТО // Военное дело. 11.08.2020. Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://inosmi.ru/military/20200831/248030002.html> (дата обращения 28.09.2021).
6. Прощай оружие! Кто и как разворачивал арсеналы Украины. Г. Устинов по материалам временной следственной комиссии ВС Украины. Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://zergulio.livejournal.com/4758622.html> (дата обращения 28.09.2021).
7. Украинская армия – 2021 г.: вооружение и боеспособность. 18.08.2021. Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://sputnik-georgia.ru/20210818/Ukrainskaya-armiya-2021-vooruzhenie-i-boesposobnost-252614084.html> (дата обращения 28.09.2021).
8. U.S. Security Cooperation With Ukraine. BUREAU OF POLITICAL-MILITARY AFFAIRS, USA State Department / JULY 2, 2021. – 5 p.

O.G. KARPOVICH

О.Г. КАРПОВИЧ

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

INFORMATION WAR AGAINST RUSSIA IN THE CONTEXT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

В статье рассматриваются ключевые вопросы противодействия информационной войне коллективного Запада в отношении Российской Федерации в условиях реализации специальной военной операции на Украине. Анализируется ряд базовых западных технологий по искажению памяти о Великой Отечественной войне и переписывании истории Великой Победы.

This article discusses the key issues of countering the information war of the collective West against the Russian Federation in the context of the implementation of a special military operation in Ukraine. A number of basic Western technologies for distorting the memory of the Great Patriotic War and rewriting the history of the Great Victory are analyzed.

Ключевые слова: информационная война, история, Украина, специальная военная операция.

Keywords: information war, history, Ukraine, special military operation.

Информационная война, развязанная против России после начала специальной военной операции на Украине, уже давно перешла все этические границы. Одним из самых циничных приемов ее инициаторов стало бессовестное манипулирование так называемым «еврейским вопросом». Идеологи очернения Москвы, в лучших традициях геббельсовской пропаганды, пытаются представить белое черным, помня, что «повторенная тысячу раз ложь становится правдой». Нацисты в создаваемой ими картине мира представляются героями, ведущими «битву за свободу и независимость», а борцы с нацизмом — «агрессорами» и «оккупантами». Доходит до абсурда. Россию, внесшую ценой десятков миллионов жизней решающий вклад в победу над гитлеровской Германией, давая на самые низменные эмоции обывателей, сравни-

вают с Третьим рейхом, а киевский режим, годами покровительствовавший неонацизму, выставляют эдаким «движением сопротивления», особенно активно апеллируя к еврейскому происхождению В.Зеленского. Все по Оруэллу.

Как и любая ложь, эта кампания по дезинформации отталкивается от некоторых непреложных фактов, которые затем ставят с ног на голову. Действительно, в украинской политической, деловой и культурной жизни евреи исторически играют крайне существенную роль. Во многих районах страны, особенно в юго-восточных областях, они традиционно являются важнейшей частью интеллектуальной и творческой элиты. Показательно, что украинское еврейское сообщество, пройдя через все потрясения XX века, не растеряло свою уникальную идентичность, сохранив крепкие

и надежные связи и с Землей обетованной, и с общинами по всему миру.

Идентичность эта базировалась не только на этнических и религиозных факторах, но и на трагическом историческом опыте. Именно украинские евреи в наивысшей степени ощутили на себе удар нацистских орд в годы Великой Отечественной войны и оказались перед лицом физического уничтожения, которое методично осуществлялось в том числе силами местных коллаборантов, таких как УПА, ОУН, Полеская сечь и др. Только несгибаемая сила воли и помощь Красной армии позволила избежать воплощения бесчеловечных планов рейха и его соучастников в жизнь. Память об этих страшных временах и сегодня объединяет евреев Украины, верных своим традициям и историческому наследию. Наследию, которое на протяжении последних тридцати лет, и особенно — после событий 2014 года, безжалостно пытались осквернить и уничтожить экстремисты и националисты, объявившие себя учениками пособников Холокоста — С.Бандеры и Р. Шухевича.

Три года назад Зеленский победил на выборах в первую очередь за счет голосов тех слоев населения, которые устали от героизации нацизма и оплевывания памяти о Великой Отечественной войне при предыдущем руководстве. От него искренне ждали не только решительных шагов по установлению мира на Донбассе, но и ликвидации неонацистских формирований, которые в статусе ветеранов Майдана и «антитеррористической операции» (еще одна формулировка в стиле Оруэлла) пользовались иммунитетом и безнаказанностью. Однако оказавшись в уютном кабинете на Банковой улице, Зеленский выбрал путь наименьшего сопротивления.

Он предпочел закрывать глаза на факельные нацистские шествия, которые из года в год принимали все более массовые масштабы, и на риторику ненависти, все громче звучащую в Киеве. Пока ведущие мировые издания (например, журнал *Harper's Magazine*) писали об атмосфере страха и нетерпимости, создававшихся неонацистами в северо-западных городах, в частности, в Ужгороде, и о нападениях на активистов в столице, команда Зеленского твердила о том, что стоявшие за этими событиями силы политически маргинальны и якобы не представляют никакой угрозы. Лидерам этих формирований —

батальон «Азов» (сегодня превратившего Мариуполь в новый Сталинград), группировки С14, обласканных мэрией Киева «Национальных дружин», партии «Правый сектор» и многих других — создавали теплый «режим наибольшего благоприятствования». Десятки праворадикальных организаций, не скрывавших своего расизма и антисемитизма, устанавливали тесные связи с единомышленниками за рубежом. Украина быстро превратилась в центр международного нацистского интернационала.

Неподсудность его идеологов и выданная им санкция на произвол резко контрастировали с результатами, которые околонуцистские политические силы получали на выборах. Украинское общество решительно и последовательно отвергало их, тогда как киевские политико-олигархические круги цинично пестовали, чтобы использовать для запугивания оппонентов и подготовки окончательного решения «донбасского вопроса». В этой ситуации еврей, внук ветеранов Великой войны Зеленский оказался замечательной ширмой, которой можно было прикрывать скатывание страны к «ценностным ориентирам» УПА и ОУН. Вместо бережной заботы о памяти об исторических драмах своего народа, Зеленский, размахивая происхождением как охранной грамотой, прикрывал трансформацию Украины в государство, где евреи могли оказаться перед угрозой новых погромов. Это не гипербола. В 2018 году радикалы из группировки С14 при попустительстве местных властей разгромили и сожгли в Киеве цыганские лагеря. Можно только гадать, какие еще планы вынашивались украинскими нацистами. Вполне возможно, что именно вмешательство России и усилия по ликвидации этих, по сути, бандформирований спасли местных евреев от очередной цепочки трагических событий.

Но главное преступление В. Зеленского перед своим народом заключалось в попытке стереть память о его боли и победах 1940-х годов, подменив ее новой версией истории. Десятилетиями жители Украины, независимо от национальности — будь то русские, евреи, цыгане, румыны, венгры, вспоминали о подвиге советского народа, который не просто встал на пути у бесчеловечной машины — Третьего рейха, а разрушил ее, остановил Холокост, освободил Европу от этого зла, как тогда казалось,

раз и навсегда. Сегодня, переписывая учебники истории, борясь с тенью героического прошлого и представляя общественности новых «героев», некогда с гордостью носивших форму рейха, киевские власти пытаются заставить молодое поколение украинцев устыдиться Великой Победы и мысленно сочувствовать захватчикам. Полностью в духе нынешней эпохи «постправды» именно человек с еврейскими корнями был выбран «адвокатом» этой аморальной линии. По его призыву даже страны-участницы антигитлеровской коалиции сегодня отправляют деньги и вооружение на помощь батальонам нацистов, противостоящим наследникам победоносной Красной армии. Рано или поздно это безумие закончится. Но чтобы ускорить финал, свой голос должны подать те, кто больше всего пострадал от национал-социализма и поклялся никогда больше не допустить возвращения в политику адептов этой бесчеловечной идеологии.

Как сказано в Библии, «тот, кто лжет и не покаяется, будет изгнан» (У. и З. 42:21). Президент Зеленский многократно солгал, заявляя о том, что в его стране нет нацистов. Он предал свой народ, бесстыдно и демонстративно. Конечно, изгнать его могут лишь граждане Украины, но мы все способны помочь им, не замалчивая эту проблему и, даже в условиях беспрецедентного противостояния, оставаясь верными своим убеждениям и памяти о подвигах и страданиях наших предков.

Сегодня мы видим, что страны «победившей демократии» так и не научились делать выводы из своих ошибок. Как и в ситуации с молодым СССР, США и их сателлиты надменно уверены в своих силах. В ежедневном режиме повторяются мантры о том, что Россия в результате объявленной ей санкционной войны беспрецедентно изолирована, но, похоже, на Западе занимаются банальным самовнушением. Дебаты в Генассамблее ООН, которые с маниакальной настойчивостью инициирует Вашингтон, дабы найти подтверждение собственной пропаганде, дают совсем иную картину. К примеру, страны Азии и Африки, в большинстве своем, демонстративно отказались поддерживать инициативу по исключению России из Совета по правам человека, не голосуя, выступив «против» или воздержавшись. Да и из тех, кто, что называется, взял под козы-

рек, много ли искренних сторонников «отмены России»? Или их представители нажимают нужную кнопку, столкнувшись, как подробно объяснил президент А. Вучич, с беспрецедентным и агрессивным давлением? Если приглядеться, якобы сколоченная Байденом антироссийская коалиция — типичный колосс на глиняных ногах. Она базируется на принуждении, вассальной зависимости, лжи и пропаганде.

Раздражение американской стратегией будет неизбежно и стремительно нарастать по нескольким причинам. Во-первых, на дворе давно не 90-е годы, когда в мире существовал один полноценный центр силы. Для многих стран бывшего «третьего мира» ориентиром уже много лет является не Вашингтон, а региональные державы — страны БРИКС и их партнеры, которые, к нескрываемому раздражению США, все не стремятся маршировать в общем строю под командованием «просвещенного» Запада. В тот момент, когда будут созданы механизмы по обходу вторичных санкций и минимизации издержек от невыполнения американских ультиматумов — а соответствующая работа идет полным ходом — региональные экономические системы по сигналу из Пекина, Нью-Дели, Претории, Бразилии и стран ОПЕК, смогут оперативно перестроиться на еще более интенсивное сотрудничество с Москвой. А тогда и нужда в лишнем политесе и выслушивании лекций евро-атлантистов быстро пропадет.

Во-вторых, уже сегодня украинский конфликт для большинства развивающихся государств является малоинтересным отдаленным эпизодом, тогда как масштабный продовольственный кризис, вызванный перебоями в поставках зерна, рост цен на энергоносители, коллапс логистических цепочек — проблемы куда более реальные и осязаемые. По мере усиления внутреннего напряжения, вызванного обнищанием и голоданием населения, открыто продвигаемая Евро-союзом идея победы над Россией на поле боя в войне до последнего украинца, будет выглядеть в глазах африканских, азиатских и, потенциально, латиноамериканских правительств все более циничной и оторванной от реальности, в которой живут и страдают их граждане.

В-третьих, и это, пожалуй, самый важный момент, тот самый вчерашний «третий мир» прекрасно знает цену американским заявлени-

ям о борьбе за демократию и хорошо понимает, что имеет в виду Президент России В.В. Путин, говоря про «империю лжи». Не США ли вместе с Европой годами поддерживали диктатуры по всей планете, жестоко подавлявшие национально-освободительные движения? Разве не они провоцировали перевороты, кровопролитные восстания и гражданские войны для достижения своих весьма прагматичных идеологических и экономических целей? Да и интервенции с катастрофическими последствиями, причем под сфальсифицированными предлогами, за пределами страдающего коллективным алцгеймером Запада памятливы практически всем. Соответственно, и доверия к американской позиции по украинскому вопросу у видевших реальное лицо Вашингтона государств немного.

Не говоря уже о том, что сам киевский режим, одновременно героизирующий поборников нацизма и насильно внедрявший так называемые либеральные европейские ценности в культуру, основанную на традиционализме, точно не был образцом для других развивающихся стран. В Африке и Азии прекрасно понимают, что из себя представляет протянутая Западом рука дружбы. Там найдется немного правительств, которые так или иначе не ощутили беспардонное давление, в том числе санкционное,

как по незначительным вопросам (например, о правах трансгендеров и гей-браках), так и в критически важных областях. В частности, в том, что касается борьбы с терроризмом, где призывы США к инклюзивности, соблюдению прав человека, показной гуманности, выдавали полное непонимание местной специфики и подрывали эффективность противостояния этому злу. Им куда легче почувствовать солидарность с «отменяемой» Россией, чем с полулегитимным, марионеточным украинским режимом.

Запустив процессы по изоляции нашей страны, Запад, как и век назад, попал в плен собственных иллюзий. Мир намного ярче и многообразнее, плюралистичнее, чем его представляют в вашингтонских и брюссельских кабинетах. Де-факто, американо-европейский альянс, навязывая развивающимся странам эгоистичную и игнорирующую их чаяния игру, скорее, самоизолируется. «Отмена России» превращается в фарс, но фарс с далеко идущими последствиями. Поставив на кон все свое влияние в борьбе за выживание украинского проекта «анти-Россия», США и их союзники идут прямым курсом к окончательной утрате гегемонии даже в тех частях планеты, где она по недоразумению до сих пор сохранялась. И очередь из желающих заполнить возникшие лакуны уже выстраивается.

I.L. KARDASH

И.Л. КАРДАШ

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ ЗАПАДА ПО ВОЕННОЙ КОНФРОНТАЦИИ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

HISTORICAL ASPECTS OF THE WEST'S POLICY OF MILITARY CONFRONTATION BETWEEN UKRAINE AND RUSSIA

В статье освещаются различные аспекты политики Запада по нацификации и милитаризации Украины, результатом чего стало превращение Украины в очаг военной напряженности в регионе и прямую угрозу национальной безопасности Российской Федерации. На фактических примерах показана сущность политики Запада, направленной не на Украину, а на подрыв государственных устоев России — в экономическом, политическом, военном смысле, используя при этом Украину исключительно как средство для достижения своих целей.

The article highlights various aspects of the West's policy of Nazification and militarization of Ukraine, which resulted in the transformation of Ukraine into a hotbed of military tension in the region and a direct threat to the national security of the Russian Federation. The actual examples show the essence of the West's policy aimed not at Ukraine, but at undermining the state foundations of Russia — in an economic, political, military sense, while using Ukraine exclusively as a means to achieve its goals.

Ключевые слова: Нацификация, милитаризация, поставки военной продукции, нелетальное оружие, летальное оружие, военные учения, военная подготовка.

Keywords: Nazification, militarization, supplies of military products, non-lethal weapons, lethal weapons, military exercises, military training.

В своем обращении к народу России 24 февраля 2022 года Президент Российской Федерации В.В. Путин четко определил цели проведения специальной военной операции на территории Украины: «Нам с вами просто не оставили ни одной другой возможности защитить Россию, наших людей ...

... мною принято решение о проведении специальной военной операции. Ее цель — защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины...»¹.

Другими словами, были открыто названы основные составляющие политики Запада по отношению к Украине, направленные, прежде всего, против Российской Федерации — это нацификация и милитаризация.

Эта политика сформировалась не сегодня и не вчера — примеры деятельности западных, прежде всего, европейских политиков, можно найти в недавнем историческом прошлом.

При этом исключительно важным является правдивое освещение этих событий, представление фактов, которые убедительно докажут несостоятельность утверждений как западных политиков, так и их отечественных «коллег», составляющих сегодня «пятую колонну», откровенно и явно противодействующих решению задачи, определенной руководителем государства и поддержанной подавляющим большинством граждан России, причем делающих это за спиной истинных патриотов, не жалеющих своих жизней для ликвидации неонацистской угрозы.

Характерный и яркий пример политики Запада в части нацификации Украины и использования ее результатов — одна из наиболее болезненных страниц истории российско-украинских отношений — деятельность вооруженного националистического подполья на Западной Украине в 40–50-х годах XX века. Именно здесь можно обнаружить истоки зарождения и оформления националистического движения, в отношении которого в настоящий момент на территории современной Украины предпринимаются активные попытки полити-

ческой и юридической реабилитации его участников.

Анализ истории развития украинского национализма позволяет утверждать, что с самого момента своего зарождения он нес в себе элементы фашизма и тоталитаризма. При этом несмотря на то, что, по ряду оценок, украинский национализм имел самостоятельное происхождение и коренился в собственном обществе, он активно использовался западными странами в своих интересах, прежде всего, в целях противостояния с Советским Союзом.

Созданная в 1920 году в Праге «Украинская военная организация»², существуя на средства польской и немецкой разведок и активно сотрудничая с ними, в основу деятельности поставила борьбу против Советского Союза, то есть подготовку против него новой интервенции. Новая организация — «Организация украинских националистов»³, созданная в 1929 году, в которую УВО вошла как составная часть и боевое ядро, имела те же цели, при этом активно осуществляя шпионскую деятельность в Польше в пользу Германии, в то же время сотрудничая с польским Генеральным штабом и польской разведкой, снабжая их своими людьми для шпионской, диверсионной деятельности в других странах и, в первую очередь, в СССР.

С приходом к власти в Германии Адольфа Гитлера оуновцы стали проводить активную националистическую пропаганду среди украинского населения на территории Западной Украины под лозунгом мобилизации его на борьбу за создание «самостоятельной соборной Украинской Державы». Одним из лидеров ОУН стал Степан Бандера⁴.

Для подготовки кадров украинских националистов был создан ряд школ, а в Берлине для членов ОУН была открыта Центральная академия.

Немцы всемерно содействовали ОУН в ее практической деятельности, предоставляли в Германии убежище для украинских националистов — эмигрантов и финансировали организацию. Издаваемая ею газета «Сурма», бюллетени ОУН и другая националистическая

² Далее — УВО.

³ Далее — ОУН.

⁴ С июня 1933 г. — глава национального исполнительного органа ОУН в Галиции, с 1940 г. — глава радикальной фракции ОУН — ОУН-Б.

¹ <https://www.1tv.ru/news/2022-02-24/421654>

литература печатались в Германии. Часть нелегально издавалась на территории Польши в Кракове, а также во Львове и других городах Западной Украины на средства немецкого правительства.

Вскоре после установления советской власти на Западной Украине немцы провели на территории оккупированной ими Польши ряд мероприятий по созданию украинских националистических военных формирований, предназначенных для подготовки оуновских кадров к интервенции против Советского Союза. Наличие украинских националистических военных формирований было установлено во всех городах и местечках, граничивших с УССР. Одновременно на территории Польши и в самой Германии началась усиленная массовая подготовка большого количества шпионов, диверсантов, парашютистов, переводчиков, проводников войсковых частей из числа украинских националистов.

Дальнейший ход событий свидетельствует о том, что оуновцы оказали значительные услуги немцам в начале Второй мировой войны, и особенно во время вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз.

Деятельность ОУН в этот период состояла в активизации антисоветской националистической агитации, расширении сети своей организации, подготовке националистических повстанческих кадров для вооруженной борьбы против советской власти на случай военного нападения фашистской Германии на СССР, то есть созданию в советском тылу пятой колонны.

И это лишь один из примеров политики Запада в вопросе организации и инициирования военной конфронтации Украины и России.

После Второй мировой войны, оказавшись в США, украинские националисты стали организовывать «комитеты поработенных народов», получив в Америке карт-бланш на то, что бы представлять народы Восточной Европы.

В начале 1950-х годов в Соединенные Штаты переселились не менее 10 тыс. ультра-националистов из различных стран Восточной Европы. Они были связаны с Национальным комитетом Республиканской партии, потому что в Америку их привезла администрация Эйзенхауэра.

Позже, когда на посту президента США находился уже Р. Никсон, националисты были включены в Национальный комитет, тем самым получив постоянное присутствие в Республиканской партии.

С того момента, когда ОУН стала получать помощь от высокопоставленных представителей американского разведывательного сообщества, ее члены были внедрены в различные организации в Европе, в том числе радиовещательные (включая «Радио Свободная Европа / Радио Свобода», отнесенную в РФ к числу СМИ-иноагентов). Там они разрабатывали различные операции и пытались проводить работу внутри стран, входивших в Варшавский договор. После распада СССР многие из них переехали на Украину, а также в другие страны и готовили свои операции уже там. Они возродили ветеранскую организацию военнослужащих войск СС, в 1990-х годах проводили марши на Украине и организовывали политические партии при поддержке Соединенных Штатов, а также приняли участие в так называемой «оранжевой революции» в 2004 году.

Президент Украины Виктор Ющенко был тесно связан с нацистскими организациями. Они активно сотрудничали с новым правительством и добились получения ветеранских льгот для бывших членов украинской дивизии СС. Кроме того, они начали устанавливать памятники, организовывать мемориалы и музеи Степана Бандеры, который был лидером ОУН.

В целом же, смышлением, сохранившимся со времен холодной войны, политики США разжигали антироссийских настроения в Восточной Европе, потворствуя европейским и украинским неонацистам, что неоднократно замечалось и критиковалось специалистами в области международных отношений.

Один из характерных примеров — покровительство Белого дома неонацистским организациям, которые активно устанавливали и продолжают устанавливать контакты с украинскими «коллегами».

Также ярким примером политики Запада является роль официальных кругов США в поддержке неонацистского батальона «Азов» (запрещен в РФ). Несмотря на свой официальный статус (подразделение Национальной гвардии Украины), батальон известен на Западе своей

экстремальной неонацистской позицией. Есть основания полагать, что американские политики, военные и представители спецслужб имели налаженные связи с «Азовом» и использовали членов батальона для разжигания антироссийского экстремизма в Восточной Европе.

С момента основания батальона в 2014 году многие американские СМИ отмечали контакты «Азова» с различными ведомствами США. С 2015 года ЦРУ тайно тренировало украинских военных, в том числе регулярно направляя своих оперативных работников на передовую для проведения консультаций.

В 2015 году Конгресс США отменил запрет на финансирование неонацистских группировок, а в 2021 году Америка была одной из двух стран, наложивших вето на проект резолюции ООН, осуждающей восхваление нацизма и всех практик, способствующих разжиганию современных форм нацизма. Второй была Украина.

Таким образом, западные страны, и прежде всего, США, последовательно поддерживали процесс нацификации Украины, умело направляя его в русло антисоветской, позже — антироссийской деятельности.

Истоки современной политики Запада в отношении Украины точно сформулировал Збигнев Бжезинский⁵ в своей книге «Великая шахматная доска»:

«Решимости Украины сохранить свою независимость способствовала поддержка извне. Несмотря на то, что первоначально Запад, и особенно Соединенные Штаты, запоздал признать важное с точки зрения геополитики значение существования самостоятельного украинского государства, к середине 90-х годов и США, и Германия стали твердыми сторонниками самостоятельности Киева. В июле 1996 года министр обороны США заявил: «Я не могу переоценить значения существования Украины как самостоятельного государства для безопасности и стабильности всей Европы», а в сентябре того же года канцлер Германии, невзирая на его мощную поддержку президента Ельцина, пошел еще дальше, сказав, что «прочное место Украины в Европе не может больше

кем-либо подвергаться сомнению... Больше никто не сможет оспаривать независимость и территориальную целостность Украины». Лица, формулирующие политику США, также начали называть американско-украинские отношения «стратегическим партнерством», сознательно используя то же выражение, которое определяло американско-российские отношения» [3].

На деле эта политика выразилась во всемерной поддержке, а по сути — в инициировании милитаризации Украины, которая широко масштабно развивалась по ряду направлений: это вооружение Украины, поощрение ее устремлений к вступлению в НАТО, подготовка личного состава к ведению боевых действий (в том числе к осуществлению диверсионно-террористической деятельности против мирного населения).

Милитаризация страны началась еще в 2014 году сразу после госпереворота, приведшего к образованию Донецкой и Луганской народных республик (далее — ДНР и ЛНР). Первыми оказывать помощь начали США и Литва, позже присоединились Великобритания, Польша, Румыния, Чехия, Болгария, Эстония и Канада. Крупнейшими оказались поставки США, по данным Пентагона, с 2014 по 2022 год они поддержали военный потенциал Украины на более чем 2,7 млрд долл. Еще до начала специальной военной операции на Украине страна приняла около 50 военнотранспортных самолетов из США, Великобритании и других стран. Только за февраль 2022 года получила 2 тыс. т вооружения, боеприпасов и средств защиты.

Конгресс США в 2014 году принял акт «О поддержке свободы Украины», (Ukraine Freedom Support Act of 2014) разрешающий им поставку американского оружия на безвозмездной основе и оказание помощи в подготовке украинских войск. В частности, главе Белого дома предлагалось начать передачу Киеву оружия, в первую очередь, противотанкового и бронебойного, а также личного оружия и боеприпасов. На осуществление этой статьи в 2015 финансовому году правительству США разрешалось израсходовать 350 млн долларов.

Сначала США поставляли нелетальные виды вооружений. В 2015–2017 годах они передали Украине бронемашину Humvee, рации,

⁵ Американский политик, 1966–1968 гг. — член совета планирования Государственного департамента США; автор глобальной стратегии антикоммунизма; автор концепции расширения НАТО на Восток.

разведывательные беспилотники Raven, радиолокационные станции AN/TPQ-36 «Fire-finder». Решение о поставках нелетального оружия в 2017 году приняла администрация президента Дональда Трампа.

ABC News со ссылкой на источники в Госдепе сообщило, что в 2018 году Украина получила от США первую партию противотанковых ракетных комплексов⁶ Javelin («Джавелин») — 35 единиц и 210 ракет к ним. В октябре 2019 года на Украину отправились еще 150 ракет и два комплекса Javelin.

Также в 2018 году Национальная гвардия Украины получила 500 американских РПГ RSRL-1. В 2019 году у Украины появились шесть ударных турецких беспилотников «Bayraktar-TB-2», еще шесть Турция отправила Украине в июле 2021 года.

Как сообщается на сайте Белого дома, в августе 2021 года президент США Джозеф Байден распорядился выделить Украине 60 млн долл. из бюджета Пентагона. На эту сумму осенью США отправили на Украину боеприпасы, высокоточное вооружение и средства радиолокационного наблюдения, медицинские средства, 30 ПТРК Javelin и 180 боеприпасов к ним.

В январе 2021 года США отправили на Украину более 170 т оружия — одноразовых гранатометов M141 «Bunker Defeat Munition» или SMAW-D и ПТРК Javelin.

С сентября 2021 года США неоднократно предъявляли России обвинения в готовящемся нападении на Украину, на этом фоне поставками ей вооружения активно занялись и другие страны НАТО.

По информации украинских СМИ, Украина получила около 2 тыс. противотанковых комплексов NLAW от Великобритании, более 4 тыс. артиллерийских боеприпасов калибра 152 мм от Чехии, ПТРК Javelin от Эстонии, зенитные комплексы Stinger от Латвии и Литвы.

С началом специальной военной операции к поставкам вооружений на Украину присоединились ФРГ (1 тыс. единиц противотанкового оружия и 500 ракет Stinger), Нидерланды (400 базук германского производства), Франция, готовность к поставкам наступательного вооружения выразила Испания.

Возможность установления отношений с НАТО и ЕС Украина начала рассматривать сразу после обретения независимости. В НАТО сразу же оценили этот шаг. Украина становилась в данных условиях мостом между Западной и Восточной Европой, продвигая возможности НАТО на восток.

Официальные отношения между НАТО и Украиной начались уже в 1991 году, когда Украина присоединилась к Совету Североатлантического сотрудничества (затем его сменил Совет Евроатлантического пространства). В 1994 году Украина стала первым государством — членом СНГ, присоединившегося к программе «Партнерство ради мира». В дальнейшем она продемонстрировала свою лояльность, оказав поддержку миротворческим операциям НАТО на Балканах.

9 июля 1997 года в Мадриде украинский президент и главы государств и правительств стран НАТО подписали «Хартию об особом партнерстве» между НАТО и Украиной. Этот документ стал официальной основой отношений между НАТО и Украиной. В соответствии с хартией была создана комиссия НАТО—Украина (далее — комиссия), которая являлась руководящим органом, ответственным за развитие отношений между НАТО и Украиной и определяла направления совместной деятельности. В этой комиссии представлены все государства — члены НАТО и Украина. Для продвижения вперед работы в конкретных областях были созданы совместные рабочие группы по вопросам:

- военной реформы, вооружения;
- экономической безопасности;
- научной и экологической безопасности;
- кризисного урегулирования и гражданского чрезвычайного планирования [2].

В мае 2002 года политическое руководство Украины поставило цель в будущем вступить в НАТО. В этом же месяце на встрече комиссии в Рейкьявике министры иностранных дел подчеркнули свое желание вывести эти отношения на качественно новый уровень посредством консультаций и сотрудничества в политической, экономической и оборонной сферах. В том же году на заседании комиссии в Праге был принят план действий НАТО—Украина. Его цель — выделить стратегические задачи Украины, ее приоритеты в реализации по полной

⁶ Далее — ПТРК.

интеграции в североатлантические структуры альянса. Подчеркивалось, что помощь Украине в преобразовании системы обороны и безопасности — является основным приоритетом сотрудничества между НАТО и Украиной [2].

Для обозначения выполнения плана действий в рамках НАТО—Украина разрабатывались годовые планы, которые комиссия раз в полгода оценивает на своих заседаниях проделанную работу и делает доклад о достигнутых результатах. Так, оценивая результаты за первую половину 2004 года, НАТО обратило внимание руководителей Украины на организацию и проведение выборов, работу СМИ, создание внутреннего законодательства, судебной власти, на реформы в области безопасности и обороны, и был сделан вывод о необходимой глубокой реорганизации системы обороны Украины в сочетании с модернизацией ВСУ на основе технического перевооружения, основанного на стандартах НАТО.

25 апреля 2005 года на встрече министров иностранных дел комиссии в Вильнюсе Украина и НАТО начали конкретный диалог в стремлении Украины вступить в НАТО, а первый практический шаг был сделан во время визита генерального секретаря НАТО в Киев 27 июля 2005 года, когда украинское правительство представило свой исходящий документ для обсуждения этого вопроса. В нем были рассмотрены вопросы внутренней и внешней политики, обороны и реформ в сфере безопасности.

До момента начала специальной военной операции Украина являлась ключевым региональным стратегическим партнером США, которая направляла колоссальные усилия на проведение реформ ВСУ и повышение их оперативно-боевой совместимости с вооруженными силами стран-участниц НАТО. США продолжают поддерживать Украину в ее стремлениях к Евро-Атлантической солидарности. В американо-украинском пакте о стратегическом партнерстве основное внимание уделяется важности поддержания двустороннего сотрудничества и дальнейшей приверженности обязательствам со стороны США поддерживать нацеленность Украины на взаимодействие с НАТО. Соединенные Штаты Америки и их союзники сформировали Межгосударственную совместную комиссию и Со-

вместный межгосударственный учебно-тренировочный центр по координации действий, направленных на оказание помощи Украине в создании необходимых оборонных возможностей [2].

С 2014 года по всей стране американцы создавали сеть военно-тренировочных баз, которые постоянно расширялись. Все строительные и финансовые вопросы находились под непосредственным контролем США.

Основной площадкой для тренировки украинских военных натовскими инструкторами стал Яворовский полигон во Львовской области. Здесь располагались 200 американских, 250 канадских военспецов, личный состав которых периодически сменялся. Военнослужащие ВСУ готовились по американской программе JMTG-U (Объединенная многонациональная тактическая группа) — обучение ведению боя, индивидуальная подготовка, работа штабов, тактическая медицина. С 2015 года прошли обучение около 6 тыс. украинских военнослужащих.

В 2017 году в поселке Стрый Киевской области американцами был развернут еще один международный центр профессиональной подготовки, в который вложили 20 млн долларов.

Также по натовским стандартам и программам работали ведущие военные учебные заведения Украины. Их регулярно посещали натовские делегации, при этом обращалось внимание не только на образовательные программы, но и текущее состояние вузов на предмет соответствия стандартам НАТО.

Все натовские военные программы выполняли главную задачу — продвижение положительного облика блока в украинское общество, особенно на пророссийском юго-востоке. Не меньшую роль в этом направлении играли совместные военные учения, как на территории Украины, так и государств НАТО.

Общая численность иностранного военного присутствия на территории Украины составляла от 5 до 10 тыс. человек. Натовцы не только изучали эту войну, но и осуществляли практическую подготовку всех подразделений ВСУ.

О политике милитаризации Украины говорят как активизация НАТО по вовлечению Украины в деятельность организации, так и количество учений, которые проходили с участием

военнослужащих ВСУ, в том числе и на территории Украины.

Сотрудничество Украины и НАТО началось 8 февраля 1994 года в рамках программы «Партнерство ради мира». В соответствии с указанной программой уже в октябре 1994 года на территории Нидерландов прошли учения сухопутных войск Великобритании, Литвы, Польши, Словакии, США, ФРГ, Чехии, Швеции, Украины и Эстонии. Целью учений являлась организация взаимодействия в звене «взвод — рота» в ходе миротворческих операций.

9 июля 1997 года НАТО и Украина подписали «Хартию об особом партнерстве», а в 2000 году было подписано «Соглашение о статусе сил».

В 2002 году НАТО и Украина приняли план действий НАТО—Украина. В этом же году на территории Украины были проведены учения «Cooperative Adventure-2002», которые стали самыми масштабными учениями НАТО на территории стран СНГ.

После прихода к власти президента Виктора Ющенко в 2004 году сотрудничество с НАТО активизировалось, а с 2014 года развернулось на новом уровне:

- 12 марта 2014 украинская военная делегация выехала в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, где обсудили «направления усиления сотрудничества» Украины и НАТО;

- 1 апреля 2014 Верховная Рада поддержала проект закона об одобрении решения президента Украины о допуске подразделений вооруженных сил других государств на территорию Украины в 2014 году для участия в многонациональных учениях.

Что касается совместных учений, начиная с 1995 года военные учения подразделений и военнослужащих вооруженных сил Украины с участием военнослужащих и войсковых частей стран НАТО проходили на территории Украины, в акватории Черного моря и на территории других государств.

Среди них:

- «Щит мира» (ежегодно с 1995 по 2002 год, Украина — США (в 2003 году они были проведены еще раз, под наименованием «Щит мира-2003»);

- «Sea Breeze» (ежегодные военно-морские учения начиная с 1997 года). Последний пример — крупные военно-морские учения «Sea Breeze 2021» с участием войск Украины и стран

НАТО пошли с 28 июня по 10 июля 2021 г. в акватории Черного моря);

- «Maple Arch» (регулярные совместные канадско-польско-литовско-украинские военные учения, с 2004 года);

- «Rapid Trident» (регулярные совместные учения на территории Львовской области).

В целом, с 2005—2006 года Украина ежегодно принимает участие в пяти — шести учениях со странами НАТО.

Кроме того, украинские военнослужащие периодически участвуют в учениях на территории стран НАТО:

- в августе 1995 года Украина направила усиленный взвод (50 военнослужащих) в объединенный центр боевой подготовки для участия в учениях «Cooperative Nugget 95» в штате Луизиана;

- в сентябре 2012 года военнослужащие 80-го отдельного аэромобильного полка воздушно-десантных войск Украины и курсанты Академии сухопутных войск совместно с военнослужащими Канады, Литвы и Польши участвовали в десятидневных тактических учениях «Maple Arch-2012» на полигоне Пабраде в Литве; их обучали использованию автоматов АК-4, пулеметов FN MAG, радиостанций, управлению бронетранспортерами M113 и ведению боевых действий в городских условиях;

- в марте — апреле 2014 года 15 офицеров украинской армии участвовали в командно-штабных учениях «Saber Guardian-2014» на территории Болгарии.

В соответствии с государственной партнерской программой Украина является партнером национальной гвардии штата Калифорния. Все последние 28 лет национальная гвардия штата Калифорния проводит регулярные тренировки с украинскими частями национальной гвардии, оказывая поддержку в модернизации ее системы.

И еще важный факт: 6 августа 2008 года, за два дня до войны в Южной Осетии, в рамках двухсторонних украино-грузинских соглашений в Грузию была отправлена группа из 19 украинских военных под командованием командира роты отдельного полка спецназначения капитана Ивана Мамчура — «для обучения навыкам ведения боевых действий в горах в теории и на практике» и «знакомства со стандартами НАТО

под руководством опытных инструкторов». После начала войны их вернули обратно.

8 февраля 2021 года президент Украины подписал закон «Об одобрении решения президента Украины и допуске подразделений ВС других государств на территорию Украины в 2021 году для участия в многонациональных учениях». Всего предполагалось проведение восьми многонациональных учений на территории Украины, к участию в которых планировалось привлечь около 21 тыс. украинских военнослужащих и около 11 тыс. иностранных участников. Среди них: многонациональные учения по подготовке подразделений вооруженных сил, украинско-американские учения Rapid Trident – 2021 («Рапид Трайдент – 2021»), украинско-британские учения Kozak Mace – 2021 («Козак Мейс – 2021»), украинско-американские учения Sea Breeze – 2021 («Си Бриз – 2021»), украинско-румынские учения Riverine – 2021 («Риверайн – 2021»), украинско-британские учения Warrior Watcher – 2021 («Вориер Вотчер – 2021»), украинско-польские учения «Три Меча – 2021» и «Silver Saber – 2021» («Сильвер Сэйбер – 2021») [2].

Многонациональные военные учения «Три меча – 2021» с участием военнослужащих Украины, Польши, Литвы и США, прошедшие с 17 по 30 июля 2021 года на территории Украины,

можно рассматривать как непосредственную подготовку к боевым действиям на территории ДНР и ЛНР.

Таким образом, сущность политики Запада во главе с США по отношению к Украине с самого момента ее оформления в качестве государственного образования состояла в разжигании и всемерной поддержке националистических устремлений, причем с четким определением главного врага – сначала это был Советский Союз, затем – Россия. Для этого использовались все средства: от скрытого и прямого финансирования радикалов до открытых поставок вооружений, в том числе летальных, а также подготовки вооруженных сил к ведению боевых действий.

Несмотря на неоднократные предупреждения руководства Российской Федерации об опасности, которую несет в себе подобная политика, надлежащих выводов сделано не было. Результат – потери, которые несут мирное население Украины, военнослужащие Российской Федерации, ДНР и ЛНР, огромный материальный ущерб.

В этих условиях Российская Федерация, ее Вооруженные Силы, другие войска осуществляют историческую миссию, проводя специальную военную операцию по денацификации и демилитаризации Украины.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Альшаева И. Мишени для российских ракет. // «Независимое военное обозрение» – еженедельное приложение к «Независимой газете» № 9 (1180), 11–17 марта 2022 года.
2. Баранов В.П. Украина-НАТО: проект «Анти-Россия». // Военно-теоретический журнал «Военная мысль» № 1. – М.: «Военная мысль», 2022. – с. 78–85.
3. Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. – М.: АСТ, ISBN: 978–5–17–106452–5, 2021, 384 с.
4. Климов А., Андреев К. Украинский национализм: история вопроса // «Красная звезда» – газета Вооруженных Сил Российской Федерации № 030 (27 802) от 21 марта 2022 г. // <http://redstar.ru/>.
5. Семенченко И. Школа НАТО. // «Военно-промышленный курьер» – общероссийская еженедельная газета № 9 (922), 15–21 марта 2022 года.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС КАК СЛЕДСТВИЕ ПОЛИТИКИ США И ИХ СОЮЗНИКОВ (КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА) ПО СОЗДАНИЮ ПОЯСА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ОКРУЖЕНИЯ РОССИИ UKRAINIAN CRISIS AS A RESULT OF THE USA AND ITS ALLIES POLICY TO CREATE A STRATEGIC ENVIRONMENT BELT AROUND RUSSIA

В статье рассматриваются задачи, решаемые США в «гибридной войне» с использованием нацистской Украины против Российской Федерации.

The article deals with the USA objectives in hybrid war against Russia, where it uses the nazi forces of Ukraine.

Ключевые слова: «гибридная война», «гибридные угрозы», многосферный международный конфликт, стадии «гибридной войны», способы ведения «гибридной войны», гражданская война с использованием иррегулярных вооруженных формирований.

Keywords: “hybrid war”, “hybrid threats”, multidimensional interstate conflict, “hybrid war” stages, ways of doing “hybrid war”, civil war militant forces.

Многие десятилетия США формировали однополярную систему глобального геополитического влияния, используя для этого принудительную демократизацию незападных стран с помощью управляемых политических трансформаций. Превосходство России в военно-политической сфере, а Китая — в экономической сфере не оставляют шансов для США и далее диктовать странам мира правила международных отношений. Поэтому современное состояние международных отношений характеризуется резким обострением региональной военно-политической обстановки в Европе, обусловленное антагонистическими цивилизационными противоречиями между Коллективным Западом и Россией.

Украинский военно-политический кризис является следствием экспансионистской внешней политики США, стремящихся подрывными методами создать хаос в странах Ближнего зарубежья, втянуть Россию в локальные военные конфликты по периметру своих границ. А в перспективе и в «горячую войну» с НАТО. Примером этого является многолетнее «накачивание» нацистской Украины оружием и подталкивание ее к войне с Россией.

Американская эскалация военно-политической обстановки на Украине в начале 2022 г. привела к открытой конфронтации между Коллективным Западом и Российской Федерацией.

Известный американский «ястреб» Бжезинский в своих выступлениях 1990-х гг. так выражал смысл российского вектора американского внешнеполитического курса: «Россия и православная цивилизация в целом являются реальной угрозой для США и «свободного мира». Важно помнить это и не допустить возможности повторного объединения славянских народов (России, Украины, Белоруссии), так как именно эти страны составляют сердцевину антагонистической нам православной цивилизации ... В силу даже этой гипотетической возможности возродиться в качестве альтернативной США православной империи данная страна (Россия) подлежит поэтапному сдерживанию и принудительному расчленению на несколько моноэтнических государств (сырьевой и сельскохозяйственной направленности) для удобства внешнего управления США ресурсами данных территорий» [17, с. 17].

Украинский кризис запустил процесс реформирования системы глобального влияния США, консолидации Запада на почве русофобии и «отрицания России». Он имеет военно-политический характер, затрагивает основные сферы жизнедеятельности всех противоборствующих сторон и протекает в форме «гибридной войны».

«Гибридная война» ведется США с использованием несилowych, подрывных и силовых

методов политики, с опорой на возможности стран Коллективного Запада, что представляет смертельную угрозу для национальной безопасности России. Межцивилизационный конфликт будет иметь затяжной характер, и без соответствующих реформ России выдержать этот длительный конфликт невозможно. Это актуализирует необходимость рассмотрения украинского кризиса через призму феномена «гибридной войны» и раскрытия проблемного поля для государственной политики Российской Федерации.

Целью настоящей статьи является рассмотрение сущности и содержания «гибридной войны», ведущейся Коллективным Западом против России, особенностей украинского военно-политического кризиса, задач реформирования систем государственного управления и национальной безопасности Российской Федерации в условиях трансформации системы миропорядка.

Термин «гибридная война» (англ. *hybrid warfare* — смешанная война) в англоязычной литературе появился в начале 2000-х годов. Первоначально он использовался для обозначения (антитеррористических) военных операций США в Ираке (2003–2011 гг.) и в Афганистане (2001 – 2021 гг.). Указанные военные конфликты со стороны противоборствующих США стран носили асимметричный (партизанский) характер, что давало основание американским военным экспертам утверждать о необходимости использования против них широкого спектра форм и способов не только военных, но и невоенных действий. К последним США стали относить использование иррегулярных вооруженных формирований (наемников американских частных военных компаний, боевиков исламистских экстремистских организаций, военизированных националистических батальонов и криминальных банд), что нашло отражение в военно-политических документах США и НАТО.

Анализ работ зарубежных политологов и военных экспертов [15] показывает, что в качестве операциональных пространств «гибридной войны» США и их союзники по НАТО рассматривают основные сферы жизнедеятельности стран-жертв: политическую; экономическую; информационную (включая киберпространство); социальную; военную.

Результаты анализа военно-политических концепций и доктрин, уставов и наставлений вооруженных сил США и ОВС НАТО [7, 13], а также оценочных взглядов военных экспертов Генерального штаба ВС РФ на феномен «гибридной войны» [7] позволяют всесторонне рассмотреть данный социально-политический феномен. В качестве определения понятия «гибридная война» предлагается использовать следующее: это новая форма противоборства враждующих сторон, в котором нападающая сторона, проводя серию тайных (подрывных) операций, используя иррегулярные вооруженные формирования в основных геополитических пространствах (сферах) своего оппонента, а при необходимости применяя также ограниченный контингент регулярных воинских формирований вооруженных сил, наносит ему необратимый ущерб, связанный с разрушением целостности его государства.

К числу важнейших геополитических детерминант, обусловивших изменение традиционных военных конфликтов в сторону их «гибридизации» большинство российских исследователей [1–3, 5–9, 11–14] относят:

- сохранение роли ядерного оружия как средства обеспечения стратегической и политической стабильности;
- склонность стран, обладающих ядерным оружием, к применению военной силы и другим нарушениям международного права за счет использования подрывных методов «цветных революций» и «гибридной войны» (конфликтов с использованием иррегулярных сил);
- появление международных экстремистских (террористических) организаций, использующих для реализации своих политических целей «неклассические» способы насилия;
- порожденная глобализацией зависимость национальных экономик от формирующейся мировой экономики, которая способствует изменению способов решения экономических и политических проблем и все чаще приводит к отказу от использования средств вооруженного насилия в пользу ее невооруженных форм — экономической войне (введения экономических санкций);
- развитие информационно-телекоммуникационных технологий, высокая технологическая связность всех сфер жизнедеятельности

стран, что привело к появлению новой формы противостояния государств и завоевания информационного превосходства — информационной войне;

— появление новых сред противостояния в космосе и киберпространстве;

— наличие геополитических факторов, характерных для конкретных регионов, влияющих на состав участников (субъектов) конфликтов, имеющих между ними противоречий, их экономической и военной мощи, определяющих различные временные и пространственные масштабы конфликтов, различные цели и стратегии противоборствующих сторон.

Для «новых» асимметричных военных конфликтов очевидным является изменение характера военных действий — переход от прямого военно-силового противоборства к подрывным формам борьбы («цветной революции» и «гибридной войне») и использованию иррегулярных вооруженных формирований (наемников ЧВК, боевиков террористических, националистических военизированных и криминальных организация), связанными с так называемыми «гибридными угрозами».

Военный эксперт Л.Г. Ивашов справедливо считает, что к числу главных политических факторов, определивших тенденцию «гибридизации» военных конфликтов XXI века, относятся: ядерный паритет ведущих государств (США, РФ, КНР), ограничивающий их опору на военную силу в геополитическом соперничестве; экономическая глобализация, обеспечивающая связность экономик стран различных регионов мира; информационно-коммуникационная революция, позволяющая манипулировать общественным мнением суверенных государств; колоссальное богатство финансово-олигархических групп Запада, определяющих цели американской внешней политики на путях укрепления системы монопольного глобального влияния США» [6, с. 132—133].

Учитывая выделенные выше детерминанты, проанализируем сущность «гибридной войны». Итак, в определении зафиксировано, что «гибридная война» является новой формой противоборства враждующих сторон. В отличие от классической конвенциональной войны в «гибридной войне» используются в основном несиловые (экономические и информационные

войны) и подрывные (тайные операции ЦРУ) методы политики и ограниченно силовые методы (вместо вооруженных сил используется только их часть — силы специальных операций). Всеми исследователями подчеркивается, что новая форма противоборства есть сочетание традиционных сил и способов войны и иррегулярных вооруженных формирований, а также тайных (подрывных) операций специальных служб.

Следующий важный момент. В определении указано, что в рамках «гибридной войны» при необходимости может быть также применен ограниченный контингент регулярных воинских формирований вооруженных сил. Возникают вопросы: зачем и когда? Ограниченный контингент регулярных воинских формирований вооруженных сил задействуется для того, чтобы повысить управляемость разнородных иррегулярных формирований и результативность их боевых действий на определенной стадии ведения «гибридной войны». При этом на их использование не принимается никаких официальных документов на государственном уровне. Сам факт использования регулярных воинских формирований вооруженных сил закрывается рамками недекларируемой части политики государства. Состав иррегулярных вооруженных формирований может быть разным, но в основной массе это наемники американских ЧВК, боевики террористических, военизированных националистических и криминальных структур.

Боевые действия — важный атрибут «гибридной войны» (на ее военной стадии). Боевые действия иррегулярных сил носят локальный характер и, по сути, используются для развязывания гражданских войн и локальных военных конфликтов (конфликтов малой интенсивности) как по периметру границ противоборствующей стороны, так и в ее глубине. Общевоинской бой как элемент традиционной войны сохраняется, но в «гибридной войне» его характеристики отличаются большим разнообразием тактических приемов, изобретательностью и нестандартностью их реализации (например, появилось активное использование летательных аппаратов и беспилотных летательных средств, оснащенных современными системами вооружения).

По мнению российских политиков и экспертов [1, 2, 6, 9, 12, 13, 14], в необъявленной, опосредованной войне возможен переход от «гибридной войны» к прямому использованию противоборствующими сторонами военной силы (с санкции высших государственных органов), то есть когда в полном объеме задействуются регулярные вооруженные силы страны и ядерное оружие. В этом случае «гибридная война» приобретет характер конвенциональной войны.

Исходя из содержания представленного определения видно, что для воздействия США на противника главной разрушающей силой в «гибридной войне» является тщательно спланированная подрывная деятельность ЦРУ и спецслужб стран Коллективного Запада, которая реализуется в форме тайных (разведывательно-диверсионных) операций спецслужб. По официальным американским данным, «80% ежегодного бюджета ЦРУ (15 млрд долларов) уходит на содержание агентуры подрывного влияния и содержание иррегулярных вооруженных формирований для формирования «гибридных угроз» в странах-конкурентах» [15, с. 224].

Для формирования системы глобального геополитического влияния США именно американское правительство начало создавать и привлекать американские частные военные компании (ЧВК) для принудительной демократизации авторитарных режимов. Делалось это под предлогом обеспечения безопасности в ходе военной операции США в Афганистане (2001 — 2014 гг.) и войны в Ираке (2003 — 2011 гг.).

Подготовка и сертификация специалистов военно-силового бизнеса сегодня осуществляется в трех специализированных учебных центрах США. Главным заказчиком услуг военно-силового бизнеса является министерство обороны США, на долю которого в 2001 — 2021 гг. приходилось 80% контрактов ЧВК (183 млрд долл, 250 000 человек) в Афганистане и Ираке. Наибольшее количество контрактов на проведение военных и специальных (диверсионных) операций в Афганистане (2001 — 2021 гг.) и в Ираке (2003 — 2011 гг.) Пентагон и ЦРУ заключили со следующими крупнейшими американскими корпорациями ЧВК: Airscan (численность свыше 1 000 человек); Academi/Blackwater

(численность свыше 5 000 человек); DynCorp (численность свыше 2 000 человек); MPRI, Inc. (численность свыше 5 000 человек); L-3 Services, Inc. (численность свыше 3 000 человек); Triple Canopy, Inc. (штаб квартира в г. Херндон, шт. Вирджиния) основана в 2003 г. (численность свыше 8 000 человек) [1].

Использование наемников американских ЧВК позволяет США:

- скрывать факты своего вмешательства в дела суверенных государств в таких сферах, как военное строительство и военно-техническое сотрудничество;
- воздействовать на военно-политическую обстановку в странах и регионах в выгодном для США направлении, добиваясь при необходимости отстранения от власти неугодных режимов;
- организовывать систему обучения военных кадров по американским стандартам;
- лоббировать интересы американского военно-промышленного комплекса, в том числе за счет поставок вооружений, ранее эксплуатировавшихся в вооруженных силах США;
- решать задачи материально-технического обеспечения американских войск, особенно в передовых зонах.

Далее рассмотрим условия, позволяющие США определять страны-жертвы в качестве объекта «гибридной войны», стадии «гибридной войны», способы ее ведения, особенности непосредственно украинского кризиса.

Анализ работ российских политиков, политологов, экономистов и военных экспертов [2—5, 8, 10—12, 14] убеждает, что в числе условий, основных сфер, цели, задач «гибридной агрессии» США рассматривают следующие положения.

Условия, позволяющие США определять суверенное государство в качестве объекта «гибридной войны».

Необходимые условия:

- проведение государством суверенной внешней политики, неугодной стране-агрессору;
- наличие на территории государства-жертвы жизненно важных природных ресурсов, в получении которых заинтересовано государство-агрессор;
- расположение государства-жертвы на маршрутах поставки ценных энергетических ресурсов и важных транспортных коммуникаций;

— стратегическое (физико-географическое) положение страны-жертвы как удобного плацдарма для агрессии против ее стран-соседей.

Достаточные условия:

— нестабильная внутривластная ситуация в стране-жертве, связанная с противостоянием властвующих элит;

— масштабная коррупция в органах власти;

— наличие серьезных этно-политических, религиозных противоречий и демографических проблем;

— слабость вооруженных сил и правоохранительных органов;

— неадекватная социально-экономическая политика, ведущая к кризисным явлениям, к нищете и недовольству населения страны и др.

Основными сферами, в которых США ведут «гибридную войну», являются: политическая; экономическая; информационная; социальная; военная.

Цель «гибридной войны»: десоверенизация и разрушение целостности страны-жертвы.

Задачи проведения тайных (подрывных) операций ЦРУ в ходе «гибридной войны».

В политической сфере:

— дискредитация президента и правительства страны-жертвы;

— раскол политической элиты, формирование контр-элиты;

— демонизация страны-жертвы (угрозы для «свободного мира»);

— создание ситуации «кризиса власти», инициация «цветной революции» (государственного переворота);

— развязывание гражданской войны с использованием иррегулярных вооруженных формирований.

В экономической сфере:

— ослабление экономики страны-жертвы через разрушение ее промышленного сектора;

— подчинение национальных интересов финансово-экономическим структурам страны-жертвы;

— перевод экономики под внешнее управление США.

В информационной сфере:

— покупка национальных СМИ, создание частных каналов доведения информации (бесплатных телеграмм-каналов и сервисов в сети Интернет);

— разрушение культурного кода населения страны-жертвы и внушение проамериканских «демократических» ценностей;

— политизация и «фашизация» молодежи для возможности влияния на будущее страны-жертвы;

— разрушение информационно-коммуникационных систем страны-жертвы, нарушение их функционирования с помощью кибератак, перехват управления ими.

В социальной сфере:

— снижение уровня жизни населения, создание структурной бедности в стране-жертве;

— внедрение американских неправительственных организаций, вербовка агентуры подрывного влияния (агентов влияния, агентов информационного воздействия, агентов-координаторов протестных действий, агентов-исполнителей силовых акций);

— формирование оппозиционных молодежных сил (движений), финансирование актива оппозиционных сил, подготовка и использование их для радикальных социальных выступлений.

В военной сфере:

— подготовка наемников американских ЧВК для условий страны-жертвы;

— подготовка боевиков террористических, военизированных националистических и криминальных организаций для совместных действий с подразделениями сил специальных операций (ССО) вооруженных сил США и ОВС НАТО;

— вооружение и переброска иррегулярных вооруженных формирований в страну-жертву (на военной стадии «гибридной войны»).

«Гибридные угрозы», формируемые (на подготовительной стадии) и комплексно реализуемые (в ходе военной стадии) США в основных сферах жизнедеятельности страны-жертвы, делятся исследователями на два основных вида: «внешние гибридные угрозы», «внутренние гибридные угрозы».

«Внешние гибридные угрозы», исходящие от различных структур страны-агрессора, включают:

— деятельность наднациональных структур ООН, ОБСЕ, МВФ, МБРР, НАТО и др., которые США используют для продвижения своих национальных интересов;

— государственные и негосударственные структуры страны-агрессора, реализующие бесплатные экономические (на условиях выгодных США) и гуманитарные программы политики «мягкой силы» (обучение политической элиты в ведущих вузах США и Западной Европы);

— американские транснациональные компании (ТНК) и американские транснациональные банки (ТНБ), американские СМИ, осуществляющие мероприятия экономической и информационной войны против страны-жертвы;

— деятельность американских «мозговых центров», выявляющих уязвимые места стран-жертв, которые используются в ходе планирования тайных операций ЦРУ.

«Внутренние гибридные угрозы», формируемые в стране-жертве:

— создание сети агентов влияния и оппозиционных молодежных сил;

— подкуп влиятельных правительственных чиновников, политических деятелей и руководства силовых структур;

— постановка под внешний контроль национальных СМИ (воспитание лояльных стране-агрессору журналистов);

— создание сети американских неправительственных организаций (НПО), через которые осуществляется формирование и финансирование оппозиционных сил;

— политизация молодежи через социальные медиа и использование ее для радикальных социальных протестов под предлогом борьбы за социальную справедливость.

Способы ведения «гибридной войны» принято рассматривать по основным сферам (операциональным пространствам) межгосударственного противоборства.

Рассмотрим основные способы ведения «гибридной войны».

Политическая сфера:

— дискредитация президента и правительства страны-жертвы (обвинение их в коррупции и геноциде собственного населения);

— призывы лидеров стран Запада к военной интервенции страны-жертвы;

— высылка дипломатических работников страны-жертвы и захват ее дипломатической собственности по политическим соображениям США;

— односторонний выход США из системы договоров, выгодный только Коллективному Западу;

— приостановка (исключение) членства государства-жертвы в международных политических, экономических, социо-культурных и спортивных организациях;

— обучение на основе гуманитарных грантов менеджеров для государственных органов страны-жертвы в ведущих вузах США и стран Западной Европы («воспитание» будущей политической элиты, по терминологии политтехнологов ЦРУ).

Экономическая сфера:

— санкции против отдельных отраслей экономики страны-жертвы, в том числе закрытие для нее международных рынков (или отдельных их сегментов) и блокирование доступа к передовым технологиям);

— санкции против всех отраслей экономики страны-жертвы;

— санкции против ключевых персоналий, определяющих содержание и ход экономических процессов в стране-жертве;

— недопущение промышленной модернизации страны-жертвы, высокооплачиваемых рабочих мест, постоянное сокращение социальных программ (на образование и здравоохранение), снижение уровня зарплат и пенсий, и др.

Информационная сфера:

— создание негативного информационного поля деятельности институтов государственной власти, дискредитация лидеров политических партий и общественных движений;

— замещение традиционных социо-культурных ценностей теми, которые способствуют разложению политически активных социальных групп страны-жертвы, искажение исторической памяти и политизация молодежи страны-жертвы;

— обесценивание священных религиозных образов, основных постулатов базовых религий этносов и народностей страны-жертвы;

— поощрение насилия в отношении слабых и беспомощных, навязывание «культуры» однополых браков, смены пола, наркомании бытового насилия;

— привитие национализма, расизма. самых низменных человеческих чувств через

социальные медиа (СМИ и социальные сети) и использование низкопробной видеопродукции;

- вытеснение национального программно-го продукта и IT-технологий страны-жертвы с мировых рынков;

- комплексные хакерские атаки против военных и государственных объектов страны-жертвы;

- комплексные хакерские атаки против центров управления воздушным, автомобильным, морским, железнодорожным транспортом, объектов энергетического обеспечения и жизнеобеспечения крупных городов страны-жертвы.

Социальная сфера:

- создание сети американских НПО и благотворительных фондов в стране-жертве;

- вербовка агентуры подрывного влияния (создание сети агентов влияния) в стране-жертве;

- раскол политической элиты, создание контр-элиты;

- формирование и финансирование оппозиционных молодежных сил;

- политизация («фашизация») молодежи и обучение (в летних молодежных лагерях и в ходе международных конференций независимых журналистов) актива (агентов-координаторов протестных действий, агентов-исполнителей силовых акций) оппозиционных сил тактике протестных (мирных) действий и тактике силовых акций групп оперативного реагирования оппозиционных сил в ходе инициации попыток государственного переворота;

- снижение уровня жизни населения, формирование ситуации «управляемого политического кризиса» («кризиса власти»), манипулирование общественным мнением, формирование негативного информационного образа в национальных СМИ «неспособности коррумпированной власти» реализовывать экономические и социальные программы, инициация оппозиционных сил на радикальные социальные протесты «за социальную справедливость».

Военная сфера:

- подготовка иррегулярных вооруженных формирований (наемников американских ЧВК, боевиков террористических, военизированных националистических и криминальных организаций) на территории страны-жертвы или на территории третьих стран;

- отработка боевого взаимодействия иррегулярных вооруженных формирований и ССО вооруженных сил США и ОВС НАТО;

- оперативное оборудование (по стандартам НАТО) территории страны-жертвы в качестве плацдарма для военной интервенции сопредельных государств;

- ликвидация (нейтрализация) лидеров враждебного политического режима, лидеров политических партии и оппозиционных сил, деятельность которых наносит ущерб национальным интересам США;

- разведывательно-диверсионные операции сил ССО вооруженных сил США и ОВС НАТО на военных, государственных и объектах жизнеобеспечения обеспечения страны-жертвы;

- военная интервенция вооруженных сил США, ОВС НАТО для «стабилизации гуманитарной ситуации» в локальном военном конфликте.

Говоря о стадиях «гибридной войны», важно выделить ряд методологических отличий у российских и зарубежных исследователей.

Так, для российских аналитиков А.А. Бартоша [1], И.В. Бочарникова [2], С.Ю. Глазьева [4], С.Э. Кургияна [10], К.В. Сивкова [16] характерен традиционный для военной политологии и военного искусства дихотомичный подход в периодизации военных операций международных конфликтов (подготовка операции, этап проведения операции). По нашему мнению, это вполне обоснованно, так как Россия обороняется в «гибридной войне» и стремится не допустить перерастания уже сформированных США (на подготовительном этапе) «гибридных угроз» к их практической (военной) реализации противником, когда России будет нанесен материальный ущерб.

Другой (технологический) подход к этапности «гибридной войны» можно выделить в работах американских военных аналитиков. Так, в работах М. Кревельда «Трансформация войны» (2015 г.), Н. Фрейера «Гибридные военные конфликты XXI века» (2017 г.), Ф. Хоффмана «Современный спектр конфликта: длительные конфликты, серая зона, неоднозначный и гибридные типы» (2018 г.) авторами выделяется три этапа «гибридной войны»: подготовительный (формирование «гибридных угроз»); этап ведения «гибридной войны» (комплексная

реализация «гибридных угроз»); завершающий этап «гибридной войны» (расчленение страны-жертвы, передача власти марионеточному режиму, создание условий для обеспечения своего контроля в стране-жертве на постоянной основе) [17, с. 130–131].

Англо-саксонская (расистская) логика, по мнению российского политолога С.Э. Кургияна, связана «с дегуманизацией (отрицанием восходящей роли человека в развитии общества) международных отношений. Коллективный Запад агрессивно выступает только за интересы западной цивилизации («золотого миллиарда»), незападные народы («этноты второго сорта») подлежат «зачистке» по мере истощения природных ресурсов Земли» [10].

Российский ученый абсолютно прав, так как императивы современной внешней политики США сформулированы были еще в 1991 г. американским политологом Хантингтоном: «США — безусловный мировой гегемон, который несет отсталым (авторитарным) незападным цивилизациям новую либеральную экономику, демократические ценности и свободы. Это значит, что мы имеем право «принудительной демократизации» незападных стран, используя для этого все методы политики» [17, с. 181].

В странах Коллективного Запада остаются отдельные политологи, которые видят угрозу для человечества, исходящую от политики США. Ярким примером этого является позиция канадского политолога Радика Десана, изложенная в его статье «Война США за Украину — это новый этап «гибридной войны» Запада против России» (март 2022 г.). По мнению Десана, «С началом специальной военной операции России на Украине, США перешли ко второму (военному) этапу гибридной войны, развязанной ими еще в 2014 г. против Российской Федерации, но общая цель гибридной войны остается прежней — расчленение России по образцу Югославии... Пока, на военном этапе гибридной войны с использованием Украины, мы видим, что США реализуют сценарий усиления региональной военной напряженности. Для этого они решают ряд задач: 1) политическое переформатирование Коллективного Запада и экономическая дефрагментация ЕС для усиления роли США; 2) экономическое ослабление России; 3) информационная «де-

монизация России», насаждение русофобии в мире; 4) недопущение стратегического союза России с КНР, разрыв экономических связей России и ФРГ; 5) «фашизация» стран Коллективного Запада для последующего втягивания стран НАТО в военных конфликт с Россией на Украине... В дальнейшем предусматривается переход на сценарий усиления США глобальной военной напряженности через ведение одновременно двух гибридных войн — против России и Китая... Через 10–15 лет США планируют «обескровить» Россию и Китай, укрепить свое могущество и систему монопольного геополитического влияния США, после этого может наступить третий (завершающий) этап гибридной войны против России» [17, с. 142–143].

К особенностям «гибридной войны» российские и зарубежные аналитики относят:

- невозможность зафиксировать в ней дату ее начала и окончания, определить фронт и тыл, статус бойцов иррегулярных вооруженных формирований;

- трудно провести разграничение военных (действия сил ССО) и террористических (действия иррегулярных вооруженных формирований) действий;

- трудно выявить «гибридные угрозы», которые представляют «цепочки подрывных действий», формирующиеся ЦРУ тайно, под прикрытием международных организаций, НПО, благотворительных фондов и опираются на сеть агентов влияния в стране-жертве;

- страна-агрессор в полной мере дистанцируется от официального участия в «гибридной войне», используя несовершенство существующей международной нормативно-правовой базы для ослабления и уничтожения противника;

- невозможность традиционного (реактивного) реагирования на комплексную реализацию США «гибридных угроз» (на военной стадии «гибридной войны») с опорой на возможности стран Коллективного Запада;

- технологичность (стадиальность) и стереотипность используемых ЦРУ сценариев «гибридной войны», делает данный инструмент внешней политики США весьма уязвимым для комплексного (во всех сферах противоборства) воздействия спецслужб противодействующего государства.

Далее содержательно рассмотрим украинский кризис как элемент «гибридной войны» Коллективного Запада против России.

По официальным данным Госдепартамента и министерства обороны США, после госпереворота в 2014 г. на территории Украины США построили: 15 военных аэродромов (1 класса); 670 складов вооружения и хранилищ горючесмазочных материалов; 16 военных биологических лабораторий, 8 позиционных районов для пуска крылатых ракет большой дальности; центр морских операций ОВС НАТО и станция радиослежения (Очаков) и др. Летом 2022 г. США пообещали Украине прием в члены НАТО. При этом с 2014 г. на Украине тайно осуществлялся ядерный проект (создания так называемой «грязной» ядерной бомбы из отработанного топлива АЭС) [16].

Для «таранного удара» (военная агрессия Украины планировалась США на 8 марта 2022 г.) против России США подготовили на территории нацистской Украины:

- 100 тысяч военнослужащих (по стандартам НАТО) вооруженных сил Украины;
- 50 тысяч боевиков для военизированных националистических батальонов («Айдар», «Азов», «Торнадо», «Днепр-1», «Украина»);
- 20 тысяч наемников американских ЧВК;
- 1000 модернизированных (по стандартам НАТО) танков и самоходных артиллерийских установок;
- 300 модернизированных боевых самолетов и 1000 беспилотных летательных аппаратов [14].

С началом специальной военной операции России на Украине противостояние Коллективного Запада и России стало носить открыто непримиримый (тотальный) характер. Размежевание России с Западом по своим последствиям (в ближайшие 10–15 лет) может привести мир к блоковой антагонистической системе международных отношений. Новый миропорядок, по оценкам экспертов, может включать два блока: Западный блок (США, Европа, Канада, Япония и др.) и Евразийский блок (Россия, Китай, Индия, Иран, Саудовская Аравия, Северная Корея и др.) [8, 10, 12].

Для понимания степени угрозы национальным интересам Российской Федерации, нависшей в результате эскалации военно-поли-

тической обстановке на Украине, рассмотрим модель враждебных действий Коллективного Запада против России (рис. 1).

Главными сферами «гибридной войны», развязанной США против России, являются политическая, экономическая, информационная и военная. В социальной сфере (благодаря системе целенаправленных мер, принятых высшим государственным и военным руководством Российской Федерации) подрывное влияние США сведено к минимуму. Поэтому социальная сфера в рассматриваемой теоретической модели условно заменена на культурно-мировоззренческую сферу (также непосредственно влияющую на социальную сферу), чтобы показать, что процесс политизации и идеологической обработки российской молодежи со стороны США и стран Коллективного Запада продолжается. Другими словами, для противодействия информационно-психологическим операциям Коллективного Запада еще многое, что предстоит сделать [10, 11].

Подрывная деятельность спецслужб стран Коллективного Запада против Российской Федерации носит тайный характер, направлена на экономическое сдерживание и разрушение России через создание «гибридных угроз» в основных сферах жизнедеятельности нашей страны. Сегодня «гибридная война» с использованием нацистской Украины позиционируется США как «целенаправленное принуждение агрессивной России к направленной экономической стагнации (через серию локальных военных конфликтов на территории стран Ближнего зарубежья), политической нейтрализации (через раскол политической элиты, госпереворот и передачу власти марионеточному режиму) и территориальному расчленению на ряд моноэтнических государств сырьевой и сельскохозяйственной направленности» [10].

Как реализуется механизм враждебных действий Коллективного Запада против Российской Федерации? Подрывное воздействие начинается с формирования и поддержания в мировых СМИ негативного информационного имиджа России («демонизация России»). Далее в СМИ постоянно вбрасывается фейковая информация (например, «геноцид мирного населения российскими военнослужащими в Буче») против России. На контрасте Коллективный Запад

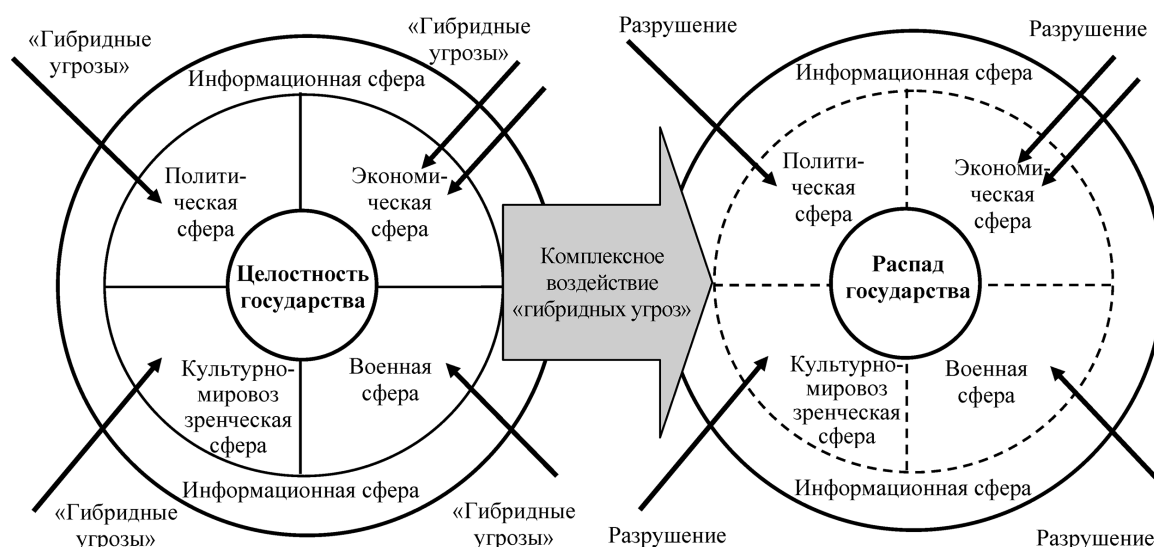

Рис. 1. Модель враждебных действий Коллективного Запада против России

пропагандирует свое миротворчество и заботу об украинских беженцах. Ложная информация внушается СМИ и скрытно разрушает сознание населения стран Запада, создавая основу для последующего нагнетания США русофобии, националистического реваншизма и «фашизации» политически активных социальных групп населения Европы. Одновременно создается «внешний рычаг давления» на Российскую Федерацию с использованием дипломатических войн, экономических санкций, информационно-психологических операций по дискредитации российских политиков, бизнесменов, деятелей культуры и спорта. На Украину постоянно перебрасываются наемники американских ЧВК, боевикам иррегулярных вооруженных формирований осуществляется поставка вооружений и военной техники на Украину. Цель Коллективного Запада — затянуть Украинский кризис, обострить региональную военно-политическую обстановку и обескровить Россию. Как только политтехнологи (кадровые сотрудники) ЦРУ внутри России выявят снижение уровня жизни населения и запрос россиян на изменение высшей власти, в действие будут приведены «спящие террористические ячейки», а из ряда стран Ближнего зарубежья будут переброшены иррегулярные вооруженные формирования, координируемые специалистами ССО вооруженных сил США и ОВС НАТО... Таковы подрывные сценарии США, которым уже не суждено сбыться.

Сработав на опережение, 24 февраля 2022 г. Российская Федерация приступила к реализации специальной военной операции на Украине по защите Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики. «Последовательно реализуя задачи, поставленные Президентом РФ — Верховным главнокомандующим ВС РФ В.В. Путиным по девоенизации и денацификации нацистской Украины, подразделения ВС РФ и спецслужб России в течение нескольких месяцев должны нейтрализовать весь спектр угроз национальной безопасности России» [10]. Как результат, США и их союзники по НАТО были лишены внезапности в реализации своих планов «гибридной агрессии».

Неспособность США опосредованно и «технологично» уничтожить Россию с помощью подрывных методов и нацистской Украины, отмечает военный эксперт К.В. Сивков, вызывает «истерика у американской политической элиты. Впервые за последние тридцать лет США испытывают безудержный страх перед противником (Россией), который превосходит США в военной сфере, разговаривает с ними на равных и готов отстаивать свои национальные интересы путем прямого военного конфликта с США и НАТО» [16].

Являясь православной мета-цивилизацией, противостоящей «гибридной агрессии» Коллективного Запада, на чем должна сосредоточиться сегодня Российская Федерация?

По нашему мнению, для противодействия «гибридной войне» Россия должна исходить из следующей политической установки: «Чтобы оставаться глобальным суверенным центром силы России необходимо проводить активную внешнюю, внутреннюю и военную политику с опорой на российские национальные интересы». Россия должна комплексно использовать против США и стран Коллективного Запада несиловые, подрывные и силовые методы политики.

Главными сферами конфронтации Коллективного Запада и России являются сегодня культурно-мировоззренческая (ценностное, идеологическое размежевание с расовым превосходством «свободного мира» над Россией) и экономическая (смена либерально-рыночной модели развития на интегративную модель, обеспечение устойчивого стратегического развития и технологической безопасности России) сферы. Именно в них, по мнению большинства российских политиков, политологов, экономистов и военных экспертов, сегодня сконцентрировано проблемное поле современной государственной политики Российской Федерации. Степень нависшей смертельной «гибридной угрозы» и характер неотложных задач реформирования Российского государства могут быть представлены в виде задач (приоритетных направлений) государственной политики России, последовательное решение которых в ближайшие 10 лет должны обеспечить экономическое (технологическое) укрепление России, продвижение «мягкой силы» России (привлекательности нашей страны) в Ближнем зарубежье, а также укрепление позиций России в качестве глобального суверенного центра силы в многополярном мире, на периферии которого останутся стагнирующие США и бедные страны дефрагментированной (самими США) Европы.

Приоритетными направлениями государственной политики Российской Федерации должны быть:

1. Полная реализация целей специальной военной операции — девоенизация и денацифика-

ция Украины, что позволит нейтрализовать военные и «гибридные» угрозы национальной безопасности России.

2. Выработка политической идеологии умеренного консерватизма (основанной на ценностях сильного государства, семьи, православной религии), что позволит осуществить долгосрочное целеполагание, консолидацию социальных групп и политических сил России для социально-экономических реформ. Переход на государственное целевое планирование с сохранением преимуществ рыночной экономики.

3. Модернизация системы государственного управления для интегративной модели экономического развития («китайская модель», сочетающей директивное стратегическое управление экономикой с преимуществами рыночного капитализма). Проведение ускоренной промышленной модернизации (создание отраслей шестого технологического уклада), реформа науки, систем образования и здравоохранения, радикальное повышение уровня зарплат и пенсий, ликвидация структурной бедности в России. Выход на лидирующие экономические позиции в Евразийском блоке.

5. Реализация политики «мягкой силы» России в странах Ближнего зарубежья для продвижения российских культурных ценностей.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что агрессивная внешняя политика США была и остается направленной на хаотизацию международных отношений и смену враждебных политических режимов.

Таким образом, украинский военно-политический кризис знаменует начало военной стадии «гибридной войны» (уничтожения России). Маски лицемерной демократии «золотого миллиарда» (процветания за счет разрушения незападных стран) сброшены. Конфликт Запада и России носит судьбоносный характер (возврата назад уже не будет). Это обуславливает необходимость выработки контр-стратегии России в «гибридной войне» с Западом и последовательного формирования ряда новаций для российских систем государственного управления и национальной безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бартош А.А. Серая зона: театр «гибридной войны»: монография. – М.: Издательство «Горячая линия – Телеком», 2021. – 308 с.
2. Бочарников И.В. Перспективы формирования общенациональной идеологии России в условиях кризиса англо-саксонской модели либеральной демократии // Журнал «NOTA BENE». – 2015. – № 2. – с. 248–255
3. Бочарников И.В. Политический анализ. Москва, 2018.
4. Глазьев С.Ю. За горизонтом конца истории: монография. – М.: Издательство «Проспект», 2022. – 416 с.
5. Делягин М.Г. Конец эпохи: осторожно двери открываются! Том 1. – М.: Издательство «Наше завтра», 2022. – 672 с.
6. Ивашов Л.Г. Мир на изломе истории. Хроники геополитических сражений. – М.: Издательство «Книжный мир», 2018. – 608 с.
7. Иншаков С.М. Основы теории национальной безопасности: учебник для вузов. – М.: Издательство «КНОРУС», 2021. – 364 с.
8. Кокошин А.А., Балуевский Ю.Н., Есин В.И., Шляхтуров А.В. Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн: коллективная монография. – М.: Издательство «Едиториал УРСС», 2021. – 88 с.
9. Кмлева Н.А. Противодействие «гибридной войне»: концептуальное измерение. – М.: Издательство «Экон-Информ», 2018. – 130 с.
10. Кургинян С.Э. Материалы выступления по вопросу «Ход специальной военной операции России на Украине и задач реформирования системы государственного управления и национальной безопасности Российской Федерации, обусловленные «гибридной войной» с Коллективным Западом» в передаче «Право знать» российского федерального телеканала «ТВЦ». Эфир от 12.03.2022 г. [Электронный ресурс]. URL: http://tvsc.ru/channel/brand/id/1756/show/episodes/episode_id/75526 (дата обращения: 17.03.2022).
11. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. – М.: Издательство «Горячая линия – Телеком», 2021. – 542 с.
12. Никонов В.А. Код цивилизации: монография. – М.: Издательство «Эксмо», 2020. – 672 с.
13. Постсоветское пространство 30 лет спустя /Кошкин А.П., Бочарников И.В., Манойло А.В., Бондалетов В.В., Глазунов О.Н., Давыдова Ю.А., Денисенкова Н.Н., Масликов В.А., Новиков А.В., Овсянникова О.А., Перенджиев А.Н., Севостьянов П.И., Черданцев В.В. Москва, 2021.
14. Путин В.В. О признании независимости и суверенитета Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики (выступление Президента Российской Федерации) // Военная мысль. – 2022. – № 3. – с. 6–20.
15. Савин Л.В. Стрелы кентавра. Кибервойна по-американски: монография. – М.: Издательский дом «Кислород», 2022. – 496 с.
16. Сивков К.В. Украина – только начало. Геополитическим последствием спецоперации России станет изменение всей нынешней картины мира // Военно-промышленный курьер. – 2022. – № 11 (924). – 4 апреля.
17. Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. – М.: Издательство «Наука», 2006. – 564 с.

ВОЗРАСТАНИЕ ФАКТОРА ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В УСЛОВИЯХ ЭСКАЛАЦИИ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

THE INCREASING FACTOR OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WARFARE IN THE CONTEXT OF THE ESCALATION OF THE UKRAINIAN CRISIS

В статье показана значимость и возрастание роли фактора информационно-психологической войны по мере эскалации украинского кризиса. Отмечается роль в информационно-психологическом противоборстве сил специальных операций Украины и входящих в их состав центров информационно-психологических операций. Рассмотрены инструменты, используемые в своей деятельности центрами информационно-психологических операций.

The article shows the importance and increasing role of the information and psychological warfare factor as the Ukrainian crisis escalates. The role of the Special Operations Forces of Ukraine and their constituent centers of information and psychological operations in the information and psychological confrontation is noted. The tools used in their activities by the centers of information and psychological operations are considered.

Ключевые слова: Центры передового опыта, НАТО, информационно-психологические операции, Великобритания, силы специальных операций, CERT-UA, инициатива честности, украинский конфликт, США.

Keywords: Centers of Excellence, NATO, information and psychological operations, Great Britain, special operations forces, CERT-UA, honesty Initiative, Ukrainian conflict, USA.

Начавшаяся на Украине военная операция России в поддержку республик ЛНР и ДНР 24 февраля текущего года, переходящая в стадию денацификации и демилитаризации самой Украины, запустила многие санкционные механизмы по сдерживанию российского государства на внешних рынках и перевод ее реальной деятельности под град рестрикций государств коллективного Запада. По мере эскалации украинского конфликта усилилось и влияние фактора информационно-психологической войны. На Украине почти два десятка лет активно

работали и работают центры информационно-психологических операций (ИПСО), которые специализируются на антироссийской пропаганде. Подобные центры входят в состав различных силовых структур Украины, например, они действуют в составе штаба Операции объединенных сил, а также в рамках пресс-службы бригад вооруженных сил Украины – подразделений сухопутных войск Министерства обороны Украины в составе группировки войск Операции объединенных сил и, конечно, в составе Службы безопасности Украины. Но базовые

центры ИПСО составляют основу сил специальных операций (ССО) и в рамках ССО действуют 4 центра ИПСО (рис.1):

- 16-й центр ИПСО (воинская часть А1182, Гуйва, Житомирская обл.);
- 72-й центр ИПСО (воинская часть А4398, Бровары, Киевская обл.);
- 74-й центр ИПСО (воинская часть А1277, Львов);

Рис. 1. Центры ИПСО в составе сил специальных операций Украины

Рис. 2. 15-я группа психологических операций ВС Великобритании

— 83-й центр ИПсО (воинская А2455, Одесса).

Украинские кадры для этих воинских частей подбирались из Госуниверситета телекоммуникаций, Института информационных технологий и Житомирского военного института. Численный состав каждого центра составляет 140–150 человек. В задачи этих центров ИПсО входит разведывательно-подрывная деятельность, выявление внутренних противников, дезинформация населения, информационный терроризм, деморализация граждан Донбасса, формирование общественного мнения, проведение спецопераций, создание и продвижение фейков.

Главным исполнителем из всех центров является 72-й центр ИПсО, передислоцированный в Бровары (город-спутник Киева), на бывший советский объект спецпропаганды и глушения западных радиостанций. Штат составлял 146 человек, в основном офицеры младшего и старшего командного состава, а также небольшая группа кураторов — американских специалистов. Исторически прототипом 72-го центра ИПсО явился сформированный центр информационно-психологических операций ВМС Украины, который был создан еще в октябре 2004 года в Севастополе при существенных усилиях капитанов 1-го ранга ВМС Украины В.И. Чепец и И.И. Шаблинского. Центр ИПсО ВМС Украины специализировался на выявлении и предупреждении информационных и психологических угроз, направленных против ВМС Украины, и информационно-аналитиче-

ском обеспечении управления штаба ВМС. После объединения Республики Крым с Россией и очередного политического кризиса на Украине это сверхсекретное подразделение не оправдало надежд НАТО, не сформировав положительного образа нового киевского режима. Более того, 14 сотрудников этого центра перешло на сторону Российской Федерации. Поэтому, после давления со стороны «американских специалистов», 20 мая 2015 года Совет безопасности Украины начал разработку программы новой информационной войны с Россией.

А в 2016 году центр ИПсО выходит из состава ВМС и присоединяется к новосозданным силам особых операций ВС Украины по образу и подобию такого рода войск, издавна существовавших в США. Как правило, стандартная структура подобных центров ИПсО включает в себя: аналитический отдел; отдел наблюдения и специальных действий (как правило, в составе группы информационного обеспечения и группы специальных действий); подразделение печатной пропаганды; подразделение информационно-компьютерных технологий и подразделение телекоммуникационных сетей. Примерно такой же состав имеет 15-я группа психологических операций вооруженных сил Великобритании (рис.2).

В 2014 году, когда коллективный Запад открыто взял курс на противостояние с Россией, была создана 77-я бригада, как прообраз «оружия будущего» в информационных и гибридных войнах. Основная функция этого подразделения — это ведение информационной войны. В штат

бригады входят военнослужащие, которые отвечают за психологические операции в сети Интернет и в СМИ. Первоначальная численность бригады составила около 1,5 тыс. человек. Также известен английский правительственный проект «Инициатива честности», в рамках которого Великобритания активно вмешивалась и продолжает вмешиваться в дела других стран, в частности, финансирует антироссийскую деятельность различных организаций и граждан. Более того, для реализации этого проекта была создана секретная информационная служба, объединяющая Европу, США и Канаду с аналитическим центром в Лондоне, которая состоит из представителей военных, политических, академических и журналистских кругов.

Вообще на стороне Украины от Великобритании в информационной борьбе против России участвуют несколько структур: МИ6, Government Information Cell (GIC), 77-я бригада (Integrity Initiative), 15-я группа психологических операций и Львовский информ-центр. Кроме того, поддержку со стороны медиа осуществляют: The Voice Project, PRCA (ассоциация PR-специалистов), PR-Network, The Guardian, Daily Mail и BBC.

Отметим, что Government Information Cell (GIC) — это специальная структура, созданная главой МИД Великобритании Лиз Трасс, основная задача которой блокировка российской информации про операцию на Украине и продвижение информации коллективного Запада через рекламу в российских социальных сетях. В GIC вошли 35 штатных сотрудников разных министерств: иностранных дел, обороны, внутренних дел, кабинета министров и департамента цифровых технологий, культуры, СМИ и спорта.

Различные подразделения информационно-психологических операций и схожие по функционалу структуры существуют также в целом ряде украинских ведомств: Министерстве внутренних дел, Министерстве информационной политики, ДССЗСИ Украины (Государственный центр защиты информационно-телекоммуникационных систем) и CERT-UA (Computer Emergency Response Team of Ukraine).

Отдельного внимания заслуживает CERT-UA (Computer Emergency Response Team of Ukraine — Украинская служба реагирования на компьютерные инциденты) — специализированное

структурное подразделение Государственного центра киберзащиты и противодействия киберугрозам Государственной службы специальной связи и защиты информации Украины (Госспецсвязи). Заметим, что CERT-UA аккредитована в FIRST (сокр. Forum for Incident Response and Security Teams — форум для команд, занятых реагированием на инциденты в области информационной безопасности). Подчеркнем, что членство в FIRST в рамках противодействия киберугрозам на международном уровне представляет собой возможность оперативно взаимодействовать сразу с 307 командами реагирования на компьютерные инциденты (CERT) из 67 стран мира.

Под руководством украинских сил информационно-психологических операций, кроме официальных СМИ, действует несколько тысяч Интернет ресурсов, информационно-новостных сайтов, скоординированных групп пользователей соцсетей и отдельных «площадок» в социальных сетях. Более того, украинские центры ИПсО сотрудничают с оппозиционными ресурсами в России и с их позиций действуют на Донбассе, а также при поддержке иностранных спецслужб украинские центры ИПсО задействуют западные СМИ. Очень активно спецвойска применяют онлайн-ресурсы, такие как: psb4ukr.org, seebreeze.com.ua и informnapalm.org, известные размещением в Интернет сети данных российских летчиков, принимавших участие в конфликте против террористов в Сирии.

С начала войны в Донбассе одна из известных операций центра ИПсО, которая стала мемом, фейк «Я крымчанка, дочь офицера, у нас в Крыму не все так однозначно», опубликованный в «Фейсбуке» некой Кариной Рассказовой. Позже выяснилось, что Карины Рассказовой в реальности не существует, она вымысел полковника В. Раевского, который прошел повышение квалификации в Киевском военном институте телекоммуникаций. Таких «Карин Рассказовых» в арсенале В. Раевского десятки, если даже не сотни. Среди общеизвестных: псевдодонецкий журналист Роман Бурков, вымышленный волонтер Евромайдана (позднее псевдоним «Роман Бурко» использовал капитан вооруженных сил Украины Н.П. Жуйко), такой же киевский волонтер Александр Попов, фальшивый луганский партизан Николай Вулич и др.

В. Раевский в начале конфликта в Донбассе служил офицером 72-го центра ИПсО, который тогда еще дислоцировался в Севастополе. Вскоре после знакомства с куратором Джаредом Робертом Рейесом В. Раевского повысили до замначальника управления информационных технологий Министерства обороны Украины. Джаред Роберт Рейес в 2016 году получил повышение до мастер-сержанта (прямых аналогов в Российской армии нет, ближайшее звание — подполковник). В США такую должность часто называют «мастер-чиф», то есть руководитель конкретного проекта. В данном случае Д.Р. Рейеса таким проектом для него стала информационная война с Российской Федерацией.

Подчеркнем, что за всеми боевыми информационными операциями НАТО в киберпространстве стоят государственные структуры США, такие как Агентство национальной безопасности (NSA) и стратегическое Киберкомандование министерства обороны (USCYBERCOM). Деятельность этих структур, объединенных под управлением одного руководителя — адмирала Майкла Роджерса, — выходит далеко за рамки задач, стоящих только перед армией. Все информационные операции в так называемой серой зоне (Gray Zone) идут под руководством и контролем этих двух структур. CYBERCOM через Координационный центр НАТО по реагированию на компьютерные инциденты (NATO Computer Incident Response Capability, NCIRC) руководит многочисленными Центрами киберзащиты в Европе: в Лондоне (Великобритания, 2016 г.), Бонне (ФРГ, 2011 г.), Монсе (Бельгия, 2018 г.), Таллине (Эстония, 2008 г.) и Киеве (Украина, 2018 г.). Деятельность этих центров регламентирована документом «Обязательство по кибернетиче-

ской обороне» (The obligation of cyber defense), который был принят в 2016 году на варшавском саммите НАТО. Еще в 2014 году на встрече НАТО в Уэльсе киберпространство приравнивали к отдельному театру военных действий (ТВД), а кибератаки подвели под действие 5 статьи Устава НАТО.

Среди основных центров НАТО отметим три ключевых. Координационный центр НАТО по реагированию на компьютерные инциденты (NCIRC — NATO Computer Incident Response Capability) защищает сети альянса посредством круглосуточной поддержки и мониторинга. Команда из 200 экспертов анализирует инциденты и предоставляет НАТО и союзникам актуальные отчеты о оперативном состоянии киберпространства. NCIRC является частью Агентства НАТО по связи и информации (NCIA), которое поддерживает НАТО, выполняя операции по объединению информационных и коммуникационных систем, защиты сети.

Также важное место занимает Центр передового опыта совместной киберзащиты НАТО (NATO CCD COE — NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence) (Таллин) и Центр киберопераций в Монсе (Бельгия), который будет полностью введен в эксплуатацию в 2023 году. Задача это новой структуры — координировать оперативную деятельность НАТО в киберпространстве, делая ее более устойчивой к кибератакам.

Таким образом, исходя из вышеизложенного и опираясь на процессы по созданию НАТО таких серьезных структур, в том числе и у границ России, можно заключить, что роль фактора информационно-психологического противоборства в условиях любого конфликта будущего будет только возрастать.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Аникин В.И., Абдеев Р.Ф., Сурма И.В. Философские аспекты информационной цивилизации и современные проблемы управления в ракурсе глобальной безопасности // Вопросы безопасности. 2017. № 2. с. 44–54.
2. Информационные боевики: Как американского сержанта Рейеса занесло на Украину и чем он там занимается [сайт] — URL: <https://life.ru/p/1476607> (дата обращения 20.04.2022). — Текст: — электронный.
3. Сурма И.В. Кибербезопасность и современные формы межгосударственного противоборства / Дипломатическая служба. 2021. № 2. с. 199–206.
4. Сурма И.В. Международные исследовательские центры по проблемам войны, мира и безопасности / В сборнике: Государственное управление во внешнеполитической деятельности и международная безопасность. Сборник научно-практических материалов. — М: Дипломатическая академия МИД России. 2013. с. 260–261.
5. Сурма И.В. Североатлантический альянс и угрозы цифровому суверенитету России / Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 1 (77). с. 135–147.

ПРОТИБОВОРСТВО В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ (на примере украинского кризиса)

CONFRONTATION IN THE INFORMATION WAR (on the example of the ukrainian crisis)

В статье рассматриваются основные аспекты украинского кризиса, перешедшего в острую фазу вооруженного конфликта — операцию по денацификации и принуждению Украины к миру на Донбассе. Раскрывается специфика информационной войны, которая ведется против Российской Федерации. Акцентируется внимание на комплексном и системном характере реформирования сознания граждан с целью создания АнтиРоссии на территории Украины.

Предлагаются меры по нейтрализации угроз и вызовов безопасности и интересам России в условиях дальнейшей эскалации украинского кризиса.

The article examines the main aspects of the Ukrainian crisis, which has passed into an acute phase of the armed conflict — the operation to denazify and force Ukraine to peace in the Donbas. The specifics of the information war being waged against the Russian Federation are revealed. Attention is focused on the complex and systemic nature of reformatting the consciousness of citizens in order to create anti-Russia on the territory of Ukraine.

Measures are proposed to neutralize threats and challenges to Russia's security and interests in the context of further escalation of the Ukrainian crisis.

Ключевые слова: Украина, украинский кризис, специальная военная операция по денацификации и принуждению Украины к миру на Донбассе, националистические формирования, информационное противоборство, реформирование сознания.

Keywords: Ukraine, the Ukrainian crisis, a special military operation to denazify and force Ukraine to peace in the Donbas, nationalist formations, informational confrontation, reformatting of consciousness.

Украинский кризис, планомерно развивавшийся с 2004 года в рамках так называемой «евроинтеграции», в 2022 году перешел в острую фазу вооруженного конфликта — операцию по денацификации и принуждению Украины к миру на Донбассе.

Важнейшим направлением политики правящего киевского режима стало утверждение русофобии как внутри страны, так и на международном уровне. По сути дела, Украине ее кураторами была отведена роль агрессивного раздражителя России. И с этой ролью, ролью страны — провокатора, позиционирующего свою враждебность, постмайданная Украина успешно справилась. Отличительными чертами ее политики последних лет стали: масштабная дискредитация России, демонстрация антироссийского фейкового новостного контента, нанесение ей максимального ущерба в политическом, экономическом, информационном и иных сферах мировой политики. На протяжении всех последних восьми лет шло планомерное возвращение и реализация на практике концепта Украина — АнтиРоссия. Фактически с февраля 2014 года киевский режим осуществ-

лял враждебные по отношению к России действия, которые в полной мере могут быть квалифицированы как война.

Одновременно с этим на Украине шло становление и развитие тоталитарного неонацистского режима. Регулярные массовые факельные шествия с портретами нацистских преступников, героизация пособников нацизма и дискредитация ветеранов Великой Отечественной войны, осквернение памятников советским воинам — освободителям Украины, насильственное изгнание и принуждение к исходу с мест своего проживания жителей Донбасса, внесудебные расправы с инакомыслящими и другие преступления стали нормой политической реальности постмайданной Украины [1].

Перечень преступлений, совершенных националистическими формированиями, а также представителями официальной власти киевского режима достаточно обширен, и не замечать этого можно было только лишь при очень большом желании или же осознанном попустительстве и покровительстве. Именно это западным сообществом и демонстрируется на протяжении длительного периода в отношении

киевского режима. Цель при этом очевидна: направить агрессивный потенциал против России в интересах нанесения ей максимального ущерба. Речь идет о политике, аналогичной той, которая осуществлялась по отношению к нацистскому режиму Германии в 30-х годах XX столетия. И тогда, и сейчас эти действия были обусловлены стимулированием антироссийской политики правящих режимов. Тогда — нацистской Германии, сейчас — неонацистской Украины. Но тогда, в 30–40-х годах XX века, речь шла только лишь об умиротворении германского нацизма, сейчас же — его пародии — украинского неонацизма и, соответственно, полномасштабной трансформации Украины в перспективный театр военных действий для войны с Россией.

На Украине происходило последовательное переформатирование сознания граждан посредством выдавливания русского языка из сферы общения, образования, науки, культуры и государственного управления, вторым средством давления на сознание ее граждан является духовность украинского народа, которая выражается в религиозной сфере. Проводившаяся последние почти три десятилетия политика украинизации вылилась в последние годы в дерусификацию и русофобию. Это происходит через переписывание истории, в которой отношения с Москвой трактуются исключительно в форме постоянного противостояния, тотальную героизацию украинского коллаборационистского движения в годы Второй мировой войны, вытеснение русского языка из системы образования, культуры, СМИ, гонения в адрес Украинской православной церкви Московского патриархата, принявшие особенный размах за последние три года [2].

По сути, осуществлялась идеологическая обработка, прежде всего, научно-педагогического сообщества России, которое в последующем и должно принимать непосредственное участие в фальсификации истории своей страны. И оно действительно принимало, в силу того что к этому времени уже были подготовлены учебники по истории страны с так называемым плюралистическим подходом, предполагающим многовариантность ее толкования. Результатом этого процесса стало то, что вся история СССР воспринималась не иначе как история

тоталитарного режима, переход от которого к демократии является величайшим достижением современного российского общества, не взирая на беспрецедентный рост преступности и беззакония, обнищание подавляющей части населения страны, эскалацию этноконфессиональной конфликтности, появление экстремизма, девальвацию духовно-нравственных ценностей и проявления иных суррогатов переходного периода. При этом все позитивное, имевшее место в советский период истории России, или же замалчивалось, или же осознанно искажалось [3].

Налицо целостная система информационного противоборства, одной из целей которого является переформатирование общероссийского общественного сознания на Украине.

Целенаправленным объектом фальсификации по этим и другим направлениям является сознание, в первую очередь, российской молодежи. Уместно в этой связи привести известное высказывание О. Бисмарка: «Войны выигрываются и проигрываются за школьными партами». А китайцы, в свою очередь, добавляют: «Если вы хотите победить врага — воспитывайте его детей».

За десятилетия прошедшие с момента «крупнейшей, по словам Президента России В.В. Путина, геополитической катастрофы XX столетия — распада СССР» именно в этой сфере отмечается наиболее жесткое и бескомпромиссное противоборство, которое, по мере укрепления позиций России в мире, не снижает своей остроты, а, напротив, усиливается. И это закономерно. Глобальная конкуренция предполагает борьбу за сознание, мировоззрение населения целых стран и, особенно тех, кто позиционирует свою суверенность.

При этом закономерно, что объектом целенаправленного информационного воздействия является молодежь в наибольшей степени подверженная информационному воздействию в силу несформировавшегося мировоззрения, являющегося, по сути, иммунитетом от деструктивного информационного воздействия.

Если же попытаться систематизировать основные направления информационного воздействия на сознание российской молодежи со стороны различного рода деструктивных структур, то наиболее очевидными среди них являются:

1) фальсификация основных событий истории России и представление их в искаженном дискредитирующем виде;

2) девальвация и уничтожение национально-государственного самосознания;

3) формирование комплекса ущербности, неполноценности посредством навязывания таких стереотипов, как «исконных варварств России», ее так называемое «догоняющее развитие», поголовное пьянство населения и т.д.;

4) формирование агрессивного образа России, русского народа как ее государствообразующего ядра, противопоставление ему остальных народов страны;

5) провоцирование этнополитической и межконфессиональной конфликтности;

6) насаждение и утверждение мировоззренческих установок и идеологем, направленных на формирование бездуховности, потребительства по принципу «бери от жизни все, что хочешь», «здесь и сейчас» и им аналогичные.

Итогом реализации данного информационного прессинга являются произошедшие ценностные сдвиги в сознании российской молодежи, наиболее очевидными проявлениями которых являются:

1) забвение исторических и памятных событий своей страны;

2) преклонение перед зарубежными, в основном евро-атлантическими стандартами поведения;

3) размывание традиционных для России морально-нравственных ценностей;

4) безразличие к интересам общества и окружающих;

5) иждивенчество, потребительство, стремление к получению доступа к различного рода материальным благам любой ценой;

6) доминирующий в молодежной среде «пофигизм», вседозволенность, а также другие сурrogаты псевдолиберальной идеологии.

Речь идет о переформатировании сознания молодого поколения России с тем, чтобы исключить из него какие-либо позитивные ассоциации, связанные с историей своей страны, ее современным состоянием, целями и задачами эффективного развития.

Особую роль в этом плане играют телевизионные сети CNN, TNT, Cartoon Network и другие, в круглосуточном режиме вещающие

на страны и континенты и навязывающие населению этих стран свое собственное видение данных процессов. При этом неписанным правилом для крупнейших американских, а, следовательно, и мировых информационных каналов является создание позитивного образа руководства США и реализуемой им политики, какой бы агрессивной она ни была.

К сожалению, именно это сфера — сфера формирующегося сознания молодого поколения долгое время оставалась без внимания государственных и общественных структур и была, по сути, отдана на откуп различного рода антироссийским организациям как внутри страны, так и за ее пределами.

Государство должно взять на себя заботу об информационной безопасности населения страны иначе эту «заботу» перехватят совершенно другие политические силы и структуры, такие, например, как так называемые «неправительственные» фонды, финансируемые из бюджета США по программам «поддержки демократии» в России или же русофобские структуры «доброжелателей». И они уже активно и целенаправленно этим занимаются.

Противодействие негативному воздействию является одним из наиболее значимых направлений государственной политики. В последние годы был принят ряд знаковых решений в этой сфере. Так, достаточно эффективной, на наш взгляд, мерой оказалось введение на законодательном уровне понятия «иностранный агент», что заставило различного рода структуры позиционирующие себя как правозащитные раскрыть источники финансирования иностранного происхождения, что, безусловно, в значительной мере подорвало их авторитет в российском обществе.

Решение этой задачи требует системного, комплексного подхода к реализации политики в этой сфере, субъектами которой, в равной мере, являются как государство, так и общественные структуры, то есть все те, кому не безразлично будущее России — поскольку уже через 10–15 лет к управлению ею придут представители современной молодежи, сегодня являющиеся основным потребителем информационной продукции.

В этом плане более чем справедливы слова У. Черчилля о том, что политики ориентируются

на будущие выборы, а государственные деятели — на будущее поколение. Очевидно, настало время ориентироваться на будущие поколения России.

Молодежь как носитель образа и идеала будущего нации всегда являлась и является приоритетным объектом влияния со стороны страны-противника. Пластичность, несформированность молодежного сознания, мировоззренческая инфантильность, «клиповый» характер мышления «поколения Z» позволяют заинтересованным политическим элитам успешно проводить эксперименты со стремительной сменой «ментальной парадигмы» молодого поколения в пользу «новой национальной идентичности», направлять протестный потенциал молодежного радикализма в нужное для себя русло. С особенной наглядностью это проявилось и на Украине в период Евромайдана (2014 г.), и в Беларуси в ходе протестных акций с участием студенческой молодежи (2020–2021 гг.).

На воспитание молодого поколения на Украине США выделило порядка 5 млрд долларов. Ряд зарубежных журналистов подготовили репортажи о знаменитом украинском батальоне «Азов», организовавшем летний лагерь для подростков. Военная подготовка и воспитание, направленное на разжигание ненависти к России, — столпы, на которых базировалась идеология современной молодежи Украины. Широкий резонанс получил фильм, снятый журналистом британской The Guardian, который посетил лагерь «Азов» под Киевом. Батальон, придерживающийся крайне правых взглядов, известен активным участием в боевых действиях на Донбассе. Летний лагерь для детей — его новый проект по типу гитлерюгенда. В датских СМИ также появились сюжеты об украинском лагере, в котором проходят военную и идеологическую подготовку 850 детей со всей страны. Ранее американский телеканал NBC Left Field выпустил видеоролик, который сделан в том же лагере. На кадрах видно, как воспитанники занимаются серьезной боевой подготовкой, спортивными тренировками, реконструкциями реальных боев, а также учатся ненавидеть «москалей».

Почему сознание людей на Украине было так быстро переформатировано? — задаются

таким вопросом многие эксперты. Произошло это от очень низкого уровня образования людей, доведения их до крайнего уровня бедности, до «омерзительного состояния», когда в их сознание постепенно внедряются мысли об исключительности украинской нации (Украина превыше всего). На Украине очень четко и слаженно работает пропагандистская машина, ролики, видеофильмы снимаются безостановочно и захватывают сознание людей. То есть полностью отключается критическое мышление, характерное для людей более старшего возраста, включается эмоциональная сфера и низменные инстинкты.

К большому сожалению, в последние годы мы были ориентированы на Запад в сфере образования и науки. Вступление России в Болонскую систему разрушило нашу традиционную систему образования, которая была одной из самых лучших в мире. Поэтому военная спецоперация, начатая 24 февраля 2022 года, призвана изменить все сферы нашей жизни, кардинально пересмотреть в том числе и систему школьного и вузовского образования. Образование у нас, к сожалению, превратилось в услугу. Нам нельзя упустить своих собственных детей, которым порой трудно разобраться в ситуации, происходящей в современном мире, правильно проанализировать исторические события. В школах нужно проводить, как и прежде, воспитательные часы, рассказывая детям о том, что сейчас происходит на Украине, за что борются наши воины, какая цель военной специальной операции. Школьные учителя в погоне за рейтингами и подготовкой к ЕГЭ забывают о том, что задачами современного образования является не столько процесс усвоения уже готовых знаний, а, прежде всего, развитие человека как личности, становления его как патриота своей страны. А для этого нужно не только обучать детей, но и их воспитывать. Нам нельзя проиграть в войне за умы молодого поколения. Современных детей воспитывает не школа, а блогеры и различные интернет-сообщества, которых тоже можно направить в правильном направлении. А для этого предстоит большая работа с ними [6].

В этой связи всем надо поддержать нашу армию, воинов, которые сражаются за справедливость и мир на Донбассе. На наш взгляд,

нужно активно привлекать молодежь, в том числе и Юнармию, для разъяснения событий, происходящих сейчас в стране своим сверстникам. На телевидении на федеральных каналах следует запретить американские шоу-программы типа «Маска» и другие в тот трагический момент, когда гибнут простые жители Донбасса и наши военнослужащие. Рекламные ролики должны носить патриотический характер. Нужно использовать все средства для поддержки нашей армии: патриотические песни, патриотическую рекламу, наполненные содержанием фильмы. Российская армия должна чувствовать надежный тыл, подкрепленный нашей поддержкой и верой в скорейший благоприятный исход специальной военной операции по денацификации и принуждению Украины к миру на Донбассе. Поднятие патриотического духа — главное условие нашей победы. Российской армии всегда во все помогал русский народ. Может быть, стоит подумать о создании Фонда помощи армии России [7].

Для предупреждения развития ситуации по сценариям цветных революций необходимо принятие комплекса мер, среди которых важнейшими являются меры по нейтрализации

фальсификации истории России, в том числе касающихся таких эпохальных событий, как Великая Отечественная война.

Прежде всего, необходимо осознание опасности самой фальсификации, непредсказуемости ее последствий для формирования мировоззрения всего населения страны и, в первую очередь, молодежи.

Настоятельной необходимостью является сосредоточение усилий органов государственной власти и местного самоуправления, а также общественных организаций, да и самих граждан по развенчанию фальшивок, касающихся событий специальной военной операции [5].

Это и будет та политика «единения», о которой писал И.А. Ильин, по мнению которого «политика по самому существу своему означает единение, а не разброд, общее, а не частное (будь то личное или классовое), силу народа, а не изнеможение [4]. Это единение есть основа государства: единение граждан между собою и единение граждан с властью». Решение данного вопроса, на наш взгляд, может стать той реперной точкой, где это единение действительно может быть достигнуто, поскольку касается оно всех и каждого.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бочарников И.В. Политика «умиротворения» нацизма как фактор развязывания Второй мировой войны (к 80-летию начала Второй мировой войны) // Человеческий капитал. 2019. № 9 (129). с. 29–37.
2. Бочарников И.В. Современные тенденции развития международного терроризма // Конфликтология. 2016. № 1. с. 52–61.
3. Бочарников И.В. Северо-кавказский регион: проблемы и перспективы реализации государственной политики России // Международные отношения. 2012. № 1. с. 36–45.
4. Ильин И.А. Наши задачи. Том. II. <http://arhiv-knig.ucoz.ru>.
5. Постсоветское пространство 30 лет спустя / Кошкин А.П., Бочарников И.В., Манойло А.В., Бондалетов В.В., Глазунов О.Н., Давыдова Ю.А., Денисенкова Н.Н., Масликов В.А., Новиков А.В., Овсянникова О.А., Перенджиев А.Н., Севостьянов П.И., Черданцев В.В. Москва, 2021. с. 116–139.
6. Информационно-аналитические технологии противодействия дестабилизации внутривластной ситуации: теоретические основы и практика реализации. М., 2021. с. 150–157.
7. Противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны: Бочарников И.В., Суздалева Т.Р., Федоров К.В., Криворучко А.А., Петренко А.И., Зеленков М.Ю., Кандыбович С.Л., Разина Т.В., Овсянникова О.А., Трипольский В.Б. М., 2020.

МЕНТАЛЬНАЯ ВОЙНА КАК НОВЫЙ ВИД ПРОТИВОБОРСТВА

MENTAL WAR AS A NEW KIND OF CONFRONTATION

В статье дается представление о сущности, содержании, особенностях, закономерностях, принципах, ментальной войны, ее роли и месте в учении о войне. Акцентируется внимание на важности понимания причин, источников, форм, способов и средств (технологий) ведения ментальной войны в интересах консолидации усилий по нейтрализации данной угрозы безопасности России.

The article gives an idea of the essence, content, features, patterns, principles, mental warfare, its role and place in the doctrine of war. Attention is focused on the importance of understanding the causes, sources, forms, methods and means (technologies) of conducting mental warfare in the interests of consolidating efforts to neutralize this threat to Russia's security.

Ключевые слова: ментальная война, духовная сфера общества, учение о войне и армии.

Keywords: mental war, the spiritual sphere of society, the doctrine of war and the army.

Современные войны не предполагают крупномасштабных столкновений двух равных по военной мощи противоборствующих сторон. Происходящие трансформации современных методов войны привели к тому, что глобальные войны сменились региональными конфликтами, позиционными, информационными и гибридными войнами. При этом акцент в глобальном противостоянии смещается в сторону нелетального подавления противоборствующей стороны. Это подтверждается и военной доктриной США, которая предполагает непосредственное участие в войнах только лишь при гарантиях отсутствия «удара возмездия», иными словами, при гарантированной безопасности материковой части США. По этой причине американская военная агрессия развязывается в крайнем случае и всегда идет против стран, которые не смогут никогда и ни при каких условиях ответить США и нанести им прямой ущерб.

Руководствуясь этим принципом, конфликты все чаще развязываются по сценарию басни Жана де Лафонтена «Мартышка и Кот». При этом в достижении главной цели — превосходства США стремятся «не обжечься и остаться не битыми», а роль «глупого кота с обожженными лапами» играют третьи страны, неся порой колоссальные экономические убытки и людские потери. Примером тому могут служить многочисленные локальные конфликты на стыке веков: Египет-Сирия, Израиль (1973);

Аргентина (1982); Ирак (1991); Индия-Пакистан (1996); Югославия (1999); Афганистан (2002); Ирак (2003); Украина (2014-н.в.) и другие конфликты.

Анализ причин и достигнутых результатов перечисленных конфликтов свидетельствует о том, что войны по общепринятым классическим стандартам с захватом территории противника уходят в прошлое. США не стремятся захватить территории в классическом понимании, так как это требует издержек, избыточной траты времени и ресурсов. Соединенные Штаты сражаются за контроль над политическими системами, товарными, финансовыми потоками и людскими ресурсами. Доказательством тому является разжигание внутригосударственных массовый протестов, приводящих к смене власти — так называемые «цветные революции», используемые США для смены режимов и необходимой коррекции политического курса «непокорных» стран [5].

Идеологом таких революций является американский общественный деятель Джин Шарп, впервые апробировавший свою технологию для штурма Вильнюсской телебашни в Литве, что, в свою очередь, явилось началом распада СССР. Эта же технология была применена при смене власти в Югославии (2000), в Грузии (2003), на Украине (2004, 2013, 2014), в Киргизии (2005), в событиях так называемой «Арабской весны» с декабря 2010 года по декабрь 2012 года. К этому ряду можно причислить и

проявления социального протеста в странах бывшего Советского блока, которые не привели к смене власти: попытки политических переворотов в Азербайджане, Узбекистане, Казахстане (2005), в Армении (2008), в Молдавии (2009), в России (2010, 2011, 2012, 2013), а также акции протеста в Беларуси (2020), попытка Степной Революции в Казахстане (2022).

Как показывает история, основной движущей силой таких протестных потенциалов является молодежь с ее несформировавшимися убеждениями. Именно за их сознание разворачивается основная борьба, на которую выделяются огромные ресурсы, а также усилия специалистов-консультантов и инструкторов [4].

За последние годы такой борьбе за сознание людей давались различные термины и определения:

- информационная — комплексное воздействие на систему государственного и военного управления противостоящей стороны, которое приводит к принятию требуемых решений и парализует функционирование инфраструктуры управления;

- психологическая — подразумевает целенаправленное использование пропаганды и иных средств (дипломатических, военных, экономических и проч.) для прямого или косвенного воздействия на мнения, настроения, чувства и, в итоге — на поведение и культурные установки противника;

- кибернетическая — направленная на подрыв информационной безопасности и нарушение функционирования компьютерных систем, кража данных, скрытая слежка, поиск компромата;

- политическая — основанная на создании условий для политической изоляции со всеми вытекающими последствиями;

- экономическая — создание искусственных торговых барьеров и ограничений, введение мораторий на инвестиционную активность;

- финансовая — закрытие рынков капитала с невозможностью заимствования, финансово-го обслуживания, посредничества и проведения расчетов;

- гибридная — нацеленная на подавление своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий, кибервойны, а также

оказывая поддержку повстанцам, действующим на территории противника.

Несмотря на разнообразие терминов, все они едины в одном — современная война нацелена на уничтожение массового, группового и индивидуального сознания граждан, их мировоззрения и идентичности с последующим «переформатированием сознания» и навязыванием своей воли. Такое переосмысление целей и задач современных войн позволяет убедиться в том, что она ведется отнюдь не на физическом, а на ментальном уровне, забирая под свой контроль все средства межличностной коммуникации, погружая сознание людей в своеобразную «матрицу» на основе «псевдоправды», где представления о хорошем и плохом зависят не от ценностных основ, а от источника коммуникации.

Действительно, мы живем в мире, где информационные потоки, культурные и духовные доминанты находятся в руках отдельных стран-гегемонов. При этом сама по себе информация, как таковая, не является доминантой в общем потоке фундаментальной коммуникации. В совокупности с визуальным рядом и психоэмоциональным воздействием средств и приемов передачи она формирует образ мышления и восприятия респондентов, но не на уровне аналитики, какого-то критического отношения к информации, а на подсознательном уровне. Люди при этом не подозревают, что они получают не информацию, а чужие идеи. В таком контексте выигрывает тот, кто эти идеи транслирует, при этом происходит игнорирование самого факта наличия истины, происходит ее подмена и представление в ложном свете. Те люди, которые интеллектуально и морально деградировали, даже могут не заметить этой подмены.

В марте 2021 года советник главы Минобороны Андрей Ильницкий в интервью журналу «Арсенал Отечества» заявил о начале такой войны против России, назвав ее «ментальной войной». Что же такое ментальная война? Какова ее конечная цель? Каковы инструменты (оружие) такого рода войны? В чем ее принципиальное отличие?

Для ответа на эти вопросы стоит обратиться к высказываниям известного итальянского общественного деятеля и публициста Джульетто

Кьеца, который в своих размышлениях о сущности современной войны сказал, что «...главная цель войны современности — это снижение интеллектуальных способностей и морального уровня миллионов людей с последующим управлением сознанием и формированием общественного мнения через соцсети и средства массовой информации под полным контролем заказчиков...» [1].

Принимая это во внимание и осознавая, что любая война — это продолжение политики насильственными средствами [3, 4], под ментальной войной стоит понимать целенаправленное деструктивное воздействие на общность людей, направленное на изменение или уничтожение их массового, группового и индивидуально-сознания, мировоззрения и идентичности. Цель ментальной войны — уничтожение самостоятельности государства, подчинение общности людей воле внешнего агрессора. Для ее достижения происходит уничтожение самостоятельности государства, «парализуется» его деятельность по выполнению основных функций, а также разрушение или дискредитация «идеи», объединяющей людей. В этом смысле война ведется не за территории, а за сознание людей.

Ментальная война отличается своим характером, специфическими субъектами и объектами, стратегией и тактикой, формами и способами, применяемыми силами и средствами с гораздо более широкими возможностями, чем обычное вооружение.

Такое понимание сущности ментальной войны позволяет отнести к ее основным формам многоходовые информационные операции, при проведении которых используются специфические психологические механизмы воздействия на сознание человека, особые силы и средства, сетевые и другие информационные и психологические техники и технологии, поражающие ментальность общества в целом, все его сферы, индивидуальное и общественное сознание, социальные отношения, социальные институты, в том числе семью, образование, институты власти, все виды деятельности.

Данные реалии привели к необходимости признания трансформации законов войны, точнее их проявления в современных условиях, а значит, и к неизбежности дальнейшего развития военной науки в целом.

Законы войны являются предметом учения о войне и армии и служат общетеоретической основой военной науки. Одна из ведущих тенденций, свидетельствующих об их трансформации, заключается в интенсивной политизации военного дела. Крупные геополитические изменения на рубеже XX и XXI веков совпали с бурным развитием новейших технологий. Благодаря этому стал возможен переход от разрушительного характера военных действий к противоборству с преобладанием функционально-структурного, избирательного воздействия на противника.

К основным закономерностям такого рода ментального противоборства следует отнести: нарастающий характер интенсивности; всеобъемность и нарастающий характер поражения всех сфер общества (как при «раковой опухоли»); взаимосвязь и взаимовлияние всех сфер общества, социальных институтов; определяющий характер духовной сферы и значительное влияние экономических факторов на трансформацию общества; отсроченность воздействия, обусловленное инерционностью сознания (сложность противодействия технологиям ментальной войны, так как трудно, а порой и невозможно добиться отказа от ложных убеждений и заблуждений, навязанных противником), что вызывает проблемы в «лечении» сознания и трансформаций в духовной сфере общества, ставших следствием применения технологий ментальной войны.

На основе исследования опыта и практик ведения информационного противоборства и применения различных форм, способов, методов и приемов ментальной войны можно сформулировать некоторые ее принципы: превентивность; релевантность; адаптивность; комплексность; индивидуальность; групповой и массовый подходы; наступательный; нарастающий характер; зеркальность. Безусловно, они требуют дальнейших научных исследований, конкретизации и определения порядка их применения в практической деятельности.

Реализация таких принципов возможна в несколько этапов, подобно «окнам Овертона»:

— во-первых, информационное воздействие, осуществляемое на уровне фактов, при этом факты искажаются, дискредитируются, редуцируются до уровня анекдота;

— во-вторых, концептуальное изменение форм и способов представления информации, поэтапное ее обесценивание, при этом ценностью является способ ее организации и подачи;

— в-третьих, навязывание новых смыслов и идей.

Примером подобного искажения может послужить история об абсолютно каноническом в русском общественном сознании подвиге Александра Матросова.

На 1-м этапе факт подвига подвергается сомнению либо нарочно редуцируется: Матросов представляется неким недалеким комсомольцем-фанатиком, а совершенный им подвиг низводится до уровня анекдота («проклятый гололед»).

На 2-м этапе выставляется противовес совершенному подвигу Матросова, а сам факт его совершения представляется красноречивым показателем того, что кровавый сталинский режим не дорожил жизнью солдат и заваливал трупами любое наступление Красной армии (по принципу «бабы новых нарожают»), что иначе и быть не могло в условиях тоталитарного государства и действий «заградотрядов». Это обеспечивает неоднозначность восприятия самого подвига и стирает цену его вклада в общее дело.

И, наконец, на 3-м этапе в общественное сознание вбрасывается вполне либеральный нравственный императив: незачем класть жизнь и голову за государство, главное — это индивидуальный успех в этом мире.

Такого рода технология ментальной войны, основанная на искажении истинного восприятия происходящих событий и их последствий, приводит к своего рода контузии сознания, при этом ее последствия становятся видны не сразу, а через поколение. Это убеждает нас в том, что, проиграв ментальную войну сейчас, мы предадим забвению все достижения наших предков и лишим будущего наших детей.

В заключение необходимо подчеркнуть, что глубокое понимание сущности, причин и источников, форм, способов и методов ведения ментальной войны, применяемых средств (технологий) и их влияния на все общественные процессы дает возможность органам государственного и военного управления Российской Федерации четче уяснить свою роль, направления деятельности и консолидировать усилия в укреплении государственности, национальной безопасности, суверенитета, обороноспособности страны, повышении боеготовности Вооруженных Сил, а также обеспечить дальнейшее развитие учения о войне и армии и военной науки в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Джульетто Кьеца. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада?. URL: <https://www.livelib.ru/book/1001555702-rusofobiya-20-bolezn-ili-oruzhie-zapada-dzhuletto-keza> (дата обращения: 09.04.2022)
2. Ильницкий А.М. Новая стратегия сдерживания России // Красная звезда. 22 июня 2020. URL: <http://redstar.ru/povaaya-strategiya-sderzhivaniya-rossii/> (дата обращения: 27.04.2022)
3. Клаузевиц К.О войне. В 2-х томах. С-Пб.: Terra Fantastica, 2004.
4. Кортунов А.В. Политика как продолжение войны иными средствами // Выступление на XV ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-kak-prodolzhenie-voyny-inymi-sredstvami/> (дата обращения: 01.04.2022).
5. Саулкин В.А. Ментальная война. Война на уничтожение русской цивилизации // Московские суворовцы. 14 мая 2021. URL: <https://mccvu.ru/news/moskovskie-suvorovtsy/mentalnaya-voyna-voyna-na-unichtozhenie-russkoj-tsivilizatsii/> (дата обращения: 08.04.2022)

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

THE UKRAINIAN CRISIS: MODERN REALITIES AND DEVELOPMENT TRENDS

В статье рассматриваются основные аспекты украинского кризиса, предопределившие его эскалацию. Раскрывается специфика современных процессов на Украине как часть глобального конфликта Западного сообщества против России с целью нанесения ей максимального ущерба во всех сферах жизнедеятельности. Определяются тенденции развития современного украинского кризиса и его влияния на национальные интересы и безопасность Российской Федерации.

The article discusses the main aspects of the Ukrainian crisis that predetermined its escalation. The article reveals the specifics of modern processes in Ukraine as part of the global conflict of the Western community against Russia in order to inflict maximum damage on it in all spheres of life. The trends in the development of the modern Ukrainian crisis and its impact on the national interests and security of the Russian Federation are determined.

Ключевые слова: Украина, украинский кризис, специальная военная операция по денацификации и принуждению Украины к миру на Донбассе, киевский режим, переговоры, антироссийские провокации, военные преступления, украинские неонацисты.

Keywords: Ukraine, the Ukrainian crisis, a special military operation to denazify and force Ukraine to peace in the Donbas, the Kiev regime, negotiations, anti-Russian provocations, war crimes, Ukrainian neo-Nazis.

Украинский кризис, как лакмусовая бумажка, высветил стратегические цели США, НАТО и Евросоюза во взаимоотношениях с Россией. И если Россия была целью стратегического окружения и максимального ослабления, то Украина, а точнее события на ее территории, — средством достижения этой цели.

Очевидно, что реализации этих целей во многом способствовала политика протекционизма по отношению к «братской» стране. По словам Президента Российской Федерации, со ссылкой на экспертные оценки, подтвержденные подсчетом цен на энергоносители, объемы льготных кредитов, экономических и торговых преференций, которые Россия предоставляла Украине, общая выгода для украинского бюджета на период с 1991 по 2013 год составила порядка 250 млрд долларов [10]. В то же время США за аналогичный период выделили Украине всего лишь 5 млрд долл. Но при этом, если Российская Федерация оказывала непосредственно помощь украинской экономике, то США в пределах выделенных средств целенаправленно работали над переформатированием массового сознания украинского общества, формированием враждебности по отношению к России и русским. И эта подрыв-

ная антироссийская деятельность оказалась вне поля зрения руководства России. В результате Украина и политические процессы в ней на протяжении 30 лет всей постсоветской истории оказались на периферии внешнеполитической деятельности Российского государства. Отношения с Украиной строились по принципу «никуда они не денутся», они все равно будут с нами. Именно этим было обусловлено то, что на Украину в качестве полномочных и чрезвычайных представителей Российской Федерации были направлены такие чиновники, как В.С. Черномырдин и М.Ю. Зурабов, никакого отношения к дипломатической деятельности до этого не имевшие.

В итоге делись. Нашлись люди и структуры, которые очень активно занимались освоением украинского политического пространства и в конечном итоге сформировали под боком у России самое антироссийское государственное образование.

30 лет постсоветской истории были использованы для того, чтобы как можно дальше развести Украину и Россию, а по возможности и противопоставить их друг другу. Это и было основным лейтмотивом внешней политики США. Так, по словам гуру американской гео-

политики З. Бжезинского, «Украина является территорией, что лежит глубоко в сердце России. Поддержка политических сил в Украине для Соединенных Штатов является наиболее эффективным способом бороться против России» [1].

Поэтому та политика, которая проводилась руководством Российской Федерации по отношению к Украине, во многом предопределила кризисность современной ситуации.

Казалось бы, выводы должны были быть сделаны, особенно с учетом остроты текущего украинского кризиса. Но, как показывают события, особенно связанные с переговорным процессом, если они и были сделаны, то далеко не однозначные.

Тот факт, что Россию на переговорах представляет чиновник, не имеющий отношение к дипломатии, свидетельствует о недооценке значимости этой острейшей для безопасности и интересов Российской Федерации проблемы.

У нас в стране великолепная дипломатическая школа, но почему-то на этих переговорах дипломаты опять никакой роли фактически не играют. Как итог — результаты этих переговоров крайне негативно отразились не только на имидже России, но и на развитии ситуации в целом в зоне конфликта.

Очевидно, что провокация в Буче, безусловно, является следствием работы или недоработок, в том числе и нашей делегации. Ведь очевидно, что делегация разговаривала с жуликами, а для них совершенно другие критерии. Главное — надуть, что они и сделали. По факту мы (наша делегация) вынуждены были играть по правилам, навязываемым киевским режимом.

Также очевидно и то, что киевский режим недоговороспособен в том числе и потому, что он марионеточен. Рычаги управления им находятся за океаном. Необходимо также учитывать и высокий уровень владения искусством лицедейства и отсутствие каких-либо морально-этических принципов у высшего политического страны. Для действующего президента Украины внешняя политика его страны — это высоко рейтинговое шоу, продюсером которого выступает администрация США. Именно этим и определяется характер и направленность внешней и внутренней антироссийской политики современной Украины.

Реакцией же на провокацию в Буче должен быть отказ от дальнейших переговоров, по крайней мере, до тех пор, пока не будет гарантировано недопущение подобного рода инцидентов, причем не со стороны киевского режима, а их кураторов или же посредников. Поэтому опыт стамбульских переговоров должен быть учтен.

С учетом того, что мирный договор подписывать нельзя, прежде всего, по формальным признакам, поскольку нет войны (она не объявлена ни Россией, ни Украиной), в текущей ситуации может быть подписано лишь некое соглашение о прекращении огня, по аналогии с тем, что было подписано США с КНДР в 1953 году¹. Но это может быть сделано только тогда, когда будут созданы для этого условия как внутри Украины, так и в плане поддержки киевского режима США и их сателлитами.

Очевидно, что сама по себе ситуация на Украине потенциально крайне неустойчива. Сейчас она держится исключительно на мобилизации населения вокруг киевского режима по принципу: «кто не с ними, тот враг Украины и подлежит уничтожению». Вопрос в том, сколько сможет этот репрессивный неонацистский режим продержаться.

При этом Украина неоднородна. Особое ожесточение проявляют жители Западной Украины, они же и зверствуют по отношению как к российским военнослужащим, так и к жителям Восточной и Центральной Украины, проявившим лояльность или даже нейтралитет по отношению к российским войскам.

По сути, сейчас на Украине в регионах, из которых были выведены российские войска, идет зачистка тех, кто помогал или же просто не оказывал сопротивления российским войскам. Их уничтожают, а выдают за жертвы российских военных. И это не просто гуманитарная катастрофа, это геноцид своих же граждан. И этот вопрос следует поднимать на всех международных площадках, причем не только ООНовских. То, что российские делегации в этих структурах занимают оправдывающую позицию, снижает эффективность развенчания информационных фейков.

¹ Корейское соглашение о перемирии, подписанное в Пханмунджоме 27 июля 1953 года, положило конец боевым действиям Корейской войны. Прим. автора.

Что же касается «западнянских» неонацистов, то очевидно, что их боевой дух основан на безнаказанности. Поэтому вполне правомерно заявление о том, что не только наемники, но и неонацисты из Западной Украины не будут рассматриваться как военнослужащие в случае их пленения. Это, во-первых, а во-вторых, необходимо прорвать киевскую цензуру в отношении демонстрации жертв украинских военных, и особенно неонацистов. Это будет способствовать принуждению к миру киевского режима уже со стороны самого населения Украины, прежде всего Западной.

Помимо этого важно также лишение внешней поддержки киевского режима, прежде всего со стороны Евросоюза. Думается, грядущий кризис в Европе, особенно энергетический, да и продовольственный, способен отодвинуть украинскую проблематику на периферию их повестки. А сами американцы с англичанами заниматься Украиной не будут. Поэтому нельзя заниматься благотворительностью в поставках газа, других энергоресурсов, а в перспективе и продовольствия Европе, поскольку это будет использовано для оказания помощи киевскому режиму.

В этой связи нам чрезвычайно важно обратиться к формуле Сунь-цзы и применить ее на практике. Суть этой формулы: «сначала разбей замыслы противника, затем его союзников и после этого его самого» [12].

Мы знаем, кто наш противник. И это не только и не столько киевский режим. Знаем его замыслы, но ничего или почти ничего не предпринимаем для того, чтобы нарушить их. Хотя, как показало решение Президента России В.В. Путина по переводу оплаты за газ на рубли [13], они очень уязвимы и очень обидчивы. Очевидно, что такое решение должно быть не единственным, должен быть комплекс решений. И они должны быть болезненными для них. Пока же мы являемся наблюдателями реализации американской стратегии «Петли анаконды»² — постепенного удушения России

² Стратегия Анаконды, а позже план З. Бжезинского по удушению СССР, была впервые применена почти два столетия назад, причём на территории самих Соединенных Штатов. Кольцо или петля «Анаконды», а этот термин в оборот ввел известный геополитик, англичанин Х. Маккиндер, в качестве стратегического военного маневра была использована во время Гражданской войны (1861–1865 годах) Юга и Севера. Прим. автора.

санкциями, провокациями и иными враждебными действиями. И демонстрируем, как говорит один чиновник, добросовестное выполнение условий международных договоров. Добросовестное, перед кем? Перед теми, кто наносит ущерб нашей стране, кто, по сути, развязал и ведет войну против России? Думается, что эта чиновничья логика вступает в противоречие с интересами Российской Федерации и не способствует решению задач в зоне специальной военной операции по защите Донбасса. Да и по отношению к российским военнослужащим, выполняющим свой воинский долг в зоне конфликта, она, мягко говоря, безнравственна.

В свое время генерал А.П. Ермолов, когда замирял горцев на Кавказе, ввел в практику правило: на каждое вооружение нападение на российские поселения отвечать двумя. В результате, ему в самый короткий срок удалось стабилизировать ситуацию и добиться поставленных главой государства задач. Мы же пока об этом говорить не можем.

Нельзя недооценивать ни опасности, ни противника. Мы привыкли воспринимать В. Зеленского как клоуна. Да, он клоун, он и сам этого не скрывает и даже гордится этим. Но нельзя не учитывать тот факт, что за В. Зеленским стоят очень серьезные аналитические структуры, аффилированные с внешнеполитическими и военными ведомствами США и Великобритании. В. Зеленский же делает то, что он умеет лучше всего — выступать. Вот он и выступает перед населением, лидерами государств, парламентами и другой публикой. И делает это, как всегда, артистично. Но при этом его все больше заносит. Хамская манера общения с лидерами ряда европейских государств и депутатами парламентов свидетельствует о его, мягко говоря, неадекватности. И это все больше начинают понимать, если не еврочиновники, то, по крайней мере, жители стран Евросоюза. Сами же чиновники на фоне эскалации украинского кризиса работают исключительно на свой собственный имидж. При этом они так же, как и В. Зеленский, выходят за рамки не только дипломатических, но и морально-этических норм. Так, в частности, посещение чиновниками высокого уровня Евросоюза У. дер Ляйн и Ж. Бореля места провокации в Буче и устроенная ими

фотосессия на фоне тел жертв этой провокации свидетельствует о крайне низком уровне их человечности. Непрестанные же заявления об ответственности России за ситуацию в Буче свидетельствуют о том, что они не только распространители этой фейковой информации, но и отчасти ее творцы. В данном случае киевские власти взяли на вооружение один из самых известных принципов геббельсовской пропаганды: чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее поверят. Поверят, очевидно, те, кто хочет в это верить, например, еврочиновники. Несмотря на то, что фейковость инсценировки отмечают даже американские и европейские эксперты [7]. Поэтому об этой провокации и инсценировке следует официально заявить на всех уровнях, в том числе и МИД России. Более того, необходимо потребовать признания лживости их заявлений и потребовать их извинений перед Россией. В противном случае необходимо инициировать иски о клевете в судебные инстанции Евросоюза. Едва ли, конечно, «правосудие» Европы примет правовые решения по данным провокациям. Но это все-таки вынудит еврочиновников быть более сдержанными в своих заявлениях. Если этого не будет сделано, то подобного провокационные заявления станут системными.

Крайне важно придать широкой огласке сущностные признаки личности Зеленского. Очевидно, что В. Зеленский не просто диктатор, это диктатор-маньяк, готовый воевать «до последнего украинца» ради интересов США и Британии. В результате уничтожается генофонд украинского народа. Причем по большей части уничтожается самими же украинскими войсками и украинскими же националистическими батальонами. Это проявляется в избирательной стрельбе из тяжелого вооружения по жилым массивам, убийствах, пытках, насилии и другие карательных акциях, в том числе в отношении жителей населенных пунктов, перешедших под контроль ВСУ по итогам переговоров в Стамбуле. Очевидно, что трагедия в Буче — это далеко не единственная и не последняя инсценированная провокация украинских спецслужб и ВСУ. Тем более, что В. Зеленский уже анонсировал появление подобных мест массовых захоронений гражданских лиц. И их, конечно же, найдут, прежде всего, те, кто

их создаст. Найдутся и те, кто в этом обвинит в очередной раз Россию.

У нынешнего киевского режима в плане подготовке провокаций и их информационного сопровождения очень хорошие учителя — специалисты в области тайных операций из МИ6 и ЦРУ. На совести этих структур, в частности, провокации в боснийской Сребренице и косовском селении Рачак, систематические инсценировки англо-сирийскими «белыми касками» химических атак в Сирии и многое др. Поэтому провокации на Украине и на Донбассе с участием и даже под непосредственным руководством представителей этих англо-американских спецслужб, безусловно, будут продолжены и обретут еще более изощренный характер.

Подтверждением этому стали и события, связанные с трагедией 8 апреля 2022 года в Краматорске — русскоязычном городе Донбасса, жителей которого еще в 2014 году один из лидеров постмайданной Украины (А. Яценюк) охарактеризовал как «subhuman» (недочеловеки). В результате нанесения удара баллистической ракетой «Точка — У» в Краматорске погибло более 50 человек, более 100 человек получили различного рода ранения.

Осознавая преступность применения этого вида оружия против гражданского населения, украинские власти сразу же возложили ответственность за ракетный удар на российские войска. При том, что ракетные комплексы «Точка — У» были сняты с вооружения ВС РФ более 20 лет назад. Неслучайной была и оговорка представителя киевского режима, что удар был нанесен РУК «Искандер». Расчет делался на то, что от ракеты не останется элементов, по которым можно было бы идентифицировать ее принадлежность. Поэтому практически сразу же после ракетного удара и В. Зеленский, и ангажированные лидеры Евросоюза развернули пропагандистскую кампанию «о варварском обстреле России мирных эвакуировавшихся граждан». Евросоюз даже приурочил к ракетной атаке на Краматорск свой пятый пакет «антироссийских санкций».

После же того, как в эфире итальянского телеканала TG La7 в репортаже о ракетном ударе по вокзалу в Краматорске был продемонстрирован серийный номер ракеты (Ш91579),

свидетельствующий о ее принадлежности ВСУ³, крики об ответственности России несколько поубавились равно, как и желание проводить расследование этой преступной акции.

Очевидно, сам по себе ракетный удар по массовому скоплению людей в Краматорске — это чудовищная акция, за которой стоят не только киевские власти, но и их кураторы из США и Великобритании. Выбор цели определялся тем, что Краматорск — один из наиболее укрепленных городов в Донбассе с пророссийским населением. Поэтому жертвы атаки должны были, с одной стороны, еще больше сплотить еврочинопничество вокруг киевского режима, а с другой — дискредитировать российские войска, которые якобы наносят удары ракетами, не просто по мирному, а пророссийскому мирному населению.

Мы должны понимать, что столкнулись с нелюдьми. Те зверства, которые осуществляются на Донбассе вооруженными формированиями киевского режима своими истоками уходят в период оккупации Украины немецко-фашистскими войсками в годы Великой Отечественной войны. Тогда даже нацисты содрогались от зверств украинских националистов. На их совести сожженная Хатынь и сотни других населенных пунктов в Белоруссии, России, да и на той же Украине. А уж то, что эти «герои» творили в Львове в отношении еврейского населения (1941 год) и польского (1943 год, Волынская резня) не укладывается в сознание нормального человека. «Герои», которым сегодня кричат «Слава» на Украине, были банальными садистами и изуверами.

К сожалению, руководство этих стран и, особенно Польши, поддерживающее киевский режим, демонстрирует пренебрежение памятью жертв зверств садистов ОУН-УПА, чьими наследниками являются сегодняшние члены украинских нацбатальонов, да и отдельные военнослужащие ВСУ.

Безусловную ответственность за зверства сегодняшних неонацистов на Украине несут официальные лица США, Британии и Евросоюза,

которые буквально взращивали в украинском обществе ненависть к России и всему тому, что с нею связано, в том числе к собственной истории. Необходимо официально заявить, что именно их поддержка и потакание, вооружение, оснащение и информационное обеспечение способствовали не только становлению киевского режима, но и преступлениям, осуществляемым им по отношению как к жителям Донбасса, так и гражданам Украины. Поэтому жертвы в Одессе, Донецке, Луганске, Счастье, Буче, Ирпене и других городах во многом на совести политического руководства этих структур. Все тайное, в конечном итоге, становится явным, и, думается, со временем они все будут признаны пособниками украинского неонацизма.

В данном случае очевидна и недоработка российских официальных лиц, не выражающих принципиальную позицию в отношении преступлений против человечности киевского режима, а всего лишь комментирующих их или в лучшем случае демонстрирующих свою озабоченность. Между тем ситуация требует четкой позиции, а не выражения озабоченности.

Что касается необходимости корректировки восприятия В. Зеленского международным сообществом, то, очевидно, на уровне внешнеполитических ведомств необходимо продвигать мысль о том, что В. Зеленский постепенно становится уже не украинским национальным диктатором, а диктатором международного уровня. Навязывая лидерам государств и правительствам, а также международным организациям, что им делать и как им необходимо поддерживать киевский режим, он фактически выходит за рамки не только дипломатического этикета, но и здравого смысла. Такого даже Дж. Байден себе не позволяет. А В. Зеленский позволяет. Для него уже не только Украина, но и все международное сообщество, которое его смотрит и слушает — это своего рода транснациональный «95-й квартал», руководителем которого он себя и назначил. Та же Германия, например, где украинский посол Ю. Мельник не просто диктует властям страны, что им делать, но и критикует их, в том числе главу государства за «недостаточную поддержку Украины», по сути, превращается в страну с пониженной самооценкой. Свою порцию критики получили

³ Номер ракеты принадлежит той же серии, которой украинские войска обстреливали города, в частности, Ш91565 и Ш91566 были еще в 2015 году выпущены по Алчевску и Логвиново, а Ш915611 и Ш915516 — в 2022 году по Бердянску и Мелитополью.

лидеры Франции, Греции за недостаточную или плохую (Венгрия) поддержку как самой Украины, так и пустившего на ее территории корни нацизма. В. Зеленский умудрился даже отчитать и прочитать нотацию ООН, выдвинув при этом требование к ней самораспуститься, в силу того что она не отвечает чаяниям киевского режима.

Примечательно, что никто или почти никто из европейских и мировых лидеров не одернул зарвавшегося комика, волею судьбы и избирательных политехнологий оказавшегося во главе Украины. Конечно же, это их право выслушивать или нет нотации от обнаглевшего от безнаказанности киевского диктатора, защищать свою честь и достоинство или нет. Но вообще-то речь идет о чести и достоинстве, наконец, благополучии их стран и народов. Поэтому тот факт, что никто не осмелился поставить на место главу киевского режима, говорит о том, что времена, когда во главе государств и правительств Европы находились лица, для которых национальные интересы своих государств и народов были превыше всего, по всей видимости уже прошли.

Европа все больше подпадает под зависимость от США, взявших на себя все рычаги управления всеми внешне- и внутривнутриполитическими процессами в европейских странах. Поэтому применительно к текущей ситуации следует говорить уже не о «Закате Европы», а о ее деградации и банальной колонизации «старшим братом» или «братьями» — англо-саксами.

То, что нынешняя «Украина под над усэ» — это англо-саксонский проект, реализуемый по большей части руками европейцев и за их же счет, это очевидно. Украинский кризис — это триггер, спровоцировавший глобальный дипломатический, политический, экономический и, наконец, гуманитарный кризис, поставив мир на грань новой мировой войны. То, что Украина — это уже отработанный материал, уже не важно, она свою роль сыграла. Сейчас на очереди европейское сообщество, вынужденное полностью подчинить свои интересы и безопасность интересам Соединенных Штатов. Они же, в свою очередь, надеются по опыту предыдущих мировых войн посредством эскалации напряженности, продажи вооружений и, наконец, непосред-

ственного участия на финальной стадии конфликта решить свои финансовые проблемы. США — государство банкрот, их совокупный долг составляет более 30 трлн долл., при том что ВВП — всего лишь более 20 трлн долл. Таким образом, долг США превышает ВВП почти в 1,5 раза, вследствие этого американская экономика — это «мыльный пузырь», готовый в любой момент лопнуть. Для того чтобы этого не случилось, необходимо обнулить свой долг и по возможности еще и получить выгоду. Именно так США решали свои финансово-экономические проблемы в Первую и Вторую мировые войны, именно так они надеются решить свои проблемы в рамках текущего глобального украинского кризиса. Европе в этом плане, так же, как и Украине, предписана роль основного донора решения американских финансовых проблем.

В этой ситуации, очевидно, России следует пересмотреть свою стратегию выстраивания отношений с Европой. Европа начинает уважать Россию только тогда, когда та поворачивается к ней спиной, или иными словами, сосредотачивается на решении своих собственных национальных интересов. Во второй половине XIX века после знаменитых слова А.И. Горчакова «Россия не сердится, Россия сосредотачивается», она действительно, повернувшись спиной к Европе, сосредоточилась на реализации своих жизненно важных национальных интересов и стала в результате этого одним из влиятельных и наиболее динамично развивающихся государств, что позволило Александру III произнести историческую фразу «Европа подождет, когда русский царь ловит рыбу».

Думается, что и сейчас уже пришло время для того, чтобы Европа в очередной раз подождала. А для этого необходимо, по крайней мере, перестать обращать внимание на Евросоюз, за спиной которого четко прослеживаются «звездно-полосатые уши».

Доминантой развития России является ее евразийское направление. Интересы России не в Европе, которая уже постепенно становится периферией мировой политики и экономики, они в Азии.

К сожалению, мы очень многое в этом направлении упустили, прежде всего, в плане разработки и реализации евразийской геополитической

стратегии России, предполагавшей формирование и развитие альянсов не только с Китаем, но и с Индией, Ираном, Саудовской Аравией, Пакистаном и даже с Афганистаном. Сейчас все эти страны заняли выжидательную позицию. И их последующий внешнеполитический курс будет определяться результатами битвы

за Донбасс. Конечно же, победа будет за нами. Но тем не менее, нам необходимо анализировать ход развития ситуации как в зоне конфликта, так и в целом в определении перспективной внешнеполитической стратегии, с тем чтобы в очередной раз не запоздать с принятием и реализацией необходимых мер.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бочарников И.В. Украинский кризис как следствие политики ЕС и НАТО по созданию пояса стратегического окружения России //Международные отношения. 2014. № 4. с. 7–32.
2. Бочарников И.В. Политический анализ. Москва, 2018.
3. Бочарников И.В. Политика «умиротворения» нацизма как фактор развязывания Второй мировой войны (к 80-летию начала Второй мировой войны) //Человеческий капитал. 2019. № 9 (129). с. 29–37.
4. Бочарников И.В. Современные тенденции развития международного терроризма //Конфликтология. 2016. № 1. с. 52–61.
5. Бочарников И.В. Военно-политические интересы России в Закавказье (ист. опыт и соврем. практика реализации) диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Москва, 1996
6. Карпович О.Г., Манойло А.В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. Москва, 2020. (2-е издание, с изменениями и дополнениями).
7. Киев в шоке: военный аналитик США раскрыл правду о событиях в Буче. <https://rusonline.org/ukraine/kyiv-v-shoke-voennyy-analitik-ssha-raskryl-pravdu-o-sobytyah-v-buche>.
8. Овсянникова О.А. Постсоветская фальсификация истории Великой Отечественной войны (на примере Украины). В книге: Противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны. Бочарников И.В., Суздалева Т.Р., Федоров К.В., Криворучко А.А., Петренко А.И., Зеленков М.Ю., Кандыбович С.Л., Разина Т.В., Овсянникова О.А., Трипольский В.Б. Москва, 2020. с. 116–129.
9. Постсоветское пространство 30 лет спустя /Кошкин А.П., Бочарников И.В., Манойло А.В., Бондалетов В.В., Глазунов О.Н., Давыдова Ю.А., Денисенкова Н.Н., Масликов В.А., Новиков А.В., Овсянникова О.А., Перенджиев А.Н., Севостьянов П.И., Черданцев В.В. Москва, 2021.
10. Путин указал на российскую помощь Украине в 250 млрд долларов. <https://vz.ru/news/2022/2/21/1144887.html>.
11. СМИ опубликовали серийный номер ударившей по Краматорску «Точки-У». <https://news.rambler.ru>.
12. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. – М.: Воениздат, 1955.
13. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2022 года № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа». <http://www.kremlin.ru/acts/news/68094>.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE AS A STRATEGIC COUNTER-TERRORISM OPERATION

Представлен обзор международной и национальной нормативной правовой базы, устанавливающей ответственность за преступления против мира и безопасности человечества, а также против общественной безопасности. Дана оценка преступной деятельности военно-политического руководства, вооруженных сил и иных вооруженных формирований Украины с участием иностранных наемников, результатом которой стал острый кризис в Восточной Европе. Подчеркивается ответственность США и других стран НАТО за дестабилизацию обстановки в регионе и поощрение международного терроризма, что вынудило Россию начать специальную военную операцию на Украине с целью ее демилитаризации и денацификации. Сформулированы выводы из оценки военно-политической обстановки и предложено определить статус специальной военной операции как стратегической контртеррористической операции.

An overview of the international and national regulatory framework establishing responsibility for crimes against the peace and security of mankind, as well as against public safety is presented. The assessment of the criminal activity of the military-political leadership, the armed forces and other armed formations of Ukraine with the participation of foreign mercenaries, which resulted in an acute crisis in Eastern Europe, is given. The responsibility of the United States and other NATO countries for destabilizing the situation in the region and encouraging international terrorism is emphasized, which forced Russia to launch a special military operation in Ukraine with the aim of its demilitarization and denazification. The current operational environment is assessed and a conclusion is made to determine the status of a special military operation as a strategic counter-terrorist operation.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, преступления против мира и безопасности человечества, международный терроризм, специальная военная операция, контртеррористическая операция.

Keywords: international humanitarian law, crimes against the peace and security of mankind, international terrorism, special military operation, counter-terrorism operation.

Как было объявлено в обращении Президента Российской Федерации В.В. Путина 24 февраля 2022 года силы, которые в 2014 году совершили на Украине госпереворот, захватили власть и удерживают ее с помощью, по сути, декоративных выборных процедур, окончательно отказались от мирного урегулирования конфликта. Эти силы осуществляли все это время геноцид в отношении проживающих на Украине миллионов людей, которые надеются только на Россию.

В связи с этим в соответствии со статьей 51 части 7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации России и во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием 22 февраля сего года договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой было принято решение о проведении специальной военной операции.

Ее цель — защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для

этого Россия будет стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные, кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации [1].

Международное гуманитарное право о преступлениях против мира и безопасности человечества. Преступления против общественной безопасности в отечественном уголовном и административном праве. Конституция РФ о соотношении международного и национального права.

События на Украине в период после насильственного государственного переворота 2014 года должны стать предметом всеобъемлющей политико-правовой оценки в соответствии с общепринятыми нормами международного права. Важнейшей составной частью системы международного права выступает международное гуманитарное право (МГП). Ядро МГП составляют Женевские конвенции 1949 года и дополнительные протоколы к ним [2]. В них

содержатся строгие нормы относительно так называемых «серьезных нарушений». Лиц, ответственных за серьезные нарушения, следует разыскивать, судить или выдавать другой стране вне зависимости от их гражданства.

Но российская сторона вправе применять и собственное уголовное законодательство, поскольку жертвами преступлений, совершенных руководством Украины, личным составом ее вооруженных сил и иных вооруженных формирований, начиная с 2014 года в ходе военных действий (фактически — необъявленной войны) против части населения, отказавшегося признать неконституционную смену власти и последовавший за этим произвол, среди них были граждане Российской Федерации, проживающие на территории Луганской и Донецкой областей (ныне Донецкой и Луганской Народных Республик, признанных Российской Федерацией). Позже жертвами преступлений стали и граждане приграничных областей России, а также военнослужащие ВС РФ, оказавшиеся в плену, в отношении которых грубо нарушались нормы третьей Женевской конвенции 1949 года. Кроме того, украинской стороне и конкретным лицам, а также организаторам из третьих стран, инспирировавшим противоправные действия Украины, могут быть предъявлены конкретные материальные иски для возмещения нанесенного ими материального ущерба.

Речь идет, в частности, об уголовной ответственности, предусмотренной статьями главы 34 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) по следующим диспозициям [3]:

Статья 353. Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны.

Статья 354. Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны.

Статья 354.1. Реабилитация нацизма¹.

Статья 355. Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения.

¹ В российском законодательстве предусмотрена также административная ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (статья 20.3. КоАП РФ)[4].

Статья 356. Применение запрещенных средств и методов ведения войны².

Статья 357. Геноцид³.

Статья 358. Экоцид.

Статья 359. Наемничество.

Особое значение здесь имеет статья 361 УК РФ (Акт международного терроризма), введенная Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ. В ней предусмотрены следующие составы преступлений и ответственность за них:

1. Совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угроза совершения указанных действий — наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы.

2. Финансирование деяний, предусмотренных частью первой настоящей статьи, склонение, вербовка или иное вовлечение лица в их совершение либо вооружение или подготовка лица в целях совершения указанных деяний — наказываются лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет со штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей либо

² По этой статье предусмотрено, в частности, что:

1. Жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации, — наказываются лишением свободы на срок до двадцати лет.

2. Применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации, — наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет.

³ Эта статья предусматривает еще более суровое наказание за действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы, — наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью.

в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет либо без такового или пожизненным лишением свободы.

3. Деяния, предусмотренные частью первой статьи 361, повлекшие причинение смерти человеку, — наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет либо пожизненным лишением свободы.

Статья 361 УК РФ дополнила уже имеющиеся в УК РФ статью 205 (Террористический акт), а также статьи 205.1–205.5, статью 206 (Захват заложника) и некоторые другие, сведенные в главу 24 (Преступления против общественной безопасности).

В случае, если перечисленные выше нормы российского права придут в противоречие с международным правом, в соответствии со статьей 15 Конституции Российской Федерации приоритет отдается национальному праву [5].

Анализ событий периода 2014–2022 гг. и непосредственно в ходе предпринятой Российской Федерацией специальной военной операции (СВО) на Украине показывает, что ВСУ повсеместно нарушают общепринятые нормы гуманитарного права, совершая при этом преступления против мира и безопасности человечества, а также преступления против общественной безопасности:

1) Боевые порядки войск, огневые позиции (в том числе танков и других тяжелых вооружений) размещаются среди жилых кварталов, укрываются в объектах социальной инфраструктуры (школах, больницах, клубах и домах культуры, торговых центрах).

2) Местные жители не только не эвакуируются из зоны боевых действий, но, напротив, насильно удерживаются фактически в качестве заложников. В Мариуполе было выдвинуто предложение об обмене незаконно удерживаемых гражданских лиц на продовольствие и медикаменты из расчета одна тонна за 15 заложников.

3) По жилым домам наносятся ракетно-артиллерийские удары и ведется беспорядочный огонь из стрелкового вооружения, в результате чего имеются значительные потери среди мирного населения. Такие удары наносятся по городам и на той территории, которую контро-

лируют ВСУ (как это было в Харькове, Краматорске и др. городах), после чего немедленно объявляется, что обстрелы велись российскими войсками.

4) Удары сознательно наносятся по критически важным объектам инфраструктуры, опасным химическим производствам и местам хранения потенциально опасных материалов (хлор, аммиак, селитра), как это было в Севродонецко-Лисичанской агломерации, мариупольской промзоне. При отступлении 49 тоннами взрывчатого вещества был заминирован, например, крупный химический завод «Заря» в Рубежном (ЛНР). По мнению экспертов, взрыв подобного масштаба мог не только нанести огромный ущерб, но и привести к глобальной техногенной катастрофе из-за близкого расположения хранилищ других опасных веществ. Ответственность за подобные действия, которые могут привести к экологической катастрофе, предусмотрена статьей 358 УК РФ.

5) В зоне боевых действий и на территориях, освобождаемых Вооруженными Силами РФ, ЛНР и ДНР, сознательно создаются условия гуманитарной катастрофы. Отступающими военнослужащими ВСУ намеренно уничтожаются все объекты жизнеобеспечения. Создаются препятствия на путях подвоза продуктов питания и медикаментов. Обстреливаются пункты раздачи гуманитарной помощи.

Например, 17 марта российские военные совместно с Росгвардией сумели предотвратить провокацию на Каховской ГЭС — важнейшем объекте в каскаде Днепровских гидроэлектростанций. Это единственная переправа через Днепр на пути из Запорожья в Новую Каховку, там пролегает коридор безопасности для покидающих регион беженцев.

Более того, в случае вывода Каховской ГЭС из строя без электроэнергии осталась бы Херсонская область и другие украинские регионы. Это могло бы вызвать проблемы с Северо-Крымским каналом, по которому вода поступает на полуостров.

6) Широко применяются запрещенные противопехотные мины, мины-сюрпризы, ставятся неизвлекаемые мины. Эксперты констатируют, что на полную зачистку населенных пунктов от украинских мин могут уйти годы, и сравнивают действия ВСУ из-за их

неизбирательности и чрезмерным жертвам, в том числе среди мирного населения, с террористической деятельностью.

7) Еще одно грубейшее нарушение гуманитарного права связано с издевательствами, пытками и казнями пленных военнослужащих и незаконно удерживаемых гражданских лиц.

8) Нарушением являются также факты использования вооруженными силами Украины сотрудников, транспорта и опознавательных знаков международных организаций (ООН, Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ на Украине, Международного комитета Красного Креста) для замаскированного таким образом решения боевых, разведывательных и иных обеспечивающих задач.

9) Ответственность за применяемые методы ведения военных действий разделяет с киевским режимом и администрация США. Серьезную угрозу создает разрушение ими системы контроля за опасными вооружениями. Среди них тысячи переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК), поставленных Западом на Украину. При этом министр обороны США публично признается, что не имеет никакого контроля за дальнейшей судьбой этих систем. ПЗРК «Стингер» вполне могут быть использованы террористами, в том числе против лайнеров с американскими гражданами.

Украина еще в спокойные годы заработала репутацию «серой зоны», из которой оружие бесконтрольно расползается по всему миру. На данный момент объем одобренной стоимости оружия, которое оформлено как помощь Соединенных Штатов Украине, составляет 13,6 млрд долларов. Одобрен закон о ленд-лизе, с первоначальной стоимостью оружия и оборудования, которое может быть поставлено, в 82 млрд долларов. Таким образом, объемы американских и других западных вооружений, переданных Киеву, уже в разы превышают то, что Запад поставил моджахедам за десять лет войны в Афганистане [6].

10) Крайне опасным явлением стало создание по всему миру биолaborаторий, в которых разрабатываются новые образцы биологического оружия. В данном случае мы вправе применить против тех, кто создавал и использовал эти лаборатории статью 355 УК РФ. (Разработка, производство, накопление, приобретение

или сбыт оружия массового поражения). С помощью данных лабораторий также осуществлялся сбор биологического материала от местного населения.

11) И заявления В.Зеленского на Мюнхенской конференции 19 февраля 2022 года о возможности появления у Украины ядерного оружия, и реально обнаруженные на Запорожской АЭС запасы промышленного урана и плутония представляют собой серьезный вызов принятой международным сообществом политике нераспространения ядерного оружия.

12) Преступным является и организованный Западом в зоне боевых действий бизнес по изъятию донорских органов для их последующей продажи за рубежом. Следственные органы фиксируют все факты «черной» трансплантологии, масштабы которой заметно возросли после 2014 года [7].

Перечисленные военные преступления, предусмотренные главой 34 УК РФ (преступления против мира и безопасности человечества) совершаются украинскими военными с ведома и по прямому указанию руководства США и НАТО.

Встав на путь международного терроризма, Киев опирается на предоставленную ему Западом политико-дипломатическую, экономическую, военно-техническую, разведывательную и информационно-пропагандистскую поддержку.

Нарастающим потоком на Украину направляются все более современные вооружения и военная техника, в учебных центрах НАТО идет ускоренная подготовка украинских военнослужащих. В страну продолжают прибывать отряды наемников. В войсках находятся западные военные советники и специалисты.

Следственные органы собирают доказательные материалы по преступлениям, совершенным военнослужащими Украины, других зарубежных государств, иностранными наемниками.

Их вина будет установлена, и они будут привлечены к уголовной ответственности. При этом им должны быть инкриминированы не только военные преступления, но и непосредственное участие в террористической деятельности.

С учетом складывающейся международной обстановки вряд ли удастся привлечь их к от-

ветственности в Международном уголовном суде. Поэтому следует создать собственный международный трибунал.

По результатам анализа развития военно-политической обстановки в ходе проведения специальной военной операции можно сделать некоторые выводы:

1. Терроризм (а именно терроризмом и ничем иным являются тактические приемы ВСУ, избравших города своим укрытием и ведущих боевые действия под прикрытием гражданского населения, используемого фактически в качестве заложников) стал практически основным содержанием ведущихся ВСУ военных действий.

2. По отношению к дезориентированному населению контролируемых ВСУ территорий активно применяется информационно-психологическое воздействие с организацией провокационных обстрелов, демонстративной выкладкой тел погибших. Население запугивается и шантажируется угрозой насилия в наказание за сотрудничество с российской военно-гражданской администрацией, так и угрозой насилия, якобы исходящей от российских войск.

Средства массовой информации и физические лица, которые, участвуя в информационно-психологическом противоборстве, распространяют дезинформацию, порочащую честь и достоинство российских военных, должны быть привлечены к уголовной ответственности по статье 207.3 УК РФ (Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий).

3. В отсутствие законности и правопорядка на контролируемых ВСУ территориях происходят массовые грабежи, практикуется насильственное удержание гражданских лиц, проходят внесудебные расправы над ними. Растут объемы незаконного оборота наркотиков, оружия, налажена торговля человеческими органами. Ответственность за это также предусмотрена в российском уголовном законодательстве.

4. Нормами международного гуманитарного права ВСУ и стоящий за ними коллективный

Запад во главе с США пренебрегают. Используются запрещенные методы и средства вооруженной борьбы. Судьба раненых и пленных никого не волнует. Эти преступления также требуют расследования и наказания.

5. Централизованная система боевого управления и связи с вооруженными формированиями, попавшими в окружение, нарушена, и ими командуют полевые командиры из числа наиболее одиозных фигур. В военных действиях участвуют иностранные наемники, вооруженные отряды националистически настроенных экстремистов, уголовники, отбывавшие наказание и выпущенные на свободу.

6. Следует ожидать, что в случае дальнейшей эскалации и все большего вовлечения стран Североатлантического союза в кризис на востоке Европы Вашингтон будет действовать по собственному усмотрению, не считаясь с международным правом и придавая своим законам и принятым административным решениям экстерриториальный характер. США и их союзники по НАТО будут применять все перечисленные террористические методы, запрещенные международным правом, бесцеремонно нарушая обычаи войны и нормы гуманитарного права. При этом ответственность за совершенные преступления будет перекладываться на Россию, как это уже сейчас и делается.

7. В такой ситуации силы, участвующие в СВО, оказываются серьезно ограниченными в выборе средств и методов воздействия на противника. Применяемая им тактика позволяет квалифицировать ВСУ как вооруженные формирования террористов, а ведущиеся ими военные действия — проявлением международного терроризма, организованного преступным государством. Публицист Г. Садулаев справедливо замечает, что информационные источники из ЛНР и ДНР в обозначении противника применяют единую аббревиатуру ВФУ — вооруженные формирования Украины. И призывает не различать «добровольческие» нацистские батальоны, кадровых военных, мобилизованных резервистов или силы местной территориальной обороны [9].

8. Требуется проведение широкомасштабной контртеррористической операции против лиц, утративших общепризнанные права комбатантов. Изменение их правового статуса

должно быть доведено до них в ультимативной форме, после чего все, не сложившие оружие и не сдавшиеся, подлежат уничтожению. При захвате (задержании) они автоматически становятся подозреваемыми в совершении уголовных преступлений, предусмотренных соответствующими статьями глав 24 (Преступления против общественной безопасности) и 34 (Преступления против мира и безопасности человечества) УК РФ, и после проведения следствия и установления их вины они должны быть осуждены в порядке, установленном законом, в зависимости от тяжести совершенных ими преступлений.

9. Необходимо создать международный уголовный суд, представляющий Россию, Белоруссию, ДНР, ЛНР, любые другие страны и начать производство по делу о масштабных актах международного терроризма и преступлений против человечества на территории Украины. Судебные процессы должны быть максимально открытыми и гласными. Неотвратимость наказания должна быть очевидна для граждан, военно-политического руководства и личного состава ВС зарубежных стран, ведущих активную антироссийскую кампанию. Любая из них, решившись встать на путь государственного терроризма, должна понести такое же суровое наказание.

10. В руководящих документах по стратегическим действиям ВС РФ должен быть учтен принципиальный переход противника к террористической деятельности (в том числе и при поддержке введенного им в заблуждение населения), что вынуждает нас внести определенные коррективы в организацию и планирование военных действий, приобретающих форму стратегической контртеррористической или военно-полицейской операции, проводимой на всей территории Украины как театра военных действий.

Мы имеем дело не с увеличением доли боевых действий в городских условиях, а с заметным изменением всего характера современной войны с существенно возросшим вкладом информационного противоборства и активным использованием производимых социально-гуманитарных эффектов.

Особенностями проводимой специальной военной операции можно считать:

- ее контртеррористический характер, что полностью соответствует пункту 4 статьи 6 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму», предусматривающему возможность применения Вооруженных Сил Российской Федерации для пресечения международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации [10];

- асимметричность ведущихся военных действий, характеризующаяся: неравенством сил, средств, технологий и ресурсов сторон и применением хотя бы одной из сторон стратегии и тактики вооруженной борьбы, нарушающих логику традиционных (классических) военных (боевых) действий;

- гибридный характер противостояния сторон в такой операции, сопровождающегося широким использованием невоенных форм воздействия (мер политико-дипломатического воздействия, торговых эмбарго, экономических санкций, информационно-пропагандистских кампаний в средствах массовой информации и т.д.);

- широкий пространственный размах, охватывающий значительную часть Восточной Европы;

- стратегическое содержание решаемых в ходе СВО задач;

- коалиционный состав межвидовой оперативно-стратегической группировки привлеченных к ней сил и средств;

- особую ожесточенность военных действий, развязанных экстремистски настроенным националистическим режимом в Киеве и его вооруженными формированиями, с неизбежным применением средств вооруженной борьбы, в том числе запрещенных в международном праве, и причинением чрезмерного ущерба гражданскому населению;

- принуждение к миру как конечный итог процесса демилитаризации Украины с ее последующим демократическим переустройством в соответствии со свободным волеизъявлением граждан.

В дальнейшем наступит этап постконфликтного урегулирования, в ходе которого будет обеспечено достижение второй цели операции — денацификации Украины.

Успешное ведение СВО обеспечит и решение третьей, неафишируемой, но не менее важной для нас цели – стратегического сдерживания ОВС НАТО или отдельных стран Североатлантическо-

го альянса, которые провокационно заявляют о своей готовности к осуществлению собственной (без мандата НАТО и тем более СБ ООН) миротворческой операции на территории Украины.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-obraschenija-prezidenta-rossiiskoi-federacii-24-02-2022.html>.
2. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ним. – М.: Международный комитет Красного Креста, 2011.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
6. Как западное оружие «утекает» с Украины на черные рынки // Взгляд.ру, 13 мая 2022 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/world/2022/5/13/1158123.html>.
7. Полякова М., Котов П. Елена Пономарева: ВСУ и нацбатальоны используют людей как живой инкубатор донорских органов и крови // Украина.ру, 1 апреля 2022 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ukraina.ru/interview/20220401/1033664439.html>.
8. Королькова Е.Е. Право применения силы и деятельность частных военных и охранных компаний в вооруженных конфликтах // Международное право. 2018. № 1. с. 1–7.
9. Садулаев Г. Террористическое государство на Украине должно быть ликвидировано // Взгляд.ру, 1 июня 2022 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vz.ru/opinions/2022/6/1/1161039.html>
10. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму».
11. Выступление Президента Российской Федерации В.Путина на заседании Совета Безопасности Российской Федерации 20 мая 2022 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68451>.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФУНКЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

STATE FUNCTIONALIZATION OF TRADITIONAL VALUES AS A WAY TO ENSURE CULTURAL SECURITY

В статье предлагается обоснование необходимости институционального закрепления роли традиционных ценностей как важной функциональной составляющей в обеспечении национальной безопасности государства. Задача обеспечения культурной безопасности представлена комплексом необходимых мер в различных сферах общественного и государственного управления в условиях гибридной войны.

The article proposes a rationale of the necessity for institutional consolidation of the role of traditional values as an important functional component in ensuring the national security of the state. The task of ensuring cultural security is a set of necessary measures in various spheres of public and state administration under the conditions of a hybrid war.

Ключевые слова: традиционные ценности, государственная функционализация традиционных ценностей, национальная безопасность, культурная безопасность, направления обеспечения культурной безопасности.

Keywords: traditional values, state functionalization of traditional values, national security, cultural security, directions of ensuring cultural security.

Культурные и нравственные критерии, лежащие в основе жизнедеятельности общества, на протяжении всей истории человечества оказывали существенное влияние на вектор развития социума, способствовали продуцированию идей, обеспечивающих его прогрессивное развитие, или, напротив, ввергали страны и народы в пучину войн, национальных, гражданских или религиозных конфликтов, которые нередко заканчивались гибелью целых государств или на десятки лет уводили их народы на обочину истории. Библейская легенда о городах Содом и Гоморра является ярким примером того, что нравственное падение людей, отсутствие покаяния за греховные деяния и последующего исправления, влечет за собой суровое возмездие. Похоже, что приведенный в Ветхом завете сюжет лишь открыл череду аналогичных по смыслу событий, цикличность повторения которых по прошествии веков не прекращается.

Не секрет, что нравственное сознание меняется в соответствии с общественными взглядами, традициями, предпочтениями. Благодаря этому в каждой эпохе люди ориентируются на присущие ей нравственные ценности и руководствуются сложившимися в ней теми или иными культурными нормами. Ценности вы-

ступают здесь как глубинные регуляторы поведения людей, внутренние структуры, направляющие и мотивирующие конкретные действия индивидов, групп, общества в целом. Они воплощают обобщенные представления и установки людей относительно целей и норм деятельности и поведения, концентрированно выражают смысл культуры народа и способствуют личностному развитию его представителей [4]. Атрибутивный характер ценностных ориентаций всякой деятельности, в свою очередь, порождает необходимость ответа на вопросы о содержании ценностей и их общественно-политической функциональности, которые имеют особое значение для практик государственного управления. Под ценностями можно понимать предельные, рациональные, нормативные основания, направляющие поведение не только отдельных личностей, но и обрзуемых ими сообществ.

Цель данной статьи — выявление и обоснование необходимости институционального закрепления роли традиционных ценностей как важной функциональной составляющей в обеспечении национальной безопасности государства. Авторы данной статьи полагают, что традиционные ценности не только стабилизи-

руют общественное развитие, но и задают соответствующий функциональный фрейм для поддержания безопасности личности, семьи, общества и государства в общей системе обеспечения национальной безопасности. Эта национально-государственная функциональность традиционных ценностей, в свою очередь, требует их социально-политического воспроизводства, динамического сохранения посредством институционального закрепления в различных формах.

Постсоветские общества сегодня продолжают находиться под влиянием трансформационных процессов, связанных с поиском наиболее оптимальной парадигмы своего развития. Происходящие в них экономические и социально-политические изменения сопровождаются ломкой сложившихся морально-нравственных устоев, коренными сдвигами в духовной культуре и ключевых общественных и личностных ценностях. Очевидно, что в этих условиях необходима выработка оптимальных направлений национальной культурной безопасности государства на современном этапе, что представляется важной государственной задачей, в частности, как для Российской Федерации, так и для Республики Беларусь [17, с. 56–63].

Концепт культурной безопасности имеет уже достаточно длительную историю и активно обсуждается около сорока лет, наполняясь различным функциональным содержанием [26, с. 204–208; 12; 13, с. 65–66]. Сегодня существует несколько подходов к оценке функционализации «культурной безопасности». Исследователи выделяют три таких подхода в научном дискурсе [20, с. 47–48].

Первый подход не признает функциональной необходимости «культурной безопасности», понимая ее как необоснованное вмешательство организационными методами в естественное развитие культуры. В частности, культуролог К. Разлогов обозначил эту позицию через возникающую дилемму развития и безопасности: поддержание безопасности ориентировано на консервацию культурных образцов прошлого, что ведет в определенной степени к отрицанию современной массовой культуры, оказывающей существенное влияние на развитие личности, семьи, общества и государства в целом. С этой точки зрения на-

циональная культура достаточно консервативна в своей основе и ее нет необходимости спасать посредством специальных управленческих мер [19].

Второй подход принимает общественно-политическую функциональность концепта культурной безопасности, а само обеспечение культурной безопасности понимает как необходимую программную государственную деятельность по сохранению традиционных культурных образцов (в российском контексте, чаще всего, православных традиционных ценностей), противостоящую их дестабилизации и разрушению со стороны экспансивной массовой культуры потребительского общества западного типа. Культурная безопасность здесь призвана предотвратить нравственное и культурное разложение нации [9].

В рамках третьего подхода концепт культурной безопасности можно признать функциональным только с учетом открытости традиционной, самобытной культуры, которая, будучи связана с культурой других народов и мировой культурой, способна изменяться, сохраняя, тем не менее, свою уникальность. Иными словами, культура, понимаемая как процесс постоянного взаимодействия традиций и новаций, пробует собственные возможности. Культурная безопасность, исходя из этих социокультурных возможностей, должна реализовывать такие «балансирующие» программы, которые будут направлены как на сохранение, так и на создание условий для развития культуры [12; 13; 26]. Данный подход в целом соответствует некоторым направлениям в западных гуманитарных исследованиях безопасности, где культурная безопасность — возможность не только воспроизводить свою культуру, но и создавать новые культурные формы [27, с. 18].

Следует отметить, что в указанных подходах просматриваются структурные вариации культурной безопасности, при которых культурные образцы рассматриваются и как условие безопасности (культура как почва для обеспечения безопасности личности, семьи, общества, нации и государства), т.е. фундамент субъектной инстанции безопасности, и, в то же время, как объект безопасности — то, что является особым предметом заботы; то, что само подлежит сохранению. С учетом названных подходов и

структурных особенностей функционализация культурной безопасности может быть представлена как концентрирующаяся вокруг двух основных проблем: 1) сохранения аутентичной (традиционной, национальной) культуры как атрибута субъектной инстанции безопасности и ее объекта; 2) создания безопасных условий для развития культуры без потери ее национальной идентичности в ее субъектной и объектной роли. С учетом этого обстоятельства следует уточнить актуальность и содержание концепта культурной безопасности.

Угрозы безопасности государства в наиболее общем виде можно рассматривать как возможность развития событий, которые будут создавать критическую ситуацию для его существования, ставить под сомнение, прежде всего, его политическую и экономическую состоятельность, возможность защищать свои национальные интересы. Нужно заметить, что в последние десятилетия негативные тенденции в структуре угроз национальной безопасности заметно смещаются в сферу культурной жизни общества и государства. Если под культурой понимать «совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни», «достижения в определенную эпоху у какого-либо народа», «наличие условий жизни, соответствующих потребностям просвещенного человека» [22, с. 148], то очевидно, что культура характеризует уровень развития данного общества (государства) во всем его многообразии, особенно в таких формах, как наука, образование, искусство, духовность, религия. С учетом данного значения и понимания культуры, а также указанного смещения угроз в культурную сферу проблема культурной безопасности приобретает фундаментальное значение, что, в свою очередь, требует уточнения содержания концепта культурной безопасности.

Идея о том, что безопасность невозможно поддерживать без учета культурных особенностей общества [6; 14] стала приобретать свое программно-политическое оформление с 1980-х гг. первоначально как *culturalsafety*, а затем и как *culturalsecurity*. Именно в последнем смысле концепт культурной безопасности приобретает общегосударственное и межгосударственное значение. Резюмируя различные точки

зрения [1; 2; 5; 7; 21], культурную безопасность, понимаемую в качестве государственной задачи, можно определить как создание условий для сохранения аутентичной национальной культуры и ее прогрессивного развития в современных условиях глобализации, обеспечивающих национальную безопасность. Обеспечение культурной безопасности включает, прежде всего, защиту культурного наследия, исторически сложившихся традиций и норм общественной жизни; сохранение и приумножение своего культурного достояния, социокультурной идентичности [15]. Это непрерывный процесс осознанной и поддерживаемой народом эволюции, развития культурных образцов, технологий, укладов, социальных достижений, главной целью которых является недопущение разрушения основополагающих цивилизационных паттернов и культурных ценностей, т.е. традиционных ценностей, забота об условиях их сохранения и актуализации для обеспечения безопасности личности, семьи, общества и государства.

В чем же кроются основные угрозы культурной безопасности для государства на современном этапе?

Отвечая на данный вопрос, следует исходить из того, что объектом культурной безопасности является система культурных образцов (материальных и духовных), созданных всеми поколениями населения страны. Именно уничтожение или подмена культурных образцов, а также разрушение механизмов их эволюционного развития в наибольшей степени выступает как элемент угрозы культурной безопасности. Культурная безопасность, в свою очередь, тесно связана с безопасностью в информационной, социальной сфере, а также прочими сферами, оказывающими влияние на гуманитарное развитие. Не случайно стратегические программные государственные документы, регламентирующие обеспечение национальной безопасности, включают укрепление и защиту традиционных духовно-нравственных основ общества, что, в частности, является одним из ключевых национальных интересов в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [24, ст. 21, 25, 26]. Аналогично в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь обеспечение развития

«интеллектуального и духовно-нравственного потенциала общества, сохранение и преумножение его культурного наследия, укрепление духа патриотизма» отнесены к национальным интересам в социальной сфере безопасности [11, ст. 12]. Отсюда следует и соответствующее понимание одного из источников угроз — «широкое распространение в мировом информационном пространстве образцов массовой культуры, противоречащих общечеловеческим и национальным духовно-нравственным ценностям» [11, ст. 42], т.е. настойчивое внедрение культуры потребительского общества. Нейтрализация таких угроз должна быть обеспечена посредством духовно-нравственного воспитания граждан, «в том числе путем развития идеологии белорусского государства, основанной на традиционных ценностях нашего общества» [11, ст. 52]. Нужно помнить, что состояние науки, культуры, здравоохранения, достижений в образовании — это те столпы, разрушение которых недопустимо. При этом должна сохраняться своя национальная идентичность без ее подмены чуждой культурой.

Одним из направлений обеспечения культурной безопасности является регламентация функционирования средств массовой коммуникации в русле реализации национально-государственных интересов [25]. СМИ предоставляют сегодня каждому человеку уникальную возможность получать разностороннюю информацию о происходящих в мире процессах в сфере политики, экономики, науки и культуры; анализировать ее и сопереживать транслируемым событиям, продуцируя различные чувства и эмоции. Информация, предоставляемая через СМИ, подается и усваивается социальными субъектами с учетом интересов, которые, особенно в зарубежных медиаисточниках, способны формировать отношение к происходящему, чуждое национально-государственным интересам, стремлениям личности и общества. Это объясняется тем, что многие субъекты, «заказывающие музыку» в СМИ, находятся на службе у заокеанских хозяев, которые ставят задачи по размыванию глубинных базовых ценностей традиционной культуры и пытаются сформировать массовый, мозаичный и потому легко управляемый духовный мир новых поколений под видом «общечеловеческих,

либеральных ценностей» и ложно понимаемой национальной автономии [23]. Следует отметить, что в конце прошлого, начале нынешнего столетия в ряде стран на постсоветском пространстве средства массовой информации достаточно успешно выполняли этот социальный заказ США и Запада, формируя массовое сознание, адаптируя свои сообщения для различных категорий — обывателей, молодежи, так называемых «независимых интеллектуалов» и др. В эпоху «постправды» разобраться, где истина, а где вымысел, и соответственно, правильно расставить акценты самостоятельно, гражданам довольно сложно. Именно поэтому так же, как нужна государственная программа развития культуры [8], становится необходима специальная государственная институционализация культурной безопасности в различных приемлемых формах. Российское государство уже сделало ряд шагов в этом направлении, о чем свидетельствуют принятые еще в 2014 году «Основы государственной культурной политики» [16], а также разработанный и представленный для общественного обсуждения в 2022 году проект «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [18]. Вместе с тем опубликование указанного проекта высветило ряд вопросов, среди которых одним из основных является вопрос о содержании «традиционных ценностей», который требует дополнительного прояснения.

Известно, что среди исследователей в области социально-гуманитарных наук России и Беларуси нет единого мнения о содержании традиционных ценностей [1; 10; 15]. В «Основах государственной культурной политики» Российской Федерации было отмечено, что «дальнейшее изучение традиционной для России системы ценностей, ее отличий от ценностей иных мировых культур является одной из приоритетных задач гуманитарных наук» [16, с. 48]. Здесь же в резюмирующем пояснении к документу была указана особо важная роль ряда ценностей в российской культуре. К числу таких традиционных ценностей были отнесены: «патриотизм, сохранение территориальной целостности России и единства российского многонационального и многоконфессионального общества; приоритет духовного

над материальным, обуславливающий в том числе обостренное чувство справедливости; традиционные семейные ценности» [16, с. 48]. В проекте «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» традиционные ценности были описаны более определенно:

«Традиционные ценности — это формирующие мировоззрение граждан России нравственные ориентиры, передающиеся от поколения к поколению, обеспечивающие гражданское единство, лежащие в основе российской цивилизационной идентичности и единого культурного пространства страны, нашедшие свое уникальное самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

К числу традиционных ценностей относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [18, с. 3–4].

Следует аналитически оценить наиболее важные признаки, по которым те или иные духовно-нравственные ценности могут быть отнесены к традиционным:

1) ценности, возникшие в рамках специфических, наиболее влиятельных в социокультурном смысле образований (традиций), таких, например, как русское православие, широко распространенное как в России, так и в Беларуси;

2) ценности, реализованные, воплощенные в уникальных социокультурных артефактах и образованиях (в продуктах материальной и духовной культуры — в произведениях искусства, религиозных артефактах, философских текстах, правовых документах и т.п., а также в социальных институтах);

2) ценности, сакрализованные соответствующими влиятельными религиозными традициями;

3) ценности, существующие достаточно длительное историческое время в данном регионе;

4) ценности, способные актуализироваться, приобретать весомое современное практическое значение, способные воплощаться в образе жизни личности и общественных отношениях;

5) ценности, образующие структурную основу и основное содержание социокультурной идентичности субъектов;

6) универсализированные ценности, т.е. приемлемые в практическом смысле, как правило, для всех социальных субъектов или инстанций в обществе.

На наш взгляд, именно указанные признаки обеспечивают традиционным ценностям соответствующий парадигмальный социокультурный статус, а процессы деструктивного воздействия на них могут быть поняты как изменения в иерархической структуре ценностных матриц, и, как следствие, инверсий в статусных позициях ценностей.

Изучая внешние влияния на традиционные ценности, необходимо принять к сведению, что на их состояние и трансляцию оказывают воздействия иные общества и государства, имеющие свои конкурирующие ценностные матрицы и национальные интересы. Так, например, на трансляцию и модернизацию ценностей белорусов сегодня, их представлений о будущем человечества, безусловно, оказывают влияние процессы, происходящие в Европе, когда массовая транзитная нелегальная миграция переселенцев из стран Ближнего Востока и Африки в страны Евросоюза, в том числе и через Республику Беларусь, привела к полной разбалансированности европейского общества. Ситуация приобрела такой характер, что толерантность европейцев фактически превратилась в манифестацию угасания воли народов и правительств этих стран, отсутствия решимости на мировоззренческом, социокультурном и организационном уровне сохранить свою идентичность, а в перспективе — сложившуюся веками государственность и европейскую культуру на фоне полного краха идеи мультикультурализма. «По сути, нанесен сильнейший удар по культурному и этническому самосознанию европейцев как по представлениям о собственной сущности, своем положении в системе взаимодействий с другими народами, своей роли в истории человечества, включая осознание

своего права на свободное независимое существование и на производство и развитие своей самобытной этнической культуры» [3, с. 85]. Высшей ценностью для нации, как наиболее совершенной формой развития этноса, служат ценности, которые формируют неповторимый уклад духовной и общественной жизни в государстве, определяющие отличие «нас», «своих» от «них», «чужих», без чего не может быть самоидентификации и самоопределения подобных сообществ на всех уровнях общественной организации.

Общество, которое не стремится, прежде всего, к сохранению своих высших традиционных ценностей не имеет будущего. Оно подвержено духовной дезориентации и разложению. В нем отсутствуют жизненные ориентиры и устойчивые личностные нравственные позиции. С учетом этого, нам не обойтись без государственной институционализации, закрепления и совершенствования механизмов функционирования традиционных ценностей в интересах национальной безопасности, основывающейся в том числе на внимательном отношении к историческому опыту, выявлении положительного в созданных ранее государственно-правовых формах.

В современных условиях культурная безопасность становится одним из важнейших факторов обеспечения национальной безопасности, независимости, суверенитета и территориальной целостности страны, консолидации общества, создания условий для успешного решения задач внутреннего развития и ведения активной внешней политики государства. При отсутствии государственного стратегического планирования, в том числе концепции обеспечения национальной культурной безопасности и программы ее реализации, это невозможно. В случае Беларуси традиционные духовно-нравственные ценности всегда ассоциировались с устойчивостью нравственных представлений и отношений, незыблемостью семейной и возрастной иерархии, относительно консервативной половой моралью и высокой ролью семьи как фундаментальной ячейки общества, терпимостью и трудолюбием, толерантным духовным миром белорусов. Сохранение именно этих ценностей — необходимое условие уверенного взгляда в будущее. В этом должен состоять

главный ответ на вызовы глобализации, в том числе в ее деструктивных, безнравственных проявлениях.

В качестве предложений по обеспечению культурной безопасности, следует обозначить основные направления деятельности государства и институтов гражданского общества, которые и для России, и для Беларуси могут иметь общую рамочную структуру. Данная структура предложена с учетом необходимости сохранения аутентичной культуры и создания условий, без которых невозможно ее развитие в контексте глобализации, т.е. противостояния деструктивным влияниям извне.

Обеспечение культурной безопасности следует программировать и осуществлять в следующих сферах и направлениях.

В научно-исследовательской сфере: а) проведение необходимых научных исследований, способствующих более глубокому изучению культурного наследия, специфики традиционных ценностей и механизмов их актуализации; б) изучение исторического опыта противостояния деструктивным влияниям в информационно-идеологической сфере для прояснения способов и механизмов нейтрализации конспирологических угроз; в) изучение условий и необходимости принятия соответствующих документов в различных сферах обеспечения культурной безопасности.

В нормативно-правовой сфере: разработка, принятие и дальнейшее совершенствование правовых документов, в том числе стратегического планирования, для обеспечения культурной безопасностис привлечением заинтересованных государственных и общественных институтов.

В социальной сфере: а) продолжение целенаправленной всесторонней работы институтов государства и гражданского общества по исправлению негативных тенденций в развитии демографической ситуации, укреплению нравственных социальных позиций по отношению к семейным традициям и ценностям, семейному воспитанию и культуры семьи; б) активное участие государства в реализации программ по пропаганде и поддержанию здорового образа жизни (популяризации занятий физкультурой и спортом, введения эффективных мер борьбы с употреблением алкоголя

и наркотиков); в) государственная поддержка традиционной семьи как одной из важнейших ячеек общества, ведение просветительной и воспитательной работы в целях снижения количества гражданских браков; запрещение на законодательном уровне пропаганды однополых браков и гомосексуализма; г) совершенствование государственной миграционной политики и недопущение создания на территории страны национально-культурных анклавов из числа иностранных мигрантов.

В информационно-идеологической сфере: а) обеспечение информационной безопасности граждан, особенно детей и молодежи, как в киберпространстве, так и в сети Интернет посредством фильтрации, а при необходимости и блокировки распространения деструктивных материалов, наносящих ущерб человеческой психике и морали; б) завершение формирования национально-государственной идеологии на основе традиционных ценностей; в) недопущение попыток искажения истории страны, принижения героических подвигов и событий в субъективных политически ангажированных трактовках, искажения роли СССР, а соответственно, и БССР в победе над фашистской Германией, решительное пресечение возможных попыток оправдания нацизма и радикального национализма; г) создание и распространение через СМИ медиаконтента, направленного на формирование патриотизма посредством актуализации в исторической памяти лучших достижений исторического прошлого, значительных исторических событий, ярких исторических образов; д) обеспечение постоянного информационного сопровождения государственной политики в культурной сфере и пропаганде ее достижений.

В религиозной сфере: а) обеспечение поддержки позитивной деятельности духовенства Русской Православной Церкви, а также привлечение иных традиционных конфессий с учетом интересов общества и государства, к деятельности, направленной на решение задач по регенерации духовной опоры общества, его стержня — традиционной культуры, обеспечив тем самым религиозную безопасность государства; б) активное участие институтов государства в обеспечении должного позитивного влияния на деятельность религиозных ор-

ганизаций в социальной и культурной сферах государственного регулирования;

В сфере просвещения и образования: а) проведение культурно-просветительной работы в учебных заведениях, направленной на формирование позитивного образа семьи в противовес имеющему место эгоизму, культу развлечений, полигамии в интимных отношениях, неуважения к окружающим, недоверия государству и т.п.; б) целенаправленное использование достижений и методов искусства как ресурсов сохранения и формирования национально-государственной идентичности; в) усиление компонента гуманитарного образования в учебных заведениях независимо от их профиля с целью закрепления гуманистических ценностей; г) совершенствование моделей взаимодействия государственных институтов и общественных организаций с творческими союзами, манифестирующими гуманистический смысл творчества и человеческого существования, направляющими и побуждающими людей трудиться и созидать в интересах личности, семьи, общества и государства с учетом того, что свобода творчества — это не вседозволенность, а эпатаж — не направление развития искусства.

В сфере политической и культурной дипломатии: а) развитие культурной дипломатии государства, пропаганды высоких достижений национальной культуры на международной арене, в том числе с активным использованием международных организаций; б) создание позитивного национально-государственного образа за рубежом; в) дальнейшая интеграция России и Беларуси в культурной сфере с сохранением уникальных национальных особенностей; г) формирование отношения к русскому языку как средству межнационального общения между людьми в поликультурной общности Союзного государства и стран СНГ.

Таким образом, актуальное обеспечение культурной безопасности представляется комплексной задачей. Ее реализация предполагает активное участие как государственных институтов, так и гражданского общества. Однако реализация данной задачи в условиях внешней культурной экспансии, представляется невозможной без выработки и государственно-институционального закрепления механизмов

функционализации традиционных ценностей, обеспечивающих как национально-государственную уникальность, так и реализацию интересов национальной безопасности. Все вышесказанное — это не только проблема сегодняшнего дня, а реальность воздействия гибридной войны, развязанной США и Западной Европой в отношении Беларуси, России и других стран мирового сообщества, которых они считают своими противниками. Цель Запада одна — через информационную экспансию (информационную войну), дипломатическое

давление, экономические санкции разрушить, в первую очередь, наши нравственные устои, сплоченность, экономическую состоятельность; создать ситуацию организованного хаоса, а затем уничтожить государственность, при необходимости применив не только мягкую силу, но и военную составляющую. Обеспечение культурной безопасности в этом возможном сценарии имеет важное значение отстаивания своего суверенитета, политической, экономической независимости и, соответственно, культурной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / О.А. Павловская [и др.]; под ред. О.А. Павловской; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. — Минск: Беларус. навука, 2010. — 519 с.
2. Белозор А.Ф. Культурная безопасность как основа культурной идентичности // Человек и культура. — 2019. — № 1. — с. 80–86.
3. Бутранец В.К., Шерис А.В. Как избежать запрограммированных иллюзий / К. Бутранец А.В. Шерис // Беларуская думка. — 2017. — № 1. — с. 82–89.
4. Вдовин А. Мировое правительство и будущее русского народа / А. Вдовин // Славянская Европа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.slavic-europe.eu/index.php/articles/60-world-articles/90->. — Дата доступа: 28.01.2022.
5. Верминенко Ю.В., Ершов Н.В. Культурная безопасность общества и государства и ее основные угрозы / Ю.В. Верминенко Н.В. Ершов // Управленческое консультирование. — 2017. — № 2. — с. 111–119.
6. Глобальные вызовы, угрозы и опасности современности. Приоритеты политики обеспечения национальной безопасности России / А.В. Возжеников и др.; под общ. ред. А.В. Возженикова; Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. — Москва: Изд-во РАГС, 2008. — 222 с.
7. Голобородько А.Ю. Культурная безопасность: содержание, ресурсы, инструментарий обеспечения / А.Ю. Голобородько // Сравнительная политика. — 2015. — № 4 (21). — с. 10–19.
8. Государственная программа «Культура Беларуси» на 2021–2025 годы. Утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29.01.2021 № 53 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100053>. — Дата доступа: 23.01.2022.
9. Душина Т., Бокачев И. Актуализация безопасности духовной культуры российского общества / Т. Душина, И. Бокачев // Власть. — 2011. — № 1. — с. 93–96.
10. Загребин С.С. Традиционная культура как основа новой культурной политики в России / С.С. Загребин // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2016. — № 2 (10). — с. 82–87.
11. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://pravo.by/pdf/2010-276/2010-276\(005-026\).pdf](https://pravo.by/pdf/2010-276/2010-276(005-026).pdf). — Дата доступа: 30.01.2022.
12. Можейко В.А. Формирование культурной политики в условиях глобализации как фактор обеспечения культурной безопасности Республики Беларусь: дисс... кандидата культурологи: 24.00.01 / В.А. Можейко. — Минск, 2017. — 151 с.
13. Можейко В.А. Культурная безопасность и культурная дипломатия как составляющие культурной политики Беларуси: вызовы и возможные реакции / В.А. Можейко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. — 2016. — № 7. — с. 65–69.
14. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов / А.И. Буркин А.В. Возжеников Н.В. Синеок; под общ. ред. А.В. Возженикова; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. — М.: Изд-во РАГС, 2005. — 511 с.
15. Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы / гл. ред. А.В. Паршинцев; отв. ред. В.И. Немыченков. — Санкт-Петербург: Алетей, 2015. — 592 с.
16. Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808. — Министерство культуры Российской Федерации, 2015. — 72 с.

17. Павловский А.А. Возможные направления развития стратегии национальной культурной безопасности государства на современном этапе / А.А. Павловский // Материалы V Международной научно-практической конференции; г. Минск, Военная Академия Республики Беларусь, 13–14 апреля 2017 г. – Минск: 2017. – с. 56–63.
18. Проект «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Федеральный портал проектов нормативных актов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=123967>. – Дата доступа: 29.01.2022.
19. Разлогов К.Э. Российская культура: развитие или безопасность — что важнее? Выступление на Московском форуме культуры (1 июля 2010 г.) / К.Э. Разлогов // Культурологический журнал. 2010. № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://crjournal.ru/files/file/02_2011_20_42_17_1297964537.pdf
20. Романова А.П., Бичарова М.М. Проблема культурной безопасности в научном дискурсе / А.П. Романова М.М. Бичарова // Человек. Сообщество. Управление. – 2015. – Том 16. – № 2. – с. 36–55.
21. Романова А.П., Мармилова В.О. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности / А.П. Романова В.О. Мармилова // Человек. Сообщество. Управление. – 2008. – № 2. – с. 84–94.
22. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой; РАН, Ин-т лингвистических исследований. – 4-е изд. – М.: Рус.яз., Полиграфресурсы, 1999. – Т. 2. – 736 с.
23. Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны / Пер. с англ. под рук. Е. Логинова и А. Верченкова; ред. пер. В. Крашенинникова. – М.: Институт внешнеполитических исследований и инициатив, Кучковополе, 2013. – 416 с.
24. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=1&rangeSize=1>. – Дата доступа: 20.01.2022.
25. Федоров Ф.В. Информационная безопасность в мировом политическом процессе / Ф.В. Федоров. – М.: МГИМО-Университет, 2006. – 220 с.
26. Шевченко И.В. К вопросу операционализации понятия культурная безопасность / И.В. Шевченко // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 9(65) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-operatsionalizatsii-ponyatiya-kulturnaya-bezopasnost>. – Дата доступа: 25.01.2022.
27. Handbook of Cultural Security / Edited by Yasushi Watanabe. – Graduate School of Media and Governance, Keio University, 2018. – 512 p.

P.A. DULNEV,
A.V. KOTOV,
N.P. PEDENKO

П.А. ДУЛЬНЕВ,
А.В. КОТОВ,
Н.П. ПЕДЕНКО

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО МЕТОДА ПЛАНИРОВАНИЯ ДЛЯ ОБОСНОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И РАЗВИТИЯ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИМИТАЦИОННО-МОДЕЛИРУЮЩЕГО КОМПЛЕКСА

PROBLEMS OF APPLICATION OF A PROGRAM-TARGET PLANNING METHOD TO JUSTIFY THE CONSTRUCTION AND DEVELOPMENT OF GROUND FORCES USING A SIMULATION-MODELING COMPLEX

В статье рассмотрены основные проблемные вопросы применения программно-целевого метода в интересах планирования развития организационных структур общевойсковых формирований Сухопутных войск, проводится структуризация задачи выявления и обоснования направлений их развития.

The article discusses the main issues of application a program-target method for the benefit of the planning the development of Ground forces combined arms formations organizational structures; the structuring of the task of identifying and substantiating the directions of combined arms formation's development is carried out.

Ключевые слова: программно-целевой метод, общевойсковые формирования, слабоструктурированная задача, организационная структура, боевая задача,

Keywords: program-target method, combined arms formations, weakly structured task, organizational structure, combat mission

Сухопутные войска ВС РФ (СВ) – наиболее многочисленный и разнообразный по вооружению и способам боевых действий вид Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ), предназначенный для отражения агрессии противника на континентальных театрах военных действий, защиты территориальной целостности и национальных интересов РФ. При этом, следует отметить, что достаточно четко сформулированная целевая функция СВ на практике является трудно реализуемой. Основной причиной этого является традиционно используемый при планировании развития, как Вооруженных сил в целом, так и СВ в частности, поведенческий подход [1]. При практической реализации последнего, зачастую, определяющим является не военно-стратегическая эффективность принимаемых решений, а практическая возможность достичь согласия по конкретному решению между центральными органами военного управления, федеральными

ми органами исполнительной власти, предприятиями оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и другими заинтересованными сторонами. Следствием такого подхода к вопросам планирования развития СВ является обострение противоречия между их необходимым и фактическим состоянием, что, в свою очередь, ведет к серьезным и зачастую трудно разрешимым проблемам в практике применения формирований различных иерархических уровней СВ. Последнее, в свою очередь, обуславливает острую необходимость поиска новых методов планирования, строительства и развития СВ, обеспечивающих создание их организационной структуры и состава, наиболее соответствующих современным требованиям.

На практике, при проведении исследований по планированию строительства и развития организационных структур, как отдельных формирований, так и СВ в целом, наибольшее распространение получили: нормативный метод, метод

параметрического моделирования, метод функционального моделирования и программно-целевой метод [2]. Результаты исследований по анализу этих методов позволяют сделать вывод, что для решения подобных задач наиболее приемлемым является программно-целевой метод, обеспечивающий повышение качества процесса планирования строительства и развития СВ [3].

Этот метод нашел широкое применение в мировой практике, в том числе и в ходе военного строительства в США, Великобритании, Франции, Германии, Японии и ряде других стран [4]. Следует также отметить, что использование программно-целевого метода в Российской Федерации позволило добиться определенных результатов в рамках разработки программ развития систем вооружения в последние 10–15 лет. В основе реализуемой в настоящее время государственной программы вооружения также лежат принципы программно-целевого метода планирования [5].

Однако несмотря на достаточно широкое применение сегодня программно-целевого метода планирования в мировой практике, а также при развитии систем вооружения в ВС РФ, при планировании строительства и развития СВ этот метод практически не используется.

Говоря о программно-целевом методе, необходимо отметить, что целеполагание является его ведущим принципом. Реализация данного принципа при планировании развития организационных структур предполагает выбор таких их вариантов, которые обеспечивают достижение целей функционирования исследуемой организации. При этом с точки зрения планирования развития организационных структур общевойсковых формирований СВ последнее определяет необходимость оценки их боевых возможностей, как способности выполнять боевые задачи в соответствии с функциональным предназначением. Однако в существующих методиках организационная структура, как фактор, оказывающий влияние на результаты выполнения боевых задач, в прямой постановке не рассматривается. Отсюда возникает противоречие между необходимостью выявления и обоснования альтернативных вариантов исследуемых организационных структур общевойсковых формирований и не возможностью учета их влияния на результаты выполнения

боевых задач, то есть на степень достижения конечных целей их деятельности.

Рассмотрение задачи выявления и обоснования направлений развития организационной структуры общевойсковых формирований (ОВФ) СВ показывает, что данная задача является слабоструктурированной. Такие задачи не могут быть формализованы и не поддаются детальному количественному анализу. Их решение осуществляется путем декомпозиции на такие части, которые можно преобразовать в эквивалентные «хорошо определенные» частные задачи. Решением последних подготавливается решение исходной задачи. Окончательное решение задачи проводится на основе соответствующего методического аппарата с использованием полученных частных решений. Таким образом, процесс выявления и обоснования организационной структуры общевойсковых формирований следует рассматривать как многоэтапный. Определение этих этапов и формулировка соответствующих частных задач позволит сформировать соответствующую методическую базу для решения этой задачи.

В интересах структуризации задачи выявления и обоснования направлений развития организационных структур ОВФ рассмотрим более подробно процесс ее решения в рамках программно-целевого подхода. При этом, опираясь на положения системного анализа общевойскового боя, можно утверждать, что ОВФ представляют собой сложную организационно-техническую систему (ОТС). Как известно, любая система подобного рода создается для удовлетворения тех или иных потребностей (достижения заданных целей). ОВФ, как в принципе любое формирование, предназначенное для ведения боевых действий, создается для решения определенного круга боевых задач. При этом его организационная структура, определяющая структуру и состав ОВФ, формирует систему свойств, характеризующих его качество как системы. В свою очередь, качество системы наряду со способами и условиями ее применения, как установлено в теории прогнозирования хода и исхода общевойскового боя, определяют способность ОВФ выполнить ту или иную боевую задачу, или его боевые возможности [6]. Таким образом, выбор рациональной организационной структуры

следует рассматривать как один из важнейших факторов, оказывающих существенное влияние на боевые возможности ОВФ. При этом рациональность предлагаемой организационной структуры, с точки зрения программно-целевого подхода, следует рассматривать через пригодность ее для решения задач ОВФ в соответствии с их функциональным предназначением.

В основу программно-целевого метода, как известно, положен рациональный подход, который предполагает выбор решения, обеспечивающего достижение целей. Однако на момент определения варианта организационной структуры, как правило, содержание боевых задач, условия обстановки их выполнения не являются четко определенными. Таким образом, в проведении исследований по выявлению и обоснованию направлений развития организационной структуры ОВФ появляется первый этап – этап проблемного анализа. Главная цель исследований на этом этапе заключается в формировании взаимосвязанной системы исходных гипотез, представленных на рис. 1, обеспечивающих устранение неопределенностей для формализованных исследований по обоснованию выявленных направлений развития организационных структур ОВФ.

Отсутствие в настоящее время общепринятых методик для решения задач проблемного анали-

Система исходных гипотез			
Прогнозирование целей действий (исходных боевых задач) противостоящих общевойсковых формирований	Прогнозирование исходных составов противостоящих общевойсковых формирований	Прогнозирование условий проведения боевых действий	Прогнозирование пространственно-временных последовательностей выполнения исходной и частных боевых задач

Рис. 1. Система исходных гипотез проблемного анализа

за составляет первую большую группу проблемных вопросов задачи выявления и обоснования направлений развития организационных структур общевойсковых формирований.

При этом необходимо отметить следующее. Сам по себе факт выявления на этапе проблемного анализа новых боевых задач (или изменения содержания уже существующих) еще не обуславливает необходимости проведения исследований по выявлению и обоснованию направлений развития организационной структуры ОВФ. О необходимости проведения

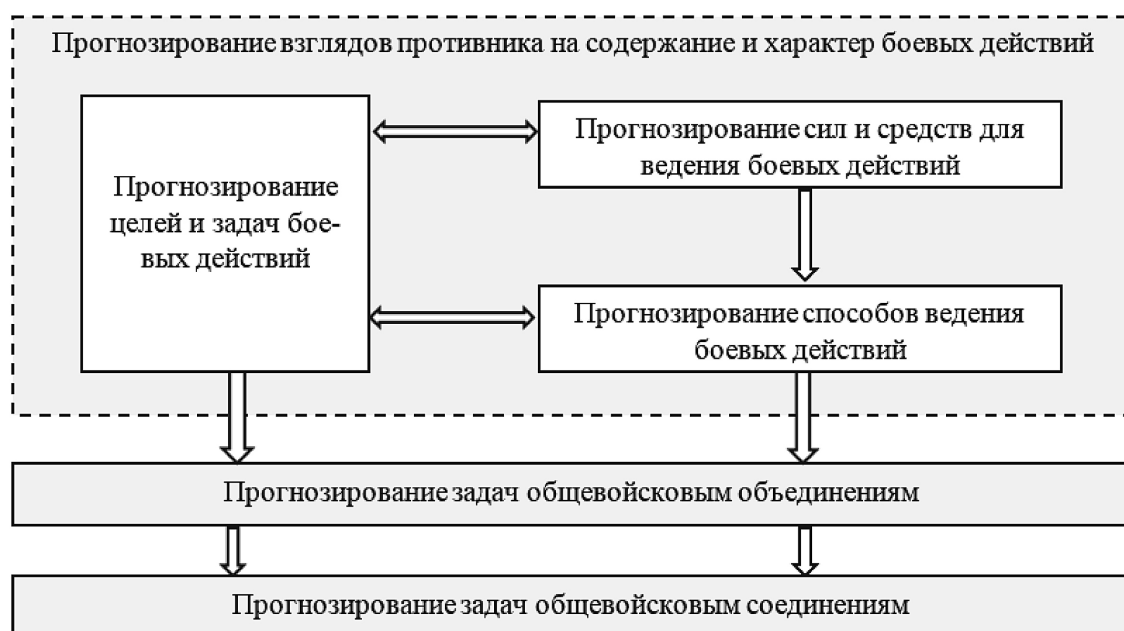

Рис. 2. Общая схема проведения исследований на этапе

таких исследований, исходя из рекомендаций программно-целевого подхода, судят по численным оценкам его боевых возможностей. Неспособность ОВФ выполнить прогнозируемую боевую задачу уже может служить основанием для выявления и обоснования направлений развития его организационной структуры. Таким образом, определяется второй этап проведения исследований по выявлению и обоснованию направлений развития организационной структуры ОВФ — этап оценки боевых возможностей.

Общая схема проведения исследований на этом этапе может быть представлена в виде рис. 2.

Определение направлений развития организационной структуры ОВФ предполагает оценку свойств, характеризующих его качество как боевой системы. Как было отмечено выше, боевые системы ведут боевые действия в интересах решения стоящих перед ними задач. Поэтому их качество определяется совокупностью свойств, обуславливающих решение поставленной боевой задачи или ее поведения в ходе боевых действий. Эти свойства, не являясь простой суммой свойств взаимосвязанных подсистем, составляющих БС, то есть являются эмерджентными. С этой точки зрения в практике оценивания качества систем, в зависимости от их сложности и цели исследования, рассматривают пять эмпирически установленных уровней качества: устойчивость, помехоустойчивость, управляемость, способность и самоорганизация [7].

Как показано в [6], одним из наиболее важных, с точки зрения исследований эффективности действий ОВФ, среди представленных выше уровней качеств является способность (А — качество). Данное качество является сложным, и объединяет ряд свойств, характеризующих принципиальную пригодность БС вести боевые действия в соответствии с ее предназначением, то есть боеспособность. К этим свойствам, как правило, относят обученность и морально-психологическую подготовленность личного состава, огневую мощь, мобильность, наблюдаемость и ресурсообеспеченность [8]. Однако отсутствие в настоящее время общепринятых методик их численной оценки затрудняет их практическое использование при выявлении и обосновании направлений развития организационной структур и обуславлива-

ет еще одну группу проблемных вопросов реализации программно-целевого метода.

При этом, говоря о определении основных направлений совершенствования организационной структуры ОВФ, необходимо отметить следующее. Как показывают результаты исследований по вопросам строительства и совершенствования Сухопутных войск, развитие организационных структур перспективных ОВФ осуществляется, как правило, по следующим направлениям:

- оптимизация структуры и состава родов войск и специальных войск с учетом модульного принципа, обеспечивающего оперативность, мобильность и гибкость их применения;
 - обеспечение сбалансированности системы вооружения общевойсковых формирований тактического звена, достижение равенства возможностей средств поражения и средств обеспечения;
 - наращивание огневой и ударной мощи путем совершенствования качественных параметров вооружения, военной и специальной техники, системы управления войсками и оружием, разведки и РЭБ;
 - дальнейшая разработка и принятие на вооружение общевойсковых формирований перспективных образцов ВВТ, в том числе боевой экипировки, РТК ВН, БпЛА и ОНФП;
 - совершенствование системы управления в тактическом звене;
 - повышение защищенности войск, ВВТ и личного состава в целях снижения их уязвимости от различных, в том числе новых, видов оружия.
- Анализ их содержания позволяет выделить направления сгруппировать в виде четырех общих групп:
- перевооружение модернизированными и перспективными образцами ВВТ;
 - увеличение числа существующих образцов ВВСТ в структурном подразделении;
 - увеличение числа существующих структурных подразделений;
 - создание новых структурных подразделений.

Следует отметить, что эти направления не являются взаимоисключающими, то есть развитие организационной структуры может проводиться сразу по нескольким направлениям. При этом

необходимо отметить, что реализация любого из них предполагает развитие качественных свойств исследуемого общевойсковое соединения.

Определение этих направлений и детальный анализ хода выполнения боевых задач на предыдущем этапе позволяют сформировать альтернативные варианты развития организационной структуры общевойсковое соединения. Таким образом определяется третий этап решения задачи выявления и обоснования организационной структуры общевойсковое соединения — этап выявления альтернатив.

Анализ альтернативных вариантов развития организационной структуры общевойсковое соединения предполагает сравнительную оценку его боевых возможностей в разных организациях и выбор наиболее рациональной. Решение этой задачи предполагает многократное решение задачи второго этапа и сравнительный анализ результатов. По результатам этого анализа определяется приемлемый вариант организационной структуры общевойсковое соединения. Фактически действия на этом этапе связаны с многократным повторением второго этапа, на котором проводится оценка боевых возможностей общевойсковое соединения для всех выделенных альтернативных вариантов организационной структуры и выбором лучшей на основе полученных оценок.

В случае отсутствия приемлемого результата следует провести уточнение направлений развития организационной структуры с целью уточнения альтернатив. Вышеизложенное определяет содержание четвертого этапа задачи выявления и обоснования организационной структуры общевойсковое соединения — этап выбора альтернативы.

Таким образом, задача выявления и обоснования организационной структуры общевойсковое соединения может быть представлена в виде итерационной процедуры, представленной на рис. 3.

Методологическую основу этой процедуры составляет системный подход. Результатом решения являются обоснованные предложения по формированию организационной структуры общевойсковое соединения, обеспечивающей гарантированное выполнение боевых задач в соответствии с предназначением.

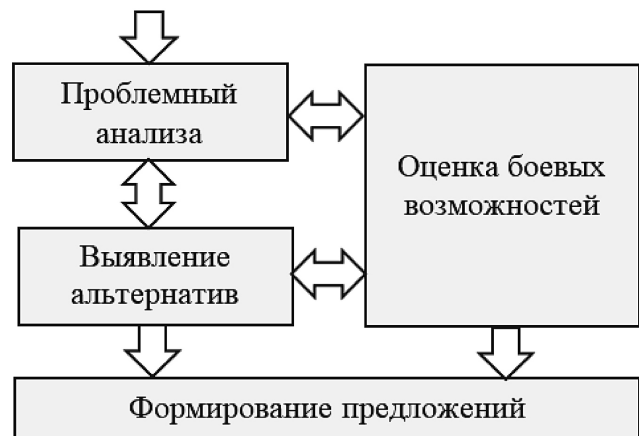

Рис. 3. Общая схема выявления и обоснования направлений развития организационных структур

Анализ общей схемы реализации программно-целевого метода по выявлению и обоснованию направлений развития организационных структур ОВФ СВ, представленный на рис. 3, показывает, что основным, системообразующим элементом ее является этап оценки боевых возможностей. Именно по результатам оценок, полученных на этом этапе, принимается решение о пригодности того или иного варианта организационной структуры. При этом следует отметить, что для решения задачи оценки боевых возможностей ОВФ существует единственный проверенный метод — математическое моделирование.

Говоря о инструментах, которые могут использоваться в интересах оценки боевых возможностей при реализации программно-целевого подхода, необходимо отметить следующее. В принципе, для количественной оценки могут использоваться самые разнообразные модели и методики. Однако в общем случае, при решении данной задачи, как показывает практика, зачастую приходится проводить анализ действий еще не существующих образцов, практика применения которых в различных природно-климатических и физико-географических условиях просто отсутствует, не известны закономерности их влияния на ход и исход прогнозируемых боевых действий и многое другое. В этом случае решение задачи оценки боевых возможностей заключается не просто в численной оценке способности ОВФ выполнить в той или иной организационной структуре боевую задачу.

В интересах адекватности требуется еще и воспроизведение необходимого комплекса условий, что связано с выявлением закономерностей прогнозируемых боевых действий. Для решения подобных задач целесообразно создать специализированные автоматизированные системы научных исследований (АС НИ). АС НИ должна представлять собой программно-технический комплекс, предназначенный для проведения научных исследований или комплексных испытаний образцов новой техники на основе получения и использования моделей исследуемых объектов, явлений и процессов. Таким образом, в качестве инструмента для проведения исследований в интересах выявления и обоснования направлений развития ОВФ СВ следует рассматривать автоматизированную систему проведения оперативно-тактических исследований (АС ОТИ).

Основу этой системы, по нашему мнению, должен составлять имитационно-моделирующий комплекс (ИМК), обеспечивающий: моделирование действий ОВФ СВ при выполнении боевых задач в различных видах и условиях обстановки; проведение углубленного анализа боевых действий формирований тактического звена и процессов управления ими в различных условиях с целью выработки и обоснования решений; проведение статистических исследований по оценке влияния различных факторов на результаты прогнозируемых боевых действий; выявление закономерностей вооруженной борьбы; ведение исторического архива результатов боевых действий (как моделируемых, так и реальных войн и вооруженных конфликтов); определение новых способов и тактических приемов ведения боевых действий, требований к перспективным образцам ВВСТ в интересах обоснования новых организационных структур ОВФ СВ.

В процессе имитации боевых процессов должны учитываться:

- разведка;
- огневое поражение противника штатными и приданными силами и средствами, в том числе высокоточным оружием;
- радиоэлектронное поражение (подавление) противника штатными и приданными силами и средствами РЭБ;
- действия воинских формирований ПВО;

— маскировка и имитация воинских формирований и образцов оружия;

— защита от высокоточного оружия наземного, воздушного и морского базирования, а также противодействия беспилотным летательным аппаратам;

- инженерное обеспечение боя;
- радиационная, химическая, биологическая защита воинских формирований;
- материально-техническое обеспечение;
- медицинское обеспечение и др. факторы

В интересах формирования общевойсковой специфики ИМК должен представлять собой многомодельный комплекс. Обобщенная блок-схема модулей такого комплекса представлена на рис. 4. Он включает в свой состав совокупность моделей применения сил и средств различных видов и родов Вооруженных Сил при проведении боевых действий ОВФ ТЗ и совокупность обеспечивающих моделей и модулей.

Имитационное моделирование процессов общевойскового боя должно осуществляться на основе последовательного вычисления состояний объектов обстановки на каждый момент модельного времени. Вычисление состояний объектов основывается на воспроизведении алгоритмов поведения объектов (с учетом их случайного характера), представляемых в виде графов переходов по возможным состояниям и последовательностей элементарных действий, реализуемых объектами в каждом состоянии имитируемого процесса. Поведение одних объектов оказывает влияние на состояние других объектов обстановки.

При моделировании действий общевойскового формирования последнее рассматривается как иерархическая система. Первичными объектами этой системы являются отдельные объекты ВВСТ (военнослужащий, танк, артиллерийское орудие, пусковая установка и т.д.). Так, при моделировании боя, например, мотострелковой бригады, осуществляется моделирование действий всех батальонов, входящих в эту бригаду, всех рот, входящих в батальоны и т.п., то есть всех боевых единиц, входящих в данную бригаду на всех иерархических уровнях. Оценка состояния моделируемых формирований осуществляется с учетом состояний подчиненных формирований и боевых

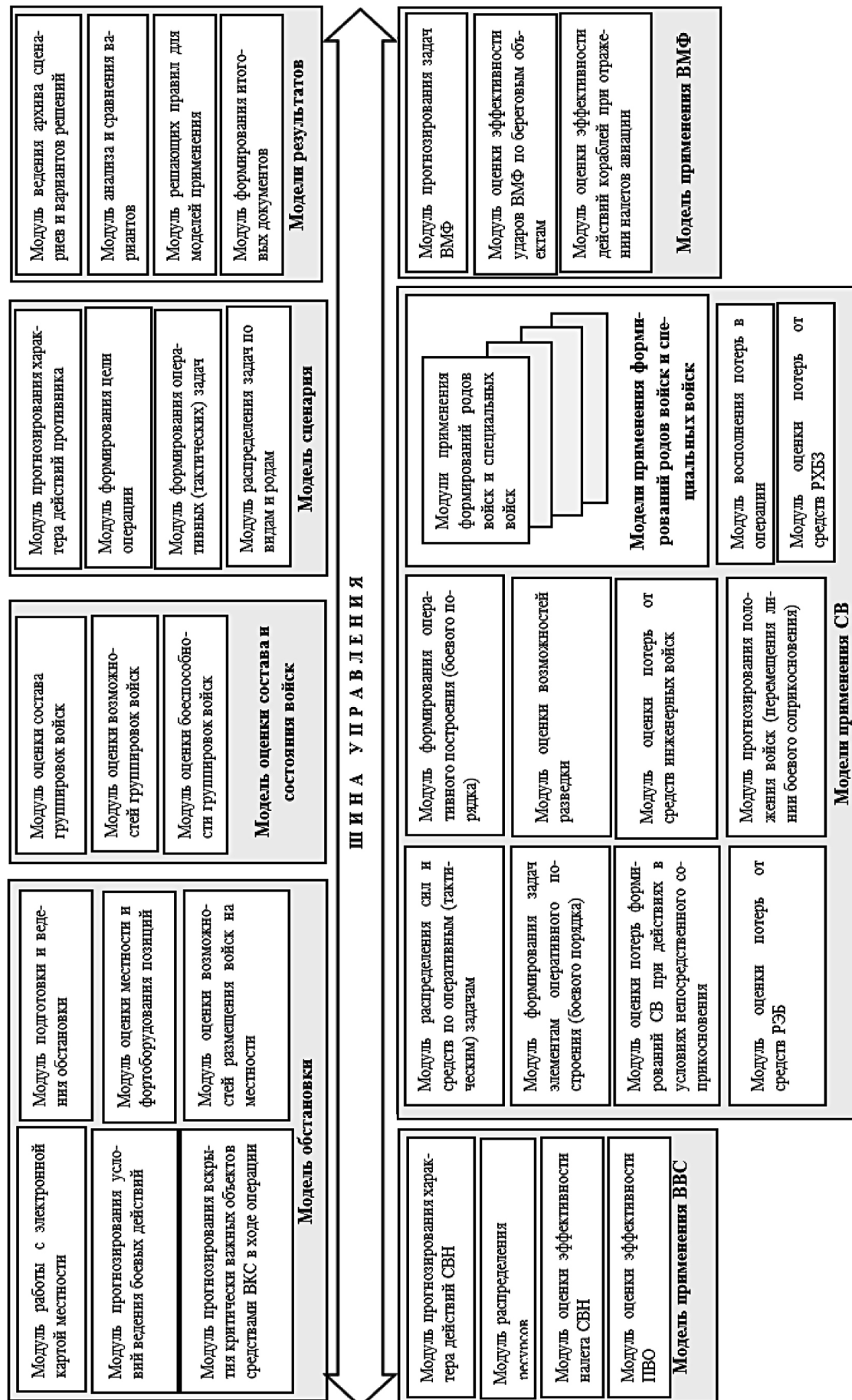

Рис. 4. Обобщенная блок – схема модулей ИМК

единиц. Таким образом, в ИМК формируется информационно-моделирующая среда (ИМС), представляющая собой организационно-технологическую совокупность функционирующих в едином информационном пространстве иерархически взаимосвязанных математических моделей объектов и процессов вооруженной борьбы, обеспечивающих анализ совместного выполнения всевозможных боевых (оперативных) задач формированиями различных видов ВС и родов войск.

Создание такой АС ОТИ с ИМК представляет собой сложную научно-техническую задачу и определяет еще один большой комплекс проблемных вопросов по практической реализации программно-целевого подхода для выявления и обоснования направлений развития организационных структур ОВФ СВ.

Таким образом, исследование всей системы факторов, определяющих организационную структуру и состав СВ, а также решение отмеченных выше групп проблемных вопросов, является объективной необходимостью и основой всей последующей работы по планированию процесса строительства СВ с использованием программно-целевого метода, основу которого должна составлять АС ОТИ с ИМК. Это позволит повысить научную обоснованность исследований по разработке и реализации программ и планов развития ВВСТ, организационных структур войсковых формирований всех уровней СВ, разработке планов их боевого применения, наряду с развитием инфраструктуры, подсистем управления, подготовки кадров, накопления резервов, распределения ресурсов и организации боевой подготовки СВ.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Райзберг Б. В., Проблемы государственного стратегического планирования в современной России. М.: Общество и экономика. № 1, 2008. 104–117 с.
2. Основы теории и методологии планирования строительства Вооруженных сил Российской Федерации. Военно-теоретический труд. Под общей редакцией генерала –армии Квашнина А.В. М.: Воениздат, 2002. 232 с.
3. Белоконь С.П., Делеган В.М., Карпачев И.А., О совершенствовании планирования строительства Вооруженных Сил на основе программно-целевого метода. // Военная мысль № 2, М.: Воениздат, 2008. 22–31 с.
4. Аношкин И.М., Организация разработки вооружения и военной техники в системе приобретения Министерства обороны США. Монография. М.: Книга по требованию. 2014. 174 с.
5. Буренок В.М., Косенко А.А., Лавринов Г.А. Техническое оснащение Вооруженных Сил Российской Федерации: организационные, экономические и методологические аспекты. –М.: Издательский дом «Граница», 2008. 728 с.
6. Дульнев П.А., Колесниченко А.П., Котов А.В. Системный анализ общевойскового боя, Издательский дом «Граница», 2018, – 272 с., ил.
7. Надежность и эффективность в технике: Справочник: Т. 3. Эффективность технических систем/ Под общ. ред. В.Ф. Уткина Ю.В. Крючкова. – М.: Машиностроение, 1988. – 328 с.
8. Педенко Н.П. Основы теории боевой эффективности общевойсковых соединений. Монография//ВАФ, 1994 г. – 216 с.

A.D. GAVRILOV,
I.V. GRUDININ,
D.G. MAIBUROV

А.Д. ГАВРИЛОВ,
И.В. ГРУДИНИН,
Д.Г. МАЙБУРОВ

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ КОМПЛЕКСНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОТИВНИКУ В ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ PROBLEMATIC ISSUES OF CREATION INTEGRATED COUNTERMEAS- SURE SYSTEM TO THE ENEMY IN HYBRID WARFARE

В статье рассматриваются некоторые предпосылки и тенденции возникновения и актуального обострения процесса сдерживания России со стороны Коллективного запада, обосновывается необходимость создания комплексной системы противодействия противнику в навязываемой им гибридной войне, декларируются критические характеристики этой системы.

The article discusses some prerequisites and trends in the emergence and actual aggravation of the process of containment of Russia by the collective “West”, substantiates the need to create a comprehensive system of counteraction to the enemy in the “hybrid” war imposed on them, and declares the critical characteristics of this system.

Ключевые слова: конфликт, война, «гибридная» война, комплексная система противодействия противнику.

Keywords: conflict, war, “hybrid” war, a complex system of countering the enemy.

Сложившаяся после окончания Второй мировой войны система международных отношений, решающую роль в построение которой сыграл Советский Союз, сегодня практически разрушена вследствие целенаправленной деструктивной деятельности США и их сателлитов в лице ведущих стран Запада. В течение трех десятилетий США и их союзники настойчиво демонстрировали стремление сохранить доминирующее положение в мире, приведшее к небывалому нарастанию напряженности военно-политической обстановки у границ России. Только в относительно короткий период после совершения государственного переворота на Украине (2014 г.) Российской Федерацией было принято несколько законов и вариантов Стратегии национальной безопасности [1–3], которые раскрывали источники и содержание широкого спектра угроз нашему государству. Нарастание темпа формирования и реализации угроз сегодня происходит столь стремительно, что не прошло и года с момента опубликования (02.07.2021 г.) последнего варианта Стратегии национальной безопасности госу-

дарства [4], как Россия и объединенный Запад столкнулись практически в прямом силовом противоборстве.

Основу угроз безопасности России составляет многовековое противостояние западного и славянского мира, неприятие западной цивилизацией самой возможности существования России как государства, особенно после самораспада советской империи, стремление ведущих держав к мировому господству, усилившиеся в условиях перехода к однополярному миру.

Однако неуклонно восстанавливающая свою военную и экономическую мощь Россия вновь заставила считаться с собой, в значительной мере компенсировав возможности «партнеров» по решению проблем международного взаимодействия откровенно силовыми методами. Вследствие реальной опасности адекватного ответа западное военно-политическое руководство вынуждено смещать центр сосредоточения усилий в противоборстве с Россией в политическую, социально-экономическую идеологическую и экономическую области, в которых разрешение объективно существующих противоречий

происходит с нарастающим обострением и ожесточенностью.

Решительные действия ВС РФ по обеспечению международного права в ходе вооруженных конфликтов конца XX — начала XXI веков, включая контртеррористическую операцию в Чечне, операцию по принуждению к миру в ходе Грузино-Осетинского конфликта, участие в разрешении конфликта на Донбассе и Нагорном Карабахе, оказание помощи правительственным силам по борьбе с терроризмом в Сирии и, особенно, с началом проведения специальной военной операции на Украине, вызвали ожесточенное сопротивление со стороны ряда стран Запада (в первую очередь, США и Великобритании) и Востока (Япония), преследовавших в данных регионах «свои» национальные интересы.

За прошедшие постсоветские годы содержание угроз национальной безопасности России претерпело радикальные изменения в направлении значительного усложнения. Наивные надежды отечественных либералов на то, что «демократический» Запад примет Россию и другие постсоветские республики в свой мир с распростертыми объятиями, потерпели закономерный крах. Стремительный вывод советских войск из Европы (больше похожий на бегство) и другие значительные уступки со стороны России вопреки обещаниям Запада не расширять НАТО на восток в итоге привели к тому, что натовские войска сегодня стоят на западной границе России, а в некогда братской Украине под прямым руководством США произошел нацистский переворот, приведший к появлению на нашей границе откровенно враждебного и агрессивного государства.

Сегодня даже самые убежденные российские либералы понимают, какие цели преследует западный мир в отношении нашей страны и какие нас ожидают перспективы в обозримом будущем. Для современного постмодернистского Запада совершенно очевидно: Россия — враг, в отношениях с ней какие-либо уступки возможны только в обмен на повышение своей безопасности и экономическую выгоду, ни в коем случае не жертвовать своими «ценностями» ради возможного сотрудничества.

Национальная безопасность России в стремительно меняющемся мире является перво-

очередным предметом заботы органов власти и всего гражданского общества о ее укреплении.

Обновленная в 2021 г. Стратегия национальной безопасности России [4] в полной мере раскрывает характер сложившейся военно-политической обстановки и формирует перечень основных угроз и опасностей. Отмечается, что современный мир переживает период трансформации, а с учетом сегодняшних событий — находится в состоянии коренного перелома сложившегося миропорядка. Попраны общепризнанные нормы и принципы международного права, международные организации (ООН, Совет безопасности, ОБСЕ, ПАСЕ и др.) стали политизированным придатком США и их ближайших союзников по НАТО, деятельность которых целиком и полностью управляется Вашингтоном. Полностью дискредитированы нормы и принципы международной олимпийской хартии, которая предусматривает недопустимость в спорте какой-либо дискриминации: расовой, языковой, политической, национального или социального происхождения и др. Система международных договоров и соглашений катастрофически рушится, новые правила поведения стал устанавливать Запад, став на путь фактического грабежа неугодных государств.

Анализ современного состояния международных отношений позволяет уверенно декларировать фактическое разрушение системы глобальной безопасности. Опасность эскалации многочисленных низкоинтенсивных военных конфликтов до масштаба локальных и региональных войн достигла угрожающих размеров. Активно осваивается космос как новая сфера ведения боевых действий. Источником небывалой опасности государствам и обществам стала информационная сфера, в которой Запад существенно преобладает и имеет заметное преимущество. Направления деструктивного использования информационного пространства многочисленны и разнообразны, своеобразной вершиной такого использования является когнитивная война, в рамках которой массированно искажается мировая история, реабилитируются экстремистские идеологии расизма, фашизма, национал-социализма, «демонизируется» Россия, нивелируется ее роль в глобальном сообществе.

Основу комплексной военной угрозы для России составляет внешнеполитическая деятельность США и их союзников по блоку НАТО. Продолжавшаяся несколько десятилетий «холодная» война завершилась в 1991 г. самоликвидацией Советского Союза, вслед за ним также стремительно рухнула мировая социалистическая система, которая совсем еще недавно победоносно шагала по планете (так уверяла советская пропаганда). Все бывшие союзники тут же переориентировались на Запад и стали служить новому хозяину, предоставляя ему свои территории, материальные и людские ресурсы. Мир из многополярного стал однополярным с жестким гегемонистским диктатом со стороны США. Россия, как наследница СССР, погрузилась в системный политический и экономический кризис, утратила ведущие позиции на мировой арене, превратившись в пассивного, послушного созерцателя агрессивных действий западных «партнеров».

Каким же стало состояние национальной безопасности России после таких радикальных преобразований системы международных отношений? Насколько изменилось международное положение России как правопреемницы распавшейся империи мирового значения? Стал ли мир прочнее и безопаснее после самороспуска организации Варшавского договора и вывода из стран Восточной Европы (похожего на бегство) в чистое поле самой мощной группировки? Возрос ли международный авторитет России на международной арене после того, как она стала самостоятельным государством? Учитывалось ли каким-либо образом протестное мнение России при планировании и проведении крупномасштабных операций США и НАТО в Иране, Ираке, в ходе бомбардировок Югославии, Ливии, Сирии и др.?

Очевидно, что ответы на эти вопросы (большей частью, риторические) последуют явно отрицательные. К сожалению, от былой мощи и авторитета Советского Союза остались одни воспоминания, а постсоветская Россия только в последнее десятилетие в полной мере приступила к упрочению собственной национальной безопасности в условиях стремительного нарастания внешних угроз.

Объективности ради следует отметить, что в 90-е годы прошлого столетия существовал

период временного ослабления угроз национальной безопасности России, так называемое «светлое пятно» в истории взаимных отношений с Западом. В первую очередь, это связано с выводом из Европы американского тактического ядерного оружия, численность которого превышала все разумные пределы (около 7300 зарядов в 1971 г.). В результате артиллерийские системы, способные применять ядерные заряды, ОТР типа «Онест Джон» и др. были вывезены на континент и подверглись утилизации. К 2010 г. США сократили 90% своего ядерного потенциала (в сравнении с 1991 г.), а Россия — 75% (достигнув согласованного паритета) [5].

Также на Западно-Европейском ТВД произошли радикальные изменения численности противостоящих группировок войск: одновременно с выводом советских войск значительное сокращение претерпела и группировка вооруженных сил коалиции стран НАТО. Так, в течение 10–15 лет в ее составе численность танков сократилась в 4,5 раза, бронированных машин, артиллерийских орудий и систем — почти в два раза, боевых самолетов — в 2,6 раза, боевых вертолетов — на 37%. Это послужило основанием для отечественных пацифистски настроенных либералов заговорить о «миролюбии» НАТО, его «прогрессирующей недееспособности», и, как следствие, о нецелесообразности содержать многочисленные вооруженные силы, проводить их модернизацию, вести разработки нового вооружения и т. п. Такая позиция вскоре привела к радикальному сокращению численности ВС РФ, неспособности сформировать в короткие сроки боеспособные воинские части для оперативного выполнения важных боевых задач (как пример, проблемы с формированием группировок войск (сил) в чеченских кампаниях, состоянием спасательных формирований ВМФ в момент гибели подводной лодки «Курск» и др.), массовому устареванию вооружения, военной и специальной, обвальному сокращению ассигнований на развитие военно-промышленного комплекса, разработку новых систем вооружения, подготовку военно-профессиональных кадров и др.

Однако насколько же искренним было «миролюбие», демонстрируемое блоком НАТО, в одночасье сменившего реальный статус

непримиримого врага на фальшивый статус новоявленного «партнера»?

Во-первых, на территории ряда европейских стран сохранена значительная часть ядерного оружия США (около 800 ядерных авиабомб), размещенного на авиабазах Германии, Италии, Бельгии, Нидерландов и Турции. Для его доставки к объектам поражения предусмотрено использование до 400 самолетов-носителей типа F-15, F-16 и «Торнадо-GR.МК.4» из состава ВВС США, Великобритании и стран размещения. Несмотря на сокращения авиационной группировки, численности модернизированных и усовершенствованных самолетов-носителей вполне достаточно для выполнения основных оперативных и боевых задач в масштабных операциях.

Во-вторых, произошедшие сокращения и списания ряда систем вооружений обусловлены вовсе не стремлением НАТО к разрядке напряженности, а необходимостью естественного обновления вооружения. Широко рекламируемым сокращениям подвергались исключительно устаревшие системы, подлежащие плановому списанию с последующей утилизацией. В эту категорию попали почти 50% танков устаревших типов («Leopard-1», AMX-30, М-60, М-48), а также Т-55, оставшихся в составе ВС бывших членов Варшавского договора. Подходит время списания танков «Leopard-2». Кроме того, изменившийся характер современных войн не предусматривает проведение крупномасштабных танковых батальонов, поэтому численность танковых формирований сокращается вполне объективно.

Схожая ситуация характерна и для ВВС блока НАТО. Лишь половина летного парка боевых машин отвечает современным требованиям (F-16, F-18, «Tornado», «Harrier», «Mirage-2000», «Rafale», «Gripen», Миг-29), остальная же часть (А-7 «Corsair-II», G.91 и др.) давно выведена из боевых штатов, списана и ожидает утилизации, одновременно служа источником запчастей. Даже выведенные в ходе бегства США из Афганистана советские вертолеты Ми-17 были переданы для усиления армии «незалежной» Украины.

В-третьих, имеющиеся на вооружении ВС НАТО технические средства всех составляющих боевого потенциала подвергаются непре-

рывной модернизации, оснащаются новейшими системами управления, информационного обеспечения применения высокоточного оружия, системами связи, разведки и РЭБ, впитывают передовые технологии и последние достижения компьютеризации, кибернетики и т. п., реализующими самые современные достижения науки и техники. Интенсивными темпами разрабатываются и внедряются новейшие образцы боевых беспилотных летательных аппаратов. В Румынии и Польше развертываются передовые элементы глобальной системы ПРО США, которые без каких-либо серьезных усилий преобразуются из оборонительных в наступательные. Суммарный боевой потенциал группировки НАТО в Европе, несмотря на прошедшие радикальные сокращения численности личного состава и боевой техники, принципиальных изменений явно не претерпел.

В-четвертых, агрессивность США и НАТО в постсоветский период стала бесконтрольно нарастать. За всю свою историю США участвовали в более чем 200 войнах и конфликтах, причем на чужой территории и на других далеких от Америки континентах. Уже в XXI веке с участием США и их союзников по блоку НАТО в мире возник ряд военных конфликтов и очагов напряженности (Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия). Наконец, крайне активное американское присутствие отмечается на Украине с самых первых дней ее «самостийности». Уже с 1991 г. во всех государственных структурах Украины, в том числе и в оборонном ведомстве, разместились многочисленные американские советники, которые до сих пор определяют политику «незалежного» государства. В 2014 г. американские политики самого высокого ранга руководили совершением государственного «майданного» переворота, а сегодня на Донбассе используется американское вооружение и непосредственно участвуют инструкторы и боевики. Верхом цинизма представляется демонстративное применение тяжелой артиллерии, представленной США украинскому режиму, против мирного населения и объектов гражданской инфраструктуры республик Донбасса.

Открытое участие США в этом конфликте привело к тому, что сегодня на нашей западной границе находится крайне «горячая» точка, представляющая непосредственную угрозу

национальной безопасности России. В мире разразился мировой кризис, балансирующий на грани применения ядерного оружия и отсылающий многих аналитиков к опыту «карибского» противостояния сверхдержав.

В-пятых, планами агрессивного блока НАТО для проведения любого вооруженного конфликта, независимо от целей, места и масштабов его реализации, предусматриваются мобилизационное развертывание и оперативное наращивание боевого потенциала. Если для проведения в 1991 г. операции «Буря в пустыне» группировка коалиционных сил наращивалась вокруг территории Ирака в течение полугода, то подготовка к проведению современных воздушно-наступательных операций коалиционными группировками занимает лишь два-три месяца. Это подтверждено боевыми действиями в Югославии, Ливии и Сирии. Сегодня основные политические и военные задачи США и возглавляемая ими коалиция ВС стран НАТО решают преимущественно ударами с воздуха, для чего применяются оперативно формируемые группировки ВВС. Для создания группировки ВВС требуемого состава и необходимой численности потребуется лишь пара недель. При этом в Европу с континента США в крайне короткие сроки предусмотрено перебазирование стратегических бомбардировщиков (не только современных типов, но и не потерявших своей боевой мощи, стоящих на длительном хранении В-52, прошедших войну во Вьетнаме), стратегических разведчиков (включая незабытых «старичков» типа U-2, способных совершать разведывательные полеты на высотах около 22 тыс. метров), тактической авиации, крылатых ракет и др.

В-шестых, вся деятельность Запада направлена на обоснование неопровержимого расширения НАТО на восток за счет приема новых членов, в первую очередь, Украины и Грузии. Ускоренно прорабатывается вопрос о приеме в НАТО Швеции и Финляндии. С такой перспективой, приводящей к нарастанию угрозы национальной безопасности, Россия, естественно, смириться не может. На прошедшем 7 декабря 2021 г. телевизионном саммите Президент России заявил о недопущении расширения НАТО на восток с предоставлением России письменных гарантий со стороны Западных стран.

Такого рода жесткое требование было предъявлено впервые после распада Советского Союза. Приближению НАТО непосредственно к границам России должен быть положен конец. Россия окончательно избавилась от иллюзий возможного «партнерства» с Западом, истинные намерения которого абсолютно ясны. Наконец, восстановившаяся экономическая и военная мощь России позволяет сегодня на равных говорить с агрессивным Западом и требовать гарантий своей безопасности.

Можно еще приводить аргументы, давая объективную характеристику возрастающей, вопреки распространенному общественному мнению, боевой мощи альянса ВС стран НАТО, анализировать предпосылки и условия практической реализации устремлений США и НАТО к развертыванию системы ПРО в Европе, привлечению новых стран в состав блока, с опасением наблюдать развертывание в странах Балтии, Польше, Румынии, на территории Украины группировок войск НАТО, активизацию оперативной деятельности вблизи российских границ и т. п. Очевидно одно: блок НАТО во главе с США ни в малой степени не утратил своего военного потенциала, а по некоторым показателям и боевым возможностям значительно его приумножил. Говорить о «миролюбии» альянса и его «партнерском» отношении к России и ее союзникам не приходится, особенно сегодня. Как вывод, перечень военных угроз России в современном мире значительно расширился и приобрел новые специфические качества.

Проведение специальной военной операции с целью демилитаризации и денацификации Украины обусловлено необходимостью защиты от непосредственной военной угрозы со стороны откровенно враждебного государства, в которое превратилась за тридцать последних лет некогда братская страна. Вместе с тем в стремлении сохранить свою гегемонию США и их союзники поставили своей целью нанести России стратегическое поражение, о чем открыто и многократно заявляют западные лидеры. На границах России и союзной Белоруссии возникли новые очаги напряженности: обострились угрозы со стороны воинственной Польши, создавшей группировку численностью около 40 тыс. человек и проводящей учения у границы Белоруссии. До этого Польша

выступала с инициативой ввести войска НАТО на территорию Западной Украины, заявляла о возможности введения своего миротворческого контингента во Львовскую область и т. п. Видимо, по указке или молчаливого одобрения заокеанского «хозяина», оживилась Литва, заявив о своих территориальных претензиях к России и Белоруссии. Очевидно, объединенный Запад стремится расширить зону конфликта, отвлекая ВС России от проведения спецоперации на Украине.

Противостояние объединенного Запада с Россией будет продолжаться долго, если не всегда. Поводы будут разными, но суть одна: западная (точнее, «англосаксонская») цивилизация во все века стремилась, стремится и будет стремиться к уничтожению славянского мира. Сущность все чаще декларируемой западными лидерами задачи — «не допустить победы России» определяется достижением стратегического поражения и последующего разрушения нашей страны всеми средствами (включая методы и средства силового воздействия). По сути, нашей стране объявлена тотальная гибридная война, которую ведут США и их ближайшие союзники, с целью уничтожения России как суверенного независимого государства.

Широко распространившаяся в последнее время дискуссия о сущности и содержании такого феномена, как «гибридная война», свидетельствует, в первую очередь, о глубокой трансформации существующей системы взглядов на ключевые вопросы войны и мира, системного противостояния государств, блоков, цивилизаций. Объективной предпосылкой такой трансформации выступает необходимость адекватного восприятия и максимально объективного описания сложных процессов слома глобального мироустройства. Ограниченность разрозненных теорий различных типов противоборства, присущего международным отношениям (военного, политического, дипломатического, экономического, социального и др.), потребовала коренного изменения подходов к исследованию соответствующей проблематики. Ставшая очевидной недостаточная функциональность существующего методического инструментария познания и научного прогнозирования основных параметров исследуемых процессов в отдельных сферах противоборства

(военной, политической, дипломатической, социальной, экономической и др.), естественным образом предопределяет необходимость формирования если не новой отрасли науки, то, по крайней мере, новой концептуальной парадигмы. Эта парадигма должна отвечать текущим и уже четко проявляющимся перспективным потребностям теории и практики широкого спектра вопросов общей проблематики международной конфликтологии, сведенных усилиями многих современных ученых в категорию гибридная война.

Такое сведение представляется в большей степени интуитивным, чем логически обусловленным, но, в принципе, отвечает потребностям момента, поскольку создает предпосылки для создания новой платформы, обеспечивающей согласованную интеграцию сегментарных (относительно этой платформы) систем специфических знаний и научно-методических инструментов, присущих различным сферам противоборства субъектов на международной арене.

Тем не менее, механический перенос категории «война» на более высокий системный уровень гибридной войны, который, наряду с другими формами и способами (информационные, психологические и кибернетические операции, экономические блокирующие санкции, протестные гражданские акции на территории противника [11]) рассматривает непосредственное применение военной силы лишь как один из инструментов комплексного воздействия на противную сторону. С этой точки зрения новая обобщенная категория «гибридная» война, втягивая в свою структуру войну «классическую», низвергает ее с отведенных ей Карлом фон Клаузевицем позиций функционально самостоятельной формы противоборства («продолжения политики иными, насильственными средствами») до уровня рядового элемента более сложного процесса комплексного воздействия на противника. При этом формируется не вполне корректная тавтологическая пара «гибридная война — классическая война», в которой определения, находящиеся в логическом соотношении «общее — частное», оперируют одним понятием.

Не менее противоречивым представляется внутреннее наполнение общей категории «ги-

бридная война» целенаправленным применением «преимущественно невоенных средств, без оккупации поверженной страны, разрушения ее инфраструктуры и массовой гибели населения» [10]. Очевидно, что авторами категории «гибридная война» движет стремление более отчетливо отразить тенденцию к ужесточению противостояния сторон на этапе, предшествующем собственно военному конфликту, решительности заявляемых целей (формализованных признаков «победы») и принципиальной возможности их достижения без эскалации до уровня конвенционального вооруженного противоборства со всеми присущими ему правовыми ограничениями внутри страны и на международной арене.

Вместе с тем необходимо признать, что несуразность этой тавтологии нивелируется практикой современного применения военной силы, которая в течение полувека практически никогда и никем не определяется «жесткой» категорией «война», а, как правило, описывается тезаурусом локальных военных операций, а еще чаще — гуманитарных, специальных и иных (демонстративно не военных по названию) операций, в рамках которых применение военной силы «стыдливо» маскируется текущими потребностями достижения более высоких ценностных морально-этических целей, проповедуемых инициатором агрессии.

Повсеместное стремление военно-политического руководства ведущих государств мира к отказу от официального оформления силовых акций различного масштаба (даже самого большого, обладающего всеми признаками общевойсковых операций оперативно-стратегического уровня), естественно, обусловлено не исключительно проблемами риторического толка. С одной стороны, на взгляд авторов, тем самым демонстрируется позиционирование собственно военного столкновения как элемента в системе иных форм и способов противостояния в конфликте, с другой стороны, отсутствие официального объявления войны (военного положения) освобождает власть от необходимости сопутствующей «общественной возгонки» со всеми сопутствующими положительными (с точки зрения управляемости социума) и отрицательными (с точки зрения ответной реакции социума, избалованного

«демократическими» свободами и не готового терпеть издержки «особого» военного периода функционирования государственной системы).

Другим аргументом условной обоснованности использования термина «война» применительно к организованной совокупности мер военного, политического, финансово-экономического, информационного и ментального противоборства может выступить [11] наличие (или периодическая актуализация) так называемых прокси-войн, ведущихся акторами противостояния, но силами, средствами, ресурсами другой страны и на ее территории в процессе разрешения внутреннего конфликта, срежиссированного одной из сторон гибридной войны. При таком варианте противоборства субъекты конфликта, оставаясь в поле легитимного с правовой точки зрения международного взаимодействия, сохраняют возможность использования всего спектра воздействий на оппонента, а не только военного. Вместе с тем ход прокси-конфликта весьма значительно влияет (зачастую, определяет) характер комплексного гибридного противоборства, текущий силовой баланс сторон, как следствие, выбор ими приоритетных инструментов влияния на противника.

В качестве ключевых факторов прокси-конфликта, оказывающих наибольшее влияние на общий ход гибридной войны, военным эпизодом которой этот конфликт является, необходимо отметить пространственно-временной фактор (способность решить поставленные задачи и достичь задекларированные цели в определенном пространстве в заданные сроки), общая устойчивость экономики к интенсивным мобилизационным вызовам в зависимости от степени вовлеченности в прокси-конфликт и необходимости удовлетворения общих военных потребностей своей стороны прокси-конфликта, особенности восприятия обществом причастности своего государства к прокси-конфликту и мотивационный уровень готовности населения терпеть издержки, обусловленные им.

Вместе с тем прокси-конфликт, представляя собой наиболее острую форму опосредованного военного столкновения, в логике тезауруса гибридной войны позиционируется в общем ряду многообразных инструментов давления

на государство-жертву и лишается флера сакрального отношения к войне, как вершине конфликтных межгосударственных взаимоотношений. Соответственно, теория и практика военного искусства, прежде всего в части, касающейся тактики и оперативного искусства, не могут далее существовать в рафинированной изоляции от всех остальных сфер противоборства государств на международной арене. Необходимость учета при планировании и ведении боевых действий несвойственных ранее тактике и оперативному искусству аспектов политического, гуманитарного, социального, экономического, дипломатического, информационного, психологического и иных видов комплексного противостояния разнообразных акторов становится необходимым условием успешного применения сил и средств вооруженной борьбы в специфических формах применения войсковых формирований. Практика международных отношений за период, последовавший за распадом Советского Союза, явила неисчислимо количество примеров, подтверждающих обоснованность этого вывода.

Очевидное смещение позиции собственно военного конфликта от целевой и функциональной самодостаточности к статусу одного из инструментов комплексного противоборства на международной арене существенно актуализирует проблему трансформации системы военной безопасности государства в систему более высокого уровня организации, ориентированную на комплексное противодействие противнику в гибридной войне. Необходимость такой трансформации обусловлена, прежде всего, осознанием соответствующей эволюции системы опасностей и угроз, исходящих, прежде всего от США и их союзников по НАТО. Ключевыми чертами, предопределяющими характер и параметры эволюции системы опасностей и угроз, могут быть определены [6]:

- повышение роли не прямых силовых воздействий на государство-жертву и возможностей по их реализации в мирное и военное время, отсутствие действенных инструментов их обнаружения и оценки;
- смещение центра усилий стороны-агрессора из сферы открытого военного противостояния в область интенсивного комплексного ослабления противника до начала военных действий;

- возможность достижения стратегических эффектов гибридного воздействия на этапе, предшествующем собственно военной фазе конфликта;

- всемерная и всесторонняя дестабилизация обстановки в стране и по ее границам, формирование и подпитка «серых зон» как фундаментального источника комплексного деструктивного воздействия на противника;

- лавинообразная интенсификация информационных возможностей сторон, обусловленная развитием кибернетической среды, не просто втягивающей в себя все большее количество участников, но и дающей этим участникам «право голоса», как правило, не отягощенное морально-психологической и юридической ответственностью.

На современном этапе для формирования перечня гибридных угроз используются следующие классификационные признаки: источник угрозы (актор); степень ее реализуемости; ее пространственно-временной масштаб; характер и величина наносимого ущерба. На основе этого классификационного набора признаков информационно-аналитическими органами формируется и оперативно уточняется набор гибридных угроз, осуществляется их позиционирование относительно наиболее вероятных механизмов их реализации, в частности [6]:

- подрывная деятельность организаций и физических лиц;

- использование глобальной информационной сети для целенаправленного таргетированного информационно-психологического воздействия на различные группы и слои населения;

- подрыв национальных ценностей и традиционных устоев в государстве;

- подготовка радикальных кадров, обеспечивающих осуществление деятельности составляющей протестного движения;

- выявление, подготовка и организационное сопровождение деятельности лидеров из числа наиболее радикально настроенной части населения (как правило, молодежи);

- радикализация официальной оппозиции власти в целях использования легальных демократических инструментов для дестабилизации обстановки в стране.

Даже самый поверхностный анализ системы гибридных угроз демонстрирует ее комплексный и всеобъемлющий характер. Очевидно, что эффективное недопущение реализации гибридных угроз возможно только на основе системной организации всех сил и средств, обладающих соответствующим потенциалом воздействия на источники угроз и среду их функционирования. В конечном итоге прикладные аспекты общей проблематики подготовки и участия государства и общества в гибридной войне замыкаются на создание адаптивной системы противодействия противнику, реализующему согласованные деструктивные мероприятия по дестабилизации и разрушению государственной власти, ее трансформации в направлении удовлетворения геополитических интересов инициатора.

Не вызывает сомнения, что в существующей системе власти каждому направлению гибридного воздействия противника противостоят ведомства, отвечающие за организацию деятельности государства и общества в соответствующей сфере. Такой, условно «естественный» способ реагирования как на саму гибридную угрозу, так и на ее практическую реализацию, при кажущейся организационно-технической «дешевизне», характеризуется критически недопустимыми целевыми издержками на общегосударственном системном уровне. Предпосылками таких издержек являются:

- реактивный характер планирования частных (внутриведомственных) мероприятий;
- предопределенное отсутствие взаимодействия между органами власти в случае их совместного реагирования на гибридную угрозу, затрагивающую «пересекающиеся» сферы интересов нескольких органов власти (ведомств, организаций);
- несогласованный уровень интенсивности противодействия вследствие реализации ведомствами частных механизмов выявления угроз и оценивания потенциального ущерба по результатам их реализации;
- отсутствие единого подхода к оцениванию результативности и ресурсоемкости реализации мероприятий противодействия комплексной гибридной угрозе (гибридному воздействию), как следствие, различие оценок в трактовке и восприятии их «успешности»,

определении порядка дальнейших действий (оперативного управления параметрами процесса противодействия противнику).

Обобщенным проявлением всех этих предпосылок является подверженность влиянию инструментов «рефлексивного» управления со стороны противника, способных многократно усилить негативный эффект гибридного воздействия. Единственным действенным способом нивелирования гибридных угроз и противодействия комплексным воздействиям противника в гибридной войне представляется создание единой системы, ориентированной на согласование усилий всех контрагентов гибридной войны по всем направлениям обеспечения национальной безопасности. Этот способ в полной мере соответствует одному из базовых постулатов кибернетики, отдающему априорное стратегическое превосходство в противоборстве систем той стороне, чьи силы и средства сведены в систему более высокого порядка. Наши геополитические оппоненты непрерывно расширяют спектр средств и методов воздействия на государство и общество, используя разнообразный инструментарий дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки как в самой стране, так и по периметру ее границ. При этом превосходство призвано обеспечить не только постоянное усложнение и совершенствование системы гибридного давления на Россию, но и его агрессивный характер, вынуждающий военно-политическое руководство страны непрерывно реагировать на провокации различного характера и масштаба.

Создание единой системы противодействия противнику в гибридной войне, прежде всего, должно быть направлено, именно, на недопущение (пресечение) узковедомственного восприятия гибридных угроз и воздействий, разрозненного несогласованного реагирования на них, но, основное, на придание системе нового свойства «проактивности», в частности, способности формировать и реализовывать упреждающие воздействия в соответствии со своим планом гибридной войны. Основными направлениями совершенствования системы обеспечения национальной безопасности страны в сегменте ее военной безопасности должны стать [6]: развитие и организационно-

техническое обеспечение межведомственного взаимодействия между привлекаемыми к противодействию противнику в гибридной войне федеральными органами исполнительной власти; создание межведомственных органов оперативного управления действиями сил и средств гибридной войны; формирование адаптивной системы взаимодействия информационно-аналитических и научных организаций в интересах подготовки прогнозов и сценариев реализации гибридных опасностей и угроз; разработка и обоснование форм и способов привлечения гражданского общества.

Учитывая определяющий характер информационно-управленческих аспектов гибридной войны, основное внимание предлагается сосредоточить на создании специфической системы информационного противодействия противнику. Базировать такую систему целесообразно на структурах и потенциале существующей системы управления ВС РФ, частными направлениями практической реализации должны стать [7]: разработка и научное обоснование оперативных основ противодействия противнику в гибридной войне; обоснование рационального варианта дополнительного технического оснащения пунктов управления (технической базы); обоснование состава, структуры и режимов функционирования соответствующей инфраструктуры для решения задач информационного противодействия противника в гибридной войне; создание системы кадрового обеспечения профильными специалистами.

В совокупности многочисленных проблем создания и реализации единой системы противодействия противнику в гибридной войне необходимо обозначить следующие:

- создание средств и методов обнаружения (выявления), целевой интерпретации и учета в планируемом комплексе мероприятий гибридных опасностей, угроз и текущих воздействий противника;

- формирование подсистемы постоянного мониторинга параметров текущего состояния и тенденций изменения политической, экономической, социальной, военно-стратегической, информационной, культурной обстановки в стране, сопоставления их с соответствующими параметрами общественно-политической

обстановки в государстве-оппоненте, а также в государствах «серой зоны» [8, 9];

- обоснование методов и средств целенаправленного и согласованного воздействия на свое общество с учетом «обратного» влияния мероприятий гибридной войны, прежде всего, в части оценивания различных аспектов его устойчивости к негативному влиянию и издержкам гибридной войны;

- разработку методов адаптивного управления структурной и функциональной динамикой системы, обеспечивающих согласованное регулирование состава и структуры привлекаемых сил и средств, оперативное перераспределение информационно-управленческих функций между органами и пунктами управления, привлечение необходимых формирований ВС РФ, других силовых структур, ведомств и общественных организаций в интересах реализации практических мероприятий в рамках противодействия противнику в гибридной войне;

- разработку методов выбора рационального сочетания военной силы и невоенных мер в структуре комплекса мероприятий противодействия противнику в гибридной войне [10], оперативного управления уровнем эскалации конфликта в различных сферах противоборства.

Очевидно, что элементы предлагаемой системы противодействия с противником в гибридной войне в своей значительной части уже функционируют и позволяют добиться определенных результатов. Но говорить о ее окончательном формировании и полноценном функционировании, безусловно, преждевременно. Определяющим ее свойством продолжает оставаться критическая разобщенность ведомственных структур, несогласованность и, зачастую, разнонаправленность оценок и действий. Текущая военно-политическая ситуация со всей очевидностью выявляет все изъяны, обусловленные отсутствием системы и предопределяет вынужденные практические шаги в направлении ее создания. Острота ситуации определяется наличием у России единственного допустимого варианта ее разрешения — это достижение стратегической победы в специальной военной операции, для чего необходимо радикальное переформатирование всех основных видов деятельности страны: внеш-

неполитической, экономической, оборонной, информационной, социальной и др.

В первую очередь, следует окончательно расстаться с иллюзией возможного «встраивания» в западный мир с его «демократическими ценностями», экономикой, идеологией. Западу всегда была и будет нужна слабая безвольная Россия в качестве сырьевого придатка, не имеющая своего голоса в мироустройстве, послушно выполняющая указания из Вашингтона. Попытки «понравиться» Западу неизменно расцениваются им как слабость и повод для последующего наращивания давления, нарушения международных норм права.

Ход мировой истории показывает, что Запад становится договороспособным только в критической для себя обстановке, уважая силу и решительность противника. Реальная опасность получить достойный отпор может подвигнуть руководство США и объединенный антироссийский Запад прислушаться к России и пойти на реальные соглашения в сфере достижения взаимной безопасности. Надежной гарантией стратегической стабильности является дальнейшее укрепление и развитие российских Вооруженных Сил, в составе которых имеется потенциал ядерного сдерживания и необходимый арсенал средств эффективного ведения современных войн нового типа.

Внешнеполитическая деятельность российской дипломатии должна приобрести активный, наступательный характер при отстаивании позиций России на всех мировых площадках:

- представить в мировые общественные организации (ООН, ОБСЕ, ПАСЕ, ВОЗ, трибуналы, суды и т. п.) свидетельства совершенных с 2015 г. украинскими нацистами преступлений на Донбассе (терроризм, массовые убийства мирного населения, применение пыток, многолетнее лишение социальных пособий, проведение лабораторных биологических испытаний над людьми, распространение туберкулеза через фальшивые купюры и др.);

- обратиться с обвинениями украинской власти и вооруженных нацистских формирований в использовании гражданского населения и иностранных граждан в качестве «живого» щита;

- придать международный резонанс намерениям украинской власти по выходу страны

из договора о безъядерном статусе и намерениям создать «грязную» атомную бомбу;

- провести тщательное расследование деятельности американских лабораторий на территории Украины по созданию биологического оружия и сделать это достоянием мировой общественности (то же самое по факту поставки американского оружейного плутония Украине);

- обнародовать разработанные планы украинской власти по готовящемуся силовому решению Донбасского кризиса и Крымского вопроса;

- сформировать перечень военных преступлений США и НАТО против народов Югославии, Ливии, Ирака, Сирии и т. д. и представить в ООН;

- решительно потребовать от стран Запада соблюдения норм дипломатии, государственного поведения в рамках приличий, исполнения действующих международных договоренностей, прекращения «демонизации» России, снятия блокировки финансовых активов;

- обратиться к мировому сообществу с идеей образования альтернативы ООН, ставшей фактическим придатком США, утратившей статус объективной авторитетной международной организации;

- поставить вопрос о разрыве дипломатических отношений со странами, ставшими едва ли не непосредственными участниками конфликта на Украине, оказывающими ей военную и финансовую помощь, высылающими российских дипломатов и оскорбляющих наших послов, предъявляющих территориальные претензии.

Необходимо полностью перестроить стратегию отношений с республиками бывшего СССР. Совершенно очевидно, что внешняя политика России на этом поле оказалась полностью провальной: страны Балтии вошли в блок НАТО, с Грузией пришлось вести пятидневную войну, принуждая ее к миру. Многолетнее бездействие и равнодушное созерцание процессов культивирования национализма на Украине привело к необходимости проведения специальной силовой операции, с высокой долей вероятности, ведущей к нарастанию военных угроз. Также равнодушно мы в течение 30 лет наблюдаем за процессом «осваивания» западным миром и великим Китаем Узбекистана, Таджикистана,

Туркмении. Почти «уплыл» на Запад соседний Казахстан, с которым Россия имеет более 1500 км совместной границы. Под полным влиянием Турции находится Азербайджан, не определилась в поисках союзников проамериканская Армения.

Нуждается в значительном усилении ОДКБ, актуальную основу которой составляют российские и белорусские формирования.

С великим трудом и недопустимой многолетней волокитой во властных структурах принимаются законы о защите соотечественников, оказавшихся за рубежом, получении российского гражданства.

Совершенно очевидно, что Россия не может находиться в самоизоляции, ей нужны союзники, партнеры, сторонники из числа стран «третьего» мира. Большинство стран Латинской Америки, Африки, арабского мира, Азиатско-Тихоокеанского региона, Индия, Китай и др. солидарны с Россией и не поддерживают антироссийскую истерию, сопровождаемую небывалыми санкциями. Россия не одинока в противостоянии США и немногочисленным ее европейским сателлитам, которые попали под полное внешнее управление. Необходимо укрепление многостороннего сотрудничества и взаимодействия (в первую очередь, политического, экономического и военного) с нашими союзниками и партнерами.

Радикальное переустройство должна претерпеть российская экономика в совокупности с банковской системой. Речь, конечно, не идет о переводе экономики на военный лад, но некоторые важные структурные преобразования должны быть проведены. Если Запад объявил нам тотальную геополитическую войну, разумеется, вся деятельность государства, весь экономический потенциал России должен быть призван для обеспечения нашей победы, для чего стратегические, экономически важные составляющие промышленности (ВПК, металлургия, авиастроение, машиностроение, радиоэлектроника и т.п.), нефте-и газодобывающие отрасли должны перейти в прямое (стратегическое) управление государством, то есть, национализированы. Необходимо организовать немедленное восстановление отечественного авиастроения, радиоэлектроники, оперативно ликвидировать хроническое отставание

приборо- и станкостроения, машиностроения (особенно, сельскохозяйственного), активизировать процесс импортозамещения критически важных компонентов во всех отраслях.

Многолетняя (до сих пор не выполненная) задача значительного повышения темпов роста отечественной экономики выше мировых, наконец, может быть реализована в нынешних условиях мобилизации ресурсов, подъема патриотизма, консолидации общества, благоприятной финансовой ситуации, небывало высоких доходов за экспорт зерновых, продукции ВПК, поставки энергоносителей и др.

Создание самостоятельной финансово-банковской системы — надежная гарантия стабильности в условиях санкционных действий Запада, стремящегося всеми силами «порвать» российскую экономику. Во внешнеэкономических отношениях с другими государствами, внешней торговле необходимо принятие стратегии полного отказа от использования доллара США, принять все меры для укрепления рубля, превратить его в твердую устойчивую валюту, имеющую спрос на внешнем рынке.

Несмотря на собственные серьезные внутренние политические и экономические проблемы, потрясающие сегодня США, обещанного марксистами-ленинцами «краха империализма» ждать не следует: из очередного политического и экономического кризиса, любой депрессии (какой-бы «великой» она не была) рано или поздно эта великая страна выйдет окрепшей и обновленной. Для этого ей нужна большая или малая война, естественно, вне территории США, лучше на других континентах, страны которых в очередной раз будут ограблены в интересах мирового гегемона и наращивания его экономического и военного потенциала.

Проводимая Россией во взаимодействии с воинскими формированиями республик Донбасса специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины имеет первоочередную задачу — остановить восьмилетнюю войну на уничтожение украинским нацизмом гражданского населения на исконно русских землях. После ее завершения наверняка Россия вернется к реализации комплекса требований по обеспечению своей национальной безопасности. Откровенно хамский ответ

НАТО и Коллективного Запада на озабоченности России, данный еще до начала спецоперации, уже никого не устроит. Следует полагать, Запад должен стать значительно сговорчивей. Его обещания, что «Россия на свои требования получит больше НАТО у своих границ» дают нам карт-бланш на радикальное решение вопросов укрепления собственной безопасности.

Сто лет назад послереволюционная, с разрушенной экономикой, обескровленная Гражданской войной, не имеющая регулярной армии Россия сумела выстоять, находясь в кольце внешнего врага, слетевшегося со всего мира. Сегодняшняя Россия, находясь совсем в других, более благоприятных условиях, способна решить любые задачи, имея устойчивую, развивающуюся экономику, мощные Вооруженные Силы, сплоченное общество. Однако современная геополитическая обстановка, состояние национальных экономик и социумов в резуль-

тате жесткого многоуровневого и многовекторного противостояния систем, сформированных огромным количеством акторов, подвержены стремительной, кардинальной и непредсказуемой трансформации. Использование исключительно пассивных методов реагирования на разнообразные враждебные воздействия со стороны противника, реализующего методы гибридной войны, неизбежно приведет к стратегическому поражению и поставит под вопрос само существование суверенного российского государства. В связи с этим создание системы противодействия противнику в тотальной гибридной войне с соответствующей подсистемой жесткого централизованного управления всеми силами и средствами страны, обладающими соответствующим потенциалом, — задача не просто актуальная и чрезвычайно важная, это критическая потребность исторического момента.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности». Электронный ресурс, kremlin.ru>acts/bank/32417, дата обращения 10.05. 2022 г.
2. Федеральный закон от 28.06. 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании Российской Федерации». Электронный ресурс: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=367668>, дата обращения 10.05.2022 г.
3. Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ № 683 от 31.12.2015 г. Электронный ресурс: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=265397>, дата обращения 10.05.2022 г.
4. Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ № 400 от 02.07.2021 г. Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/, дата обращения 11.05.2022 г.
5. Электронный ресурс: tass.ru> Биографии и справки> 3549521, дата обращения 11.05.2022 г.
6. Сержантов А.В., Павлов Д.А. Гибридный характер опасностей и угроз, их влияние на систему обеспечения военной безопасности Российской Федерации // Военная мысль. 2022. № 5. с. 6–12.
7. Сайфетдинов Х.И. Гибридные войны, проводимые США и странами НАТО, их сущность и направленность // Военная мысль. 2022. № 5. с. 13–20.
8. Бартош А.А. «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны // Военная мысль. 2021. № 2. с. 6–19.
9. Бартош А.А. «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны // Военная мысль. 2021. № 3. с. 25–37.
10. Воскресенский В.Г., Круглов В.В., Мурсаметов В.Я. Соотношение военной силы и невоенных мер в современном межгосударственном противоборстве // Вестник Академии военных наук. 2021. № 4 (77). с. 29–34.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЕДЕНИЯ КОНТРБАТАРЕЙНОЙ БОРЬБЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-УДАРНЫХ ДЕЙСТВИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ОПЕРАЦИЯХ

HISTORICAL EXPERIENCE OF CONDUCTING COUNTER-BATTERY WARFARE AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF RECONNAISSANCE AND STRIKE ACTIONS IN MODERN OPERATIONS

В статье рассматриваются вопросы появления и становления контрбатарейной борьбы во временном периоде от Отечественной войны 1812 года до конфликтов современности. При этом особое внимание уделено обороне блокадного Ленинграда, где данный вид огневого поражения противника достиг совершенства. В настоящее время, с ростом оснащённости артиллерии беспилотными летательными аппаратами (БПЛА) и автоматизированными системам управления наведением орудий, сложились объективные условия для повышения эффективности разведывательно-ударных действий за счет внедрения в практику современных приемов разведки и способов выполнения огневых задач, оперативной адаптации системы управления под конкретные условия обстановки.

The article describes the emergence and formation of counter-battery warfare in the period between the Patriotic war and modern conflicts. The main attention is paid to the defense of besieged Leningrad where that particular way of fire defeat of the enemy reached its perfection. Nowadays there are all the conditions for implementation of a new form of fire defeat of the enemy in operation – reconnaissance and strike actions which role in the enemy fire defeat structure is steadily increasing. The main task for implementation of the new form is preempting the enemy in fire confrontation which is provided by expedient reconnaissance and defeat means integration, operating them according to the situation, timely informing, changing of positions after defeat.

Ключевые слова: артиллерия, огневое поражение противника, контрбатарейная борьба, артподготовка, артиллерийское наступление, разведывательно-ударные действия, разведывательно-огневой комплекс, информационное обеспечение, беспилотные летательные аппараты.

Keywords: artillery, fire defeat of the enemy, counter-battery warfare, artillery preparation, artillery attack, reconnaissance and strike actions, reconnaissance firing system, providing, information, unmanned flying vehicles.

История возникновения и развития артиллерии охватывает несколько веков, при этом история контрбатарейной борьбы (КББ) началась только в XX веке, во время Первой мировой войны, когда тяжелые потери воюющих сторон в результате массированного использования артиллерии резко обозначили проблему борьбы с ней.

Опыт современных локальных войн и вооруженных конфликтов наглядно показывает, что и в будущем рассчитывать на успех боевых действий и операций невозможно без надежного поражения артиллерии противника.

Первые попытки борьбы с артиллерией началась в XIX веке в период бурного развития гладкоствольной артиллерии. В разработке тактики артиллерии и выработке единых принципов ее боевого применения огромное значение сыграли «Общие правила для артиллерии в полевым сражении», составленные талантливым русским артиллеристом генерал-майором Кутайсовым Александром Ивановичем [1].

В них подчеркивалось: «...когда мы намерены атаковать, большая часть нашей артиллерии должна действовать на артиллерию неприятеля; когда же мы атакованы, то на кавалерию и пехоту».

Генеральное сражение Отечественной войны 1812 года под Бородино стало сражением за артиллерийские позиции, местом ожесточенных артиллерийских дуэлей. Именно здесь было положено начало организации планомерной борьбы с артиллерией противника в последующих войнах русской армии.

Централизованная организация борьбы с артиллерией впервые стала применяться летом 1916 года при проведении наступления войск Юго-Западного фронта (командующий фронтом генерал от кавалерии А.А. Брусилов), вошедшего в историю как «Брусиловский прорыв» [2].

При подготовке к операции особое внимание обращалось засечке районов огневых позиций артиллерии австро-венгерских войск, данные о которых добывались и перепроверялись всеми видами разведки. Для определения

сведений о противнике, которые нельзя было получить наземными средствами, стала активно применяться воздушная разведка с использованием самолетов и аэростатов.

Новым было создание в армиях специальных контрбатареинных групп артиллерии, куда включались наиболее дальнобойные системы. В период артиллерийской подготовки атаки эти группы, как правило, подавляли, а не уничтожали артиллерию неприятеля, как было принято до этого. В результате русская артиллерия, расходуя значительно меньше снарядов, вынуждала противника прекращать огонь, оставлять огневые позиции и тем самым «выключала» его батареи из боя на определенное время.

В годы Великой Отечественной войны КББ была одной из самых ответственных и трудных задач советской артиллерии. Ею занимались все артиллерийские штабы вплоть до штаба артиллерии фронта. Основная цель борьбы заключалась, как правило, в подавлении вражеских батарей, т.е. приведение их в небоеспособное состояние на относительно короткий срок. Данная цель достигалась обстрелом огневых позиций и наблюдательных пунктов врага [3].

Под Ленинградом преследовалась цель уже не только подавления, но и планового уничтожения батарей, обеспечивающего недопущение обстрела боевых порядков наших войск, защиту от обстрела жилых кварталов города и военноморской базы. Для этого была создана фронтовая артиллерийская контрбатареинная группа, а с октября 1943 года – 3-й Ленинградский кон-

трбатареинный артиллерийский корпус, имевший на вооружении около двухсот орудий калибром 122–356 мм, а также три разведывательных артиллерийских дивизиона, воздухоплавательный дивизион, разведывательно-корректировочные авиационные эскадрильи [4].

По мере накопления боевого опыта к концу 1943 года были выработаны наиболее целесообразные принципы КББ. В ходе наступательных операций из выделенного на КББ количества боеприпасов в артподготовку расходовалось до 90%. На сводном графике подавления артиллерийских батарей видно, что наиболее детально борьба планировалась и осуществлялась в первые два периода артиллерийского наступления (рис. 1).

Подавление батарей достигалось сочетанием огневых налетов нескольких батарей (дивизиона) по каждой цели продолжительностью от 3 до 25 и более минут с огневым наблюдением (батареинные шквалы беглого огня и методический огонь одного-двух орудий). Последний огневой налет либо завершал артиллерийскую подготовку, либо перекрывал ее окончание и начало атаки. Следует также отметить, что борьба с артиллерией в годы Великой Отечественной войны включала и борьбу с зенитной артиллерией.

В послевоенный период КББ не потеряла своего значения. В связи с массовым оснащением армий ведущих стран мира самоходной артиллерией, способной применять ядерные боеприпасы, КББ приобрела особую важность как составная часть борьбы с тактическими средствами ядерного нападения.

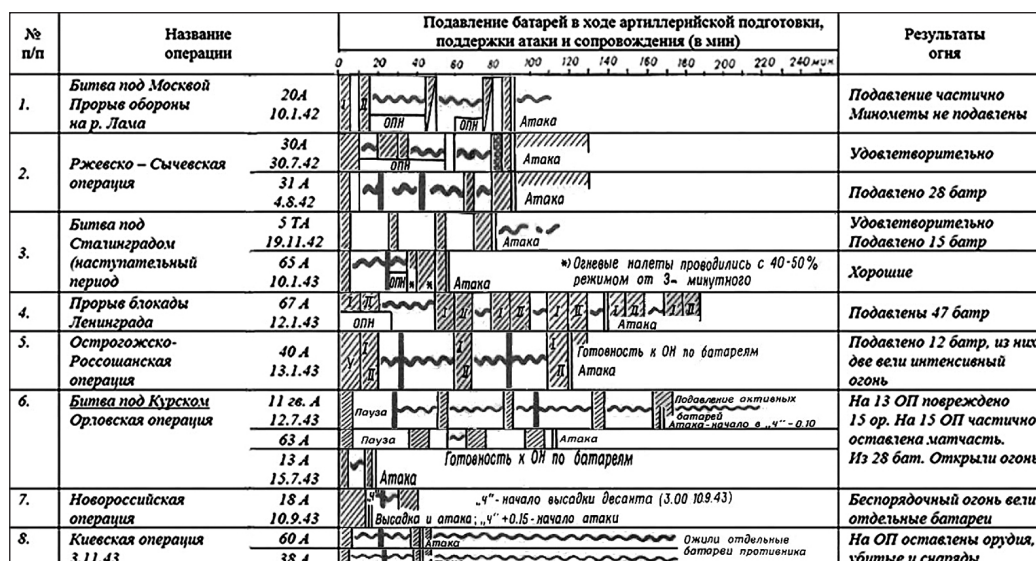

Рис. 1. Сводный график результатов подавления артиллерийских батарей

Необходимым условием успеха в КББ считалось создание 1,5-кратного превосходства над противником, что обеспечивало одновременное или последовательное подавление неприятельских батарей в относительно короткий отрезок времени.

Значимые тенденции и накопленный опыт о способах ведения боевых действий в вооруженных конфликтах, в том числе специальных операций последних десятилетий (Ирак, Грузия, САР, Нагорный Карабах, Украина и др.), подтвердили необходимость тщательной организации и ведения борьбы с артиллерией.

Особую значимость КББ приобретает в вооруженных конфликтах, ведущихся ограниченными силами, когда группировки сторон, как правило, сосредоточивают основные усилия на овладении ключевыми (стратегически важными) районами и населенными пунктами либо на их удержании. Конфликты низкой интенсивности характеризуются относительно длительными периодами (этапами) «бесконтактных» боевых действий, ведущихся средствами дальнего огневого поражения противоборствующих сторон, в первую очередь артиллерией.

Так, на основании боевого опыта, полученного в Сирийской Арабской Республике, наиболее остро обозначилась необходимость комплексирования усилий разведки и средств поражения, способных в режиме реального (близкого к реальному) времени выполнить боевые задачи с наибольшей эффективностью.

В настоящее время с ростом оснащенности артиллерии беспилотными летательными аппаратами и автоматизированными системам управления наведением орудий сложились объективные условия для повышения эффективности разведывательно-ударных действий за счет внедрения в практику современных приемов разведки и способов выполнения огневых задач, оперативной адаптации системы управления под конкретные условия обстановки.

Под разведывательно-ударными действиями понимаются циклы выполнения огневых задач с элементами противоогневого маневра [5].

Завоевание огневого превосходства предполагает нанесение полевой артиллерии противника критического уровня потерь при условии получения своей артиллерией потерь не выше допустимого уровня. К решению данной зада-

чи предусматривается привлечение минимально-достаточного ресурса авиации.

Помимо традиционного комплексирования средств разведки нескольких типов и средств поражения в определенных условиях представляется возможным их перевод в режим самоуправления назначенными командирами (начальниками) или органами управления. В совокупности комплексирование средств разведки, поражения и перестройка типовой системы управления составляет сущность создания временных разведывательно-ударных (огневых) комплексов.

Возможности по созданию разведывательно-ударных (огневых) комплексов обусловлены развитием систем управления, разведки и поражения, а также перспективами, заложенными в новых образцах вооружения, военной и специальной техники, что подтверждается опытом военных конфликтов последних лет.

Целью создания РУК (РОК) в современных операциях является повышение степени реализации потенциальных огневых возможностей сил и средств за счет сокращения длительности цикла «разведка — поражение».

Временный разведывательно-огневой комплекс — это совокупность переведенных в режим самоуправления средств разведки и огневого поражения (ствольная артиллерия, реактивная артиллерия среднего калибра и минометы), созданная для выполнения задач поражения объектов противника в режиме реального (близкого к реальному) времени с высокой эффективностью (рис. 2).

По опыту ведения боевых действий целесообразно создание следующих типов разведывательно-огневых комплексов:

- «контрбатарейной борьбы» для поражения артиллерийских и минометных батарей (взводов), батарей РЗСО или их разрозненных элементов (командно-наблюдательных пунктов, пунктов управления огнем, орудий, боевых машин, минометов и др.) на огневых позициях;
- для поражения колонн (движущихся объектов) противника;
- для поражения бронированных объектов управляемыми боеприпасами.

Одной из основных задач артиллерии, оставляемой в непосредственном подчинении командующего объединением (соединением),

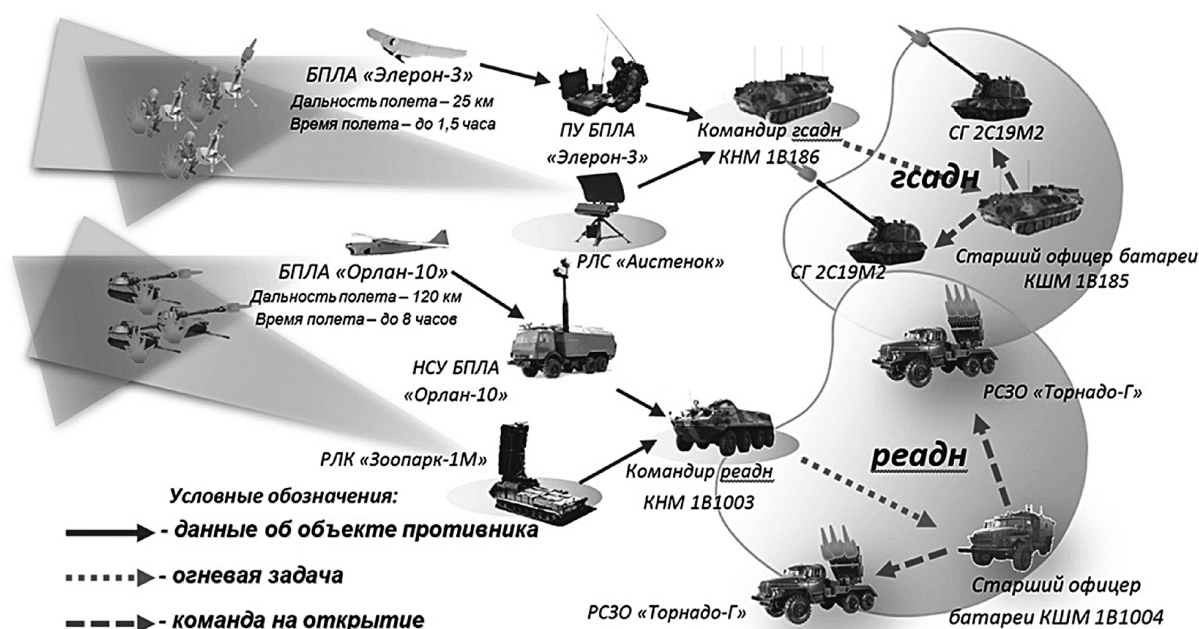

Рис. 2. Разведывательно-огневой комплекс

является КББ, так как артиллерийские и минометные батареи представляют собой высокоманевренные цели, расположенные на большой площади, которые требуется поражать в режиме реального времени или близким к нему. Особое место в организации КББ должно отводиться борьбе со средствами разведки противника (РЛС разведки огневых позиций, беспилотными летательными аппаратами, вертолетами). Для этого, наряду с артиллерией, необходимо привлечение средств других родов войск и специальных войск.

Эту тенденцию заметили в армиях многих стран мира и воплощают ее на практике. Так, в ходе военного конфликта в Нагорном Карабахе с высокой эффективностью применялась отдельная артиллерийская бригада армии Азербайджана. Имея на вооружении высокомобильные 152-мм САУ «Дана» (производства Чехии) бригада быстро перебрасывалась на важные участки и оперативно осуществляла ОПП. Главной особенностью структуры ОПП была очередность и последовательность поражения целей. В первую очередь уничтожались зенитно-ракетные комплексы на стартовых позициях; во вторую — элементы системы управления войсками и оружием; в третью — артиллерия и РСЗО на огневых позициях и только потом подавлялись оборонительные позиции

общевоисковых подразделений. При этом важно отметить: задача по ведению КББ являлась приоритетной. При обнаружении огневых позиций стреляющих батарей их поражение осуществлялось вне очереди, всеми средствами поражения, в том числе ударными БпЛА «Байрактар».

В настоящее время для ведения КББ в составе разведывательно-огневых комплексов активно используются разведывательные и разведывательно-ударные беспилотные летательные аппараты (БпЛА). Применение разведывательных БпЛА совместно с артиллерией при выполнении огневых задач весьма эффективно. Они позволяют вести разведку фото, видео, тепловизионными и другими способами, обеспечивая артиллерию своевременными, достоверными, точными данными об объектах противника, а также корректировать огонь в ходе стрельбы на поражение, осуществлять лазерную подсветку целей для их уничтожения высокоточными боеприпасами.

В среднесрочной перспективе нам представляется, что БпЛА, действующие сегодня под контролем операторов, заменят аппараты, использующие искусственный интеллект, что в целом должно повысить достоверность и точность разведывательных данных, скорость реакции на изменяющуюся обстановку на поле боя.

Рис. 3. Звукотепловая станция 1Б80 из состава автоматизированного звукотеплового комплекса артиллерийской и войсковой разведки «Пенициллин» (изделие 1Б75)

На смену существующим образцам в ракетные войска и артиллерию идут новые комплексы всепогодной разведки и автоматизированного управления. Они позволяют накапливать и анализировать разведывательную информацию, полученную с помощью БПЛА и других новейших технических средств разведки, в автоматизированном режиме доводить ее до средств поражения в целях эффективной борьбы с артиллерийскими батареями и пунктами управления противника.

Так, современный автоматизированный звукотепловой комплекс артиллерийской и войсковой разведки «Пенициллин» (изделие 1Б75) способен вести разведку огневых позиций артиллерийских орудий, минометов, РСЗО и стартовых позиций зенитных и тактических ракет с одновременным обслуживанием стрельбы своей артиллерии (рис. 3). Изделие основано на комплексировании возможностей тепловых и звукометрических станций.

Комплекс может вести разведку и обслуживание стрельбы с широкими возможностями по размерам полосы разведки, дальности и точности определения координат целей (разрывов).

Эффективность выполнения задач при ведении КББ в будущем будет во многом определяться тщательной организацией действий всех сил и средств в составе разведывательно-огневой системы. Это должно обеспечиваться:

- правильным выбором вариантов размещения боевых порядков артиллерийских подразделений и времени пребывания в них;
- целесообразными вариантами комплексирования средств разведки и средств поражения;
- выбором схемы адаптивного управления привлекаемыми силами и средствами, отвечающей особенностям боевой обстановки;
- информационным обеспечением работы органов управления и огневых подразделений;
- скрытным выдвижением и занятием подразделениями огневых позиций и рубежей развертывания (позиций, постов) средств разведки;
- полнотой проведения мероприятий маскировки от различных средств разведки противника;
- выполнением огневых задач в кратчайшее время минимально необходимым нарядом огневых средств и ресурсом боеприпасов, соответствующих характеру поражаемых объектов;
- своевременным маневром огневых подразделений после выполнения поставленных (очередных) огневых задач.

Таким образом, характерной особенностью двухсотлетней истории войн и вооруженных конфликтов является приоритетность ведения КББ, которая и сегодня остается актуальной боевой задачей артиллерии в завоевании (воспреещении завоевания противником) огневого превосходства. В условиях реальных международных вызовов и угроз, стоящих перед Россией, важно не растерять, а преумножать опыт, накопленный в ракетных войсках и артиллерии, который должен быть надежным фундаментом дальнейшего развития современных форм и способов огневого поражения противника в операциях и боевых действиях будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Советская Военная Энциклопедия. [В 8 томах]. Пред. Гл. ред. Комиссии А.А. Гречко. – М., Воениздат, 1976. Т. 4, с. 543.
2. Советская Военная Энциклопедия. [В 8 томах]. Пред. Гл. ред. Комиссии А.А. Гречко. – М., Воениздат, 1976. Т. 1, с. 605-606.
3. Котелкин В.А. Контрбатареинная борьба. – М.: Военное издательство, 1944. – 79 с.
4. Жданов Н.Н. Огневой щит Ленинграда. – М.: Военное издательство, 1965. – 296 с.
5. Организация и ведение контрбатареинной борьбы. Учебное пособие. – СПб.: Издание МВАА, 2016. – 166 с.

I.V. GRUDININ,
O.V. IKONNIKOV,
B.D. KAZACHOV

И.В. ГРУДИНИН,
О.В. ИКОННИКОВ,
Б.Д. КАЗАХОВ

**ОСОБЕННОСТИ ПОСТАНОВКИ ЗАДАЧИ ОЦЕНИВАНИЯ
ПОКАЗАТЕЛЕЙ БОЕВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЙ
СИЛ УПРАВЛЕНИЯ КОСМИЧЕСКИМИ АППАРАТАМИ**

**FEATURES OF SETTING THE ASSESSMENT TASK INDICATORS
OF THE COMBAT CAPABILITIES OF THE FORMATIONS
OF THE SPACECRAFT CONTROL FORCES**

В статье проведен анализ предпосылок и тенденций изменения сущности и содержания категории «боевые возможности» формирований с учетом специфики применения сил управления космическими аппаратами, предпринята попытка построения логической системы категорий «боеспособность», «боевые возможности», «боевая задача», «условия обстановки» с характеристикой разнонаправленных внутренних связей в ней при решении различных задач управления силами и средствами всестороннего обеспечения боевых действий.

The article analyzes the prerequisites and trends in changing the essence and content of the category of “combat capabilities” of formations, taking into account the specifics of the use of spacecraft control forces, attempts to build a logical system of categories “combat capability”, “combat capabilities”, “combat mission”, “situation conditions” with the characteristics of multidirectional internal relations in it when solving various tasks of managing forces and means of comprehensive support for combat operations.

Ключевые слова: боеспособность, боевые возможности, боевая задача, применение формирований сил управления космическими аппаратами.

Keywords: combat capability, combat capabilities, combat mission, the use of formations of spacecraft control forces.

Одной из основных прикладных задач, составляющих сущность процесса военного прогнозирования в целом и теории прогнозирования хода и исхода боевых действий на оперативно-тактическом и тактическом уровне в частности, является реализация процедуры оценивания боевых возможностей войсковых формирований, учитывающей особенности форм и способов их применения. Кроме того, вопрос оценивания боевых возможностей войск (сил) занимает одно из центральных мест в структуре широкого спектра задач военного управления, в частности: обоснования решений по строительству, развитию и применению соответствующих группировок войск (сил); определения рациональных вариантов состава, структуры и режимов функционирования

сложных организационно-технических систем военного назначения, разработки новых форм и способов применения формирований в соответствии с их предназначением; рационального нормирования параметров боевых задач в конкретных условиях обстановки с учетом выделяемого для их решения ресурса и др [1].

Исследование сущности, содержания и структуры категории «боевые возможности», его связи с другими фундаментальными категориями и понятиями военного искусства, а также тенденций ее трансформации в соответствии с закономерными изменениями условий вооруженной борьбы занимает одно из центральных мест в теории и практике применения группировок войск (сил) и войсковых формирований. В работах военных ученых [2–7] подробно

рассмотрены различные аспекты развития этой важной категории, охарактеризованы различные подходы к ее анализу и разнонаправленному синтезу, обозначена специфика содержания при использовании ее в интересах решения различных частных теоретических и прикладных задач военного планирования и оперативного управления [5–7].

Из множества трактовок категории «боевые возможности» группировки войск (сил), войсковых формирований будем опираться на классическое, согласно которому они определяются в виде совокупности количественных и качественных показателей, характеризующих способность войск (сил), формирований по выполнению определенных боевых задач (задач по предназначению) в установленные сроки и в конкретных условиях обстановки. На наш взгляд, этот вариант определения в наибольшей степени отражает общую сущность категории и, кроме того, адаптирован к содержательному расширению понятия применительно к боевым возможностям формирований, решающих специфические задачи по предназначению [3].

В [2–4] приводится несколько типов декомпозиции боевых возможностей как комплексной характеристики способности формирований выполнять поставленные задачи. В их основе лежат различные квалификационные признаки, в частности:

- организационная принадлежность формирования (признак – типовые средства поражения) – сухопутные войска, авиация, войска ПВО, ракетные войска и артиллерия, флот и т.д.; решаемые задачи (признак – функциональный) – ударные, разведывательные, огневые, маневренные, информационные, управленческие; достигаемый эффект (признак – характер воздействия) – управляющие, поражающие, подавляющие, маскирующие, дезинформирующие [4];

- обобщенная функциональная структура вооруженной борьбы (признак – функции, реализуемые формированием) – возможности по поражению, управлению войсками и оружием, всестороннему обеспечению [4];

- интерпретация группировки (формирования) в виде сложной боевой системы (признак – принадлежность к функциональной подсистеме) – возможности по огневому пора-

жению, удару войсками, маневру, управлению, разведывательно-информационному обеспечению, защите войск [3, 4].

Множественность подходов к определению сущности, содержания и структуры боевых возможностей группировок войск обусловлена, прежде всего, организационно-технической сложностью современного военного организма, разнообразием достигаемых частных целей, наличием в составе группировки большого количества формирований, предназначенных для согласованного решения узкоспециализированных задач в интересах достижения общей цели действий в операции (бою). И если в отношении интегральных показателей боевых возможностей группировки войск (сил) в научном сообществе достигнут определенный консенсус, то попытки свести в единую систему частные показатели боевых возможностей формирований, решающих специальные задачи, прежде всего, боевого и материально-технического обеспечения, сформировать однозначно воспринимаемые механизмы учета их вклада в боевые возможности группировки войск (сил) сопровождаются значительными трудностями. В качестве основных предпосылок этих трудностей необходимо обозначить сложность реализации единого подхода к формализованному описанию частных процессов обеспечения в едином тезаурусе и на основе единого научно-методического аппарата, и, как следствие, практическую невозможность интегрировать частные модели в структуру общего комплекса оценивания боевых возможностей группировки войск (сил).

В полной мере эта проблема присуща области теории и практики оценивания и учета боевых возможностей формирований из состава сил управления космическими аппаратами. Процесс применения таких формирований сам по себе обладает неисчислимым количеством специфических признаков, преследует специфические цели, реализуется в специфических условиях, что делает невозможным моделирование и определение показателей боевых возможностей на основе принципа прямой аналогии с общевойсковыми формированиями.

Специфичность условий применения формирований сил управления космическими аппаратами определяется совокупностью при-

сущих лишь этому процессу факторов, основными из которых являются:

- размещение сил и средств (орбитальных группировок КА) в различных природных сферах, на большом взаимном удалении (до 40 000 км и более);

- высокая динамика изменений параметров обстановки в стратегической космической зоне, основные объекты которой (космические аппараты), двигаясь со скоростями порядка 8 км/с и более, постоянно изменяют свое положение в пространстве, а, следовательно, и уровень приоритетности в системе управления;

- значительная удаленность и пространственная динамичность управляемых объектов (космических аппаратов), в связи с чем технология управления ими в настоящее время реализуема только по радиоканалам, формируемым сложным комплексом специализированных радиоэлектронных средств;

- объективно обусловленная необходимость реализации автоматического режима функционирования бортовой аппаратуры космических аппаратов при их периодическом нахождении вне зоны радиовидимости радиоэлектронных средств управления;

- необходимость управленческого обеспечения длительного содержания космических аппаратов на орбитах, в том числе и в режиме полной автономии их функционирования;

- невозможность установления пространственных границ между отечественными орбитальными группировками и орбитальными группировками противника в связи с непрерывным изменением их взаимного положения и экстерриториальностью космического пространства.

Основной формой применения формирований сил управления космическими аппаратами на современном этапе являются обеспечивающие действия — совокупность согласованных и взаимосвязанных по целям, задачам, месту и времени мероприятий и действий, проводимых по единому замыслу и плану, с целью поддержания в установленном составе и степени готовности к применению по предназначению орбитальных группировок космических аппаратов (отдельных космических аппаратов) в интересах обеспечения действий группировок войск (сил). В военное время принято го-

ворить о боевом применении формирований сил управления, содержание которого составляет сложный организационно-технологический процесс подготовки и осуществления потребной совокупности сеансов управления космическими аппаратами, осложняемый комплексным воздействием (огневым, радиоэлектронным, информационным и т.д.) противника, обусловленными воздействием противника процедурами восстановления нарушенной боеспособности и мероприятиями всестороннего обеспечения и т.д. В значительной мере эффективность боевого применения формирований сил управления космическими аппаратами будет определяться способностью органов управления вырабатывать соответствующие управленческие воздействия (принимать решения), что, в свою очередь, актуализирует задачу оценивания боевых возможностей как ожидаемых (при планировании), так и реализуемых (в процессе оперативного управления).

Сложность однозначного определения боевых возможностей формирований сил управления космическими аппаратами вследствие утилитарного характера их деятельности в общей структуре группировок войск (сил) предопределила неизбежную в таких случаях множественность подходов к содержательной трактовке и количественно-качественному оцениванию присущих им показателей.

Наибольшее распространение получил подход, рассматривающий в качестве базовых показателей боевых возможностей формирований сил управления реализуемые в конкретных условиях обстановки технические параметры наземного автоматизированного комплекса управления (НАКУ) космическими аппаратами, выводимые из его тактико-технических характеристик, а также опыта подготовки и проведения сеансов управления при зафиксированном факторном пространстве. При этом в качестве показателей боевых возможностей рассматривают такие количественные характеристики реализуемых НАКУ информационно-технологических процедур, как интенсивность выполнения заданного комплекса операций (обработки, обмена и анализа информации) технологического цикла управления (объем комплекса операций в единицу времени) или вероятность выполнения заданного комплекса

операций (обработки, обмена и анализа информации) цикла управления к заданному моменту времени.

Другой подход к определению показателей боевых возможностей формирований сил управления основывается на результатах анализа содержания совокупности документов, регламентирующих деятельность родственных к НАКУ технических систем (например, сборники общих технических требований (ОТТ) к различным системам космического назначения) и опирается на показатели качества решения космическими средствами целевых задач посредством меры соответствия достигаемого результата соответствующим требованиям. При таком подходе появляется ряд представительных универсальных частных показателей, однако непосредственно не связанных со способами применения как формирований сил управления, так и средств НАКУ.

В качестве примера таких частных показателей можно привести: типовые перечни объектов наблюдения, обслуживания, их количество и релевантные целевой задаче характеристики; параметры обеспечиваемого информационного потока; величина погрешности привязки шкал времени и ряд других. Здесь необходимо отметить их приоритетную направленность на оценивание технических параметров боевых возможностей и практически полное отсутствие чувствительности к организационным аспектам функционирования этой сложной организационно-технической системы. Такая ориентированность рассматриваемой группы показателей, в принципе, естественна, поскольку изначально они разработаны в интересах обеспечения вопросов технического проектирования космических систем, автоматизированных систем специального назначения на основе оперативно-тактических и тактико-технических требований к их целевым установкам, решаемым задачам, составу и оперативному построению наземных и орбитальных компонентов НАКУ космическими аппаратами.

Такие подходы можно признать удачными, в полной мере реализующими утилитарную функцию системы показателей. Это связано с тем, что категория «возможность» в общеполитическом смысле определяет способность некоторого объекта (в нашем случае формирований

сил управления космическими аппаратами) достигать определенного результата в конкретных условиях обстановки. Именно отсутствие механизмов учета существенных факторов обстановки, определяющих текущее состояние исследуемой системы в процессе реализации боевых возможностей (разнообразные деструктивные воздействия противника, влияние внешней среды и т.д.), делает этот подход неприемлемым для оценки показателей боевых возможностей формирований сил управления космическими аппаратами в интересах решения всего спектра управленческих задач. Кроме того, согласованная система показателей боевых возможностей должна обеспечивать возможность получения комплексной характеристики свойств оцениваемых формирований, которая не может быть получена путем простого объединения частных показателей, должна быть чувствительной к оценкам, прежде всего, системных функциональных свойств (эмерджентности и синергичности) и наглядно их отражать.

В некоторых работах боевые возможности войск определяются как совокупность свойств соединений, частей, подразделений и отдельных боевых единиц, обуславливающих их пригодность к выполнению поставленных боевых задач. Это подразумевает приоритетный учет таких характеристик формирования, как боевой состав, укомплектованность личным составом и вооружением, уровнем боевой и морально-психологической подготовки, тактико-техническими характеристиками вооружения, военной и специальной техники и т.п. Условно эту группу показателей можно отнести к «внутренним» [3, 4], ориентированным, в большей мере, на оценивание базового потенциала формирования по направлениям последующей реализации боевых возможностей уже с учетом конкретных условий обстановки. Необходимо отметить, что эти «внутренние» свойства формирований сил управления космическими аппаратами оказывают существенное влияние, но в то же время не позволяют полностью оценить показатели боевых возможностей с точки зрения их практической реализуемости с учетом нормирующего влияния параметров боевой задачи и условий внешней среды функционирования формирования. Очевидным и естественным развитием этого подхода пред-

ставляется разработка и внедрение в структуру соответствующего научно-методического аппарата инструментария учета форм и способов применения оцениваемых формирований.

По мнению авторов, для рассмотрения показателей боевых возможностей следует исходить из следующих соображений.

В зависимости от характера обстановки, складывающейся при подготовке и в ходе применения обеспечиваемой группировки войск (сил) перед формированиями сил управления космическими аппаратами, могут ставиться самые разные по составу и содержанию задачи, эффективность выполнения которых необходимо оценить. При этом, в соответствии с требованиями, определенными в документах, регламентирующих порядок планирования применения и применение формирований сил управления космическими аппаратами, командир при постановке той или иной боевой задачи предварительно должен учитывать имеющиеся у управляемого формирования боевые возможности. Последнее означает, что показатели боевых возможностей должны восприниматься лицом, принимающим решения, в виде потенциальных возможностей формирования, локализованных относительно конкретной боевой задачи, предполагаемой к дальнейшей постановке и реализации. В этом случае речь должна идти о понимании командиром такого ключевого аспекта управленческого процесса, как «выполнимость боевой задачи», мера соответствия параметров этой задачи соответствующим параметрам боевых возможностей в заданный момент времени. Особо следует обратить внимание на необходимость учета именно текущих (и на перспективу — в масштабе временного периода выполнения боевой задачи) значений параметров состояния боевых возможностей формирования, поскольку эти значения не остаются постоянными, изменяются в процессе подготовки и в ходе выполнения боевой задачи, с учетом особенностей перехода от одного этапа ее выполнения к другому (при решении одной задачи) или к следующей боевой задаче (при планировании последовательного выполнения нескольких задач). Очевидно, что при таком подходе многократно возрастает количество подлежащих учету факторов, при этом интегральным фактором выступает совокупность характеристик имеющегося

у формирования целевого ресурса. Расход этого комплексного ресурса может быть описан вполне определенным функционалом, аргументами которого будут параметры факторов, увеличивающих/снижающих этот ресурс на временной шкале, характеризующейся временем решения боевой задачи (временем реализации соответствующего этой задачи процесса применения формирования сил управления космическими аппаратами).

Говоря о боевых возможностях того или иного формирования, мы неизбежно и закономерно рассматриваем перечень типовых задач, которые оно с приемлемым уровнем эффективности способно выполнить. При этом ключевые характеристики такой способности должны отражать присущие формированию качества, то есть с использованием количественных и качественных оценок интерпретировать функциональный потенциал формирования, рассчитанный применительно к идеальным условиям его применения. Таким образом, боевая способность формирования образует логический фундамент сложной процедуры оценивания боевых возможностей, исходную точку ее реализации. В соответствии с предлагаемой логикой показатели боевых возможностей выводятся из соответствующих показателей боеспособности в результате их двойного нормирования:

- параметрами вектора целеполагания органа управления (совокупности требуемых значений показателей эффективности решения частных задач применения формирования сил управления космическими аппаратами по назначению);

- результатами реализации механизмов учета влияния существенных факторов обстановки (условий внешней среды) на результативность и ресурсоемкость решения частных задач применения по назначению.

Смысловое содержание обозначенных механизмов нормирования показателей боеспособности, в общем, можно определить следующим образом:

- соотношение параметров цели применения (боевой задачи, частных задач) и соответствующих им параметров боеспособности характеризует принципиальную «выполнимость» боевой задачи, в первую очередь характеризует

умение командира формулировать и ставить боевые задачи, соответствующие боевым возможностям управляемого формирования, то есть обладать «чувством» баланса между желаемым и возможным, требуемым и достижимым в реальных условиях;

— влияние параметров внешней среды (условий обстановки), как правило, существенно ограничивает практическую достижимость потенциальных значений показателей боеспособности за счет «оттягивания» на себя ограниченных целевых ресурсов формирования.

Приведенные выше соображения позволяют сделать вывод о структурной тождественности понятий «боеспособность» и «боевые возможности», но принципиальном функциональном отличии между ними, которое может быть определено в виде классического соотношения потенциальных и реализуемых возможностей. В качестве основных факторов «преобразования» параметров боеспособности в параметры боевых возможностей выступают характеристики целеполагания органа управления и условия внешней среды, в первую очередь — целенаправленная деятельность противника. Комплексный учет реализации обоих механизмов позволяет сформировать, выбрать и реализовать рациональные способы действий управляемых формирований при подготовке и в ходе их применения по назначению.

На факторе действий противника и особенностях его учета необходимо остановиться особо. В принципе, адекватность оценивания показателей боевых возможностей формирований сил управления космическими аппаратами в значительной мере определяется точностью прогнозирования действий противника. По сути своей эта задача сводится к игровой модели противоборства систем, наделенных субъектностью, ориентированной на приоритетный учет взаимной поведенческой неопределенности сторон. Последнее означает, что в ходе боевых действий (применения формирований по назначению) обе стороны имеют свое множество допустимых стратегий действий, их выбор осуществляется по критерию минимизации значений показателей эффективности действий противника.

Учитывая это, и основываясь на принципе гарантированного результата, выбор ра-

циональных вариантов (стратегий) решения боевых задач следует основывать на известном пессимистическом принципе А. Вальда (максимина), предусматривающем максимизацию минимального выигрыша (в условиях выбора противником наихудшего для нас варианта своей стратегии). Реализация соответствующего этой стратегии правила принятия осторожных решений призвано обеспечить не максимальный, но гарантированный результат, ориентировано на рациональное расходование ресурса управляемых формирований с учетом необходимости обеспечения готовности к решению последующих боевых задач по управлению космическими аппаратами.

В логической цепочке «боеспособность» — «целеполагание (боевая задача)» — «боевые возможности» технологически реализуема (и желательна) обратная связь, предусматривающая реализацию процедур определения рациональных (оптимальных) значений частных элементов боевой задачи с учетом реальных условий складывающейся обстановки. В этом случае процедура оценивания показателей боевых возможностей определяется поиском оптимального результата прогнозируемых действий на множестве допустимых стратегий противоборствующих сторон в интересах выработки и обоснования соответствующих рациональных (оптимальных) параметров боевой задачи.

Таким образом, кроме всего прочего, оценивание боевых возможностей формирований сил управления космическими аппаратами необходимо проводить для получения результатов предстоящих (прогнозируемых) боевых действий. При этом следует иметь в виду, что, поскольку при получении этих оценок мы стремимся как можно полнее учесть факторное пространство, обуславливающее ход и исход боевых действий по результатам решения конкретной боевой задачи, то принимать эти оценки как потенциальную целевую эффективность без дополнительных оговорок неверно. Кроме того, между боевыми возможностями формирований и потенциальной эффективностью их применения (мерой полноты реализации боевых возможностей) отсутствует непосредственная связь, логическое пространство между ними естественным образом заполнено организованной совокупностью действий, со-

ставляющих сущность приемов и способов применения формирований сил управления космическими аппаратами. И если процедуры определения параметров боеспособности, боевых возможностей, целевой эффективности применения представляют собой акты мыслительной оценочной деятельности командиров и должностных лиц органов управления, то реализация способов применения формирований сил управления космическими аппаратами целиком и полностью относятся к сфере практической деятельности, то есть представляют собой совокупность целенаправленных активных воздействий на окружающую среду. В логике статьи цель таких воздействий может трактоваться в виде формирования благоприятных условий для более полной реализации боевых возможностей.

В заключение необходимо отметить, что представленные в статье соображения по сущ-

ности, содержанию и структуре категории «боевые возможности», ее места и роли в совокупности родственных категорий и понятий, специфике определения боевых возможностей формирований с утилитарным целевым функционалом требуют дальнейшего рассмотрения как с теоретической, так и с прикладной точек зрения. Исследование и разумная трансформация ключевых категорий и понятий военного искусства, позволяющие учесть коренные изменения в процессах подготовки и боевого применения разнородных формирований в составе сложных по своему морфологическому и функциональному составу группировок войск (сил) должно стать одним из основных направлений осмысления новых тенденций вооруженной борьбы, научного обоснования рациональных направлений строительства Вооруженных Сил, совершенствования форм и способов их применения в новых условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Дульнев П.А. О необходимости разработки перспективной оперативной концепции // Военная мысль. 2007. № 6. с. 22–28.
2. Липаткин А.В. О боевых возможностях воинских формирований // Военная мысль. 2006. № 7. с. 37–40.
3. Брюзгин Е.Л. К вопросу о боевых возможностях группировок войск в общевойсковой операции (бою) // Военная мысль. 2007. № 10. с. 9–13.
4. Бузин Н.Е. О боевых возможностях общевойсковых формирований // Наука и военная безопасность. 2008. № 3. с. 3–8.
5. Нарышкин В.Г. О методах оценки боевой готовности воинских формирований // Военная мысль. 2009. № 1. с. 68–72.
6. Нарышкин В.Г. О показателях боевого потенциала воинских формирований // Военная мысль. 2009. № 3. с. 76–80.
7. Бобриков А.А. Методика оценки боевых возможностей группировок войск в целях обоснования решений по строительству и применению ВС // Военная мысль. 2009. № 12. с. 14–22.

A.S. DURNOV,
D.A. EGORUSHKIN,
D.N. CHESHEV

А.С. ДУРНОВ,
Д.А. ЕГОРУШКИН,
Д.Н. ЧЕШЕВ

**ПРИМЕНЕНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ АЛГОРИТМОВ
ПРИ ОБОСНОВАНИИ РАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА
СИСТЕМЫ ВООРУЖЕНИЯ И СРЕДСТВ РХБ ЗАЩИТЫ**
**THE USE OF THE GENETIC ALGORITHM THE SUBSTANTIATING
THE RATIONAL COMPOSITION OF THE WEAPONS SYSTEM
AND THE MEANS OF THE RADIOLOGICAL CHEMICAL
AND BIOLOGICAL PROTECTION**

В статье рассмотрены роль и место исследований по обоснованию рационального состава системы вооружения и средств РХБ защиты при формировании предложений в проект Государственной программы вооружения и определены факторы и современные условия, обуславливающие важность и сложность проведения таких исследований. Предложен методический подход к решению поставленной задачи, основанный на применении генетических алгоритмов, включающий комбинированное использование методов имитационного моделирования и эволюционной оптимизации.

The article considers the role and place of research to substantiate the rational composition of the weapons system and the means of CBR protection in the formation of proposals for the draft State Armament Program and identifies the factors and current conditions that determine the importance and complexity of such research. A methodological approach is proposed to solve the problem, based on the use of genetic algorithms, including: combined use of simulation modeling and evolutionary optimization method.

Ключевые слова: вооружение и средства радиационной, химической и биологической защиты, имитационное моделирование, генетический алгоритм.

Keywords: the weapons system and the means of the radiological chemical and biological protection, the information technologies, the simulation modeling, the genetic algorithm.

Важнейшим этапом программно-целевого планирования развития вооружения, военной и специальной техники является обоснование предложений видов (родов войск) Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ) в проект Государственной программы вооружения (ГПВ). Целью этого этапа является выбор рациональных вариантов развития видов вооружения, военной и специальной техники, реализуемых соответствующей упорядоченной во времени и по важности системой мероприятий технического оснащения Вооруженных Сил. Это справедливо и в отношении совершенствования технического оснащения системы радиационной, химической и биологической защиты как одного из видов боевого обеспечения [1].

В структуре решения задач данного этапа одно из важнейших мест занимают исследо-

вания по обоснованию рационального состава системы вооружения и средств радиационной, химической и биологической защиты (В и С РХБЗ) на каждый год заданного периода планирования, направленные на обеспечение ее максимальных функциональных возможностей с учетом прогнозируемой динамики состояния, меняющихся требований к перспективному составу системы вооружения и ресурсных возможностей (рис. 1).

Решение данной задачи неразрывно связано с проведением исследований по оценке текущего состояния системы В и С РХБЗ, прогнозированию динамики его изменения в течение заданного периода планирования, а также формированию перечня и содержания мероприятий технического оснащения на каждый год заданного периода планирования, реали-

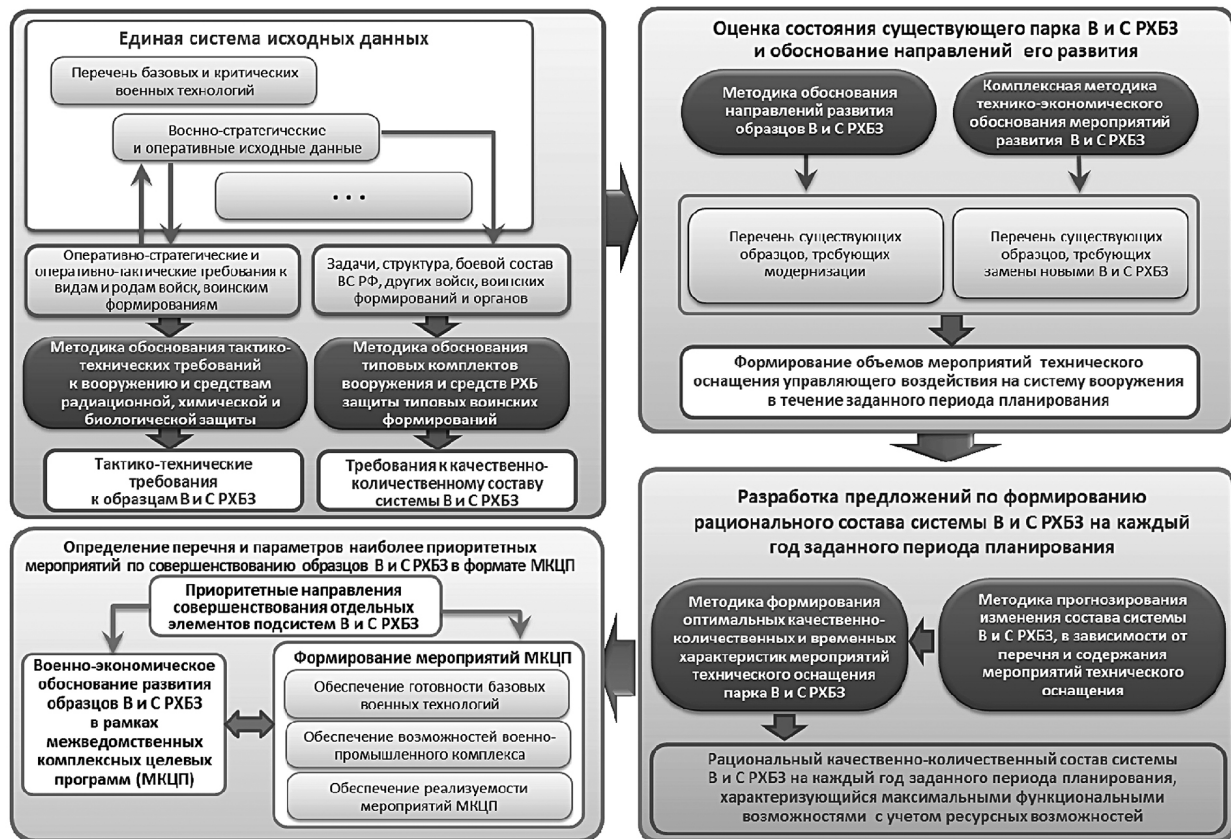

Рис. 1. Структурная схема исследований, направленных на формирование предложений в проект ГПВ в части В и С РХБЗ

зация которых обеспечивает поддержание на требуемом уровне качественного состояния и номенклатурно-количественного состава системы В и С РХБЗ. При этом качество результатов оценки текущего состояния системы В и С РХБЗ и прогнозной оценки его развития зависит как от эффективности функционирования системы технического мониторинга в войсках, то есть от достоверности исходных данных, получаемых из войск по наличию, исправности, возрастному составу (срокам службы), продолжительности эксплуатации различных видов (типов) образцов до выхода их в контрольный ремонт или списание, так и от возможностей соответствующей научно-методической базы. В свою очередь, перечень и содержание варьируемых мероприятий технического оснащения в течение заданного периода планирования зависит от объема финансовых ресурсов, выделяемых государством, возможностей оборонно-промышленного комплекса, состояния научно-технического задела, а эффективность их планирования — от качества

управленческих решений, определяющих вектор (стратегию) развития системы В и С РХБЗ, отражающий качественно-количественные и временные характеристики мероприятий технического оснащения на каждый год заданного периода планирования. При этом качество управленческих решений в значительной мере определяется возможностями информационно-аналитической и научно-методической базы, используемой при их формировании.

Результаты анализа существующего научно-методического обеспечения, посвященного различным аспектам проблемы выбора рационального варианта развития вооружения, военной и специальной техники, показали, что изыскание путей, методов и научных подходов к решению подобного рода задач началось уже давно и в настоящее время в специализированных научно-технических изданиях публикуется большое количество работ, посвященных проблемам формирования перспективного облика системы вооружения и управления процессами развития ВВСТ [2–6]. При этом выявлено, что к настоящему времени

возможность решения задачи обоснования рационального состава системы В и С РХБЗ для обеспечения ее сбалансированного развития и максимальных функциональных возможностей в течение заданного периода планирования путем оптимизации планируемых качественно-количественных и временных характеристик мероприятий технического оснащения опирается на результаты множества разрозненных исследований и в прямой постановке ранее не рассматривалась, что негативно влияет на качество получаемой на выходе информации.

Недостатки, ограничивающие возможности применения существующих научно-методических подходов к обоснованию рационального состава системы В и С РХБЗ в современных условиях ее развития, включают:

- отсутствие единой целостной взаимосвязанной системы оценки эффективности мероприятий технического оснащения при формировании рационального варианта развития системы В и С РХБЗ;
- отсутствие возможности осуществлять оперативную корректировку параметров варианта развития системы В и С РХБЗ при изменении внешних и внутренних факторов, а также требований к качественно-количественному и

номенклатурному составу системы В и С РХБЗ в течение заданного периода планирования;

- отсутствие возможности определения оптимального соотношения образцов В и С РХБЗ различных поколений, находящихся на разных стадиях жизненного цикла;

- ограниченное количество рассматриваемых исследовательских вариантов качественно-количественного и номенклатурного состава системы В и С РХБЗ.

Ограниченные возможности применения существующих научно-методических подходов к решению рассматриваемой задачи обусловлено тем, что проведение необходимых исследований постоянно усложняется в связи с высокой динамикой изменения условий и факторов, оказывающих влияние на процесс развития В и С РХБЗ, а также непрерывно нарастающей сложностью и комплексным характером задач научной поддержки принятия управленческих решений в предметной области, которые должны решаться в предельно сжатые сроки. При этом задача выбора варианта качественно-количественного и номенклатурного состава системы В и С РХБЗ осуществляется с учетом значительного числа близких по тактико-техническим характеристикам образцов вооружения и усложняется

Рис. 2. Основные современные факторы и условия, определяющие важность и сложность задачи обоснования рационального состава системы В и С РХБЗ

наличием, как правило, ряда альтернативных вариантов технического оснащения, включающих всевозможные комбинации мероприятий в отношении образцов, находящихся на разных стадиях жизненного цикла.

Важность и сложность обоснованного выбора рационального варианта системы В и С РХБЗ обусловлена и тем, что при формировании военного бюджета в рамках государственной программы вооружения на развитие соответствующей номенклатуры войск РХБ защиты выделяется ограниченное финансирование. В целом основные факторы и условия, определяющие важность и сложность рассматриваемой задачи, отражаются схемой, приведенной на рис. 2.

Совокупность указанных современных факторов и условий, оказывающих влияние на развитие системы вооружения, одновременно накладывает ограничения на практическую применимость используемого научно-методического обеспечения разработки управленческих решений в отношении развития системы В и С РХБЗ и предопределяет перспективные требования к методам планирования технического перевооружения системы В и С РХБЗ, позволяя сделать вывод о том, что использование традиционных математических моделей и методик становится чрезвычайно сложным или невозможным.

Вышеизложенное обуславливает необходимость совершенствования существующего научно-методического обеспечения обоснования рационального состава системы В и С РХБЗ через призму внедрения новых методов и способов, позволяющих в значительной степени устранить недостатки существующих методических подходов к решению данной задачи.

Проведенные исследования позволили разработать единый методический подход к обоснованию рационального состава системы В и С РХБЗ на основе применения генетических алгоритмов, обеспечивающий проведение направленного поиска оптимальной комбинации качественно-количественных и временных характеристик мероприятий технического оснащения на каждый год заданного периода планирования, всестороннюю многовариантную технико-экономическую оценку состава системы В и С РХБЗ при их реализации и оперативную корректировку плана перевооружения при изменении требований к перспективному

составу системы В и С РХБЗ и накладываемых ограничений, что способствует достижению ее максимальных функциональных возможностей в течение заданного периода планирования с учетом ресурсных возможностей. Суть предлагаемого методического подхода заключается в комбинированном использовании методов имитационного моделирования и эволюционной оптимизации [7, 8], блок-схема которого представлена на рис. 3.

В структуре разработанного методического подхода предусмотрено три функциональных блока, где второй и третий блоки расчетные и взаимосвязанные.

Блок 1. В рамках первого функционального блока осуществляется первичная подготовка исходных данных путем кластеризации качественно-количественного и номенклатурного состава системы В и С РХБЗ по выделенным качественно-количественным параметрам ее состояния, то есть разбиения совокупности образцов на однородные группы (кластеры), объединенные общим свойством.

Кластеризация системы В и С РХБЗ проводится в целях анализа и оценки ее качественного состава, как в целом так и по отдельным компонентам:

- укомплектованность парка образцами вооружения и средств РХБ защиты, выраженной в процентах от штатной численности (коэффициент оснащенности);
- укомплектованность современными образцами В и С РХБЗ, выраженной в процентах от оснащенности, как отношение количества современных образцов В и С РХБЗ к их общему количеству (коэффициент современности);
- укомплектованность исправными образцами В и С РХБЗ, выраженной в процентах от оснащенности, как отношение количества исправных образцов В и С РХБЗ к их общему количеству.

Необходимыми исходными данными для реализации разработанного методического подхода являются:

- сведения о требуемом количестве i -го типа образцов по штату в j -м подразделении на начало и конец заданного периода планирования;
- сведения об общем количестве образцов i -го типа на начальный год заданного периода планирования и их качественно-количественный и номенклатурный состав;

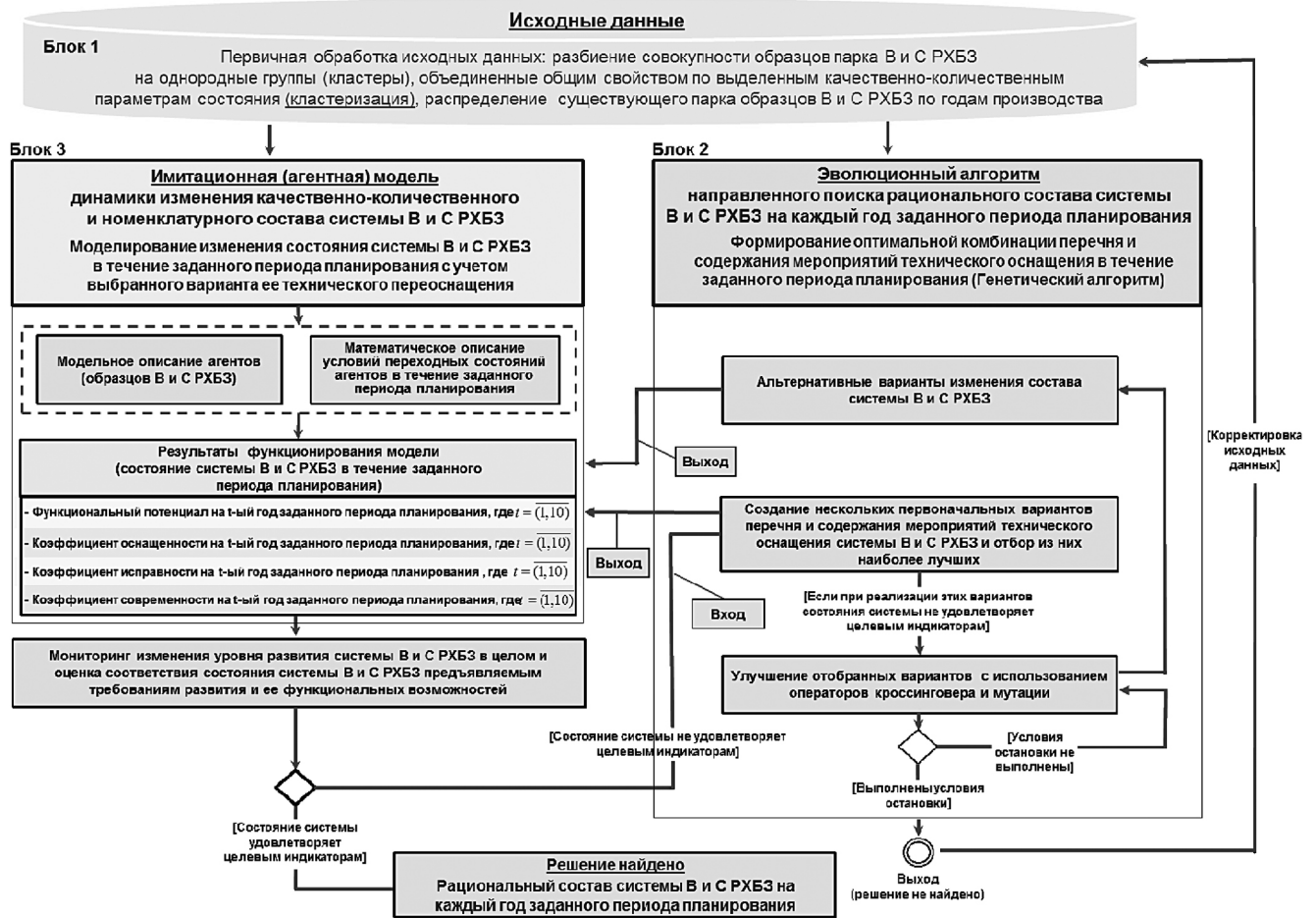

Рис. 3. Блок-схема исследований по обоснованию рационального состава системы В и С РХБЗ

– сведения о категории образцов В и С РХБЗ на каждый год заданного периода планирования («современный», «устаревший»);

– сведения о возможностях оборонно-промышленного комплекса по производству и капитальному ремонту образцов В и С РХБЗ на каждый год заданного периода планирования;

– технико-экономические данные мероприятий технического оснащения системы вооружения и средств РХБ защиты.

Блок 2. Второй функциональный расчетный блок – эволюционный алгоритм поиска рационального состава системы В и С РХБЗ, обеспечивающий поиск наилучшего состава системы В и С РХБЗ на каждый год заданного периода планирования с учетом меняющихся требований к ее перспективному качественно-количественному и номенклатурному составу и ресурсных возможностей. Результатом работы второго блока является качественно-количественный и номенклатурный состав системы

вооружения и средств РХБ защиты на каждый год заданного периода планирования, позволяющий достичь ее максимальных функциональных возможностей (рис. 4).

Функционирование данного блока осуществляется с использованием эволюционного (генетического) алгоритма, состоящего из нескольких этапов исследований:

– формирование первоначального набора решений задачи по каждому типу (классу) (создание первоначальных пробных вариантов перечня и содержания мероприятий технического оснащения);

– оценка каждого из полученных вариантов, выбор решений, используемых на следующем этапе для вариации и комбинирования искомых характеристик мероприятий технического оснащения;

– применение генетических операторов, кроссинговер выбранных решений (скрещивание) и улучшение состава варианта решения (мутация) и оценка полученных результатов.

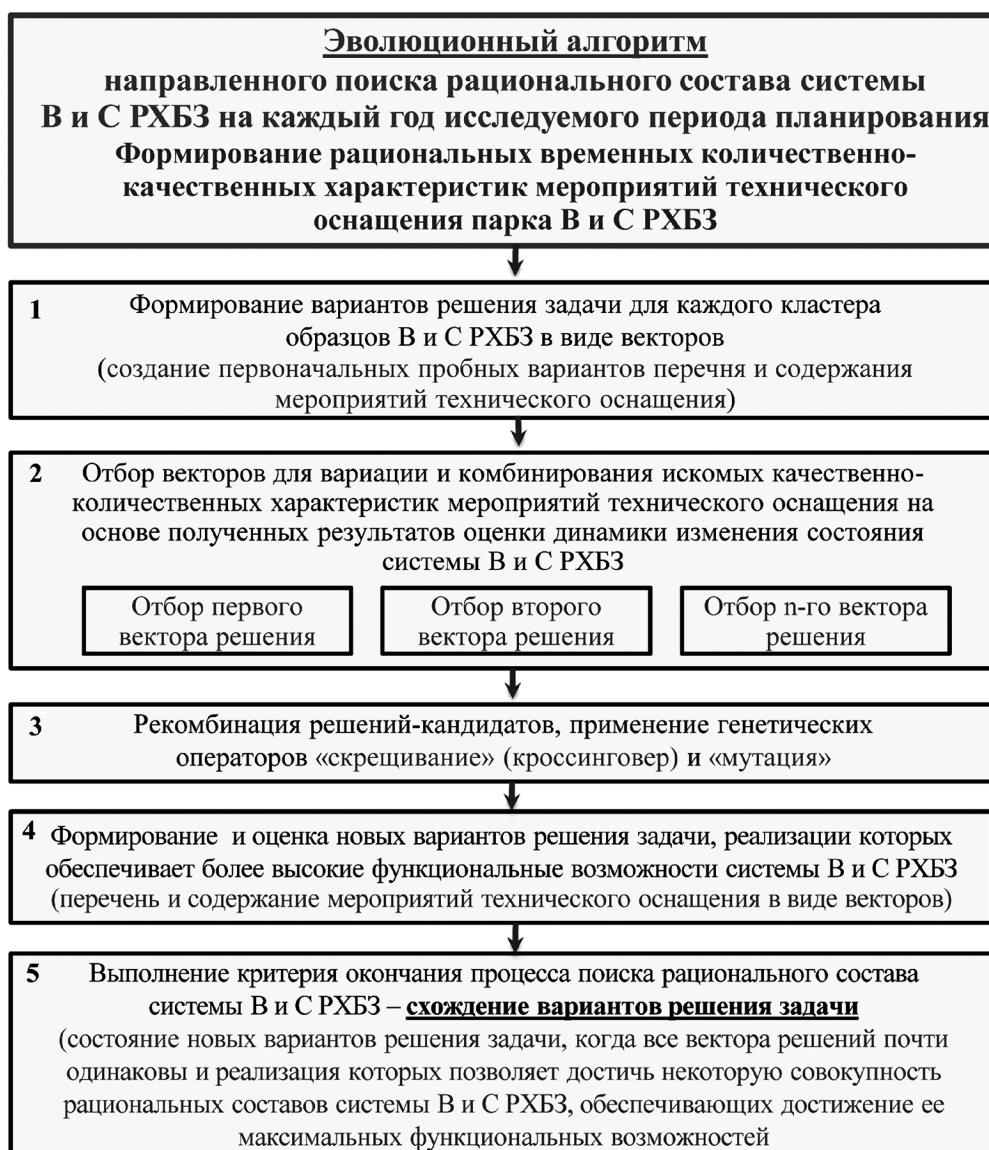

Рис. 4. Общая схема функционирования эволюционного алгоритма поиска рационального состава системы В и С РХБЗ

При этом на каждом отдельном шаге алгоритм использует определенные характеристики мероприятий технического оснащения из текущего набора решений для того, чтобы создать последующий набор решений. Граничными областями изменения объемов мероприятий технического оснащения служат заданные значения объемов мероприятий управляющего воздействия на систему В и С РХБЗ в течение заданного периода планирования. Перечисленные этапы итерационно повторяются до тех пор, пока результаты не будут соответствовать целям переоснащения системы В и С РХБЗ.

Блок 3. Третий функциональный расчетный блок – имитационная (агентная) модель дина-

мики изменения качественно-количественного и номенклатурного состава системы В и С РХБЗ (рис. 5), направленный на выполнение моделирования процессов реализации мероприятий технического оснащения системы В и С РХБЗ, а также анализа и оценки динамики изменения ее состояния. Выходными данными третьего функционального блока являются ключевые индикаторы, характеризующие степень соответствие системы В и С РХБЗ перспективным требованиям, а также ее функциональные возможности.

Функционирование данного блока осуществляется с использованием имитационной (агентной) модели, включающей несколько итерационных циклов проведения исследований (рис. 6).

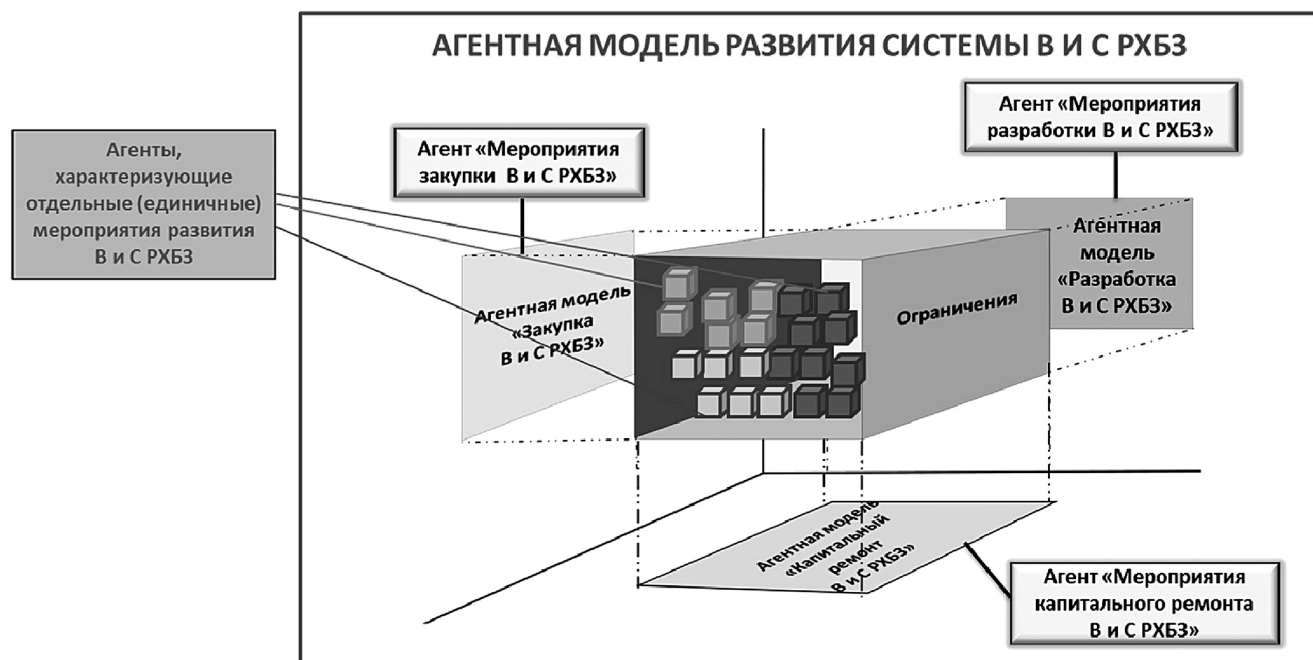

Рис. 5. Схематичное представление имитационной (агентной) модели развития системы В и С РХБЗ

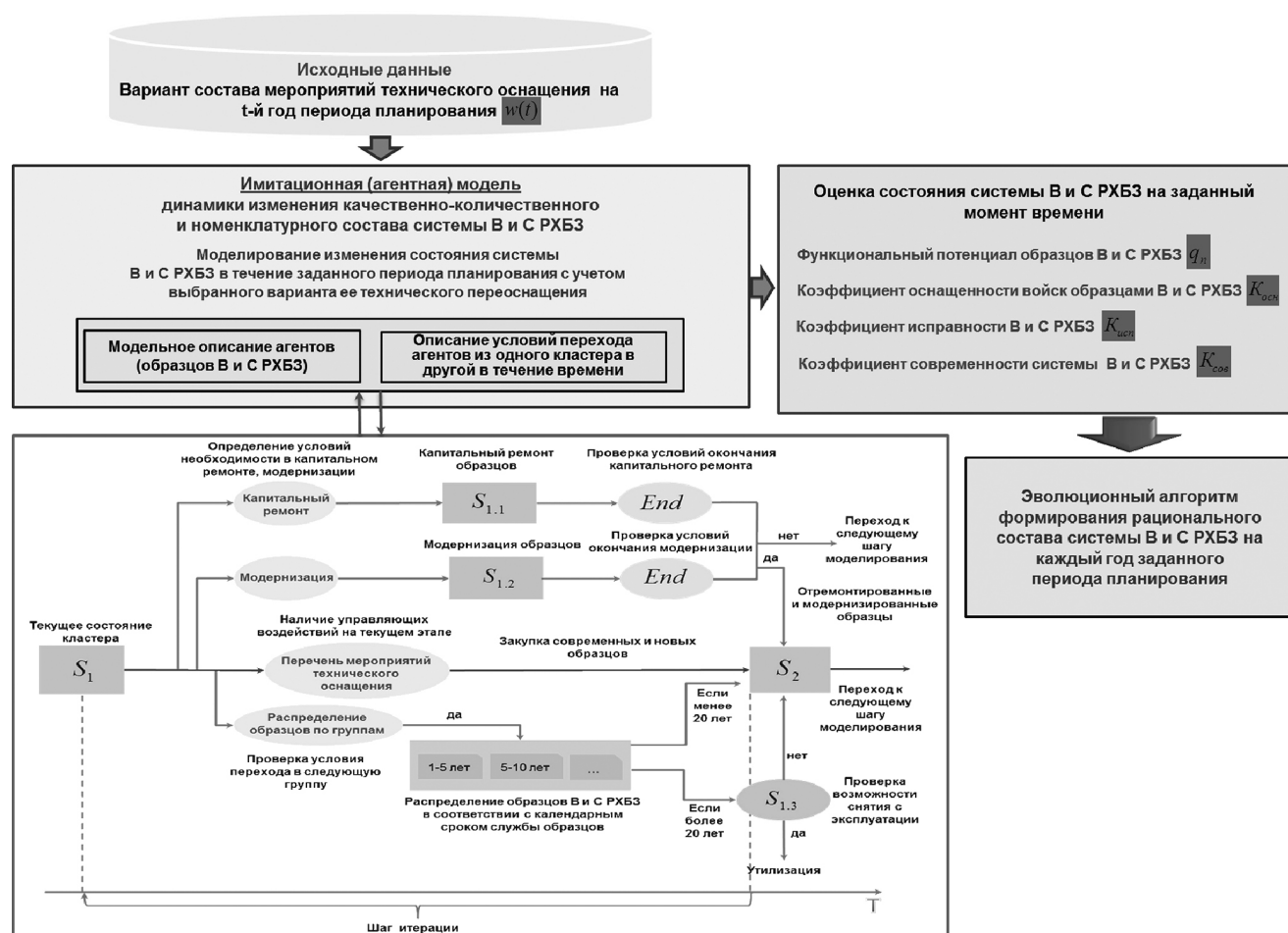

Рис. 6. Общая схема моделирования процесса изменения состояния системы В и С РХБЗ в течение заданного периода планирования

Сначала качественно-количественный состав кластеров изменяется путем формирования управляющих воздействий на выбранном временном интервале. Далее проводится моделирование изменения состояния всех кластеров системы В и С РХБЗ с учетом выбранного шага дискретизации временного интервала заданного периода планирования. В результате рассчитываются значения целевых показателей, являющихся по своей сути ключевыми индикаторами, характеризующих качественно-количественное состояние и функциональные возможности системы В и С РХБЗ в целом.

В качестве таких показателей в настоящее время принято использовать коэффициенты оснащенности, исправности, современности ($K_{осн}$, $K_{исп}$, $K_{сов}$), позволяющие получать оперативную оценку состояния системы В и С РХБЗ, рассчитываемые по следующим формулам [1–3]:

$$K_{осн}(t) = \frac{n_0(t) + n_1(t)}{N_0(t)}, \quad (1)$$

$$K_{исп}(t) = \frac{n_0(t)}{n_0(t) + n_1(t) + n_2(t) + n_3(t)}, \quad (2)$$

$$K_{сов}(t) = \frac{n_{сов}(t)}{n_0(t) + n_1(t) + n_2(t) + n_3(t)}, \quad (3)$$

где $K_{осн}(t)$ — коэффициент оснащенности парка В и С РХБЗ относительно штатно-табельной потребности;

$n_0(t)$ — численность образцов В и С РХБЗ, находящихся в эксплуатации;

$n_1(t)$ — численность образцов В и С РХБЗ, находящихся на ремонте в воинских формированиях;

$N_0(t)$ — штатная численность образцов В и С РХБЗ;

$K_{исп}(t)$ — коэффициент исправности, характеризующий долю исправных образцов в структуре парка В и С РХБЗ;

$n_2(t)$ — численность образцов В и С РХБЗ, находящихся на ремонте на предприятиях ОПК;

$n_3(t)$ — численность образцов В и С РХБЗ, находящихся на модернизации;

$K_{сов}(t)$ — коэффициент современности, характеризующий долю современных образцов в структуре парка В и С РХБЗ;

$n_{сов}(t)$ — численность современных образцов В и С РХБЗ, находящихся в эксплуатации.

Однако использование данных показателей для интегральной оценки эффективности процесса переоснащения системы В и С РХБЗ сопровождается значительными трудностями, связанными с тем, что применительно к решению вопросов формирования рационального состава системы В и С РХБЗ на каждый год исследуемого периода планирования и оценки его эффективности данные показатели являются равнозначными и условно независимыми, что затрудняет в явном виде дать оценку их влияния на функциональные возможности системы В и С РХБЗ.

В свою очередь, показатели технического уровня, боевого и функционального потенциалов образцов В и С РХБЗ, используемые для оценки функциональных возможностей системы В и С РХБЗ, являются постоянными величинами, не зависящими от качественного состояния парка В и С РХБЗ и его развития, то есть от величин технического и межремонтного ресурсов, а также от календарного срока службы образцов, на момент расчетного года заданного периода планирования.

Использование вышеуказанных показателей целесообразно для оценки материальной основы (системы вооружения), а именно типовых комплектов В и С РХБЗ типовых воинских формирований в целях получения количественных значений потенциальных возможностей по выполнению возлагаемых задач по предназначению соответствующей номенклатурой В и С РХБЗ, а также сравнительного анализа эффективности номенклатурных рядов типовых воинских формирований между собой для выявления их преимуществ и недостатков. Использование данных показателей применительно к оценке эффективности процесса формирования рационального состава системы В и С РХБЗ приводит к ситуации, когда однотипные образцы вооружения с разными сроками службы и соответственно различными значениями запаса технического ресурса на момент расчетного года исследовательского периода планирования имеют одинаковые значения показателей, характеризующих потенциальные возможности образцов В и С РХБЗ по выполнению задач в соответствии с их боевым предназначением.

В этой связи, в рамках обоснования рационального состава системы В и С РХБЗ, при оценке функциональных возможностей системы В

и С РХБЗ помимо показателей, характеризующих качественное состояние системы В и С РХБЗ ($K_{осн}$, $K_{исп}$, $K_{сов}$), предлагается использовать показатель, отражающий динамику изменения функциональных возможностей образцов В и С РХБЗ на всем временном интервале заданного периода планирования и зависящий как от основных свойств и тактико-технических характеристик образцов, так и от их затраченного эксплуатационного ресурса на расчетный год.

При расчете показателя (q_n^k) должно соблюдаться условие $res_n > 1$, что справедливо для всей номенклатуры основных образцов В и С РХБЗ, причем $0 < q_n^k < 1$:

$$q_n^k = \begin{cases} \sum_{s=1}^S \alpha_s q_s \log_{res_n} \left(\frac{res_n}{res_n^{t^i}} \right), & npi \ res_n > res_n^{t^i} \text{ и } res_n^{t^i} < t_{KP} \\ \sum_{s=1}^S \alpha_s q_s \log_{res_n - t_{KP}} \left(\frac{res_n - t_{KP}}{res_n^{t^i} - t_{KP}} \right), & npi \ res_n > res_n^{t^i} \text{ и } res_n^{t^i} > t_{KP} \\ 0, & npi \ res_n < res_n^{t^i} \end{cases} \quad (4)$$

$$q_s = \sum_{q=1}^Q X'_{qs} \alpha_{qs}, \quad (5)$$

$$\sum_{s=1}^S \alpha_s = 1, \quad (6)$$

где q_n^k — функциональный потенциал n -ого образца k -го кластера;

$res_n^{t^i}$ — ресурс образца, затраченный на момент времени t^i ;

res_n — нормативный ресурс эксплуатации образца;

s — порядковый номер свойства образца В и С РХБЗ, $s = 1, \dots, S$;

α_n — весовой коэффициент s -го свойства образца В и С РХБЗ, отн. ед.;

t_{KP} — момент времени выхода образца в контрольной ремонт;

q_s — значение потенциала s -го свойства образца В и С РХБЗ;

X'_{qs} — совокупность нормированных значений ТТХ, входящих в s -ое свойство образца;

i — порядковый номер характеристики, входящей в s -ое свойство образца, $i = 1, \dots, I$;

α_{qs} — весовой коэффициент q -ой характеристики, s -го свойства образца В и С РХБЗ.

Использование предлагаемого нового показателя позволит более объективно оценить возможности системы В и С РХБЗ по выполнению мероприятий РХБ защиты, исходя не только из функционального предназначения образцов с учетом их многофункциональности, но также учитывая различный эксплуатационный ресурс образцов одного вида (типа) на расчетный год заданного периода планирования, что особенно важно при формировании управленческих решений по развитию системы В и С РХБЗ в рамках формирования рационального состава системы В и С РХБЗ.

Совокупность значений вышеуказанных показателей для всех кластеров системы В и С РХБЗ формирует пространство состояний качественно-количественного состава системы вооружения, а последовательность этих состояний в различные временные срезы заданного периода планирования образует траекторию изменения системы В и С РХБЗ.

Результатом исследований по разработке методического подхода с применением генетических алгоритмов является рациональный вариант качественно-количественного и номенклатурного состава системы В и С РХБЗ на каждый год заданного периода планирования, характеризующийся максимальными функциональными возможностями и обеспечивающий ее сбалансированное развитие, получаемый на основе определения оптимальной последовательности реализации необходимых мероприятий технического оснащения при моделировании динамики изменения состояния системы В и С РХБЗ.

Процесс обоснования рационального варианта состава системы В и С РХБЗ предполагает использование целевой функции — максимума функционального потенциала системы В и С РХБЗ:

$$q_n^k(F_{kn}^{t^i}) \rightarrow \max, \quad (7)$$

$$K_{осн}(F_{kn}^{t^i}) \geq K_{осн \text{ треб}}, \quad K_{исп}(F_{kn}^{t^i}) \geq K_{исп \text{ треб}},$$

$$K_{сов}(F_{kn}^{t^i}) \geq K_{сов \text{ треб}}, \quad b_{kn}^{t^i}(F_{kn}^{t^i}) \leq b_{k_{зад}},$$

$$C_{\Sigma}(F_{kn}^{t^i}) \leq C_{\Sigma_{зад}}$$

При этом задаваемая сложная целевая функция зависит от нескольких аргументов, в качестве которых выступают комбинации качественно-количественных и временных характеристик

мероприятий технического оснащения. Необходимо найти такие значения аргументов, при которых целевая функция достигает соответствующего экстремального значения:

$$F^{t^i} = \bigcup_{k=1}^K \bigcup_{n=1}^N F_{kn}^{t^i}, \quad (8)$$

$$F_{kn}^{t^i} \rightarrow \{K_{осн}, K_{исп}, K_{сов}, q_n^k, b_{kn}^{t^i}, C_{\Sigma}\},$$

$$F_{kn}^{t^i} = f(w(t^i), F_{kn}^{t^{i-1}})$$

где F^{t^i} — множество, характеризующее состав образцов системы В и С РХБЗ в i -ый момент времени;

$F_{kn}^{t^i}$ — множество, характеризующее состав F_n -ых образцов исследуемого k -ого типа образцов В и С РХБЗ в t -ый момент времени, $n = 1, \dots, N, k = 1, \dots, K$;

$K_{осн}$ — коэффициент оснащенности парка В и С РХБЗ относительно штатно-табельной потребности;

$K_{исп}$ — коэффициент исправности, характеризующий долю исправных образцов в структуре парка В и С РХБЗ;

$K_{сов}$ — коэффициент современности, характеризующий долю современных образцов в структуре парка В и С РХБЗ;

K, N — общее количество типов и содержащихся в каждом из них образцов, соответственно;

q_n^k — функциональный потенциал n -ого образца k -го кластера;

$w(t)$ — вариант состава мероприятий технического оснащения на t -ый год заданного периода планирования;

$b_{kn}^{t^i}$ — возможности ОПК по производству и ремонту образцов В и С РХБЗ k -ого типа на t -ый год;

$C_{\Sigma}(F_{kn}^{t^i})$ — суммарная стоимость реализации выбранного варианта состава системы В и С РХБЗ на t -ый год.

Таким образом, реализация предложенного методического подхода к обоснованию рационального состава системы В и С РХБЗ с применением генетических алгоритмов и использованием нового показателя, характеризующего функциональные возможности системы В и С РХБЗ, обеспечит возможность проведения направленного поиска оптимальной комбинации качественно-количественных и временных характеристик мероприятий технического оснащения на каждый год заданного периода планирования, всесторонней многовариантной технико-экономической оценки состава системы В и С РХБЗ при их реализации и оперативной корректировке плана переоснащения при изменении требований к перспективному составу системы В и С РХБЗ и накладываемых ограничений. Практическая реализация данного подхода будет способствовать повышению достоверности и объективности прогнозов изменения состояния системы В и С РХБЗ в зависимости от различных вариантов перечня и содержания мероприятий технического оснащения, а также повышению качества принимаемых управленческих решений в отношении технического оснащения системы В и С РХБЗ.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Буренок В.М. Теория и практика планирования и управления развитием вооружения / В.М. Буренок В.И. Мухомов В.М. Ляпунов. — М.: Издательский дом «Граница», 2005. — 256 с.
2. Методология программно-целевого планирования развития системы вооружения на современном этапе / Под ред. В.М. Буренка. — М.: Граница, 2013. — 520 с.
3. Буравлев А.И., Пьянков А.А. Модель технического обеспечения войск // Вооружение и экономика. — 2010. — № 2 (10). — с. 4–11.
4. Бобрик И.П., Ветрюк Р.Ю., Шипунов А.С. Переоснащение парка отдельного типа вооружения, военной и специальной техники в условиях ограниченного финансирования // Вооружение и экономика. — 2012. — № 3 (19). — с. 34–42.
5. Маричев П.А., Мушков А.Ю., Рымкевич С.Н. Военно-экономическое обоснование выбора варианта развития вооружения и военной техники противовоздушной обороны // Вооружение и экономика. — 2010. — № 1 (19). — с. 66–71.
6. Викулов С.Ф. Совершенствование методологии программно-целевого планирования в военно-финансовой сфере / С.Ф. Викулов Е.Ю. Хрусталева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — М.: ООО «ИД Финансы и кредит», 2015.
7. Карпов Ю.Г. Имитационное моделирование систем. Введение в моделирование с AnyLogic / Ю.Г. Карпов. — СПб.: БХВ-Петербург СПб, 2005. — 400 с.
8. Дэн Саймон Алгоритмы эволюционной оптимизации / Дэн Саймон. — М.: ДМК Пресс, 2020. — 940 с.

YU.G. SYCH,
D.P. MOTASOV,
G.V. VDOVENKO

Ю.Г. СЫЧ,
Д.П. МОТАСОВ,
Г.В. ВДОВЕНКО

**СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЯДЕРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
КАК СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ЯДЕРНОГО ЩИТА СОВЕТСКОГО
И РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

**(к 75-летию 12-го Главного управления
Министерства обороны Российской Федерации)**

**CREATION AND DEVELOPMENT OF A NUCLEAR SECURITY SYSTEM
AS AN INTEGRAL PART OF THE NUCLEAR SHIELD OF THE SOVIET
AND RUSSIAN STATES**

**(to the 75th anniversary of the 12 Main Department of the Ministry
of Defense of the Russian Federation on September 4, 2022)**

В статье рассматривается процесс создания и развития системы ядерного обеспечения в период с 1949 г. по настоящее время.

The article discusses the process of creation and development of a nuclear security system from 1949 to present.

Ключевые слова: 12-го Главное управление, система ядерного обеспечения, ядерный боеприпас, ядерно-техническое обеспечение, ядерное обеспечение, ядерное оружие.

Keywords: 12 Main Department, nuclear security system, nuclear ammunition, nuclear technical security, nuclear security, nuclear weapon.

Создание ядерного щита Советского государства — поистине значительное, уникальное событие послевоенной истории, обусловившее не только изменение баланса сил в современном мире, но самое главное — позволившее сдерживать развязывание новой мировой войны.

История реализации в СССР атомного проекта в части разработки ядерного оружия достаточно хорошо изучена и освещена в научной и популярной литературе. Что касается ядерного обеспечения (до 1998 г. — ядерно-техническое обеспечение), то здесь картина другая: в силу своего прикладного характера многие его мероприятия до сих пор являются закрытыми и относятся к сведениям, составляющим государственную тайну, а потому освещены недостаточно полно. А ведь и здесь совершались великие дела.

Как известно, ядерный боеприпас представляет собой сложное техническое устройство, включающее в себя ядерные материалы и обычные взрывчатые вещества. Сам факт наличия в нем этих компонентов характеризует его как опасное техническое устройство, обладающее огромной разрушительной силой и таящее в себе реальную угрозу радиационного заражения в случае возможных аварий, техногенных катастроф и диверсий.

Еще в начале работ над новым видом оружия стало понятно, что для него нужна соответствующая инфраструктура, позволяющая решить весь спектр задач, возникающих на протяжении жизненного цикла ядерных боеприпасов: от разработки и производства до их хранения, эксплуатации, доставки в части боевого применения и утилизации.

Объем задач был запредельным. В короткие сроки предстояло создать:

- базы хранения ядерного оружия (центральные и войсковые) для размещения и хранения запасов ядерного оружия, обеспечения его качественного состояния и своевременной доставки в воинские части видов Вооруженных Сил;
- полигоны для испытаний ядерных зарядов и ядерных боеприпасов, подготовки экипажей, расчетов носителей ядерного оружия к боевому применению;

- научно-исследовательские учреждения для изучения боевых свойств ядерного оружия и разработки рекомендаций для войск по защите личного состава и боевой техники от поражения этим оружием;

- эксплуатационно-технологическое бюро для изучения, проверки и обобщения вопросов эксплуатации ядерного оружия на базах хранения, технических и стартовых позициях, а также для отработки, издания и обеспечения качественной эксплуатационной технической документацией баз хранения ядерного оружия, воинских частей видов Вооруженных Сил и родов войск;

- учебные центры для подготовки специалистов, эксплуатирующих ядерное оружие;

- военные представительства на предприятиях промышленности для контроля за качеством разработки и изготовления ядерного оружия, военной техники, технологического оборудования, средств эксплуатации и осуществления их приемки от предприятий промышленности;

- материально-технические базы для получения от промышленности специального и технического имущества, его хранения и обеспечения этим имуществом центральных и войсковых баз хранения ядерного оружия.

И задача была выполнена. В короткие сроки в государстве была создана система ядерного обеспечения, являющаяся на протяжении вот уже 75 лет неотъемлемой частью сдерживания потенциального агрессора от применения военной силы против нашего государства.

В процессе создания, становления и развития системы ядерного обеспечения можно условно выделить несколько (пять) этапов.

На 1 этапе (1947–1959) проходило формирование и становление системы ядерного обеспе-

чения. Были приняты и успешно реализованы ряд военно-политических, организационно-технических и других решений, ставших ее основой.

К основным событиям этапа следует отнести:

- 4 сентября 1947 года — создание в Генеральном штабе Вооруженных Сил Специального отдела, первого структурного подразделения в военном ведомстве, которое стало заниматься проблемами ядерного оружия. В 1949 году Специальный отдел был реформирован в Шестое управление Генерального штаба Вооруженных Сил. В дальнейшем, в 1959 году, Шестое управление включено в состав 12-го Главного управления (образовано в 1958 году путем переименования Главного управления специального вооружения Министерства обороны СССР);

- В настоящее время 4 сентября отмечается в Министерстве обороны как День специалиста по ядерному обеспечению и является датой образования 12-го Главного управления Министерства обороны Российской Федерации;

- 1947 год — создание 71-го полигона ВВС в пос. Багерово (Крым) для летно-баллистических испытаний атомных авиабомб, учебного полигона № 2 Вооруженных Сил (впоследствии — Семипалатинский полигон) и проведение на нем в 1949 году первого натурального подрыва ядерного заряда. В дальнейшем (в 1954 году) на архипелаге Новая Земля был создан Морской научно-исследовательский полигон для проведения натуральных испытаний ядерных боеприпасов номенклатуры ВМФ¹;

- 1950 год — создание в Загорске Московской области (ныне Сергиев Посад) Центрального НИИ Военного министерства (впоследствии — 12 ЦНИИ) для научного обеспечения защиты страны от атомного нападения²;

- закладка первой экспериментальной партии ядерных бомб РДС-1 в количестве пяти штук на территории КБ-11 (ныне РФЯЦ-ВНИИЭФ, г. Саров)³;

- 1951 год — формирование первой воинской части боевого применения ядерного оружия. Ею стал бомбардировочный полк с условным наименованием «Учебно-тренировочная часть № 8» в составе 22 боевых самолетов-носителей Ту-4 в гарнизоне Болбасово (г. Орша, Белоруссия)⁴;

Рис. 1. Схема организации центральной базы хранения Министерства среднего машиностроения (октябрь 1953 года)

— 1952 год — развертывание строительства центральных и войсковых баз хранения ядерного оружия (рис. 1). К 1956 году были введены в эксплуатацию первые четыре базы (Новгород-18, Феодосия-13, Ивано-Франковск-16, в одном из районов центральной части России), а к 1958 году — еще пять объектов были готовы к приему ядерных боеприпасов. В эти же сроки при 4 аэродромах Дальней авиации на севере Крыма, в Западной Украине, в Белоруссии, Северо-Западной части России началось строительство первых войсковых баз хранения ядерного оружия, предназначенных для содержания и подготовки к применению ядерных бомб⁵;

— 1954 год — начало серийного производства ядерных бомб РДС-3 и РДС-4 и их первая закладка в 1955 году на войсковые и центральные базы хранения ядерного оружия. При этом основной запас ядерных боеприпасов хранился на центральных базах, территориально расположенных на операционных направлениях, и мог доставляться в войсковые базы хранения или сразу в части боевого применения. На во-

йсковых базах размещался боезапас ядерных бомб, спланированных к применению. Изготовленные ядерные боеприпасы с заводов-изготовителей поступали на центральные базы, за каждой из которых было закреплено определенное количество войсковых баз⁶;

— проведение на Тоцком полигоне учений с практическими действиями войск в условиях применения ядерного оружия. В ходе учений была применена ядерная авиабомба РДС-2 мощностью 40 кт⁷.

Особенностью этапа является то, что первоначально органы управления и инфраструктура ядерного обеспечения создавались и развивались в двух ведомствах: атомной промышленности и военном министерстве. При этом в соответствии с государственным принципом межведомственного разделения функций за обеспечение войск ядерными боеприпасами (разработка и производство ядерного оружия, хранение, транспортирование, поддержание ядерных боеприпасов в установленной степени готовности, окончательной их подготовки

к боевому применению) отвечало Первое главное управление (с 1953 года — Министерство среднего машиностроения), а Министерство Вооруженных Сил (с 1953 года — Министерство обороны) отвечало за применение ядерных бомб, их доставку от войсковых складов до стоянки самолетов-носителей, обеспечение готовности самолетов-носителей, а также за проведение натурных испытаний ядерного оружия и научных работ по изучению его поражающих факторов.

Однако ситуация, когда ядерные боеприпасы хранились и эксплуатировались в одном ведомстве — Министерстве среднего машиностроения, а ответственность за их применение несло другое ведомство — Министерство обороны, затрудняла оперативность руководства силами и средствами по применению ядерного оружия. Поэтому решением ЦК КПСС и СМ СССР в течение 1956–1958 годов в Министерство обороны из Министерства среднего машиностроения были переданы сначала войсковые, а затем и центральные базы с хранящимися в них ядерными боеприпасами, личным составом и технологическим оборудованием. Кроме того, в 1958 году в Министерство обороны были переданы функции заказчика ядерных боеприпасов. Это означало, что теперь разработка ядерных боеприпасов осуществлялась не в инициативном порядке, а по разработанным в видах и родах войск тактико-техническим требованиям, согласованным с Министерством среднего машиностроения и утверждаемым Министром обороны.

В итоге: к концу этапа общая схема ядерного обеспечения приобрела следующий вид. Министерство обороны отвечало за заказ на разработку и производство ядерных боеприпасов, прием и доставку их на центральные и войсковые базы хранения ядерного оружия, а также за организацию хранения, эксплуатацию и боевое применение.

Министерство среднего машиностроения — за разработку, производство, технический контроль войсковой эксплуатации и утилизацию ядерных боеприпасов (рис. 2).

На 2-м этапе (1960–1973) развитие системы ядерного обеспечения проходило в условиях наращивания СССР ядерного потенциала и масштабной гонки вооружений.

К началу этапа военно-стратегическая обстановка для СССР была сложной. США имели перед Советским Союзом подавляющее преимущество в ядерных боеприпасах (18 300 против 1700)⁸. Американский совокупный мегатоннаж в более чем 50 Мт позволял создать на территории СССР сплошные зоны разрушений общей площадью в полтора миллиона квадратных километров и сплошные зоны пожаров общей площадью более двух миллионов квадратных километров. Такой потенциал ядерного арсенала дал возможность военно-политическому руководству США сформировать стратегию «гибкого реагирования» при ведении войны с СССР и концепцию «гарантированного уничтожения» нашего государства.

В этих условиях военно-политическое руководство Советского Союза принимает меры по

Рис.2. Организация ядерного обеспечения Вооруженных Сил СССР в начальный период (до 1955 года)

Ядерные арсеналы СССР и США

Год	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958
СССР	0	0	0	0	1	5	25	50	120	150	200	400	650	900
США	2	9	13	56	169	258	438	832	1161	1630	2280	3620	5828	7402

Ядерные арсеналы СССР и США

Год	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
СССР	21100	23500	25300	28400	31400	34000	36300	38700	40800	42600	43300	44000	45000	44000	42500	40000	38000	35000
США	29100	28100	26700	25800	24600	24300	24300	23000	23400	23600	23500	23400	23700	23400	22500	21000	19500	

Рис. 3. Динамика роста ядерных арсеналов СССР и США

созданию адекватных по качеству и количеству ядерных вооружений с целью достижения паритета с США в этой области.

Основными задачами ядерного обеспечения в это время было: ядерное боевое оснащение ракетно-ядерного оружия РВСН, ВМФ; создание образцов ядерных боеприпасов для новых комплексов нестратегического ядерного оружия; повышение надежности в управлении и живучести элементов системы ядерного обеспечения, прежде всего, центральных и войсковых баз хранения ядерного оружия.

Уже к 1965 году все виды и рода войск были оснащены ядерными боеприпасами. К примеру, в ВВС поступило пять типов атомных авиабомб и четыре типа крылатых ракет с ядерным боевым оснащением; на вооружение ВМФ были приняты три типа баллистических ракет для подводных лодок, три типа крылатых ракет для применения с надводных кораблей и подводных лодок, торпеды с ядерным зарядом; в Сухопутные войска поступило семь типов баллистических ракет и два типа реактивных снарядов, способных нести ядерные заряды. Для практического освоения ядерного оружия на Семипалатинском и Новоземельском полигонах были проведены специальные учения частей и подразделений видов Вооруженных Сил с практическим применением ядерного оружия.

В итоге: к концу этапа удалось сократить отставание от США в ядерных боеприпасах. Ядерные арсеналы США и СССР имели 28 400 и 18 800 ядерных боеприпасов соответственно⁹.

Еще одним результатом этапа являются итоги ядерного обеспечения операции «Анадырь».

Размещение в 1962 году на Кубе ядерного оружия (к примеру, 12-м Главным управлением были доставлены на остров 134 ядерных боеприпаса для ракет средней дальности Р-12, фронтовых крылатых ракет ФКР-1, тактических ракет «Луна» и самолетов Ил-28)¹⁰ позволило предотвратить агрессию США в отношении Кубы и вынудило американцев вывезти ядерные ракеты из Турции и Италии. Итоги операции «Анадырь» станут в будущем прообразом современной теории ядерного сдерживания.

Общая схема ядерного обеспечения того времени выглядела следующим образом:

- поставка ядерных боеприпасов, произведенных по заказу Министерства обороны на предприятиях Министерства среднего машиностроения, на центральные базы хранения ядерного оружия 12-го Главного управления и войсковые базы хранения ядерного оружия видов Вооруженных Сил;
- содержание ядерного боезапаса в установленных степенях готовности, перевод ядерных боеприпасов в высшие степени готовности;
- своевременная подача, доставка и выдача ядерных боеприпасов в части боевого применения ядерного оружия;
- обеспечение безопасности при обращении с ним на всех этапах эксплуатации ядерных боеприпасов.

На 3-м этапе (1974–1991) функционирование системы ядерного обеспечения Вооруженных Сил проходило в условиях модернизации стратегических ядерных сил.

В РВСН с 1975 по 1985 год было развернуто пять новых типов МБР, в том числе три модификации МБР РС-20, две модификации МБР

РС-22 с шахтной и железнодорожной пусковыми установками, МБР РС-12 с подвижной грунтовой установкой.

В морских стратегических ядерных силах основным событием первой половины 70-х годов стало принятие на вооружение подводного ракетоносца проекта 667Б с МБР Р-29.

В авиационных стратегических ядерных силах к концу 70-х годов были начаты работы по оснащению бомбардировщиков Ту-95 крылатыми ракетами Х-55 с ядерной боевой частью.

В целом 70-е годы были периодом самых интенсивных усилий советского ядерного оружейного комплекса по достижению ядерного паритета с США в стратегических ядерных вооружениях. Гонка вооружений привела к тому, что ядерные арсеналы СССР и США составляли с каждой стороны десятки тысяч ядерных боеприпасов (рис. 3). К примеру, в 1991 году они насчитывали 35 000 и 19 500 единиц соответственно¹¹. В этот период перед системой ядерного обеспечения встали две в определенном смысле противоречивые задачи: с одной стороны, в любых условиях обстановки быть готовыми к доставке в войска в установленные сроки ядерных боеприпасов, а с другой — обеспечить их сохранность.

В этих условиях руководством Министерства обороны и 12-го Главного управления были приняты и реализованы на практике ряд решений по развитию ядерного обеспечения. Суть их сводилась к тому, что центральные базы хранения ядерного оружия были реформированы в соединения резерва Верховного Главнокомандования. В штаты соединений введены подвижные формирования, на которые были возложены задачи по подаче ядерных боеприпасов в части боевого применения ядерного оружия, а также скрытного осуществления маневра ядерными боеприпасами по выводу из-под удара противника и сохранения их живучести. Теперь выдача ядерных боеприпасов в войска (силы) могла быть осуществлена напрямую, при необходимости минуя войсковые базы хранения ядерного оружия видов и родов войск. Так был на практике реализован смешанный, территориально-видовой принцип ядерного обеспечения, позволивший адаптировать систему ядерного обеспечения под новые задачи.

На 4-м этапе (1992–2010) в условиях нестабильной политической ситуации, вызванной распадом СССР, существовала реальная перспектива образования на постсоветском пространстве нескольких ядерных государств. На момент распада СССР его ядерный арсенал численностью примерно в 30 000 ядерных боеприпасов располагался на территории четырех новых государств: России, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Украины. К примеру, на территории Украины до 1994 года находилось 1652 ядерные боеголовки, 1240 из них были предназначены для МБР, а 412 ядерных боеприпасов — для самолетов стратегической авиации¹². Эти силы ставили Украину на третье место среди ядерных держав мира и превосходили по своим параметрам ядерные силы Франции и Англии вместе взятые.

Ядерный статус России как правопреемницы никем не оспаривался, однако отсутствие надежных гарантий неприкосновенности и безопасной эксплуатации ядерного оружия в нестабильных молодых государствах вызывал законную заинтересованность российского военно-политического руководства в признании Беларуси, Казахстана и Украины неядерными государствами и вывозе запаса ядерных боеприпасов на территорию Российской Федерации.

После длительных переговоров согласие руководства бывших союзных республик на вывоз ядерного оружия было получено. Выполнение столь ответственной задачи было возложено на 12-е Главное управление.

В период с 1992 по 1996 год ядерные боеприпасы тактических комплексов, а затем и стратегических были перемещены в Российскую Федерацию и сосредоточены в соединениях 12-го Главного управления. Это была беспрецедентная по своим масштабам и сложности операция. На всех ее этапах были обеспечены полная сохранность и безопасность ядерных боеприпасов. Потребовалось разработать и реализовать целый ряд сложных организационных и технических мероприятий по перевозке, содержанию и утилизации боеприпасов в количествах, существенно превышающих ранее применяемые нормы. Исключительно важную роль сыграли высокая ответственность, компетентность, профессионализм военнослужащих 12-го Главного управления.

В итоге — на крутом повороте отечественной истории Российская Федерация стала единственным и полноправным преемником СССР в части владения ядерным оружием на постсоветском пространстве.

Рассматриваемый этап интересен коренной реорганизацией системы ядерного обеспечения. Начиная со второй половины 90-х годов, в Министерстве обороны был взят курс на централизацию ядерного обеспечения и переход от территориально-видового к территориальному принципу обеспечения войск (сил) ядерными боеприпасами. В ходе реализации принятых решений в течение 1998—2009 годов войсковые базы ядерного оружия видов и родов войск Вооруженных Сил Российской Федерации были переданы в состав 12-го Главного управления, стали содержаться за счет его численности и называться соединениями и воинскими частями ядерного обеспечения. Ядерно-техническое обеспечение с 1998 года стало именоваться ядерным обеспечением и было переведено из разряда технического обеспечения в стратегическое (оперативное).

Таким образом, к 2010 году весь ядерный боезапас России сосредоточился в 12-м Главном управлении. Объединение всех сил и средств ядерного обеспечения под единым командованием способствовало проведению единой политики в вопросах эксплуатации ядерных боеприпасов, обеспечению ядерной безопасности и проведению оптимизации соединений и воинских частей ядерного обеспечения.

На текущем этапе (с 2011 по н/в) дальнейшее развитие системы ядерного обеспечения происходит в сложной военно-стратегической обстановке, в условиях появления нового типа угроз — гибридных действий Запада в отношении неугодных стран, в т.ч. Российской Федерации. Они направлены на комплексное ослабление нашей страны во всех сферах жизнедеятельности за счет причинения ущерба экономическому, финансовому, военному и др. его потенциалам.

В данной обстановке ядерные вооружения России продолжают оставаться основным

фактором сдерживания противника (стран, блоков, союзов или коалиций государств) от применения военной силы против нашего государства, а значит надежное обеспечение стратегических и нестратегических ядерных сил ядерными боеприпасами остается неотъемлемой составной частью ядерного щита Российского государства.

Наиболее емкая оценка современного состояния 12-го Главного управления дана начальником Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации — первым заместителем министра обороны Российской Федерации генералом армии В.В. Герасимовым: «В настоящее время хранителями ядерного арсенала Российской Федерации являются военные специалисты 12-го Главного управления Министерства обороны Российской Федерации. Являясь главным звеном системы эксплуатации ядерных боеприпасов, военные ядерщики вносят весомый вклад в обеспечение безопасности, надежности и эффективности потенциала ядерного сдерживания нашего государства»¹³.

В заключение необходимо отметить, что ядерные вооружения нужны России. Реальность такова, что только они в состоянии гарантированно сдерживать потенциальных противников от применения военной силы и, таким образом, обеспечить военную безопасность нашего государства.

Эта статья — дань огромного уважения и признательности ветеранам-атомщикам ядерного оружейного комплекса нашего государства за их самоотверженный труд.

За весь период эксплуатации через руки специалистов соединений и частей ядерного обеспечения прошли десятки тысяч ядерных боеприпасов. За это время с ними не было допущено ни одной ядерной или радиационной аварийной ситуации. И это главный показатель высочайшего профессионализма и ответственности военнослужащих 12-го Главного управления Министерства обороны Российской Федерации, исключительной эффективности созданной системы ядерного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Военный атом. Хранители ядерного могущества державы /Документально-публицистическая монография под общей редакцией Н.С. Бирюкова – М.: АО «Первая Образцовая типография». Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2017. – 592 с. с. 25–31, 33–35, 97–101.
2. Там же. с. 44–45.
3. Советский атомный проект. – Нижний Новгород: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1995. С 192.
4. Военный атом. Хранители ядерного могущества державы /Документально-публицистическая монография под общей редакцией Н.С. Бирюкова – М.: АО «Первая Образцовая типография». Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2017. – 592 с. с. 78.
5. Там же. с. 73.
6. Там же. с. 81.
7. Там же. с. 91.
- 8.. Там же. с. 139.
- 9 Там же. с. 148.
10. Там же. с. 192.
11. Там же. с. 320.
12. Там же. с. 387.
13. Герасимов В.В. Первое главное испытание// Военно-промышленный курьер. – М.: сентябрь 2014, № 32 (550).

V.V. BAGROV,
E.A. VORONIN,
A.I. DIVEYEV,
I.V. PROKOPIEV

В.В. БАГРОВ,
Е.А. ВОРОНИН,
А.И. ДИВЕЕВ,
И.В. ПРОКОПЬЕВ

**УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ БЕЗОПАСНОСТИ И ИХ ПРИМЕНЕНИЯ
К ОРГАНИЗАЦИИ КОМПЛЕКСНОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ
ОТ МИКРОБИОЛОГИЧЕСКОГО ЗАРАЖЕНИЯ В ЗАДАЧЕ
БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
UNIVERSAL SAFETY ASSESSMENTS AND THEIR APPLICATION
TO THE ORGANIZATION OF A COMPREHENSIVE SYSTEM
OF PROTECTION AGAINST MICROBIOLOGICAL CONTAMINATION
IN THE TASK OF SAFETY OF AN OBJECT OF HUMAN ACTIVITY**

В статье рассмотрен подход к получению универсальных оценок биобезопасности и их практическому применению для создания разноуровневых автоматизированных систем на базе плазменно-оптических технологий и диагностического оборудования в задаче биобезопасности объекта человеческой деятельности на примере воинской части.

The article considers an approach to obtaining universal biosafety assessments and their practical application for creating multi-level automated systems based on plasma-optical technologies and diagnostic equipment in the task of biosafety of an object of human activity, on the example of a military unit.

Ключевые слова: числовые показатели биобезопасности, оценка биобезопасности, логистическая регрессия, угрозы биологического воздействия, эффективная биобезопасность, экспресс-диагностирующее оборудование, дезинфекционный барьер, плазменно-оптические технологии.

Keywords: numerical indicators of biosafety, biosafety assessment, logistic regression, threats of biological impact, effective biosafety, express diagnostic equipment, disinfection barrier, plasma-optical technologies.

Безопасность является важным показателем при планировании различных видов деятельности (поведения) и систем. Изучение методов ее оценки в разных областях науки, техники, экономики, экологии, жизнедеятельности и

т.д. показало, что нет общепринятых формализованных стандартов и соответствующих показателей. В каждой области это делается по своим, отраслевым методикам. Как правило, безопасность рассматривается в виде набора

индикаторов, характерных для своей области применения. В технике — это вероятностные оценки поведения систем [1, 2, 3, 4]. В экономике безопасности жизнедеятельности [5, 6] и сельском хозяйстве [7] приняты специальные наборы значений характерных факторов. Удивительно, что в системной инженерии безопасность не принята как показатель качества систем [8]. Различное толкование термина «экономическая безопасность» [9] приводит к проблемам в сравнительном анализе систем и стратегий их поведения.

Есть объективная необходимость создания концептуальной идеи, на основе которой возможна реализация разноуровневых автоматизированных систем обеспечения комплексной биобезопасности. Обеспечение биобезопасности представляет собой сложный и многогранный процесс реализации совокупности нормативно-правовых, санитарно-медицинских, материально-технических, информационных и иных мероприятий, для достижения максимальной биологической защиты военнослужащих от реальных и потенциальных угроз любого характера.

Наиболее адекватным и удобным для построения математической теории является определение безопасности [10]. «Безопасность — это состояние объекта, в котором он либо не подвергается негативному воздействию, либо успешно противостоит такому воздействию, продолжая нормально функционировать», т.к. оно отражает свойства окружающей среды и самой системы, которая функционирует в этой среде. Оно принято за основу и представлено в вероятностной трактовке и математической формализации [11].

Целью данной статьи является определение показателей биобезопасности воинской части в мирное время в период эпидемии, позволяющих проводить анализ угроз биологического воздействия на военнослужащих воинской части, гипотетические вероятности их реализации и вероятности предотвращения этих угроз с помощью санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятий с учетом новых материалов, технических и химических средств и диагностических приборов.

Объект исследования — организация санитарно-гигиенических мероприятий, которые обеспечивают с минимальным риском здоро-

вье военнослужащим при сохранении у них способности успешно выполнять служебные обязанности.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАСЧЕТА ЧИСЛОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БИОБЕЗОПАСНОСТИ

Большая разрозненность применения мероприятий в совокупности с отсутствием инновационных теоретических и практических разработок дает некоторую биозащиту, но в итоге образует не решенную в полном объеме проблему обеспечения биобезопасности, что существенно ослабляет эффективность отдельных мероприятий и ведет к ненужному удорожанию.

В соответствии с подходом, изложенном в [11], вероятность безопасного состояния определяем из соотношения:

$$P_s = (1 - P_u) + P_u P_o, \quad (1)$$

где P_s — вероятность безопасного состояния или безопасность системы в заданный момент времени, P_u — вероятность угрозы безопасному состоянию в заданный момент времени, P_o — вероятность успешного противодействия угрозе.

Если имеется n -е количество угроз, то безопасность субъекта вычисляется по формуле:

$$P_s = \prod_{i=1}^n P_{s,i} = \prod_{i=1}^n [(1 - P_{u,i}) + P_{u,i} P_{o,i}], \quad (2)$$

где $P_{s,i}$ — вероятность безопасности при i -й угрозе, $P_{u,i}$ — вероятность i -й угрозы, $P_{o,i}$ — вероятность успешного противодействия i -й угрозе.

При обеспечении безопасности следует выделить мероприятия, на которые затрачиваются определенные средства. Если мероприятия обозначить, как x_i , принять их как категориальные переменные и объединить в упорядоченное множество управляющих мероприятий (x_1, \dots, x_N) , где N — число мероприятий, то можно записать вероятность обеспечения безопасности, как функцию категориальных переменных $P_o(x_1, \dots, x_N)$.

Очевидно, что качество управления безопасностью определяется ожидаемыми потерями от нарушения безопасности и затратами противодействия угрозам, поэтому допускаем, что существует некоторое равновесное состояние в их сумме, дающее оптимальное значение безопасности [12]:

$$\text{opt}(P_s) = \min\{U + Z_o\}, \quad (3)$$

где U – потери от реализованных угроз при заданном уровне безопасности, Z_o – затраты на обеспечение заданного уровня безопасности:

$$U = P_u (1 - P_o)d, \quad (4)$$

где d – возможные экономические потери от угроз, $Z_o = Z_o(P_o, x_i, \dots, x_N)$ – функция вероятности успешного противодействия угрозам P_o и затрат на мероприятия по ее обеспечению.

Расчет оптимального уровня безопасности строим на базе следующего выражения:

$$\text{opt}(P_s) \rightarrow \arg \min (dP_u (1 - P_o(x_i, \dots, x_N)) + Z(x_i, \dots, x_N)), \quad (5)$$

где $Z(x_i, \dots, x_N)$ – аддитивная функция категориальных переменных, вычисляемая, как скалярное произведение бинарного вектора мероприятий на вектор их стоимости:

$$Z(x_1, \dots, x_N) = \sum_{i=1}^N c_i x_i, \quad (6)$$

где c_i – затраты на i -е мероприятие по обеспечению безопасности, x_i – компонента бинарного вектора мероприятий на обеспечение безопасности.

На практике часто встречается ситуация, когда не представляется возможным в денежном выражении определить потери от ожидаемых угроз. Это относится к здравоохранению, обороне, экологии и т.д. В этом случае экономический критерий оптимизации не пригоден, но задачу можно свести к максимизации безопасности при ограничениях затрат на операции и мероприятия противодействия угрозам, т.е. алгоритм оптимизации будет иметь вид:

$$\text{opt}(P_s) = \arg \min \{(1 - P_u) + P_u P_o\} \quad (7)$$

при

$$Z_o(x_i, \dots, x_N) \leq Z_{\max}, \quad (8)$$

где Z_{\max} – ограничение на затраты по противодействию угрозам.

Из (5) следует, что бинарный вектор набора мероприятий $x = [x_i, \dots, x_N]^T$ однозначно определяет успешность обеспечения безопасности при функции вероятности $P_o(x_i, \dots, x_N)$, но возникает задача нахождения этой функции.

Исходя из того, что поиск оптимального управления осуществляется в виде бинарного

вектора $x = [x_i, \dots, x_N]^T$ с компонентами категориального типа, решение задачи возможно только с помощью эволюционных алгоритмов оптимизации, таких как алгоритм отжига или генетического отбора.

Успех в противодействии угрозам определяется типом угрозы и ее структурой, функциональным состоянием защищаемого объекта и набором мероприятий по противодействию угрозам. Поэтому для оценки вероятности успешного противодействия угрозам методом логистической регрессии формируются: вектор угроз $u = [u_i, \dots, u_{N_u}]^T$, вектор фазовых показателей функционального состояния системы $y = [y_i, \dots, y_{N_y}]^T$ и вектор возможных мероприятий по противодействию угрозам $x = [x_i, \dots, x_k]^T$, где N_u – число угроз, N_y – число фазовых состояний, N_k – число возможных мероприятий по противодействию угрозам. На этих векторах строим расширенное пространство логистической регрессии:

$$V = U \times Y \times X, \quad (9)$$

где U – пространство угроз, Y – пространство фазовых состояний, X – пространство мероприятий по противодействию угрозам.

Таким образом, вектор логистической регрессии $v = [v_i, \dots, v_{N_v}]^T$, где $N_v = N_u + N_y + N_x$, содержит полную информацию об угрозах состоянию объекта и мероприятиях по противодействию угрозам.

По определению, значение уровня логистической регрессии или вероятность успешного противодействия угрозам определяется из соотношения:

$$P_o(V) = \frac{1}{1 + e^{-q}}, \quad (10)$$

где

$$q = \theta^T v, \quad (11)$$

$\theta = [\theta_1 \dots \theta_{N_v}]^T$ – вектор весовых коэффициентов регрессии.

Технология машинного обучения в логистической регрессии заключается в подборе компонент вектора коэффициентов регрессии на основе обучающей выборки методом максимального правдоподобия, т.е. выполнения условия:

$$\theta = \arg \max_{\theta} \prod_{i=1}^{N_s} P_o\{s = s^{(i)} | v = v^{(i)}\}, \quad (12)$$

где $P_o(s^{(i)}|v^{(i)}) = P_o(\theta^T v)^i (1 - P_o(\theta^T v))^{1-i}$ – распределение Бернулли от $P_o(q_i)$, $s \in \{0,1\}$, $s=0$ – безуспешное отражение угрозы, $s=1$ – успешное отражение угрозы.

Ожидаемое значение вероятности угрозы вычисляется путем подстановки векторов $\theta = [\theta_1 \dots \theta_{N_v}]^T$ и $v = [v_1, \dots, v_{N_v}]^T$ в формулы (10,11).

Таблица обучающей выборки или набор значений $\{s^{(i)}, v^{(i)}: i = 1, \dots, N_v\}$ заполняется по результатам реальных наблюдений и/или имитационного моделирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. РАСЧЕТ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БИОБЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ

Рассмотрим определение показателей биобезопасности объекта человеческой деятельности на примере воинской части с обособленной территорией, конечным числом зданий и сооружений с четко выраженными функциональными назначениями и ограниченным общением военнослужащих с внешней средой. Исследуем биобезопасность воинской части с точки зрения защиты от биологического воздействия на персонал воинской части в мирное время в период эпидемии.

Перечислим угрозы биологического воздействия на персонал воинской части и гипотетические вероятности их реализации:

1. Угроза от контактов с внешними людьми, переносящими микробиологическое заболевание, гипотетическая вероятность угрозы $P_{u,1} = 0.2$.
2. Угроза микробиологического попадания через поставки питания, гипотетическая вероятность угрозы $P_{u,2} = 0.01$.
3. Угроза целенаправленного заражения террористами или враждебными организациями, гипотетическая вероятность угрозы $P_{u,3} = 0.05$.
4. Угрозы заражения от иных факторов, воздуха, животных и т.п., гипотетическая вероятность угрозы $P_{u,3} = 0.02$.

Рассмотрим вероятности предотвращения этих угроз с помощью некоторых мероприятий. Пусть вероятности предотвращения угроз имеют следующие значения, соответственно, $P_{o,1} = 0.85$, $P_{o,2} = 0.9$, $P_{o,3} = 0.9$, $P_{o,4} = 0.95$. Тогда из формулы (2) получаем оценку биобезопасности

$$P_s = (1 - 0.2 + 0.85 \times 0.2)(1 - 0.01 + 0.9 \times 0.01) \\ (1 - 0.05 + 0.9 \times 0.05)(1 - 0.02 + 0.95 \times 0.02) = \\ = 0.97 \times 0.999 \times 0.995 \times 0.999 = 0.963.$$

В результате получаем вероятность того, что указанные угрозы не достигнут своей цели при реализации всех мероприятий по предотвращению этих угроз, составила величину $P_s = 0.963$.

Теперь оценим стоимости мероприятий по предотвращению угроз. Сгруппируем все мероприятия в следующие классы:

1. Организационно-агитационные мероприятия, x_1 , с условной стоимостью затрат $c_1 = 1$.
2. Техническое оснащение (различные обеззараживающие устройства, кондиционеры, фильтры, и т.п.), x_2 , с условной стоимостью затрат $c_2 = 20$.
3. Медицинские мероприятия (вакцинация, профилактика, медосмотры и др.), x_3 , с условной стоимостью затрат $c_3 = 320$.

Здесь под условной стоимостью (у.е.) понимается некая величина, определяемая дополнительные расходы на содержание военной части, например, единица условной стоимости 10 000 рублей.

Пусть вероятность биологического заражения $P_u = 0.04$, вероятность отражения этой угрозы при полной реализации мероприятий по отражению всех угроз $P_o = 0.96$ и стоимость ущерба, нанесенного реализацией этой угрозы, $d = 10\,000$ у.е., а стоимость затрат, на реализацию мероприятий по отражению угроз $Z(x_1, \dots, x_N) = 100$ у.е. Допустим, что существует альтернатива не выполнять некоторые мероприятия по отражению угрозы, например, дорогостоящие стоимостью 25 у.е., при этом вероятность угрозы возрастает $P_u = 0.06$, а вероятность отражения угрозы понижается $P_o = 0.92$. Посчитаем ущерб в обоих случаях по формуле (5).

В первом случае получаем:

$$10000 \times 0.04(1 - 0.96) + 100 = 116 \text{ у.е.}$$

Во втором случае получаем:

$$10000 \times 0.06(1 - 0.92) + 75 = 123 \text{ у.е.}$$

Из расчетов следует: отказ от довольно дорогостоящих мероприятий стоимостью в 25 у.е., что составляет четверть всех расходов (при этом отсутствие этих мероприятий, на первый взгляд, не существенно влияет на обеспечение безопасности, т.е. повышает вероятность реализации угрозы всего на 2% и снижает вероятность защищенности от возникновения угрозы на 4%), приводит в результате к большему ущербу, чем полная реализация всех мероприятий.

ПРЕДЛАГАЕМОЕ РЕШЕНИЕ

Учитывая показатели биологической безопасности и экономические факторы, можно сделать вывод, что наиболее эффективным решением проблемы биологической защиты военнослужащих обособленной воинской части является полная реализация всех санитарно-гигиенических мероприятий, где существенное влияние на поддержание санитарного благополучия войск и их боеспособность, оказывает профилактическая работа.

Успех профилактической работы во многом зависит от правильного учета всех слагаемых: технических средств обнаружения, контроля и средств обеззараживания. Наиболее полно этим условиям отвечает оборудование, создаваемое на базе плазменно-оптических технологий (ПОТ).

После стратификации оборудования ПОТ и объектов воинской части по некоторым основным моментам — функциональным и техническим характеристикам, складывается единое профилактическое пространство [13].

Следует понимать, что единое профилактическое пространство определяется мероприятиями, исходя из заданных конкретных потребностей, с учетом имеющихся экономических возможностей и технических средств для организации биозащиты.

К существующим санитарно-гигиеническим мероприятиям для борьбы с распространением инфекций предлагаются плазменно-оптические технологии — технология защиты, мероприятие, основанное на физическом методе, включающее в себя технические средства обнаружения, контроля и обеззараживания, которые могут использоваться на некоторых объектах:

1. Периметр воинской части. Один из важнейших этапов процесса — установка специального оборудования для дезинфекции входящих на территорию людей и въезжающих туда же автомобилей.

Установки плазменно-оптических технологий (ПОТ) позволят на этом барьере провести одновременную дезинфекцию колес, днища, бортов и салона автотранспорта [14].

Контроль периметра территории осуществляется датчиками движения и установками ПОТ (каждая из которых имеет свою зону защиты) [15] для воздействия на обнаруженные перемещающиеся биологические объекты:

грызунов [16], птиц [17], животных в санитарных зонах [18]. Воздействие ПОТ можно отнести к профилактическим мероприятиям.

При входе как на территорию, так и в любое здание на ней каждый человек проходит безопасную для здоровья и для одежды дезинфекцию по технологии тумана с УФ. Здесь же и дозаторы с УФ для антисептической обработки рук.

Необходимо организовать видеоконтроль за состоянием каждого человека. Современная техника позволяет дистанционно измерять температуру, распознавать лица, идентифицировать личность и формировать соответствующую базу данных. Стоит температуре подняться у кого-нибудь, этот факт будет зафиксирован, сформировано соответствующее сообщение и отправлено лицу, принимающему решение, больной изолируется для начала лечения на ранней стадии заболевания.

2. Воздушное пространство внутри зданий, сооружений. Обеззараживатели воздуха, максимально снижающие риск распространения инфекции [19]. В рециркуляторах и системе кондиционирования воздуха используются устройства, излучающие ультрафиолетовый свет для уничтожения болезнетворных микроорганизмов.

3. Помещения хозяйственного, спортивного, бытового назначения. Ручные обеззараживатели для обработки оборудования, инвентаря, инструмента, посуды и рабочих мест в столовых, буфетах, в комнатах приема пищи и т.п. при строгом выполнении санитарно-эпидемиологических требований [20].

4. Помещения торгово-пропускного назначения. Установки ПОТ для обработки продуктов питания, что особенно важно в период эпидемии, когда повышаются требования к дезинфекции [21].

5. Помещения культурно-массового назначения. Оборудование ПОТ [22] для обеззараживания воздуха, воды и поверхностей, создающие безопасную среду на спортивных объектах с массовым пребыванием людей, которые являются местами повышенной опасности в распространении инфекции.

6. Контактные поверхности. Установки ПОТ [23] с орошением экологически чистым аэрозольным средством, осуществляющие обработку всех поверхностей: контактных мест

в помещениях, спортивных снарядов, салонов транспортных средств и пр.

7. Места специального назначения. Установки ПОТ [24] с орошением (туманом) экологически чистым аэрозольным средством (регуляцией температуры, количества веществ, времени), предназначенные для дезинфекции стоянок техники, хранилищ, складов и т.д.

Технические средства на основе плазменно-оптических технологий, в соединении с цифровыми технологиями, позволят создать автоматизированные комплексы по обеззараживанию и поддержанию биологически безопасных зон.

Соединение автоматизированных комплексов с информацией от стационарных и переносных экспресс-диагностических приборов и с технологией искусственного интеллекта позволит контролировать качество воздуха, воды, контактных поверхностей и продуктов питания. При неблагоприятных условиях такая система оперативно примет решение о проведении мероприятий санитарной обработки, эффективность которой обеспечат технические средства обеззараживания ПОТ.

Такое объединение технических устройств позволит создать робототехнические комплексы, способные выполнять интеллектуальные дезинфицирующие мероприятия в различных воинских частях.

БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ НОВЫХ ИМПУЛЬСНЫХ ПЛАЗМЕННО-ОПТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Предлагаемые технологии основаны на использовании мощных плазменных источников оптического, в том числе и УФ, излучения нового поколения. К числу их физических особенностей относятся, во-первых, чрезвычайно высокая интенсивность излучения (10–100 кВт см² и более), на порядки величин превышающая интенсивность (яркость) самых мощных непрерывных источников излучения (ламп накаливания, ртутных и ксеноновых дуговых ламп непрерывного горения и др.), во-вторых, сплошной спектр излучения (200–1500 нм), непрерывно перекрывающий УФ, видимый и ИК диапазоны спектра (в полосе прозрачности материала колбы и земной атмосферы), и, в-третьих, высокая эффективность преобразования электрической энергии в излучение [24–26].

Среди достоинств источников следует отметить способность работать при температурах от минус 60 до плюс 60 градусов Цельсия, мгновенное включение, возможность регулировки мощности одной и той же лампы от долей ватта до нескольких киловатт без изменения спектральных характеристик, экологическая чистота и др.

В совокупности такой набор свойств импульсных ксеноновых ламп позволяет разрабатывать разнообразные приборы-излучатели для конкретных задач и с учетом особенностей. Например, присутствие в зоне обработки людей, предметов восприимчивых к УФ-излучению, геометрию поверхности и наличие теневых зон и многое другое.

Экспериментальные исследования по обеззараживанию объектов с помощью высокоинтенсивного импульсного УФ излучения проводятся в МГТУ им. Н.Э. Баумана с начала 90-х годов прошлого века. Исследования выполняются в кооперации с ведущими специализированными институтами и предприятиями медико-биологического профиля, пищевой промышленности и агропромышленного комплекса [27, 28–37]. По результатам проведенных исследований получено более 30 патентов РФ и 2 патента США.

Одно из направлений использования плазменно-оптической технологии — обеззараживание воздуха — успешно коммерциализировано. За разработку и внедрение плазменно-оптических установок в космическую медицину и практическое здравоохранение коллектив разработчиков в 2010 году получил Премию Правительства РФ.

Чтобы минимизировать опасность заражения, а лучше всего — полностью исключить ее, необходимо установить дезинфекционные барьеры. Борьба с инфекционными заболеваниями будет эффективной только тогда, когда разрывается или полностью уничтожается инфекционная цепочка.

Маски, социальная дистанция, вакцинация, требования СанПиН по-прежнему сохраняют свое значение. Их использование не отменяется. К существующему комплексу защитных мер предлагается добавить оборудование, созданное на базе прогрессивных плазменно-оптических технологий: экспресс-диагностические приборы обнаружения инфекции, установки обеззараживания, аппараты профилактики и лечения.

ВЫВОДЫ

1. Привлечение российских разработок, проведение инвентаризации научных заделов могло бы в дальнейшем найти свое место при создании конкретных комплексных системных проектов специального и двойного назначения для обеспечения безопасности личного состава в воинских частях.

2. Активное использование физических методов для обеззараживания, в частности, плазменно-оптической технологии позволяет рассматривать возможности создания модулей и систем по обеспечению комплексной безопасности.

3. Предлагаемый метод расчета числовых показателей безопасности логичен, прост и универсален при подходе к организации разноуровневых автоматизированных систем и оценке любой схемы угроз и систем защиты от них.

4. Данный метод позволит нормировать биобезопасность и методику ее оценки в техниче-

ских условиях (ТУ), технических заданиях (ТЗ), отраслевых и государственных стандартах.

5. Методику оценки биобезопасности можно довести до уровня государственного стандарта оценки эффективности средств и методов защиты от угроз.

6. Применение оценки безопасности в задаче защиты объекта позволит повысить уровень биозащищенности объектов, в том числе воинских частей; создать эффективную структуру биобезопасности, основанную на системности, актуальности в соответствии существующими и перспективными угрозами; подбирать с нужной эффективностью биозащиту для объектов; снизить трудозатраты; повысить экономическую эффективность.

7. Продолжение разработки новых элементов теории обеспечения комплексной безопасности для воинских частей с учетом передовых научных достижений предоставит возможность повысить обороноспособность государства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Косяков А. Системная инженерия. Принципы и практика / А. Косяков У.Н. Свит, С. Дж. Сеймур С.М. Бимер; пер с англ. – М.: ДМК Пресс, 2014. – 624 с.
2. Аронов А.Л. Продовольственная безопасность России и ведущих стран мира: аналитический обзор/ А.Л. Аронов Т.П. Нино Т.А. Суркова Е.А. Вернер А.А. Королько // – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2005. – 124 с.
3. Северцев Н.А. Безопасность и отказоустойчивость динамических систем: учебное пособие. – М.: Культура и техника, 2013.
4. Северцев Н.А. Введение в безопасность / Н.А. Северцев А.В. Бецков // ВЦ им. А.А. Дородницына РАН, 2008. – 176 с.
5. Северцев Н.А. Моделирование безопасности функционирования динамических систем/ Н.А. Северцев А.В. Бецков // Научное издание. – М.: ТЕИС, 2015. – 326 с.
6. Баранов Н.А. Основы теории безопасности динамических систем/ Н.А. Баранов Н.А. Северцев // – М.: ВЦ РАН им. А.А. Дородницына, 2008. – 236 с.
7. Корзаева Н.Н. Экономическая безопасность: учебное пособие/ Н.Н. Корзаева А.С. Бабанская // – М.: Издательство РГАУ-МСХА, 2016. – 290 с.
8. Ветошкин А.Г. Нормативно-техническое обеспечение безопасности жизнедеятельности: учебное пособие / А.Г. Ветошкин // – М.: Инфра-инженерия. – 2017. – 470 с.
9. Википедия. Определение экономической безопасности [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Экономическая_безопасность. – Загл. с экрана. (31.07.2021).
10. Определение безопасности [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.grandars.ru/shkola/bezopasnost-zhiznedejatelnosti/bezopasnost-turistov.html> – Загл. с экрана. (31.07.2021).
11. Воронин Е.А. Выбор и обоснование критерия оценки и нормирования безопасности мероприятий и систем различного назначения/ Е.А. Воронин К.Т. Нгуен// Наукоемкие технологии. – 2018. – Т. 19, № 4 с. 17–19.
12. Voronin E.A. Integrated control of economic security by machine learning in the information space of the digital economy: сб/ E.A. Voronin S.V. Kozlov A.N. Kubankov // 2021 Systems of Signals Generating and Processing in the Field of on Board Communications, Conference Proceedings. 2021. – с. 9416115.
13. Багров В.В. Коммунально-эксплуатационное обеспечение в комплексном подходе к биологической безопасности личности состава в повседневное время и в период эпидемии /В.В. Багров// Перспективы развития эксплуатационного содержания фондов Министерства обороны Российской Федерации. Сборник научных трудов. Составитель В.Н. Селеменев. – СПб.: ВАМТО, 2021. с. 165–172
14. Патент 2001629 Российская Федерация, МПК А61L 2/10. Способ дезинфекции и стерилизации открытых поверхностей объектов, жидкости и воздуха / Камруков А.С. [и др.]; патентообладатель Малое научно-производственное предприятие «Мелитта». – № 4954167; заявл. 28.06.91; опубл. 30.10.93.
15. Патент 2559780 Российская Федерация, МПК А61L 2/10. Способ дистанционного обеззараживания и обезвреживания удаленных объектов устройство для его осуществления / Архипов В.П. [и др.]; патентообладатель федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана» (МГТУ им. Н.Э. Баумана). – № 2013158892/15; заявл. 30.12.13; опубл. 10.08.15.

16. Патент 2137365 Российская Федерация, МПК A01M29/00 A01M29/02. Способ отпугивания биологических существ / Архипов В.П. [и др.]; патентообладатель Общество с ограниченной ответственностью «Мелитта-УФ». заявл. 07.05.98; опубл. 07.05.98.
17. Патент 2562385 Российская Федерация, МПК A01M 29/10. Способ обеспечения орнитологической безопасности аэропорта и устройство для его осуществления / Архипов В.П. [и др.]; патентообладатель федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана» (МГТУ им. Н.Э. Баумана). – № 2014120932/13; заявл. 23.05.14; опубл. 10.09.15.
18. Патент 135169 Российская Федерация. МПК G08B 5/00, H05B 41/30. Устройство для передачи сигналов с помощью оптического излучения / Архипов В.П. [и др.]; патентообладатель Камруков Александр Семенович. – № 2012106899/07; заявл. 27.02.12; опубл. 27.11.13.
19. Патент 2092191 Российская Федерация, МПК A61L 9/20, A61L 2/10. Установка для обеззараживания и дезодорации воздуха / Архипов В.П. [и др.]; патентообладатель Общество с ограниченной ответственностью «Мелитта-УФ». – № 95110111/14; заявл. 16.06.95; опубл. 10.10.97.
20. Патент 2031659 Российская Федерация, МПК A61L 2/10, A61L 9/20. Устройство для обеззараживания воздуха и поверхностей / Камруков А. С. [и др.]; патентообладатель Ассоциация «Пакт». – № 5034682/13; заявл. 27.03.92; опубл. 27.03.95.
21. Патент 2279806 Российская Федерация, МПК A23B 9/06, A23L 3/54. Способ обеззараживания сыпучих продуктов и устройство для его осуществления / Архипов В.П. [и др.]; патентообладатель Общество с ограниченной ответственностью «Мелитта-УФ». – № 2004116184/13; заявл. 27.05.04; опубл. 20.07.06.
22. Патент 2031850 Российская Федерация, МПК C02F 1/32, C02F 103/04. Устройство для очистки и обеззараживания водных сред/ Архипов В.П. [и др.]; патентообладатель Малое научно-производственное предприятие «Мелитта». – № 93009567/26; заявл. 26.02.93; опубл. 27.03.95.
23. Плазменная техника и плазменные технологии: сб. науч. трудов/под ред. Н.П. Козлова [и др.] // МГТУ им. Н.Э. Баумана. – М.: НИЦ Инженер, 2003. – 196 с.
24. Архипов В.П. Мультиспектральные фотоэлектрические преобразователи для измерения излучательных характеристик импульсных источников широкополосного оптического излучения / В.П. Архипов И.А. Желаяев А.Б. Ивашкин А.С. Камруков К.А. Семенов // Прикладная физика. – 2017. – № 3. – с. 107–114.
25. Архипов В.П. Мультиспектральный фотоэлектрический преобразователь «Спектр-01» для измерения излучательных характеристик импульсных источников широкополосного оптического излучения/ В.П. Архипов И.А. Желаяев А.Б. Ивашкин А.С. Камруков К.А. Семенов // Приборы и техника эксперимента. – 2017. – Вып. 5. – с. 159 – 160.
26. Камруков А.С. Энергетические и излучательные характеристики импульсной короткодуговой ксеноновой лампы в режимах «насыщенной» световой яркости/ А.С. Камруков С.Г. Киреев Н.П. Козлов С.Г. Шашковский // Журнал прикладной спектроскопии. – 2017. – № 4. – с. 22–25.
27. Патент 2008042 Российская Федерация, МПК A61N 5/06, A61P 31/02. Способ лечения ран и устройство для его осуществления/ Камруков А.С. [и др.]; патентообладатель Ассоциация «Пакт». – № 5046709/14; заявл. 27.03.92; опубл. 28.02.94.
28. Патент 2031851 Российская Федерация, МПК C02F 1/32, C02F 1/72, C02F 101/30, C02F 101/32, C02F 101/34. Способ очистки сточных вод от органических веществ / Архипов В.П. [и др.]; патентообладатель Малое научно-производственное предприятие «Мелитта». – № 93025213/26; заявл. 29.04.93; опубл. 27.03.95.
29. Патент 2066301 Российская Федерация, МПК B01D 29/56, C02F 1/00, C02F 1/28. Переносной фильтр для очистки питьевой воды / Архипов В.П. [и др.]; патентообладатель Малое научно-производственное предприятие «Мелитта». – № 95104672/26; заявл. 28.03.95; опубл. 10.09.96.
30. Патент 2088286 Российская Федерация, МПК A61N 5/06. Устройство для лечения и профилактики дерматологических заболеваний и ожоговых ран / Архипов В.П. [и др.]; патентообладатель Общество с ограниченной ответственностью «Мелитта-УФ». – № 95114567/14; заявл. 29.08.95; опубл. 27.08.97.
31. Патент 2113410 Российская Федерация, МПК C02F1/18 B01D27/00. Индивидуальное водоочистное устройство «Фильтр-фляга» / Архипов В.П. [и др.]; патентообладатель Общество с ограниченной ответственностью «Мелитта-УФ». – № 97109774/25; заявл. 10.06.97; опубл. 20.06.98.
32. Патент 2160145 Российская Федерация, МПК B01D 24/16, B01D 27/08. Индивидуальный фильтр для очистки воды / Бучнев С.И. [и др.]; патентообладатель Общество с ограниченной ответственностью «Мелитта-УФ». – № 99122618/12; заявл. 27.10.99; опубл. 10.12.00.
33. Патент 2560837 Российская Федерация, МПК G21F9/00. Способ очистки жидких радиоактивных отходов / Аржаткин В.Г. [и др.]; патентообладатель Российская Федерация, от имени которой выступает Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» (Госкорпорация «Росатом»), федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана» (МГТУ им. Н.Э. Баумана). – № 2013151307/07; заявл. 19.11.13; опубл. 20.08.15. Бюл. № 15.
34. Патент 2641068 Российская Федерация. МПК A61N 5/06. Устройство для лечения раневой инфекции и дерматологических заболеваний / Архипов В.П. [и др.]; патентообладатель акционерное общество «Государственный Рязанский приборный завод». – № 2017109539; заявл. 21.03.17; опубл. 15.01.18.
35. Pekshev A. Study of plasmachemical NO containing gas flow for treatment of wounds and inflammatory processes/ A.V. Pekshev A.B. Shekhter A.B. Vagapov N.A. Sharapov A.F. Vanin //Nitric Oxide. – 2017. – V. 15.– P. 1–7.
36. Крупин П.Ю. Сравнение воздействия ультрафиолетового излучения ртутной лампы низкого давления и импульсной ксеноновой лампы на геном и протеом *Dickeya solani* / П.Ю. Крупин А.Б. Яремко М.С. Баженов А.С. Камруков К.А. Тумашевич В.В. Багров Ю.С. Панычева Е.С. Мазурин М.Г. Дивашук //Картофель и овощи. – 2017. – № 10 – с. 23–26.
37. Шараров Н.А. Структура импульсного разряда с переменной частотой повторения/ Н.А. Шараров А.В. Хинкис С.И. Гаджихалилова Т.В. Мельник А.В. Парфенов // Вопросы атомной науки и техники. Серия: термоядерный синтез. – 2017. – Т. 40, № 2. – с. 61 – 64.

A.P. STEPANOV

А.П. СТЕПАНОВ

МЕТОДИКА РАЗРАБОТКИ НОРМАТИВОВ ПО ПРЕДМЕТАМ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ

METHODOLOGY FOR THE DEVELOPMENT OF STANDARDS FOR THE SUBJECTS OF COMBAT TRAINING

В статье актуализирована потребность уточнения (разработки) нормативов по предметам боевой подготовки в аспекте оснащения соединений и воинских частей Сухопутных войск современными и перспективными образцами вооружения и военной техники. Предложена методика разработки нормативов, раскрыт алгоритм проведения эксперимента по определению количественных и качественных показателей.

The article actualizes the need to clarifications (development) standards for the subjects of combat training in the aspect of equipping formations and military units of the Ground Forces with modern and promising models of weapons and military equipment. A methodology for the development of standards is proposed, an algorithm for conducting an experiment to determine quantitative and qualitative indicators is disclosed.

Ключевые слова: боевая подготовка, освоение вооружения и военной техники, обучение, воспитание, норматив, методика, эксперимент.

Keywords: combat training, development of weapons and military equipment, training, education, standard, methodology, experiment.

Первые итоги боевых действий в ходе специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины свидетельствуют о том, что соединения и воинские части Сухопутных войск как компонент Вооруженных Сил Российской Федерации остаются определяющим силовым инструментом для достижения окончательных целей войны. Существует объективная необходимость повышения боевого потенциала и эффективности применения соединений и воинских частей Сухопутных войск, в том числе и за счет оснащения их современными образцами вооружения и военной техники (ВВТ). Меры, предпринимаемые государством по развитию оборонно-промышленного комплекса нашей страны, увеличению производства и закупок новых систем вооружения и оснащение ими соединений и воинских частей, создают хорошие предпосылки для решения данной задачи [1, 4].

Вместе с тем главной силой на войне остаются люди, в совершенстве владеющие оружием, способные умело использовать его боевые воз-

можности. Обучение и воспитание военнослужащих, слаживание подразделений и воинских частей, оснащаемых новой техникой, осуществляется в системе боевой подготовки войск [6].

Необходимо отметить, что при определении оценки военнослужащим и подразделениям по предметам боевой подготовки оценка за практические действия является определяющей, а военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, оцениваются только за уровень практической подготовки (выполнение упражнений, нормативов) [3].

Отработка нормативов на занятиях и учениях способствует совершенствованию приемов и способов действий при выполнении поставленной задачи, быстрейшему овладению личным составом вооружением и военной техникой, сокращению сроков приведения ее в полную боевую готовность. Она позволяет командирам создавать состязательную обстановку, устанавливать единый и объективный подход при определении уровня подготовки военнослужащих и подразделений, выявлять и обобщать в ходе

отработки нормативов новые формы и методы выполнения тех или иных приемов. Норматив — это временной, количественный и качественный показатель выполнения отдельными военнослужащими или подразделениями определенных задач, приемов и действий, связанных с применением оружия и военной техники в ходе боевой подготовки [5].

При оснащении соединений и воинских частей новой техникой возникает необходимость уточнения действующих нормативов или разработки новых. Такая потребность обусловлена тем, что разрабатываемые (модернизируемые) образцы вооружения и военной техники имеют конструктивные особенности, улучшаются их тактико-технические характеристики, повышаются потенциальные боевые возможности (огневая мощь, маневренность, возможности по разведке целей и т.д.). Для того, чтобы потенциальные боевые возможности разрабатываемого вооружения реализовывались в процессе боевого применения ВВТ, они должны быть заложены в содержание обучения (программы боевой подготовки, курсы стрельб и вождения, сборник нормативов). Следовательно, перечень выполняемых нормативов, их количественные и качественные показатели должны соответствовать потенциальным боевым возможностям ВВТ, своевременно уточняться при поступлении в войска новой техники и отражаться в соответствующих нормативных документах.

События, происходящие в мире в настоящее время, характеризующиеся нарастанием внешних угроз национальной безопасности России, определяют необходимость оперативного оснащения войск новой техникой, ее качественного и быстрого освоения личным составом. Вместе с тем одним из факторов, негативно влияющих на качество подготовки кадров к освоению новой техники, является отсутствие новых нормативов, объективно отражающих потенциальные возможности разрабатываемых (модернизируемых) образцов ВВТ. А выполнение задач по разработке новых нормативов, в свою очередь, затрудняется отсутствием адекватной методики разработки нормативов по предметам боевой подготовки.

В целом предлагаемая методика разработки нормативов при принятии на вооружение нового образца ВВТ представлена на рис. 1.

В случае, если формы и способы боевого применения перспективного образца ВВТ (подразделения, оснащенного такими образцами) не отражены в уставах, наставлениях, руководствах, инструкциях, и они принципиально отличаются от существующих положений, заказчик инициирует и руководит разработкой соответствующего руководства (наставления) по боевому применению перспективного образца ВВТ.

Определение форм и способов боевого применения разрабатываемого (модернизируемого) образца ВВТ (подразделения, оснащенного данным образцом) осуществляется научно-исследовательскими и образовательными организациями под общим руководством заказчика, в рамках научно-исследовательских (НИР) и опытно-конструкторских работ (ОКР).

Перечень нормативов, обеспечивающих подготовку личного состава к эффективному боевому применению разрабатываемого (модернизируемого) образца ВВТ (подразделения, оснащаемого такими образцами), определяется в соответствии руководством по эксплуатации соответствующего образца ВВТ и другими нормативными документами в целях привития личному составу компетенций, необходимых для выполнения следующих типов задач:

- поддержания ВВТ в готовности к боевому применению (использованию по назначению);
- подготовки к боевому применению (использованию по назначению);
- перевода из одного режима работы в другой;
- технического обслуживания;
- текущего ремонта (поиска и устранения отказов, повреждений и их последствий применительно к каждой составной части образца ВВТ, текущий ремонт которых возможен при эксплуатации силами экипажа);
- постановки образца ВВТ на хранение и снятия его с хранения (перечень работ, правила их проведения);
- подготовки образца ВВТ к транспортированию различными видами транспорта (порядок крепления образца ВВТ для транспортирования его различными видами транспорта, погрузки и выгрузки).

Условия (порядок) выполнения практических действий (нормативов), обеспечивающих эксплуатацию и боевое применение разрабатываемых (модернизируемых) образцов ВВТ,

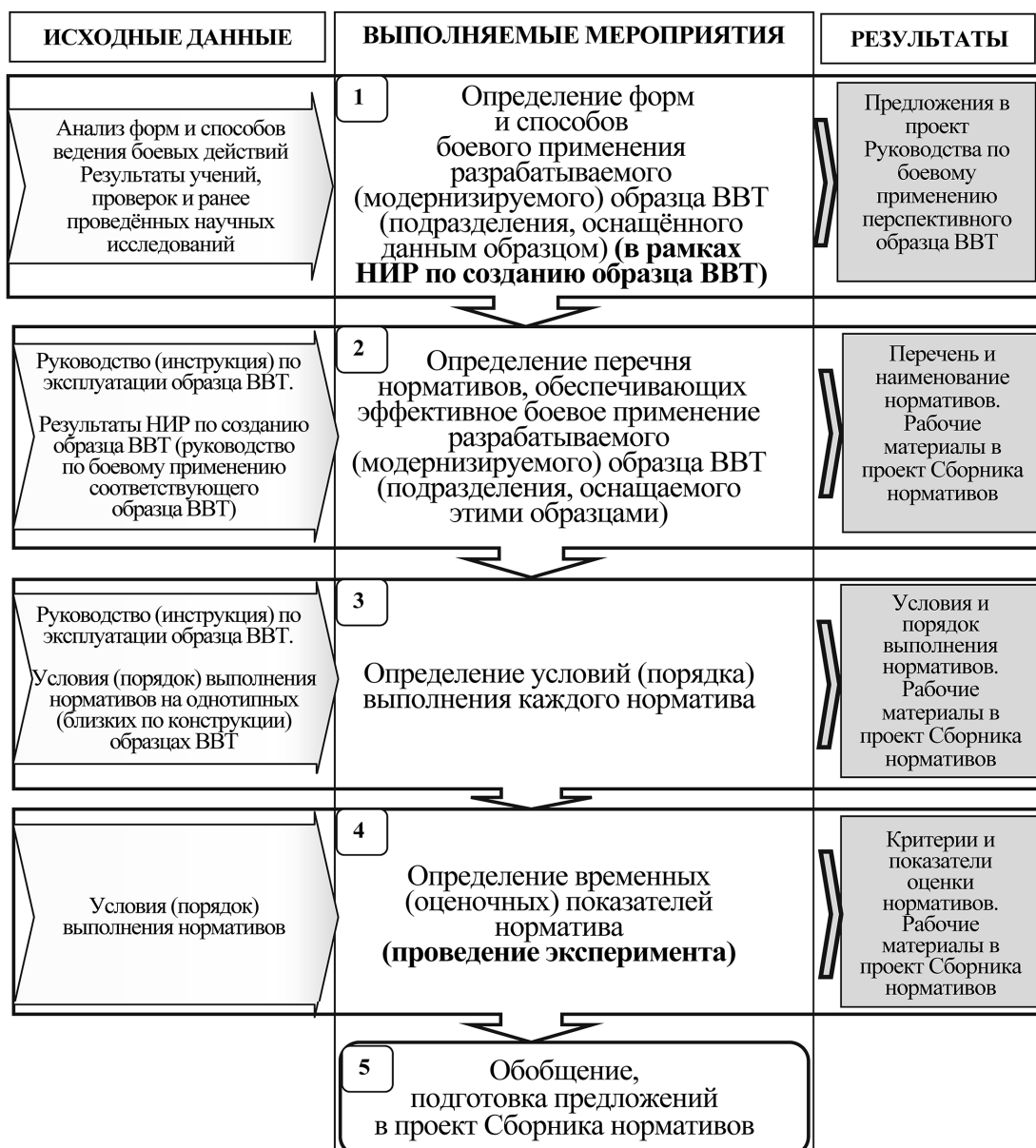

Рис. 1. Методика разработки (уточнения) нормативов по предметам боевой подготовки

изложены в руководствах (инструкциях) по эксплуатации соответствующих образцов ВВТ.

В случае, если такой порядок в эксплуатационных документах не изложен, он устанавливается специальной комиссией (группой специалистов), которая определяет наиболее целесообразную последовательность выполнения норматива (практического действия) с учетом обеспечения требований безопасности. В состав комиссии должны входить специалисты, обладающие соответствующими компетенциями в организации боевого применения (использования по назначению) однотипных (близких по конструкции) образцов ВВТ, представители:

— органа военного управления, являющегося заказчиком образца ВВТ, — обеспечивает общее руководство и контроль;

— научно-исследовательской организации, выполняющей ОКР по разработке соответствующего образца ВВТ, — предоставляет объективную информацию, касающуюся описания конструкции и работы составных частей образца ВВТ, отвечает за соответствие разработанных условий (порядка) выполнения норматива техническим требованиям по его эксплуатации;

— военной образовательной организации высшего образования Министерства обороны (вуза), выполняющей соответствующую НИР, —

осуществляет подготовку к проведению эксперимента по определению количественных и качественных показателей норматива.

Временные показатели разрабатываемого норматива определяются экспериментальным путем. Эксперименты по определению временных показателей разрабатываемых нормативов проводятся в военных образовательных организациях высшего образования Министерства обороны и в войсках (силах) в рамках выполняемых научно-исследовательских работ.

Для проведения эксперимента главкомандующий (командующий) органа военного управления, являющегося заказчиком образца ВВТ, издает соответствующий приказ о проведении эксперимента, в котором определяет:

- воинскую часть (научно-исследовательскую или образовательную организацию), обеспечивающую проведение эксперимента;
- руководителя эксперимента — представителя научно-исследовательской или образовательной организаций, проводящей соответствующие научные исследования (исполнителя соответствующей НИР);
- примерный перечень нормативов, подлежащих разработке;
- сроки проведения экспериментов.

Командир воинской части (начальник образовательной или научно-исследовательской организации), обеспечивающей проведение эксперимента, по предложению руководителя эксперимента издает приказ, в котором определяет:

- руководителя эксперимента от организации — заместителя начальника вуза (заместителя командира воинской части);
- состав экспериментальной группы (не менее 20 человек). Уровень подготовленности личного состава экспериментальной группы не имеет особого значения, так как предстоит выполнять совокупность новых действий;
- порядок и методику проведения эксперимента (ежедневное время работы экспериментальной группы и количество повторений норматива в течение дня);
- силы и средства, выделяемые для проведения эксперимента;
- морально-психологическое обеспечение эксперимента.

В целом, эксперимент проводится в 5 этапов:

1-й этап — «Ознакомление с порядком выполнения норматива»;

2-й этап — «Изучение норматива»;

3-й этап — «Тренировка в выполнении норматива»;

4-й этап — «Обработка статистических данных»;

5-й этап — «Подготовка проекта нормативного правового акта».

На первом этапе у личного состава экспериментальной группы формируется понятие и зрительное представление о выполняемых движениях в целом. Главные каналы получения информации — зрительный (показ) и слуховой (объяснения). Помимо непосредственно порядка выполнения норматива, на этом этапе изучается устройство ВВТ, правила обращения с ними и требования безопасности.

На втором этапе личный состав учится правильно выполнять норматив по элементам в медленном темпе, в соответствии с представленным образцом. Затем переходит к выполнению практических действий (норматива) в целом. Второй этап завершается тогда, когда большая часть экспериментальной группы выполняет норматив без ошибок (как правило, это 3–5 попыток).

На третьем этапе эксперимента проводится тренировка в выполнении норматива и осуществляется сбор данных для статистической обработки и определения оценочных показателей норматива. Каждая попытка выполнения норматива военнослужащими экспериментальной группы учитывается руководителем эксперимента. Для примера в таблице 1 приведены данные по привитию навыка в выполнении норматива Н-ОГН № 5 «Сборка зенитного пулемета после неполной разборки».

Тренировка выполняется до момента «насыщения» — до того момента, когда результаты перестают улучшаться, то есть:

$$Y_i \leq Y_{i+1},$$

где Y_i — результат выполнения норматива в ходе i -й попытки; Y_{i+1} — результат выполнения норматива в ходе последующей, после i -й попытки.

После наступления момента насыщения (в настоящем примере $i=10$), в зависимости от сложности, норматив выполняется еще 5–10 раз.

В целях получения объективных данных обязательным условием проведения экспе-

Таблица 1

Результаты выполнения норматива Н-ОГН № 5
«Сборка зенитного пулемета после неполной разборки» экспериментальной группой

№ п/п	ФИО	Время выполнения норматива в i-й попытке, в секундах														
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	Иванов	59	55	53	50	51	48	46	45	44	42	41	40	42	40	41
2	Петров	62	59	58	55			51	47	45	41	43	42	42	41	42
3	Степанов	69	67	62	59	57	55	52	48	46	43	41	37	37	37	38
...	...															
20	Сидоров															
Значение среднего арифметического Y_{cp} от результатов, полученных личным составом экспериментальной группы в i-й попытке		67	63	61	57	55	51	47	43	42	41	42	40	41	40	42
		Худший результат										Насыщение		Лучший результат		

римента является организация соревнования между военнослужащими, участвующими в эксперименте, и их мотивация: перед каждым новым выполнением норматива; ежедневно; по итогам проведения эксперимента.

На четвертом этапе осуществляется обработка полученных статистических данных. Для приведения полученных количественных значений (в настоящем примере от 67 до 40) в качественные параметры (4-х бальная система оценки) применяется многоинтервальная, дискретная вербально-числовая шкала Харингтона:

- «отлично» — от 0,8 до 1,0;
- «хорошо» — от 0,63 до 0,79;
- «удовлетворительно» — от 0,37 до 0,62;
- «удовлетворительно» — от 0 до 0,36.

Шкала Харингтона получена на основе анализа и обработки большого массива статистических экспертных данных. Она переводит качественные оценки в количественные в интервале от 0 до 1 на основе статистической обработки психологических особенностей человека и достаточно достоверно характеризует процесс формирования навыка [2].

В качестве примера приведена обработка результатов в выполнении норматива Н-ОГН № 5, представленных в таблице 1.

Формирование оценочной шкалы для диапазона $Y \in [40; 67]$ с шагом $\Delta = 1$ выполняется на основе преобразования ранжирования (рис. 2).

Для автоматизации расчета применяется инструмент «Прогрессия» доступный к использованию в современных табличных процессорах Microsoft Excel, LibreOffice Calc, Мой Офис Таблица (рис. 3).

В столбце А заполняются численные значения, полученные в ходе выполнения норматива, от максимального 40 до минимального 67.

В столбце В напротив максимального значения ставится 1, напротив минимального 0. Интервал от 1 до 0 заполняется с применением функции «Прогрессия» (рис. 3).

Получение оценок по 4-х бальной системе осуществляется в соответствии с принятой шкалой (рис. 2). Округление до целых чисел осуществляется по правилам математики.

На пятом этапе руководитель эксперимента обобщает полученные результаты, оформляет

Результат (Y_i)	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57
Оценочная шкала	1,00	0,96	0,93	0,89	0,85	0,81	0,78	0,74	0,70	0,67	0,63	0,59	0,56	0,52	0,48	0,44	0,41	0,37
Оценка	отлично						хорошо					удовлетворительно						

Результат (Y_i)	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67
Оценочная шкала	0,33	0,30	0,26	0,22	0,19	0,15	0,11	0,07	0,04	0,00
Оценка	неудовлетворительно									

Рис. 2. Преобразование результатов в 4-бальную систему оценки

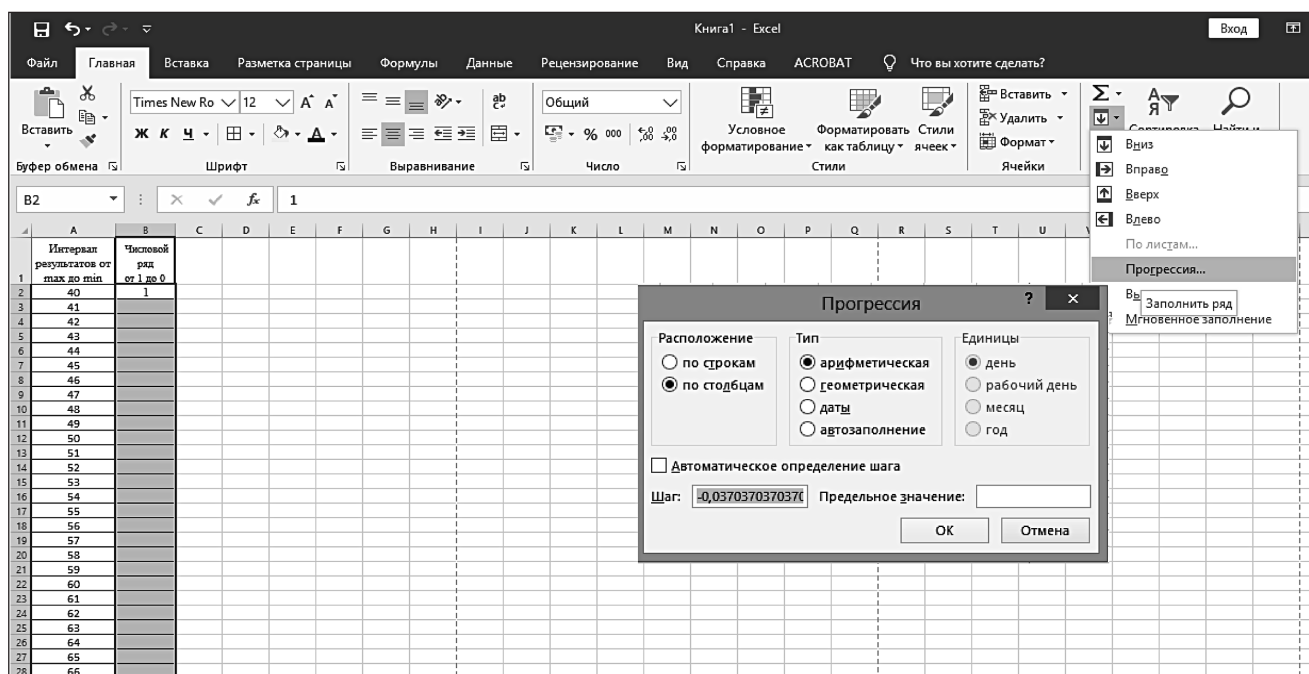

Рис. 3. Заполнение формы в Microsoft Excel для преобразования ранжирования

их в соответствии с установленной формой и отправляет заказчику.

Таким образом, предлагаемая методика включает:

- функции и полномочия органов военного управления, научно-исследовательских и образовательных организаций по разработке новых нормативов;
- порядок определения перечня нормативов, для подразделений перевооружаемых на новые образцы ВВТ;
- алгоритм действий по подготовке и проведению эксперимента для определения коли-

чественных и качественных показателей нормативов;

– методику обработки статистических данных, полученных в ходе эксперимента, с применением средств автоматизации.

Применение предложенной методики разработки нормативов по предметам боевой подготовки позволит централизованно и достаточно быстро формировать содержание обучения при подготовке к освоению современных и перспективных образцов ВВТ, поступающих на оснащение соединений и воинских частей Сухопутных войск.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Дульнев П.А. Основные требования к перспективной системе вооружения Сухопутных войск / П.А. Дульнев // Вестник Академии военных наук. 2017. № 1 (58). с. 158–161.
2. Оценочные системы. Обобщенные критерии. Шкалы [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberpedia.su/4x9658.html> (дата обращения 02.05.2022).
3. Порядок проведения проверок в Вооруженных Силах Российской Федерации (введен в действие приказом Министра обороны РФ № 777 от 24 декабря 2015 г.)
4. Романчук А.В. Изменения характера вооруженной борьбы по опыту военных конфликтов начала XXI века / А.В. Романчук П.А. Дульнев В.И. Орлянский // Военная мысль. 2020. № 4. с. 66–81.
5. Сборник нормативов по боевой подготовке Сухопутных войск для мотострелковых, танковых и разведывательных подразделений. – М.: Воениздат, 2011. – 98 с.
6. Шлык Ю.Ф. Проблемные вопросы освоения вооружения, военной и специальной техники, поступающей на оснащение подразделений общевойсковых соединений и воинских частей / Ю.Ф. Шлык А.П. Степанов // Вестник Академии военных наук. – 2020. – № 2 (71). – с. 75–83.

ОЦЕНКА УСЛОВИЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ КАК ПРАКТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

ASSESSMENT OF THE MILITARY SERVICE CONDITIONS AS A PRACTICAL TOOL FOR THE MILITARY SERVICE SECURITY MANAGEMENT

В настоящей статье показано, что оценка условий военной службы — есть практический инструмент управления безопасностью военной службы. Однако по причине несовершенства процедуры оценки условий военной службы как в теоретическом, так и прикладном отношениях в настоящее время не все вопросы создания безопасных условий военной службы могут быть выполнены в полном объеме.

This paper shows that assessment of the military service conditions is a practical tool for the military service security management. However, due to the imperfection of assessment procedure, both in theoretical and applied aspects, currently, all issues of creating safe military service conditions cannot be implemented to the full extent.

Ключевые слова: безопасность, военная служба, труд, факторы военной службы, факторы производственной среды, вредный, опасный, охрана жизни и здоровья, Вооруженные Силы.

Keywords: security, military service, labor, military service factors, working-environment factors, harmful, dangerous, life and health protection, Armed Forces.

Совокупность факторов военной службы и окружающей среды, оказывающих влияние на работоспособность и здоровье военнослужащего, осуществляющего профессиональную служебную деятельность, называется, как известно, условиями военной службы, которым с конца прошлого столетия в Вооруженных Силах Российской Федерации (ВС РФ), уделяется пристальное внимание на всех уровнях как ведомственных, так и федеральных органов власти. Это не случайно, а есть логическое продолжение осознания простого факта, что в подавляющем большинстве армий мира вооружение, военная и специальная техника (далее: ВВСТ), а также средства защиты (индивидуальные и коллективные) достигли (или достигнут в скором времени) примерно одинакового уровня своего технического развития, и в создавшейся ситуации, по большому счету, мало что определяют. Решающее значение приобретает, в частности, состояние внешней среды (условия военной службы), которая оказывает влияние на состояние здоровья личного состава армии и флота, а в целом — на боеготовность и боеспособность ВС РФ. Следовательно, своевременная объективная оценка условий военной службы применительно к каждому рабочему месту военнослужащего и разработка на основе полученных материалов предупреждающих (корректирующих) мероприятий позволит

органам военного управления своевременно проводить мероприятия по минимизации воздействия вредных и (или) факторов военной службы, сохранению жизни и здоровья военнослужащих. Этот тезис и определил цель проведенного исследования — обоснование гипотезы: оценка условий военной службы как практический инструмент управления безопасностью военной службы. Для этого нами был изучен и проанализирован пакет документов, находящихся в открытом доступе, регламентирующих требования безопасности военной службы в ВС РФ, требования гигиены и безопасности труда. Использованные методы исследования: научного анализа и сопоставления.

В результате проведенного исследования установлено, что оценка условий военной службы фактически является практическим инструментом управления безопасностью военной службы. Однако несовершенство процедуры оценки как в теоретическом, так и в прикладном отношениях не позволяют в настоящее время органам военного руководства результативно управлять безопасностью военной службы.

Определяющими элементами в системе под названием условия военной службы являются ее факторы, которые условно разделили на вредные и опасные. Вредный фактор военной службы — фактор, воздействие которого на осуществляющего профессиональную служебную

деятельность военнослужащего может привести к его заболеванию, а опасный фактор военной службы — к травме или иному причинению вреда здоровью военнослужащего, в том числе и к его гибели [1].

Условия внешней среды, при которых фактические значения уровней факторов военной службы не превышают величины, установленные законодательством РФ, именуются как безопасные условия военной службы [1], то есть это условия, которые не могут привести к повреждению здоровья и жизни военнослужащего. По всей видимости, неслучайно одной из основных задач Концепции безопасности военной службы в ВС РФ является, в частности, поддержание условий военной службы, обеспечивающих защищенность военнослужащих от воздействия вредных и (или) опасных факторов военной службы, возникающих в ходе повседневной деятельности войск (сил). Сообразно этой исходной установке одним из приоритетных направлений в деятельности органов военного управления и должностных лиц является обеспечение безопасности военной службы, то есть целенаправленная деятельность по анализу, прогнозированию и ограничению воздействия факторов внешней среды, способствующих возникновению случаев гибели и травмирования военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы. Среди немалого количества мероприятий, включенных в этот раздел, наше внимание привлекли следующие (раздел: организационное обеспечение): в-первую очередь, это идентификация вредных и (или) опасных факторов военной службы; во-вторых, установление «порядка проведения аттестации мест исполнения военнослужащими должностных и специальных обязанностей»; и в-третьих, формирование (актуализация) Перечня воинских должностей, замещение которых связано с повышенной опасностью для жизни и здоровья военнослужащих [1].

Причина нашего внимания к перечисленным выше мероприятиям — прикладной аспект, а именно — возможность их практической реализации. Не секрет, что понятия «вредный» и «опасный» фактор являются производными величинами от гигиенического нормирования. В настоящее время под гигиеническим нормативом условий труда (ПДК/

ПДУ) понимают уровень фактора рабочей среды, который не должен вызывать заболевания или каких-либо отклонений в состоянии здоровья как в процессе работы, так и в отдаленные сроки жизни, причем не только у настоящего, но и последующих поколений [2]. Понятия «вредный» и (или) «опасный» характеризуют степень выраженности воздействия фактического значения фактора внешней среды на состояние здоровья и жизнь человека. Естественно, что обнаружение фактора на рабочем месте специалиста, определение его соответствия гигиеническому нормативу (ПДК/ПДУ) возможны только с помощью соответствующих инструментальных измерений, проводимых испытательной лабораторией, аккредитованной установленным порядком на определенный вид деятельности (наличие разрешительного документа с установленной областью аккредитации, поверенной аппаратуры, стандартных методик исследования, специалистов с необходимым образованием и опытом практической работы и пр.).

Необходимо заметить, что в функции испытательных лабораторий входит отбор образцов проб, их транспортировка к месту исследования, проведение соответствующих измерений и выдача заказчику результатов измерений (исследований) с комментариями (если в этом есть необходимость): превышают или не превышают полученные результаты, установленные ПДК (ПДУ). Давать оценку полученным результатам с позиций гигиенического нормирования (вредный или опасный фактор среды, вредные или опасные условия труда) — это прерогатива эксперта (например, по оценке условий военной службы), имеющего соответствующий разрешительный документ. Исполнять такие функции испытательным лабораториям категорически запрещено [3], что предполагает подготовку, аккредитацию, учет и пр. в рамках ВС РФ соответствующих специалистов (экспертов). Дальнейшая идентификация обнаруженного фактора в качестве «вредного» и (или) «опасного», а также комплексная оценка условий ратного труда на рабочем месте — прерогатива эксперта, имеющего соответствующий разрешительный документ.

Касаемо лиц гражданского персонала ВС РФ, то формат этих мероприятий уже достаточно

давно определен: это производственный контроль [4] (ПК) и специальная оценка условий труда рабочих мест [2] (СОУТ). Названные процедуры являются для этой части личного состава ВС РФ обязательными и, соответственно, имеют необходимое нормативное правовое обеспечение, систему соответствующих испытательных лабораторий и экспертов по СОУТ, включенных в единый реестр Министерства труда и социальной защиты. Командиры воинских частей (учреждений) имеют право для этих целей (реализация процедур ПК и СОУТ) нанимать по договору необходимые силы и средства (испытательные лаборатории, аккредитованные установленным порядком). В отношении военнослужащих такой ясности пока достичь не удастся, хотя еще в 2007 г., в утвержденном тогда Уставе ВС РФ [5, ст. 319], было декларировано, что командир воинской части обязан «...не реже одного раза в два года организовывать проведение в полку аттестации мест исполнения военнослужащими должностных и специальных обязанностей (рабочих мест) на их соответствие условиям военной службы в порядке, определенном Министром обороны РФ». К сожалению, дальнейшего развития эта статья Устава не получила: уточнения введенных понятий, установления порядка проведения этой процедуры и пр. не последовало. Впрочем, в вышедших в 2018 г. Методических рекомендациях в разделе, посвященном Концепции безопасности военной службы, среди мероприятий организационного обеспечения, фигурирует следующая процедура: «установление порядка проведения аттестации мест исполнения военнослужащими должностных и специальных обязанностей» [1], детализации которой так и не последовало. По всей видимости, имелись в виду процедуры, аналогичные ПК и СОУТ. Несомненно, в ВС РФ имеются в достаточном количестве испытательные лаборатории, необходимые для реализации указанных выше мероприятий, но есть сомнения, что они готовы к аккредитации в этой сфере деятельности. Кроме того, нужны еще эксперты по оценке условий военной службы, а самое главное — отсутствует необходимое нормативное правовое регулирование.

В итоге, в воинских частях (учреждениях) органы военного управления, равно как и все

должностные и иные заинтересованные лица, располагают исключительно субъективными (визуальными) методами исследований, основанными на функционировании собственных органов чувств. Конечно, роль личного опыта в выявлении (идентификации) опасностей в виде промахов, некорректных действий, неловких поступков в выявлении и учете микротравм, ушибов и пр. чрезвычайно велика, но, как известно, не все факторы внешней среды можно «потрогать, понюхать» и пр., например, аккумуляторные газы, ионизирующее излучение, инфразвук и др. Причина простая: ПДК (ПДУ) многих факторов окружающей среды находятся намного ниже порога восприятия органов чувств человека, что делает их фактически недостижимыми. Важно также следующее: теряется объективность процесса идентификации, так как органы чувств человека не позволяют разделить факторы на вредные и (или) опасные и, следовательно, соответствующая обязанность командиров и начальников выполнена быть не может в виду отсутствия необходимых ресурсов.

Полагаем, что политика «откладывания в долгий ящик», принятая в качестве стратегического курса в отношении проработки вопроса оценки условий военной службы, — это опрометчивое решение, лишаящее военнослужащих процедуры, значение которой трудно переоценить: появляется возможность на научной основе с помощью объективных методов исследований проводить оценку (актуализацию) условий военной службы применительно к конкретной воинской должности (виду деятельности, рабочему месту и пр.). Полученные результаты, как минимум, могут быть использованы, в частности, для:

1) разработки, при наличии показаний, предупреждающих (корректирующих) мероприятий, направленных на приведение условий военной службы, применительно к каждой воинской должности, воинской части в целом, в соответствие с требованиями нормативных правовых и иных актов РФ, МО РФ;

2) информирования всех заинтересованных лиц (сторон) об условиях военной службы на конкретных воинских должностях, существующем риске повреждения их здоровья, мерах по защите от воздействия вредных и (или) опасных факторов военной службы;

3) принятия решения о назначении (отмене) социальных гарантий в виде дополнительных льгот и компенсаций в связи с прохождением военной службы во вредных и (или) опасных условиях;

4) принятия решения о замещении конкретной воинской должности в воинской части (учреждении), например, военнослужащими женского пола и др.

Однако хотелось бы заметить, что применение процедуры оценки условий военной службы представляется, пока что, весьма проблематичным, так как невольно сталкиваешься со следующими трудностями. Во-первых, разработчики Методических рекомендаций [1] применили, на наш взгляд, некорректные дефиниции понятий «вредный» и «опасный» факторы военной службы (см. выше):

а) обращаем внимание на следующую деталь: возможные последствия воздействия вредного фактора военной службы на военнослужащего — развитие у него заболевания вообще (то есть любого), вне связи с развитием профессиональных заболеваний (то есть без учета специфики действия фактора), а также с поражением его репродуктивной функции. При этом считается, что военнослужащий осуществляет профессиональную служебную деятельность. Полагаем, что такой подход приемлем для военнослужащих, проходящих службу по призыву, когда общая экспозиция действия вредного фактора сравнительно короткая (не более одного года) и совершенно неуместен для лиц, проходящих службу по контракту, риск развития у которых профессиональных заболеваний и нарушений репродуктивной функции весьма высок;

б) особенностью опасного фактора военной службы является то, что он может идентифицироваться не только по причинению вреда здоровью и даже жизни военнослужащего, но и по наличию катастрофы, аварии, поломки образцов ВВСТ и пр. Такой подход противоречит определению понятия «безопасность военной службы», ее целям и задачам. Кроме того, следует заметить, что фактор внешней среды, в равной степени вызывающий ущерб и у человека, и у образца ВВСТ, вызывает сомнения в его адекватности. И еще, повреждение технических средств, в своем большинстве, сопровождается либо гибелью, либо травматизмом личного

состава. Вывод очевиден: нужно пересмотреть определения названных выше понятий.

Во-вторых, по состоянию на сегодняшний день не разработан официальный Перечень факторов военной службы и в перспективе предстоит большая работа по его созданию. Не надо путать с Перечнем вредных и опасных факторов «производственной среды и трудового процесса», который уже давно определен и законодательно утвержден [2, 6].

В-третьих, применяется недостаточно дифференцированная система оценок условий военной службы: в арсенале у эксперта только два (диаметрально противоположных) состояния, основанных на принципе «да/нет»:

— «безопасные условия военной службы» — условия, при которых воздействие на военнослужащего вредных и (или) опасных факторов военной службы соответствует законодательству РФ [1];

— «нарушение требований безопасности военной службы» — нарушение требований, установленных законодательством РФ и иными нормативными правовыми актами РФ, правовыми актами МО, нормативно-технической документацией к образцам ВВСТ, в результате которого военнослужащий погиб или получил увечье (ранение, травму, контузию) [1].

Этого явно недостаточно, так как ситуация может развиваться по иному сценарию, например, в автопарке на рабочем месте аккумулятора инструментом установлен факт превышения фактических значений аккумуляторных газов установленных ПДК. При этом аккумуляторщик никаких жалоб на состояние здоровья не предъявляет и объективно на приеме у врача у него никакой патологии не выявлено. Однако при углубленном изучении состояния здоровья выявлены, например, признаки нарушения адаптационных (или функциональных) возможностей его организма. Но нарушений в структуре организма еще пока нет (болезнь в своей манифестной форме не проявляется). Тем не менее, условия военной службы на этом рабочем месте, согласно положениям руководящих документов [1, 5], считаются безопасными.

В-четвертых, в основу оценки условий военной службы заложен принцип «наличия нарушений требований законодательства РФ». Такой

подход, полагаем, является грубым (вульгарным), не учитывающим последних тенденции в гигиеническом нормировании и гигиенической классификации условий труда: в основе — принцип соответствия фактических значений производственных факторов установленным гигиеническим нормативам, а также степень выраженности последствий этого негативного воздействия на организм работника (это либо функциональные расстройства, либо развитие профессиональных заболеваний, либо угроза жизни и пр.) [7]. Кроме того, полагаем, что применяемый подход, безусловно, предпочтителен для чрезвычайных ситуаций, военного времени, но малоинформативен для повседневной деятельности войск (сил флота) мирного времени.

В-пятых, наличие в арсенале органов военного управления исключительно субъективных (визуальных) методов исследований, основанных на деятельности органов чувств, делает невозможным выявление вредных и (или) опасных факторов военной службы и тем более давать оценку условиям военной службы.

В настоящее время в ВС РФ, как известно, замещение воинских должностей определенными категориями граждан РФ, например, лицами женского пола или принятие решения о назначении социальных гарантий военнослужащим, проходящим службу в особых условиях, происходит по специальным Перечням, вводимым в действие соответствующим федеральным органом исполнительной власти. В частности, лица женского пола могут быть приняты на военную службу только при условии наличия в конкретной воинской части (учреждении) вакантных воинских должностей, подлежащих замещению военнослужащими женского пола. В 1998 г. вышел приказ МО РФ № 461 [8], содержащий утвержденный «Перечень наименований штатов воинских частей и учреждений, в которых разрешено содержать военнослужащих женского пола». Этот документ определяет в целом концепцию: могут (или нет) в штате конкретной воинской части (учреждения) состоять должности, разрешенные к замещению военнослужащими женского пола. В подавляющем большинстве в Перечне представлены так называемые части (учреждения) обеспечения, «культурно-досуговые учреждения». Касаемо боевых структур, то это, преимущественно,

органы военного управления. Относительно конкретной должности, на которую может претендовать женщина в погонах, подписывая контракт о прохождении военной службы, то она определяется вышедшем в 2009 г. приказом МО РФ¹, который устанавливает «Перечень воинских должностей, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами женского пола». Логика этого документа, судя по его названию, такова: «что не разрешено, то — запрещено», то есть женщина может быть призвана на военную службу в ВС РФ в любой должности, включенной в этот Перечень [9]. Полагаем, что действующий Перечень составлен неслучайно: именно на этих должностях можно максимально реализовать все социальные гарантии, установленные как на федеральном, так и на ведомственном уровне, например, ограничения по массе разового подъема тяжестей [10]. С другой стороны, длительное отсутствие на этом рабочем месте военнослужащего женского пола (отпуск по беременности и родам и пр.), по всей видимости, существенным образом не скажется на боеготовности подразделения, части в целом. И тем не менее, этот Перечень — «статичный» документ: он сильно ограничивает управленческие возможности командира воинской части (учреждения), лишая его гибкого кадрового маневра; кроме того, ущемляет военно-профессиональные амбиции женщин по защите Отечества. Полагаем, что в настоящее время некорректно централизованно устанавливать одинаково жесткий формат военно-профессиональной ориентации женщин в целом (применительно к разным видам ВС РФ и родам войск, воинским частям и учреждением, климато-географическим районам и пр.). Ограничения, на наш взгляд, должны касаться только тех должностей (работ и пр.), где официально установлены вредные и (или) опасные условия военной службы по результатам инструментальной оценки [11]. Во всех иных случаях вопрос должен решаться положительно в пользу женщин. Обращаем внимание, речь идет не о запрете (на длительную перспективу), а об ограничении (на короткий срок). Как только на этой воинской должности будут созданы, благодаря реализации предупреждающих

¹ Отсутствует в открытом доступе.

(корректирующих) мероприятий, безопасные условия службы для женщин, подверженные результатами инструментального исследования, все ограничения снимаются. Полагаем, пришло время перейти от «статичного» Перечня воинских должностей, который исходно препятствует приведению условий военной службы в соответствие с требованиями руководящих документов, к «живой» работе по выявлению неблагоприятных факторов военной службы на системной основе и разработке предупреждающих (корректирующих) мероприятий. Результаты именно этой работы должны стать определяющими для принятия решения о замещении воинских должностей лицами женского пола в каждой воинской части.

Аналогичным образом — по Перечням, введенным в действие установленным порядком (например, постановление Правительства РФ № 1073 [12], приказ МО РФ № 727 [13]), принимается решение о назначении социальных гарантий военнослужащим, проходящим службу в особых условиях. Наличие воинской должности в соответствующем Перечне — безусловное показание для инициирования процедуры назначения дополнительных льгот и компенсаций. Однако, как оказалось, процедура идентификации особых условий службы не имеет надлежащего научного обоснования и является преимущественно субъективной, основанной на личном опыте и визуальных методах исследования. Отсутствие достоверных оценочных критериев особых условий, а также методик их диагностики создает предпосылки для трактовки этого термина в достаточно широком контексте с весьма условными границами. Как результат, в Перечнях [13] приводятся не факторы военной службы (опасности) и их фактические значения, позволяющие рассматривать их как «особые», а воинские должности, виды работ и пр., например, «боевое дежурство (дежурство в дежурных боевых сменах)»; «замещение воинских должностей в экипажах подводных лодок (крейсеров)» и др. Однако не секрет, но наряду с общими факторами внешней среды, действующими на всех членов боевой смены на всех рабочих местах в равной степени одинаково (замкнутые помещения малого объема, скученность, высокая температура воздуха, низкая температура ограждений и др.), есть рабочие

места, где интенсивность перечисленных факторов существенно выше или, более того, могут дополнительно идентифицироваться иные вредные и (или) опасные факторы. В этом случае создаются предпосылки к невольному замалчиванию (искажению) истинной оценки условий военной службы на этих рабочих местах и, соответственно, для невольного ущемления законных прав военнослужащих на дополнительные социальные гарантии. Безусловно, в этих обстоятельствах, предпочтителен индивидуальный подход, учитывающий все особенности военной службы применительно к каждому рабочему месту, а не коллективные показатели (названия видов выполняемых работ, решаемых боевых задач и пр.), дающими общее представление о неблагоприятных условиях применительно к этому виду деятельности.

В постановлении Правительства № 1237 [14] не указываются должности, виды работ и пр., исполнение которых происходит в неблагоприятных условиях. Здесь перечисляются местности, где, по причине природной обусловленности, действует комплекс неблагоприятных факторов внешней среды, причем, без детализации таковых и без связи с условиями военной службы. Полагаем, есть все основания рассматривать эти факторы не изолированно, а именно как вредные и (или) опасные факторы военной службы, отягощающие исполнение должностных обязанностей, переводя службу в категорию «особые условия», непосредственно связанные с риском для жизни и здоровья в мирное время. С точки зрения трудового процесса нет принципиальной разницы между исполнением должностных обязанностей в составе экипажа надводных кораблей, совершающих поход, с одной стороны, и пребыванием в районе Крайнего Севера, с другой стороны. В каждом случае надлежит идентифицировать потенциально вредные и (или) опасные факторы, измерить их и дать им оценку в аспекте влияния на жизнь и здоровье военнослужащих. Кроме того, формируя соответствующие Перечни должностей (видов работ и пр.), законодатель тем самым формирует условия для искусственного поддержания «особых» (неблагоприятных) условий военной службы на соответствующих воинских должностях, ущемляя законное право гражданина на безопасный труд. Приоритетными становятся не забота

о сохранении здоровья исходно призванных здоровыми военнослужащих, на приведение неблагоприятных условий военной службы в соответствие с установленными требованиями, а механизм реализации социальных гарантий специалистов, исполняющих должностные обязанности во вредных и (или) опасных условиях.

Таким образом, необходимо осознать, что военная служба — это особый вид трудовой деятельности, сопряженный с множеством опасностей и профессиональных рисков как вообще, так и в частности. Несмотря на этот непреложный факт, в ВС РФ до сих пор отсутствует единый, научно обоснованный механизм объективной оценки условий военной службы, позволяющий на этой основе разрабатывать и внедрять профилактические мероприятия, направленные на минимизацию воздействия вредных и (или) опасных факторов внешней среды. Это даст в руки органов военного руководства практический инструмент, позволяющий на уровне воинской части (учреждения), то есть непосредственно в местах исполнения

военнослужащими своих должностных обязанностей, управлять процессом оценки условий военной службы и принятия соответствующих решений о ее оптимизации. В противном случае, создавая различные виды «особых условий военной службы» с соответствующими Перечнями воинских должностей (видов работ и пр.), законодатель создает иллюзию «квази» улучшения, заботы о сохранении жизни и здоровья военнослужащих, тем самым фактически способствуя поддержанию исходного «status Q» в виде неблагоприятных условий военной службы [15]. Реализуя процедуру оценки условий военной службы на системной основе, органы военного управления получают исчерпывающую информацию об условиях и характере военной службы (вредных и (или) опасных факторах), профессиональных рисках, установленных в этой связи социальных гарантиях по каждой воинской должности (виду работ и пр.) и, следовательно, возможность фактического управления процессом сохранения жизни и здоровья призванных исходно здоровыми военнослужащих.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Методические рекомендации по организации и выполнению мероприятий повседневной деятельности в соединениях и воинских частях ВС РФ. Служба войск и обеспечение безопасности военной службы // для изучения и применения в соответствии с указанием первого заместителя МО РФ от 20.12.2018 г. № 205/2/585.
2. Федеральный закон «О специальной оценке условий труда» от 28.12.2013 г. № 426-ФЗ.
3. ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий».
4. Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».
5. Указ Президента РФ от 10.11.2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов ВС РФ» («Устав внутренней службы ВС РФ, «Дисциплинарный устав ВС РФ»).
6. Гигиена труда. Руководство по гигиенической оценке факторов рабочей среды и трудового процесса. Критерии и классификация условий труда: Руководство Р 2.2.2006-05. — М.: Безопасность труда и жизни, 2006. — 117с.
7. Юдин А.Б., Цуциев С.А. Гигиенические проблемы обеспечения безопасности военной службы // А.Б. Юдин, С.А. Цуциев / Вестник Академии военных наук. — 2021. — № 1(74). — С. 95–102.
8. Приказ МО РФ от 16.10.1998 г. № 461 «О внесении изменений в приказы МО РФ 1994 г. и 1998 г.».
9. Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».
10. Приказ Минтруда России от 28.10.2020 г. № 753н «Об утверждении Правил по охране труда при погрузочно-разгрузочных работах и размещении грузов».
11. Цуциев С.А. К вопросу о профессиональной самореализации лиц женского пола в Вооруженных Силах Российской Федерации // Электронное научное издание Военное право. — 2022. — № 1 (71). — С. 136–147.
12. Постановление Правительства РФ от 21.12.2011 г. № 1073 «О порядке выплаты ежемесячной надбавки за особые условия военной службы военнослужащим, проходящим военную службу по контракту».
13. Приказ Министра обороны РФ от 06.12.2019 г. № 727 «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих ВС РФ и предоставления им и членам их семей отдельных выплат».
14. Постановление Правительства РФ от 30.12.2011 г. № 1237 «О размерах коэффициентов и процентных надбавок и порядке их применения для расчета денежного довольствия военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти, проходящих военную службу (службу) в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также в др. местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе отдаленных местностях, высокогорных районах, пустынных и безводных местностях».
15. Цуциев С.А. Гигиенические критерии и гигиеническая классификация условий труда как отражение характера трудовых отношений в аспекте сохранения жизни и здоровья // С.А. Цуциев / ФГБОУ ВПО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова». Актуальные вопросы гигиены: электронный сборник научных трудов VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 27 февраля 2021 года / под ред. д.м.н., профессора Л.А. Аликубаевой, 2021. — С. 408–412.

YU.N. ARSAMASKIN,
O.V. KEPEL,
B.N. NEDBAYLO

Ю.Н. АРЗАМАСКИН,
О.В. КЕПЕЛЬ,
Б.Н. НЕДБАЙЛО

ИДЕОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТРИОТИЗМА НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

IDEOLOGY OF STATE PATRIOTISM FOR ITS SERVICE

В статье поднимается проблема формирования на современном этапе развития России государственной идеологии объединяющей и цементирующей российское общество. В качестве основной государственной идеологии авторы аргументировано предлагают использовать государственно-патриотическую идеологию как исторически сложившуюся и проверенную временем.

The article tells about the current process of creating a state ideology that is being made to unite Russian society. The authors suggest using state-patriotic ideology as the leading one because of its historic and proven value, arguments are provided.

Ключевые слова: идеология, патриотизм, «русская идея», «общероссийская идея», государственный патриотизм, государственно-патриотическая идеология, российский патриотизм, государственно-патриотическое воспитание военнослужащих.

Keywords: ideology, patriotism, “Russian idea”, “all-Russia idea”, state patriotism, state-patriotic ideology, Russian patriotism, state-patriotic military education.

Современная международная обстановка, обострение гибридной войны, навязанной России коллективным Западом по инициативе США, свидетельствуют, что принимаемые российским руководством решения по отражению военных, экономических и информационных атак не всегда находят должную реакцию со стороны отдельных социальных групп и представителей общественности, ясно обнажают проблемные вопросы, которые проявляются не только в экономической, но что очень печально, в политической и идеологической сферах.

Ярким подтверждением этому факту служат последние события, связанные с проведением Вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции на Украине. Будучи в целом положительно воспринятой большинством граждан России [1], операция получила неоднозначные оценки со стороны определенной группы популярных в стране артистов, трупп, эстрады и кино. «Притихли» олигархи, чьи вывезенные из страны капиталы оказались под угрозой изъятия.

На первом этапе боевой операции подняли голову представители «пятой колонны», при

посредничестве которых были организованы официально неразрешенные в стране митинги. Словом, на момент вступления российских войск на территорию Украины в России определились группы российских граждан, финансово зависимых от США, Великобритании, Франции, Германии и других геополитических противников нашего государства. И это тревожный симптом.

Вышеизложенные факты заставляют задуматься о состоянии «здоровья» российского общества, недостаточной степени его сплоченности и готовности к быстрой мобилизации физических и духовных сил в критические для Отечества времена. Одним из важнейших факторов, негативно сказывающимся на морально-политическом состоянии общества, является отсутствие в стране ясной и понятной государственной идеологии, а тем более системной работы по внедрению ее постулатов в политическое сознание граждан.

Современная Россия является одной из немногих стран мира [2], где запрет на государственную или обязательную идеологию зафиксирован в Конституции. И это обстоятельство

уже сыграло свою отрицательную роль. В идеологическом пространстве вакуума не бывает. Сложившаяся по факту в постсоветской России идеология, метко названная А.А. Зиновьевым «идеологической помойкой» [3, с. 298], характеризовалась отходом от ценностных ориентиров прошлых поколений, некритическим заимствованием западных «ценностей», резким снижением образовательного и культурного уровня граждан, фальсификацией советского общества.

Установившиеся в настоящее время в России общественные отношения, господствующая в сознании населения «либеральная» идеология тормозят развитие российского государства, претендующего на статус мировой державы. Все это требует переформатирования политического сознания российских граждан на основе вновь созданной государственной идеологии.

В российской политической и научной среде необходимость государственной идеологии уже ни у кого не вызывает сомнения. Этой теме посвящено большое количество монографий¹ и статей. Над содержанием новой идеологии, путей развития российского общества работают многочисленные политические, общественные и научно-исследовательские организации. Высказывается очень много точек зрения, а консенсуса в этом вопросе пока нет.

По нашему мнению, это должна быть идеология государственного патриотизма, основанная на диалектическом единстве двух понятий: патриотизма и государственности. Именно государственно-патриотическая идеология и хорошо организованная информационная работа по ее внедрению в сознание масс должны и могут цементировать многонациональный российский народ, защитить российский социум от внешнего негативного информационного воздействия, в том числе через СМИ и интернет.

Теория заявленной в статье идеологии государственного патриотизма для России, как показали наши исследования, требует рассмотрения в первую очередь таких понятий, как патриотизм, российский патриотизм, «русская

идея», «общероссийская идея» и государственный патриотизм.

Появление категории «патриотизм» тесно связано с возникновением первых государственных образований, призванных в том числе обеспечивать охрану определенных территорий, среду обитания (Отечество) государственных подданных от внешних врагов.

Современное звучание категория патриотизма обрела еще в античной Греции в первой половине первого тысячелетия до н.э. Само слово «патриотизм» произошло от древнегреческих понятий (греч. πατριώτης — соотечественник, πατρίς — отечество). Идеи, связанные с патриотизмом, активно разрабатывали мыслители Древней Греции. Сократ и Платон считали, что личность должна жить не только для себя, но и обязана способствовать развитию общества, укреплению государства. По мнению Аристотеля, высшей добродетелью человека должна являться деятельность на благо граждан и государства [4].

Основу римского патриотизма составляли идеи о богоизбранности римского народа, о высшей ценности римского государства, о долге каждого гражданина в бескорыстном служении Риму. Этот патриотизм был основан на сакрализации верховной государственной власти.

Достигнув к I веку до н.э. статуса сверхдержавы, в последующем вплоть до V века н.э. Рим приходил в упадок. Параллельно шло размытие идеологического и ценностного фундамента римской государственности. Разложение началось с правящей верхушки, а закончилось потерей пассионарности римским народом. Римляне, как государствообразующее ядро, утратили патриотизм, готовность с оружием в руках сражаться за ценности Рима.

В последующий за падением Римской империи период средневековья в сознании европейцев господствовала церковная идеология. Феодалная раздробленность, характерная для всех европейских государств, привела к тому, что патриотизм как осознание первостепенной роли государства в развитии общества, утратил свое былое значение.

Новый этап осмысления понятия патриотизма начался в эпоху Возрождения и Просвещения. В это время у европейцев вновь происходит пробуждение национального самосознания,

¹ Мы верим в Россию. От русской доктрины к Изборскому клубу / Автор-составитель В.В. Аверьянов. — М.: Русская цивилизация, 2019; Хомяков В.Е. Государственная идеология — это просто (Просто о сложном — 2). — М.: Книжный мир, 2018.

возникновение чувства патриотизма, конкретные черты приобретает понятие Отечества.

Выдающийся мыслитель эпохи Н. Макиавелли в патриотизме, в заботе о родине видел главный смысл человеческого бытия. В представлении Н. Макиавелли родина — это крупное итальянское государство, которое служит оплотом в борьбе против внешних завоевателей. По его мнению, нет для человека большей обязанности, чем «славить мою родину» [5]. В период создания первых буржуазных государств XVIII–XIX вв. вновь понимание патриотизма толковалось с позиций интересов Отечества и тех сил, которые стояли на страже государственных устоев. Во всех этих государствах патриотизм был основой содержания идеологии государственного интереса и безопасности.

Таким образом, краткий исторический экскурс, позволивший нам выяснить происхождение понятия «патриотизм» показывает, что с самого начала своего возникновения оно тесно взаимодействовало с понятием «государства», а также приобрело свою актуальность именно благодаря появлению первых государственных образований.

В современном мире понятие «патриотизма» очень субъективно. В разных странах его могут понимать по-разному. Возьмем, к примеру, США. Сегодня в этой стране много говорят о патриотизме, который начинает внедряться в сознание американца буквально с «молоком матери». В американском понимании патриотизм — это тоже любовь к родине, любовь к государственному строю, любовь к американской нации. Но эта любовь часто сопровождается нелюбовью к другим нациям, особенно к тем, кто не берет пример с американского образа жизни. Это патриотизм агрессора, который считает США главным государством на планете, а американский народ — самым талантливым и уникальным народом в мире.

Российский патриотизм в корне отличается от американского. Его идейные истоки можно понять, обратившись к истории русского самопознания, изучив идеи духовно-нравственного, культурного и философского наследия России. Особого внимания в этом плане заслуживает «русская идея». Взаимосвязь русской идеи и патриотизма вытекает из следующих соображений.

Во-первых, и русская идея, и российский па-

триотизм основаны на тысячелетней истории России, на одинаковом понимании уникальности российской цивилизации, предначертанности своего, отличного от западноевропейских стран, пути развития.

Во-вторых, они имеют своей опорой самосознание самого многочисленного русского народа, от возрождения которого зависит будущее России.

В-третьих, патриотизм и русская идея настолько проникли друг в друга, что одно просто не может существовать без другого.

По мнению философа И.А. Ильина, русская идея возникла с появлением российской государственности естественным, а не искусственным путем [6]. Русская идея разрабатывалась наиболее активно после петровских реформ, а также после наполеоновских войн. Именно в эти судьбоносные периоды, когда происходило наибольшее соприкосновение российского общества с европейской цивилизацией, выглядевшей внешне более благополучной, в среде российских мыслителей возникала необходимость в размышлениях о дальнейших путях развития русской цивилизации.

Одним из первых, кто считал, что Россия в своем развитии должна руководствоваться своим особым путем и своим российским взглядом на мир, стал Д.В. Веневитинов. По его мнению, только выработка культурного самосознания должна была помочь от избавления европейской подражательности, привнесенной в послепетровский период [7].

Противостояние между русской идеей и постулатами европейской цивилизации еще больше усилилось в период европейских революций 1848–1849 гг. Именно в это время был сформирован славянофильский взгляд на Европу, в рамках которого окончательно сформировалось мнение о ее вечной враждебности для России. Активно поддерживал этот взгляд на Европу Н.Я. Данилевский, который утверждал, что «...каждая историческая национальность имеет свою собственную задачу, которую должна решать, свою отдельную сторону жизни, тем более отличные и оригинальные, чем отличное сама национальность от прочих...» [8, с 23].

Активное участие в развитии русской идеи принял русский философ В.С. Соловьев. Настаивая на необходимости отношений дружбы

со всеми нациями и народностями, критикуя такие явления, как национализм, он считал, что приоритет, тем не менее, должен оставаться за своим народом [9]. К началу XX в. русская идея представляла собой философское учение, в котором были определены основные начала русского национального самосознания. Сложилось понимание идентичности понятий русской идеи и русского патриотизма.

В советский период, когда в государстве господствовала идеология марксизма, разработку русской идеи продолжили представители русского зарубежья Н.Н. Бердяев, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин, П.А. Сорокин и др.

Проблемы национального самосознания и русского патриотизма находились в центре внимания исследований Н.Н. Бердяева. Он не считал западноевропейскую цивилизацию вершиной общественного развития и что копирование ее форм общественной организации на русскую почву не даст положительных результатов. По его мнению, будущее России связано с духовным развитием личности, и что на почве «буржуазной культуры Россия никогда не будет талантлива» [10, с. 524].

В течение первой половины XX в. много работ, посвященных «русской идее», будущему русского государства, написал И.А. Ильин. При этом центральное место в его работах занимала проблема патриотизма. В его понимании, одну из основных ролей в будущем России должен был играть патриотизм. «Как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, — отмечал философ, — мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать; ...не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы... Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру — из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом — смысл русской идеи» [11, с. 324].

Таким образом, анализ содержания русской идеи позволяет утверждать, что русский патриотизм был всегда органично вплетен в канву ее развития, представлял собой качество, без которого невозможно построить сильное российское государство.

В современных условиях, когда центробежные тенденции на российской территории

были остановлены, русская идея, общероссийская идея и российский патриотизм, существующие в неразрывном единстве, делают возможным сплочение российского общества на основе российской государственности, «...органичности соединения различных... культур, традиций, конфессий» [12, с. 210].

Исходя из предыдущего анализа появления понятий «патриотизм», «русская идея», «общероссийская идея», их общих черт с российским патриотизмом, сформулируем отличительные особенности российского патриотизма как одной из составных частей российской идеологии государственного патриотизма.

Российский патриотизм — это нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является не просто любовь к Отечеству, но и готовность в любое время руководствоваться интересами государства, призванного защищать Отечество от внутренних и внешних врагов.

Российский патриотизм — это дружеские отношения со всеми нациями, народами и народностями, принятие подлинных ценностей мировой цивилизации при приоритете ценностей российского народа, осознание собственного пути развития России на основе выработанных тысячелетней историей собственных ценностей.

Российский патриотизм — это социальная справедливость, исключая эгоизм и обособленность. Это атмосфера человеколюбия, взаимное уважение и взаимопомощь представителей разных социальных групп российского общества, их социальная ответственность за честное и справедливое распределение материальных благ, бескомпромиссная борьба с коррупцией.

Российский патриотизм — это деятельное участие российских граждан в создании благоприятных условий развития российского общества, создании крепкого и независимого Российского государства.

Таким образом, российский патриотизм, в нашем понимании, это очень емкое и многомерное явление. Это далеко не только любовь к Родине. Патриотизм мы рассматриваем в широком смысле этого слова. Только в этом случае он может быть идеологией.

Рассмотрим смысл категории «государственный патриотизм», которая лежит в основе идеологии государственного патриотизма.

К пониманию государственного патриотизма мы можем прийти через теорию патриотизма, нашедшую отражение в ряде современных учебных изданий².

Современное толкование теории патриотизма акцентирует внимание на шести направлениях, различающихся по главному существенному признаку патриотизма. Первое направление (возвышенно-эмоциональное) определяет главным признаком чувство любви к Родине. Второе направление (деятельностное) — активные действия на благо Родины. Третье направление (социальное) рассматривает патриотизм сквозь призму осознания каждым гражданином общественной значимости своей жизни. Четвертое направление (личностное) рассматривает в качестве приоритета личность, которая в системе ценностей выше общества и государства. Сторонники пятого направления (духовно-религиозного) в качестве высшей ценности личности выдвигают духовность. Только находящаяся на высшем уровне духовного развития личность может быть истинным патриотом. И, наконец, шестое направление в качестве главного объекта патриотизма выдвигают государство [13, с. 76–84].

Государственный патриотизм, как человеческое чувство и как идеологическое условие существования Отечества и функционирования государства, как мы уже проанализировали, восходит своими корнями к периоду Античной Греции. В последующем в трудах мыслителей Римской империи, эпохи Возрождения и Просвещения категории патриотизма и государства государственный патриотизм очень часто рассматривается в качестве основы государственной идеологии. Более четкое оформление теории государственного патриотизма получает в трудах философа-диалектика Г. Гегеля (1770 — 1831 гг.). По мнению мыслителя, в идеале для каждого члена общества, особенно господствующей элиты, главной заботой должны являться интересы государства, которые превалируют над интересами общества, группы и личности. В России теория государственного патриотиз-

ма получила свою дальнейшую разработку в трудах П.Б. Струве. В условиях хаоса, возникшего после Великой российской революции 1917 г., он писал, что только восстановление государства на почве возрождения национального сознания может спасти Россию от распада» [14, с. 60]. «... Можно и должно, — отмечал Струве, — трепетно любить добытое кровью и жертвами многих поколений могущество Державы Российской...» [14, с. 61].

В период Великой русской революции, а затем и в советский период истории государственный патриотизм как элемент идеологии государства проделал путь от его отрицания, когда приоритет отдавался интернационализму, международной солидарности трудящихся, до постепенного его признания в качестве одной из приоритетных идей развития советского общества к концу 20-х гг. XX в. Идея государственного патриотизма доминировала в системе идеологической работы Советского государства в годы Великой Отечественной войны.

В постсоветский период, несмотря на конституционный запрет государственной идеологии, доминирование в обществе «либеральных» идей и снижение уровня патриотизма среди российских граждан, в научной среде разработка государственно-патриотической идеологии продолжалась. Особенно интенсивность научных исследований в этой области возросла к концу 90-х гг. XX в., когда обострение отношений России с коллективным Западом и кризис российской государственности становились очевидными.

Значительный вклад в разработку идеологии государственного патриотизма внесли ученые Военного университета Министерства обороны Российской Федерации. Например, в 1998 г. в университете состоялась научная конференция на тему: «Государственно-патриотическая идеология и духовный потенциал Российской армии», на которой с докладами выступили профессор Д.Н. Филипповых, П.В. Петрий, А.А. Чертополох, В.Н. Осташкин, В.И. Лутовинов и многие другие.

На современном этапе развития российского общества практически все политические объединения и партии выступают с патриотических позиций. Идеи государственного патриотизма проповедают и партии, вошедшие

² Быков В.А., Лутовинов В.И. Российский патриотизм: истоки и содержание: учебное пособие для студентов вузов. — М.: Глобус, 2009. — 340 с.; Выршиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе. — Волгоград, 2006. — 172 с.

в состав Думы по итогам голосования в 2021 г. Так, по мнению руководителя фракции КПРФ Г.А. Зюганова, в основе мировоззрения возрождения России должны лежать четыре основных идеи, которые не спущены сверху, а выстраданы российским народом на протяжении всей многовековой истории его существования. Во-первых, это идея державная, идея сильного государства, способного обеспечить мировое равновесие, а также обеспечить внутреннюю стабильность развития самой России. Во-вторых, идея национальная. Суть ее заключается в необходимости возрождения русского народа как стового хребта российской государственности. В-третьих, идея социальной справедливости. В условиях значительного имущественного расслоения общества государство постоянно испытывает давление, которое в конечном счете может привести к его падению. И, наконец, идея демократическая. Только с помощью демократических механизмов в государстве может установиться здоровая атмосфера согласия [15].

По нашему мнению, именно государственный патриотизм в условиях современной международной обстановки и гибридной войны, уже сейчас потребовавших определенной мобилизации российского общества, из всех вышеперечисленных видов патриотизма, может стать государственной идеологией. С нашей точки зрения, государственный патриотизм — это высший уровень патриотизма (в том смысле, что он требует от граждан определенного уровня гражданской зрелости и государственного мышления), в котором главным объектом служит государство, его интересы, являющиеся приоритетными по отношению к любым другим.

Не следует понимать государственный патриотизм как нечто спущенное сверху, как что-то противоположное личностному патриотизму любви к Родине. Понятия «Родина», «Отечество», «Государство» хоть и отличаются по содержанию друг от друга, но в рамках государственного патриотизма они должны диалектически взаимодействовать и дополнять друг друга.

Государственный патриотизм как идеологию следует рассматривать в широком смысле этого слова. Это не просто высшая форма патриотизма, это патриотизм со всеми его оттенками плюс прагматичное осознание личностью

необходимости государства как формы управления обществом и своего долга по сбережению российской государственности.

К приоритетным ценностям личности российских граждан в рамках идеологии государственного патриотизма следует отнести:

- осознание того факта, что только сильное, выражающее интересы всего общества, государство может защитить российских граждан от внешних и внутренних опасностей и угроз;

- любовь к малой Родине и своему Отечеству, самой большой, сильной и богатой стране в мире;

- уважение к российскому народу — самым добрым и справедливым людям в мире, а также ко всем другим народам, проживающим на планете;

- уважение к прошлому России — стране с самой достойной, справедливой и героической историей в мире;

- воспитание непримиримости и ненависти к врагам, посягающим на целостность и независимость России.

Приведем несколько аргументов, касающихся ответа на вопрос — почему идеологию «государственного патриотизма», состоящую, как уже было сказано, из диалектического единства двух понятий — патриотизм и государство, может взять на вооружение именно Россия?

Во-первых, патриотизм как важнейшее качество русского народа, позволявшее осуществить его мобилизацию в трудные для Отечества годы, в многовековой истории государства русского имеет глубокие корни.

Явление патриотизма приобрело свою актуальность с момента возникновения государственности на Руси. В первых памятниках русского литературно-исторического творчества «Повести временных лет», «Слове о полку Игореве» мы находим призывы к русскому народу — покончить взаимные междоусобицы, объединиться и сообща дать отпор внешним завоевателям. Великие полководцы Древней Руси и дореволюционной России Святослав, Мономах, Д.И. Донской, А.Я. Невский, А.В. Суворов, М.И. Кутузов и другие обращались к патриотическим чувствам своих соплеменников, чтобы сообща разбить многих врагов Руси.

Советский период не изменил вектора отношений России с Западом. Патриотизм советских

людей показал свою прочность в борьбе с завоевателями России XX в.

На рубеже XX–XXI вв. российская нация, лишенная здоровой государственной идеологии, лишенная идеи патриотизма, и всей своей тысячелетней истории, оказалось перед угрозой разложения. Бездумное сокращение личного состава, вооружения и военной техники Вооруженных Сил Российской Федерации, движение НАТО на восток — создали реальную угрозу военной безопасности России.

В начале XXI в. становится понятным, что российское общество нуждается в общеобъединительной идее, и что именно патриотизм, утраченный обществом по вине либерального руководства страны 90-х гг. XX в., безусловно, должен занимать в этой идее центральное место.

В 2012 г. Президент России В.В. Путин высказывает мысль о патриотизме как об идеологии, которая может консолидировать российское общество. На одной из встреч он впервые заявил о своем видении российской идеологии на основе патриотизма. «Сегодня у нас нет монополии на идеологию, — сказал Президент, — но у нас вместе с водой и ребенка выплеснули: у нас вообще перестали заниматься патриотизмом. Просто совсем никто этого не делает» [16].

В последующем мнение В.В. Путина о патриотизме как идеологии российского государства только укреплялось. На пресс-конференции 19 декабря 2019 г. взгляды президента остаются прежними. «Идеология, на мой взгляд, — сказал президент, — в современном демократическом обществе возможна только одна — патриотизм. В самом широком и хорошем смысле слова. Это должно быть деполитизировано и направлено на укрепление внутренних основ российского государства» [17]. Что же касается мировоззрения военного человека, то по мнению В.В. Путина, в его основе должна лежать государственно-патриотическая идея [18].

Следующим аргументом в пользу государственного патриотизма в качестве идеологической платформы развития российского общества является ее надклассовый и наднациональный характер. В президентском послании 2020 г. было отмечено, что патриотизм в современном российском обществе разделяют все ведущие на сегодняшний день партии.

Там было сказано следующее: «Основные политические силы страны, несмотря на всю разницу подходов к решению стоящих перед нами задач, выступают с патриотических позиций, отражают интересы своих сторонников и избирателей» [19]. Такое же мнение ранее высказывал и известный философ и социолог А.А. Зиновьев, который считал, что «Новая идеология должна создаваться как явление интернациональное, а не узконациональное» [20, с. 215].

В-вторых, сегодня идея патриотизма для России является наиболее актуальной. В условиях враждебного окружения России идеология государственного патриотизма, как нельзя кстати, соответствует текущему моменту существования Российского государства. Для большинства стран мира, попавших под влияние США, идеология патриотизма просто не нужна.

Таким образом, следует отметить, что с учетом международной обстановки и внутреннего мыслительного процесса в России уже созрели все предпосылки для официального объявления государственно-патриотической идеологии в качестве государственной.

Формирование государственно-патриотического сознания российских граждан должно осуществляться посредством их государственно-патриотического воспитания. По нашему мнению, государственно-патриотическое воспитание представляет собой основанную на идеологии государственного патриотизма, организованную, систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества, средств массовой информации по формированию у граждан России патриотического сознания, в основе которого лежат интересы государства и национальной безопасности, готовность к выполнению воинского долга и конституционных обязанностей по защите Отечества, любовь к Родине, своему народу, признание великого духовного наследия России, верность героическому прошлому и лучшим традициям истории Отечества.

Сегодня, когда блок НАТО значительно расширился и приблизился к границам Российской Федерации, в патриотической работе нам следует придерживаться следующих жестких принципов:

— создание условий, при которых формирование политического сознания граждан должно стать исключительно делом государственным. Следует раз и навсегда уяснить, что современная гибридная война — это, в первую очередь, война за мозги. Примером может являться Украина, где народ, а вместе с ним и территориальные владения были завоеваны без единого выстрела;

— не согласные с идеологией государства не должны работать в государственных учреждениях;

— информационные потоки, противоречащие государственной идеологии, должны быть нейтрализованы;

— государственный патриотизм — это та красная линия, которая делит людей на патриотов, граждан, либо на врагов и предателей;

— особое внимание — детям и юным гражданам — главному объекту атаки враждебной идеологии и т.д.

На наш взгляд, в России настало время создавать мощный идеологический аппарат, цель которого формировать патриотическое сознание россиян, принимать меры по нейтрализации «пятой колонны», вести мощную информационную спецпропаганду на население потенциального противника, вести борьбу по нейтрализации фейков и т.д. Экономика, внутренняя и внешняя политика, образование, культура и другие отрасли государственного развития должны служить интересам государства и Отечества, способствовать становлению граждан — патриотов своей Родины.

Особенно внимательно необходимо осуществлять идеологический контроль государственных чиновников, которые в силу своей роли в системе государственной власти любую идеологию, а тем более государственно-патриотическую не приемлют.

Вооруженные Силы Российской Федерации — передовой отряд в борьбе не только на военном, но и на идеологическом фронте. Кому, как не воину, быть морально устойчивым и идеологически грамотным, осознавать необходимость своего предназначения, которое заключается в победе над врагом. Поэтому идеология государственного патриотизма должна с особой тщательностью внедряться в сознание военнослужащих. Надо построить эту работу

таким образом, чтобы патриотическое воспитание в армии стало ежедневной практикой, охватывающей все сферы повседневной и боевой деятельности войск.

Уже сегодня, не дожидаясь официальных деклараций относительно провозглашения идеологии государственного патриотизма, необходимо принимать меры по ее закреплению в качестве приоритетной идейной основы военно-политической работы в армии. Необходимо в «Руководство по организации военно-политической работе в Вооруженных Силах Российской Федерации» включить пункты об идеологии государственного патриотизма и идеологической работе по формированию государственно-патриотического мировоззрения личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации. В этом случае военно-политическая работа обретет «духовное измерение».

Сформировать патриотическое сознание военнослужащего не возможно, если не организовать всестороннюю работу по государственно-патриотическому воспитанию в масштабе всей страны, если ее руководители, представители законодательной и исполнительной власти, бизнесмены и творческая элита не будут показывать пример патриотического подхода к государственной деятельности. Патриотичное общество порождает патриотичную армию.

В своей работе мы в общих чертах представили аргументы о необходимости в стране государственной идеологии, предложили в качестве таковой идеологию государственного патриотизма, раскрыли ее методологические и теоретические основы, определили направления и условия внедрения идеологии в сознание граждан России и военнослужащих Российской армии. На наш взгляд, эта тема требует дальнейшей серьезной проработки. Необходимо дальше развивать теорию государственного патриотизма, в вузовских программах ввести дисциплину «Государственно-патриотическая идеология Российской Федерации» и разработать одноименный учебник. В Вооруженных Силах РФ первым шагом внедрения идеологии в сознание военнослужащих должна стать разработка Концепции государственно-патриотического воспитания в Вооруженных Силах Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Рейтинг доверия россияне Путину достиг 81% [Электронный ресурс] // URL: https://www.tut-news.ru/politika/reyting-doveriya-rossiyan-putinu-dostig-81?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 10.04.2022).
2. В Болгарии, Узбекистане, Таджикистане, Молдове также государственная идеология запрещена; на Украине и в Белоруссии запрещена обязательная идеология. Багдасарян В.Э. Конституция РФ как конституция победившего государства [Электронный ресурс] // URL: <http://rusrand.ru/docconf/konstitutsija-rf-kak-konstitutsija-pobezhdennogo-gosudarstva> (дата обращения: 10.04.2022).
3. Славин Б.Ф. «Новая идеология» Александра Зиновьева / Социально-гуманитарные знания. 2010. – № 6. – с. 286 – 308.
4. Жураковский Г.Е. Очерки по истории античной педагогики. – М., 1940. – с. 174 – 250.
5. «Opère» di N. Machiavelli, t. VI, p. 115. Firenze, 1783. Цит. по: Малярчик Я. Политическое учение Макиавелли в Польше <http://law.edu.ru/script/cntsource.asp>.
6. Ильин И.А. Наши задачи: Статьи 1948 – 1954 годов: в 2 т. – М.: Рарогъ, 1992. – Т. 1. – с. 331.
7. Веневитинов Д.В. Русские эстетические трактаты первой трети 19 века. – М., 1974. – Т. 1. – с. 609 – 610.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. – СПб., 1895. – 667 с.
9. Соловьев В.С. Оправдание добра: в 2 т. – М., 1988. – Т. 1. – с. 378.
10. Бердяев Н.А. Философия Свободы. Смысл творчества. – М., 1989. – 607 с.
11. Ильин И.А. О русской идее / О грядущей России. – М.: Воениздат, 1993. – 366 с.
12. Вдовин А.И. Российская нация. – М.: Реалисты, 1996. – 238 с.
13. Быков В.А., Лутовинов В.И. Российский патриотизм: истоки и содержание: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Глобус, 2009. – 340 с.
14. Струве П.Б. Размышления о русской революции. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
15. Г.А. Зюганов: О русских и России. [Электронный ресурс] // URL: <https://kprf.ru/personal/zyuganov/zbooks/25058.html> (дата обращения: 12.04.2022).
16. Президент России. Официальный сайт. Электронный ресурс. URL: <http://kremlin.ru/16470> 16.08.2013 (дата обращения: 11.04.2022).
17. Путин считает патриотизм единственной возможной идеологией современного общества [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/politika/7379985?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 11.04.2022).
18. Обороноспособность страны обеспечена на десятилетия вперед – из Послания Путина Федеральному собранию [Электронный ресурс] // URL: <https://psj.ru/intervyu/22335-111217.html> (дата обращения: 18.03.2022).
19. Послание Президента Федеральному Собранию. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/62582> (дата обращения: 11.04.2022).
20. Свободное слово: Интеллектуальная хроника. Альманах. – 2003. М.: Прогресс – Традиция. – 376 с.

V.V. LITVINENKO

В.В. ЛИТВИНЕНКО

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ THE BATTLE OF STALINGRAD IN THE DEMOGRAPHIC DIMENSION

В статье обсуждены существующие оценки людских потерь войск, участвовавших в Сталинградской битве, сформированы на единой методической основе интервальные оценки безвозвратных потерь советских и немецких войск в боях под Сталинградом, опровергающие миф о «многократном» превышении потерь Красной армии над потерями вермахта.

The article discusses the existing estimates of the casualties of the troops participating in the Battle of Stalingrad, formed on a single methodological basis interval estimates of the irretrievable losses of Soviet and German troops in the battles near Stalingrad, refuting the myth of the “multiple” excess of the losses of the Red Army over the losses of the Wehrmacht.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, Красная армия, вермахт, безвозвратные потери в сражениях на советско-германском фронте, интервальные оценки безвозвратных потерь советских и немецких войск в Сталинградской битве

Keywords: Great Patriotic War, Battle of Stalingrad, Red Army, Wehrmacht, irretrievable losses in battles on the Soviet-German front, interval estimates of irretrievable losses of Soviet and German troops in the Battle of Stalingrad

Сталинградская битва, начавшаяся 17 июля 1942 года, завершилась 2 февраля 1943 года разгромом и пленением окруженных войск 6-й немецкой армии. Впервые во Второй мировой войне вермахт потерял целую армию. Пленный командир 376-й немецкой пехотной дивизии генерал-лейтенант Александр фон Даниэль так оценил действия советских войск в Сталинградской битве: «...Операция по окружению и ликвидации 6-й немецкой армии является шедевром стратегии...» [1, с. 122]. Но на протяжении всех послевоенных лет бывшими генералами вермахта, рядом западных историков и некоторыми отечественными авторами упорно предпринимаются попытки посеять сомнения в величии Сталинградской победы, принизить подвиг советских войск, главным образом, за счет преувеличения потерь Красной армии в битве. Так, Борис Соколов в книге «Чудо Сталинграда» утверждает, что безвозвратные потери советских войск в 9,8 раз превышали потери вермахта [2, с. 392]. Эта оценка не соответствует реалиям Сталинградской битвы, прежде всего из-за некритического отношения ее автора к немецкой военной статистике и игнорирования им различий в используемых Красной армией и вермахтом понятиях военно-оперативных потерь при их сравнении. Корректное сравнение людских потерь Красной армии и вермахта у стен Сталинграда возможно лишь при единой трактовке понятия «безвозвратные потери в сражении». Такой трактовке соответствует следующее определение: безвозвратные потери в сражении (убыль) — число военнослужащих, исключенных из списков войск в ходе боев и не вернувшихся в строй до конца сражения. В это число входят погибшие, попавшие в плен и пропавшие без вести, а также раненые и больные, отправленные в тыловые госпитали.

ПОТЕРИ КРАСНОЙ АРМИИ: МИФИЧЕСКИЕ И РЕАЛЬНЫЕ

Относительно масштабов людских потерь Красной армии в Сталинградской битве в отечественной литературе существует два принципиально различных мнения.

Борис Соколов считает, что потери Красной армии в Сталинградской битве были огромны. Однако он их даже не пытался подсчитать, а в качестве оценки принял «потолочную» циф-

ру в 2000 тыс. погибших, попавших в плен и пропавших без вести красноармейцев, мотивируя это тем, что якобы «... официальные данные, обычно занижали потери примерно втрое...» [2, с. 390]. С учетом доли раненых и больных, эвакуированных в тыловые госпитали безвозвратные потери Красной армии в Сталинградской битве, если ориентироваться на цифры Бориса Соколова, составляли примерно 2320 тыс. чел. Но, во-первых, эта цифра абсурдна, поскольку общее число участвующих в Сталинградской битве советских воинов, по подсчетам Невзорова Б.И., составляло 1920 тыс. чел. [3, с. 221], что на 400 тыс. чел. меньше, чем декларируемая Борисом Соколовым численность погибших, попавших в плен и пропавших без вести красноармейцев. А, во-вторых, Борис Соколов, как уже неоднократно показано в различных публикациях [4–6], завышает с помощью фальсификаций и подлогов безвозвратные потери Красной армии в 3 и более раз (в Московской битве, например, Борис Соколов завысил потери наступающих советских войск более, чем в 5 раз).

Другую оценку итогов Сталинградской битвы дают коллектив военных историков под руководством Кривошеева Г.Ф. [7, с. 109, 114], коллектив авторов под руководством Морозова М.Э. [8, 419, 449, 515, 516], а также Михалев С.Н. [9, с. 170]. По их мнению, число погибших, попавших в плен и пропавших без вести советских воинов — 479 тыс. чел., а санитарные потери — 651 тыс. чел. Эти цифры считают близкими к действительности большинство авторитетных историков. Однако для одинаковой оценки потерь Красной армии и вермахта необходимо к числу погибших, попавших в плен и пропавших без вести советских воинов добавить из санитарных потерь ту часть раненых и больных, которая была отправлена в тыловые госпитали. Автор Малюгин в статье, посвященной тыловому обеспечению войск пишет, что в Сталинградской битве в тыл было эвакуировано 53,8% раненых и 23,6% больных [10, с. 48]. Поскольку больные в 1942 году составляли 19–20% от всего числа санитарных потерь [11, с. 155], то общее число раненых и больных, отправленных в тыловые госпитали в ходе Сталинградской битвы, составляло примерно 301–321 тыс. чел. Это значит, что безвозвратные потери Красной армии в Сталинградской битве, составляли 780–800 тыс. чел.

«СТАЛИНГРАД – МОГИЛА ДЛЯ НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ...»

Так в ноябре 1942 года обреченно сообщал в письме родителям обер-ефрейтор Йозеф Цимах [1, с. 29–30]. Сведения о тяжелых потерях содержались практически во всех письмах немецких солдат, воевавших в Сталинграде, а также в донесениях войск 6-й немецкой армии. Но количественные оценки потерь немецких войск в Сталинградской битве в имеющихся документах вермахта существенно отличаются.

По 10-дневным донесениям немецких войск, безвозвратные потери (убыль) наступавшей на Сталинград группы армий «Б» с июля по декабрь 1942 года составляли около 85 тыс. чел [12]. В книге Михалева С.Н. 13, с. 121] помещена обобщенная справка вермахта об убыли личного состава сухопутных войск на Востоке с 1 декабря 1941 года по май 1944 года, которая содержит в 2,5 раза более высокую цифру безвозвратных потерь группы армий «Б» за июль–ноябрь 1942 год – 219 тыс. чел. Но и эта цифра не в полной мере соответствует потерям вермахта в Сталинградской оборонительной операции. Реальные потери немецких войск были существенно выше, чем указано в справке вермахта. Так, убыль личного состава группы армий «Б» в октябре 1942 года в справке оценена в 37,5 тыс. чел., но реальная убыль, подсчитанная по архивным документам Алексеем Исаевым [14, с. 284, 308], только в 5 пехотных дивизиях 6-й немецкой армии и только за 7 дней боев (с 24 по 31 октября 1942 года) составила более 22 тыс. чел. А ведь в 6-й немецкой армии в Сталинграде вели бои еще 17 дивизий, причем они несли потери не меньшие, чем потери указанных дивизий. Если считать, что уровень потерь дивизий, сражающихся в Сталинграде, был примерно равным, то реальный уровень убыли личного состава 6-й немецкой армии за неделю боев с 24 октября по 1 ноября 1942 года составил около 75 тыс. чел., что в 2 раза выше, чем указано в справке вермахта за весь октябрь 1942 года.

Таким образом, сведения о потерях немецких войск, содержащиеся в 10-дневных донесениях войск и в справках вермахта, не обладают необходимой достоверностью. Но именно ориентируясь, главным образом, на данные 10-дневных донесений немецких войск, Борис Соколов

«подсчитал», что безвозвратные потери вермахта в Сталинградской битве составляли 297 тыс. чел. [2, с. 392]. Здесь нужно отметить несколько его ошибок. Во-первых, цифру военнослужащих вермахта, находящихся в сталинградском «котле» (183 тыс. чел.), Борис Соколов, опираясь на данные справки вермахта об изменении численности 6-й армии в период с 15 октября 1942 года по 3 февраля 1943 года [15], подсчитал как разность между общей численностью армии на момент окружения (328 тыс. чел.) и численностью войск, оказавшихся вне кольца окружения (145 тыс. чел.) [2, с. 388]. Но подсчет Бориса Соколова неверен: в сталинградском «котле», кроме соединений и частей 6-й армии, находилось большое число приданных ей частей и подразделений из состава других армий группы армий «Б», а численность оказавшихся вне кольца окружения войск Борисом Соколовым чрезмерно завышена – непосредственный участник битвы генерал вермахта Ганс Дерр называет другую цифру не попавших в окружение войск 6-й немецкой армии – 35 тыс. чел. [16, с. 598–599]. Кроме того, в другом немецком документе – приложении к 10-дневным донесениям немецких войск о потерях за февраль 1942 года – указано, что после 23 ноября 1942 года из окружения было вывезено 27000 раненых, а в окружении оставались 209529 чел. (суммарно – 236529 чел.) [12], что почти на 54 тыс. чел. больше, чем указывает Борис Соколов. Таким образом, численность немецких войск, попавших в окружение, Борисом Соколовым занижена на несколько десятков тысяч человек. Во-вторых, расчеты Бориса Соколова потерь 6-й немецкой армии с 11 июля по 10 октября 1942 года и потерь 4-й немецкой танковой армии с 11 июля 1942 года по 10 февраля 1943 года [2, с. 391] опираются на сведения 10-дневных донесений немецких войск, которые содержат заниженные данные о потерях и не могут дать корректных оценок потерь вермахта в Сталинградской битве. В-третьих, в оценках Борисом Соколовым потерь немецких войск в Сталинградской битве не учтены потери немецких соединений, входивших в состав 8-й итальянской армии (три пехотные, две танковые и охранная дивизии – из них уничтожены две пехотные и одна танковая дивизии [17, с. 128], а охранная дивизия – разгромлена [18, с. 16]). В-четвертых, Борис Соколов не учел потери

немецких соединений, входящих в оперативные группы «Холидт» (в ходе боев уничтожены одна танковая и две авиаполевые дивизии [17, с. 128], а одна пехотная дивизия — разгромлена [19, с. 160]) и «Фреттер-Пико» (в январе 1943 года были разгромлены горнострелковая дивизия и пехотная бригада [18, с. 16]). В целом, «подсчитанные» Борисом Соколовым людские потери вермахта в Сталинградской битве занижены более, чем в 2 раза.

В силу недостоверности сведений о потерях немецких войск, содержащихся в 10-дневных донесениях войск и в справках вермахта проведем оценку немецких потерь в Сталинградской битве расчетным путем.

Потери немецких войск в Сталинградской битве включают потери в ходе наступления на Сталинград (17.07. — 18.11.1942); потери в ходе окружения 6-й немецкой армии (19–23.11.1942); потери окруженной 6-й немецкой армии (24.11.1942 г. — 2.02.1943) и потери войск, действовавших вне кольца окружения (24.11.1942 — 2.02.1943).

Оценку немецких потерь в ходе наступления на Сталинград можно получить балансовым методом — по балансу численности войск вермахта на начало и конец операции с учетом пополнения. Основные боевые действия в ходе наступления на Сталинград вела 6-я немецкая армия. На начало операции (17.07.1942) в 6-ю немецкую армию входило 16 дивизий: 12 пехотных, 1 легкопехотная, 2 моторизованных и 1 охранная. На конец операции (18.11.1942) — 17 дивизий: 11 пехотных, 1 легкопехотная, 3 танковых, 2 моторизованных.

Численность 6-й армии на начало операции, как было определено Алексеем Исаевым, — 430 тыс. чел. [14, с. 35]. К концу операции 6-я армия сократилось на одну охранную и одну пехотную дивизии, но зато в ее состав вошли три танковые дивизии: численность немецких военнослужащих 6-й армии при этом увеличилась примерно на 15–20 тыс. чел. Кроме того, как отмечал непосредственный участник Сталинградской битвы генерал вермахта Ганс Дерр, к Сталинграду «...со всех концов фронта...стягивались подкрепления, инженерные и противотанковые части... Пять саперных батальонов по воздуху были переброшены в район боев из Германии...» [16, с. 494]. Общая численность этого

подкрепления составляла около 10 тыс. чел. Наконец, в войска армии поступало маршевое пополнение. В течение июля–ноября 1942 года на пополнение групп армий «А» и «Б», по данным генерал-майора вермахта Бурхардта Мюллера-Гиллебранда, поступило более 230 тыс. чел. [17, с. 98, 103]. По свидетельству бывшего адъютанта генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса полковника Вильгельма Адама большая часть этого пополнения поступила в 6-ю армию — ориентировочно 145–160 тыс. чел. [20, с. 112].

Таким образом, в составе 6-й немецкой армии в ходе Сталинградской оборонительной операции воевало примерно 600–620 тыс. чел.

Командующий 6-й немецкой армии генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс в 1947 году утверждал, что к концу Сталинградской оборонительной операции «...общее число состоящих на довольствии в момент начала русского наступления (19 ноября 1942 года — В.Л.) — 300 000 человек круглым счетом...» [21]. В это число, по сведениям обер-квартирмейстера 6-й армии подполковника Вернера фон Куновски, входили около 20 тыс. советских военнопленных, используемых в качестве вспомогательного персонала («хиви»). Таким образом, численность личного состава 6-й немецкой армии на момент окончания Сталинградской оборонительной операции, составляла ориентировочно 280 тыс. чел., следовательно, общие безвозвратные потери этой армии в Сталинградской оборонительной операции составили 320–340 тыс. чел.

Кроме войск 6-й армии, на сталинградском направлении действовали еще 11 немецких дивизий — 6 пехотных, 1 танковая, 2 механизированных и 2 охранных. Из них две дивизии (22-я танковая и 294-я пехотная) находились в резерве группы армий «Б», одна дивизия (336-я) была передана во 2-ю венгерскую армию, а четыре дивизии (62-я и 298-я пехотные, 213-я и 403-я охранные) входили в состав 8-й итальянской армии. Перечисленные дивизии практически боевых действий не вели, и их потери были незначительны. Оставшиеся четыре немецкие дивизии (297-я и 371-я пехотные и 16-я и 29-я механизированные) большую часть Сталинградской оборонительной операции вели активные боевые действия в составе 4-й немецкой танковой армии. Даже по заниженным 10-дневным донесениям немецких войск в августе, сентябре и ноябре 1942 года

(за октябрь 1942 года сведения отсутствуют) 4-я танковая армия потеряла убитыми, пропавшим без вести и ранеными, отправленными в тыловые госпитали, около 20 тыс. чел [12].

Таким образом, общие безвозвратные потери немецких войск в Сталинградской оборонительной операции составляли примерно 340–360 тыс. чел.

В ходе боев по окружению 6-й немецкой армии (19–23.11.1942) основные потери понесли румынские войска, но и потери немецких войск были ощутимыми. Боеспособность ряда участвующих в боях немецких дивизий существенно снизилась. Количественные оценки потерь немецких войск в ходе окружения приведены только военным корреспондентом 6-й немецкой армии Хейнцем Шретером [22, с. 280]: «...Во время прорыва русских в период с 19 по 21 ноября потери составили 34 000 человек, на Чирском фронте – 39 000 человек... (выделено мной – В.Л.)».

Состав войск 6-й немецкой армии, окруженных, ликвидированных и плененных под Сталинградом, четко определен и разногласий не вызывает. В отношении же численности оказавшихся в сталинградском «котле» войск имеются различные мнения (табл. 1).

Генерал-майор вермахта Бурхардт Мюллер-Гиллебранд приводит цифру, характеризующую не численность окруженных войск, а потери 6-й армии (без учета союзников) от момента окружения до капитуляции. Но в указанный период из 6-й армии было вывезено само-

летами, по разным данным, от 29 000 [16, с. 608] до 42 000 [23, с. 547] раненых. С учетом вывезенных из «котла» общая численность окруженных войск, основанная на данных о потерях, приведенных Б. Мюллером-Гиллебрандом, составляет 238 500–251 500 немецких военнослужащих.

Генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс число окруженных в «котле» военнослужащих 6-й немецкой армии на конец ноября 1942 года определил в 220 000 чел. [20, с. 199–222]. Но эта цифра не учитывает численность переподчиненных 6-й армии после начала наступления советских войск соединений и частей 4-й танковой армии (переподчинены 23.11.1942: 297-я и 371-я пехотные и 29-я моторизованная немецкие дивизии и 20-я румынская пехотная дивизия), а также численность 1-й румынской кавалерийской дивизии из 3-й румынской армии (переподчинена 20.11.1942), 100-го хорватского полка и других частей, не стоявших на довольствии в 6-й армии до окружения [18, с. 147]. Общая численность перечисленных соединений и частей была не менее 50 000 чел.

Пауль Карелл, опираясь на сведения боевых журналов 6-й армии и ежедневных докладов различных корпусов, определяет численность военнослужащих в котле на 18 декабря 1942 года в 230 000 человек, включая 13 000 румынских военнослужащих [23, с. 547]. Поскольку окружение войск произошло 23 ноября 1942 года, и до 18 декабря 1942 года немецкие войска несли потери в результате продолжающихся боевых действий, то к 23 ноября 1942 года численность окружен-

Таблица 1

Оценки численности войск 6-й немецкой армии¹, окруженных под Сталинградом

№ п/п	Автор оценки	Оценка численности немецких войск на момент окружения, чел.
1.	Бурхардт Мюллер-Гиллебранд [17, с. 128]	209 5002
2.	Фридрих Паулюс [21, с. 198–222]	220 0003
3.	Пауль Карелл [23, с. 547]	230 0004
4.	10-ти дневные донесения войск [12].	236 529
5.	Ганс Дерр [16, с. 598]	250 000
6.	Курт Типпельскирх [24, с. 388]	265 000
7.	Вильгельм Адам [20, с. 206]	270 0005
8.	Хейнц Шретер [22, с. 260]	284 000
9.	Алексей Исаев [14, с. 358].	284 000 (из них 12 607 чел. – румынские военнослужащие)

1. С переподчиненными ей соединениями 4-й танковой армии.

2. Указана численность потерь 6-й армии с момента ее окружения до капитуляции.

3. Численность на конец ноября 1942 г.

4. Численность на 18 декабря 1942 г.

5. Численность на 11 декабря 1942 г.

ных под Сталинградом немецких и союзных им войск составляла не менее 250000–260000 чел.

Генерал вермахта Курт Типпельскирх считает, что в окружение попало 265 000 чел. не только немецких солдат, но и солдат союзнических войск [24, с. 388]. Поскольку последних было около 13 000 чел., то численность окруженных немецких солдат составляла 252 000 чел.

Адъютант Ф. Паулюса полковник Вильгельм Адам в своих мемуарах пишет, что 11 декабря 1942 года он встретился с обер-квартирмейстером 6-й армии полковником Баадером и тот сообщил, что в соответствии с донесениями от 10 декабря 1942 года в «котле» состоит на довольствии 270 тысяч человек [20, с. 206]. Так как с 23 ноября 1942 года (дата окружения 6-й армии) по 10 декабря 1942 года войска несли потери в результате продолжающихся боевых действий, то 23 ноября 1942 года численность окруженных под Сталинградом немецких и союзных им войск составляла ориентировочно 285000–295000 чел. Учитывая, что в «котле» находилось примерно 13000 румын и хорватов, численность немецких солдат, попавших в окружение, было примерно 270000–280000 чел.

Военный корреспондент 6-й немецкой армии Хейнц Шретер посчитал, что в окружение попали 284 000 чел. [22, с. 260]. Алексей Исаев в книге «Мифы и правда о Сталинграде» ориентируется на цифру Хейнца Шретера, добавляя, что среди окруженных было около 13000 румынских военнослужащих [14, с. 358].

Таким образом, реальный диапазон численности немецких войск (без союзников), оказавшихся 25 ноября 1942 года в сталинградском «котле» составлял 250–280 тыс. чел. К безвозвратным потерям вермахта из них следует отнести только немецких военнослужащих, погибших в боях, плененных при капитуляции и раненых и больных, вывезенных из «котла». Это значит, что из общей численности окруженных войск нужно вычесть численность советских военнопленных и «хиви» (около 20 тыс. чел.). При этом интервальная оценка безвозвратных потерь немецких войск окруженной группировки 6-й армии лежит в пределах 230–260 тыс. чел.

Потери немецких войск, участвовавших в боях под Сталинградом вне окруженной группировки 6-й армии, Б. Мюллер-Гиллебранд

характеризует следующим образом: «...вне сталинградского котла были, кроме того, уничтожены две пехотные (298-я, 385-я), две танковые (22-я, 27-я) и две авиаполевые (7-я, 8-я) дивизии...» [17, с. 128]. Авиаполевые дивизии были сформированы в октябре 1942 года, а в боевых действиях участвовали с января 1943 года. Суммарная их численность была около 20 тыс. чел. [17, с. 192]. Остальные четыре из перечисленных выше дивизий к началу наступления советских войск уже не были полностью укомплектованными соединениями, тем не менее, суммарно их численность составляла примерно 10–15 тыс. чел. Это значит, что уничтожение шести указанных Б. Мюллером-Гиллебрандом дивизий соответствует потерям личного состава численностью не менее 30–35 тыс. чел.

Кроме того, вне окруженной группировки 6-й армии в ходе операции «Зимняя гроза» (попытка деблокаирования войск 6-й немецкой армии в декабре 1942 года) и в ходе боев за сохранение всего южного крыла немецкой армии (декабрь 1942 года – январь 1943 года) несли существенные потери и другие соединения групп армий «Дон» и «Б». Генерал вермахта Ганс Дерр, хотя и не приводит общих цифр, но отмечает большой уровень потерь немецких войск при попытке деблокаирования окруженных войск в декабре 1942 года [16, с. 562–570, 591]. Генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн в своих мемуарах сообщает о больших потерях 57-го немецкого танкового корпуса в боях по деблокаированию окруженных войск [25, с. 348]. Британские журналисты Аллен У.Э.Д. и Муратов П.П. утверждают, что к 27 декабря 1942 года в ходе боев по деблокаированию 6-й немецкой армии «...части Манштейна потеряли 25 000 убитыми и пленными...» [26, с. 139]. В ходе боев за сохранение всего южного крыла немецкой армии (декабрь 1942 года – январь 1943 года) в группах армий «Б» и «Дон» до 2 февраля 1943 года были уничтожены 403-я охранная дивизия и 700-я танковая бригада и разгромлены 62-я, 82-я, 306-я, 387-я пехотные дивизии, 3-я горно-стрелковая дивизия, 213-я охранная дивизия и пехотная бригада «Шульдт» [18, с.160; 27, с. 15–18, 32–33]. Потери этих войск составляли не менее 15 тыс. чел.

Таким образом, безвозвратные потери немецких войск групп армий «Б» и «Дон»

в Сталинградской наступательной операции составляли 340–370 тыс. чел., а суммарные потери вермахта в Сталинградской битве равны 680–730 тыс. чел.

Итоговые интервальные суммарные оценки потерь Красной армии и вермахта в Сталинградской битве приведены в табл. 2. Реальное соотношение потерь Красной армии и вермахта составляло $(1,1–1,2):1$, что в 8–9 раз меньше соотношения, «подсчитанного» Борисом Соколовым. С учетом потерь союзных Германии румынских и итальянских войск потери Красной армии были меньше в 1,1–1,2 раза общих потерь противника.

Таблица 2

Итоговые интервальные оценки безвозвратных потерь в Сталинградской битве

Характеристики потерь	Интервальные оценки
Потери Красной армии, тыс. чел	780–800
Потери вермахта, тыс. чел.	680–730
Потери вермахта и союзнических войск, тыс. чел.	930–980 ¹
Соотношение потерь, Красная армия /вермахт	$(1,07–1,18):1$
Соотношение потерь, Красная армия /вермахт и союзнические войска	$(0,80–0,86):1$

¹ — потери союзников Германии в Сталинградской битве составляли: румынские войска — 175 тыс. чел.; итальянские войска — 75 тыс. чел.

Реалистичность цифр потерь вермахта в Сталинградской битве можно ориентировочно оценить по балансу вооруженных сил Германии в 1942–1943 годах. Убыль вермахта ($N_{уб}$) рассчитывается как разность численностей вермахта на начало ($N_{НВ}$) и конец ($N_{КВ}$) оцениваемого периода с учетом пополнения ($N_{МВ}$). Для периода с середины 1942 года и до середины 1943 года убыль вермахта, рассчитанная по данным Б. Мюллера-Гиллебранда [17, с. 329], равна: $N_{уб} = 8310, 0 + 3470, 2 - 9480, 0 = 2300, 2$ тыс. чел.

Полученная убыль численности вермахта за год второй год войны показывает, что подсчитанные выше цифры потерь вермахта (680–730 тыс. чел.) в Сталинградской битве не противоречат балансу войск вермахта за период с середины 1942 года войны по середину 1943 года.

В тяжелейших боях Сталинградской битвы людские потери Красной армии ненамного

превышали потери вермахта. Важно отметить, что при небольшом превышении потерь в абсолютных цифрах, относительные безвозвратные потери (отношение безвозвратных потерь армии к общей численности ее военнослужащих, принимавших участие в сражении) Красной армии были существенно ниже относительных потерь немецких войск. По подсчетам Невзорова Б.И. [3, с. 221–223], в Сталинградской битве принимали участие 1920 тысяч военнослужащих Красной армии и 1685 тысячи солдат. Последняя цифра включает солдат союзнических с вермахтом войск (3-й и 4-й румынских и 8-й итальянской армий), суммарная численность которых составляла около 705 тыс. чел. [14, с. 273, 316, 318]. Численность немецких войск, участвовавших в Сталинградской битве, при этом составляет 980 тыс. чел. Относительные потери при таких численностях участников битвы равны: Красная армия — $(780-800)/1920 = 0,41–0,42$; вермахт — $(680–730)/980 = 0,69–0,74$. Таким образом, в Сталинградской битве относительные потери Красной армии были в 1,6–1,8 раза меньше относительных потерь вермахта.

ИТОГИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

1. В Сталинградской битве Гитлер, как верховный главнокомандующий, и командование вермахта в целом переоценили боевые возможности войск, наступавших на Сталинград. Руководство вермахта ошибочно считало, что, во-первых, Красная армия понесла тяжелые потери и серьезного сопротивления оказать была не способна, а, во-вторых, что потери немецких войск были незначительны, и их боеспособность оставалась высокой.

2. Впервые во Второй мировой войне вермахт потерял целую армию. В плен попали 24 немецких генерала, в том числе командующий 6-й армии генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс. В Германии по случаю поражения под Сталинградом был объявлен траур.

3. Сталинградская битва продемонстрировала рост боевого мастерства советских воинов и военного искусства советских полководцев. Победоносный исход Сталинградской битвы явился результатом нестигаемой стойкости, мужества и героизма советских войск. В годы войны за подвиги в Сталинградской битве

122 человека были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. В послевоенное время по мере появления новых сведений о героизме защитников Сталинграда еще два воина – сталинградца были удостоены звания Героя Советского Союза и четырем было присвоено звание Героя Российской Федерации.

4. В Сталинградской битве безвозвратные потери Красной армии (780–800 тыс. чел.) были выше, чем у вермахта (680–730 тыс. чел.) в 1,07–1,18 раза. Эти цифры опровергают расхожее мнение о «многократном» превышении потерь Красной армии над потерями вермахта в боях под Москвой.

5. При большем уровне абсолютных потерь Красной армии ее относительные безвозвратные потери в Сталинградской битве

за счет умелого наращивания сил советским командованием были в 1,6–1,8 раза ниже относительных безвозвратных потерь вермахта. Это обстоятельство в сочетании со силой духа, стойкостью, мужеством и воинским мастерством советских воинов предопределила победу Красной армии в Сталинградской битве

7. Победа Красной армии в Сталинградской битве была высоко оценена в мире. Руководители многих государств поздравили Сталина И.В. с выдающейся победой, а король Великобритании Георг VI прислал Сталинграду дарственный меч, на клинке которого на русском и английском языках была выгравирована надпись: «Гражданам Сталинграда, крепким, как сталь, – от короля Георга VI в знак глубокого восхищения британского народа».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Разгром немцев под Сталинградом. Признание врага. – М.: Патриот, 2013. – 144 с.
2. Соколов Б.В. Чудо Сталинграда. – М.: Алгоритм, 2013. – 400 с.
3. Невзоров Б.И. Московская битва 1941–1942. Военно-исторический очерк. – М.: Патриот, 2006. – 333 с.
4. Военная мысль, № 4, 2014. – с. 67–78.
5. Военно-исторический журнал, № 12, 2018. – с. 37–45.
6. Литвиненко В.В. Псевдонаучная чушь (о «подсчетах» Бориса Соколова людских потерь Красной армии и вермахта на советско-германском фронте. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2013–76 с.
7. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. – М.: Вече, 2014. – 384 с.
8. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. – В 2-х т. Т. 1. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2010. – 608 с.
9. Сталинградская битва. Материалы научной конференции в Москве и Волгограде, прошедшей к 50-летию сражения. – Волгоград: СТ «Вале» 1994. – 300 с.
10. Н. Малюгин. Особенности тылового обеспечения войск по опыту Курской битвы//Военно-исторический журнал, № 7, 1983, с. 43–49.
11. Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Л.: Медицина, 1985. – 304 с.
12. Human Loses in World War II. German Statistics and Documents. Heersarzt 10-Day Casualty Reports per Army/Army Group.
13. Михалев С.Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Статистическое исследование. – Красноярск: КГПУ, 2000. – 144 с.
14. Исаев А.В. Мифы и правда о Сталинграде. – М.: Яуза, Эксмо, 2013. – с. 358
15. Human Loses in World War II. German Statistics and Documents. Abwicklungsstab, Group A (Stalingrad).
16. Роковые решения: Сб. – СПб: ООО «Издательство «Полигон», 2004. – 637 с.
17. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. Пер. с нем. – М.: Воениздат, 1976, т. 3. Война на два фронта. – 416 с.
18. Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск ее бывших сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг., вып. 3. – М.: ВНУ ГШ, 1956. – 188 с.
19. Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск ее бывших сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. вып. 2. – М.: ВНУ ГШ, 1956. – 172 с.
20. Адам В. Свастика над Сталинградом. Откровения адъютанта Паулюса. – М: Яуза-пресс, 2013. – 416 с.
21. Фридрих Паулюс. Окончательный крах. Наступление немецкой армии летом 1942 г. и битва за Сталинград//ЦА ФСБ РФ, д. ПФ10545, т. 3, л. 199–222.
22. Шретер Х. Сталинград. Великая битва глазами военного корреспондента. 1942–1943. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 315 с.
23. Карелл Пауль. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. – М.: Изографус, Эксмо, 2003. – 560 с.
24. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. – СПб, М.: Полигон, АСТ, 1999. – 795 с.
25. Манштейн Э. Утерянные победы. – М.: Алгоритм, 2014. – 640 с.
26. Аллен У.Э.Д., Муратов П.П. Русские кампании германского вермахта. 1941–1945. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 560 с.
27. Расс К. Человеческий материал. Немецкие солдаты на Восточном фронте. – М.: Вече, 2013. – 496 с.

МАЙ 1942 г.: «ОХОТА НА ДРОФ»**MAY 1942: «BUSTARD HUNTING»**

В статье излагается предыстория и ход неудачной для Красной армии Керченской оборонительной операции (7–15 мая 1942 г.). Освещается деятельность командования Крымским фронтом по организации сначала наступления против войск 11-й армии вермахта, а затем — оборонительных действий при отходе на Керченский полуостров и эвакуации на Кавказ. Приводятся факты некомпетентного вмешательства представителя Ставки ВГК Л.З. Мехлиса в действия командования фронтом. Привлекается внимание к директиве Ставки ВГК от 4 июня 1942 г., в которой определялись главные причины поражения советских войск в Крыму.

Публикация приурочена к 80-летию Керченской оборонительной операции.

The article describes the background and the course of the Kerch defensive operation that was unsuccessful for the Red Army (May 7–15, 1942). The activities of the Crimean Front command to organize first an offensive against the troops of the 11th Army of the Wehrmacht, and then defensive actions during the withdrawal to the Kerch Peninsula and evacuation to the Caucasus are highlighted. The facts of incompetent interference of the representative of the VGK Headquarters, L.Z. Mehlis, in the actions of the front command are given. Attention is drawn to the directive of the Supreme Command Headquarters of June 4, 1942, which identified the main reasons for the defeat of Soviet troops in the Crimea.

The publication is timed to coincide with the 80th anniversary of the Kerch defensive operation.

Ключевые слова: Керченский полуостров, Крымский фронт, Ставка ВГК, отвод войск, Ак-Монайский перешеек, эвакуация

Keywords: Kerch Peninsula, Crimean Front, VGK headquarters, withdrawal of troops, Ak-Monai isthmus, evacuation

Благодаря своему выгодному геополитическому положению, Крымский полуостров занимал особое место в расчетах немецкого командования, которое видело в нем своеобразный трамплин для захвата Кавказа и прорыва к бакинской нефти. Со своей стороны, советские войска, опираясь на полуостров, могли угрожать флангу и тылу группы армий «Юг» и господствовать на Черном море. Все это предопределило ту острую борьбу, которая разгорелась за Крым с первых месяцев Великой Отечественной войны.

К 16 ноября 1941 г. наши армии с тяжелыми боями отошли: Приморская — к Севастополю, а 51-я — на Таманский полуостров. В ходе последовавшей затем Керченско-Феодосийской десантной операции (25 декабря 1941 г. — 2 января 1942 г.) Красная армия захватила на Керченском полуострове важный в оперативном отношении плацдарм. Борьба вступила в новую фазу.

Ставка Верховного Главнокомандования дала командующему войсками Кавказского (с 28 января 1942 г. — Крымского) фронта генерал-лейтенанту Д.Т. Козлову указание всемерно ускорить сосредоточение войск, разрешив дополнительно к 44-й и 51-й армиям, уже волевавшим на Керченском полуострове, пере-

бросить туда 47-ю армию, и не позднее 12 января 1942 г. перейти в общее наступление. Удар с плацдарма наши войска должны были наносить в направлении Джанкой, Чонгар, Перекоп, а Приморской армии предписывалось наступать на Симферополь [5, с. 313].

Советское командование недооценило силу и возможности врага, задача освобождения Крыма в тот момент была явно нереальной [3, с. 123]. Противник, располагая данными о подготовке частями Красной армии наступления, 15 января нанес упреждающий удар. Прорвав слабо организованную оборону, 18 января он захватил Феодосию. Д.Т. Козлов принял решение отвести войска на Ак-Монайские позиции.

Под угрозой потери оказался с таким трудом захваченный плацдарм, а ведь с него по плану Ставки должно было начаться освобождение всего Крымского полуострова. В этих условиях для укрепления руководства фронтом Ставка ВГК направила сюда своего полномочного представителя в лице заместителя наркома обороны СССР, начальника Главного политического управления Красной армии армейского комиссара 1 ранга Л.З. Мехлиса и заместителя начальника Оперативного управления Генерального штаба генерал-майора П.П. Вечного.

Уже 22 января Л.З. Мехлис докладывал И.В. Сталину: «Прилетели в Керчь 20.01.42 г.... Застали самую неприглядную картину организации управления войсками... Комфронта Козлов не знает положения частей на фронте, их состояния, а также группировки противника. Ни по одной дивизии нет данных о численном составе людей, наличии артиллерии и минометов. Козлов оставляет впечатление растерявшегося и неуверенного в своих действиях командира. Никто из руководящих работников фронта с момента занятия Керченского полуострова в войсках не был...» [17, л. 17].

Основные положения этой телеграммы были подробно раскрыты в приказе войскам фронта № 12 от 23 января 1942 г., анализировавшем итоги неудачных для Кавказского фронта боев 15–18 января и в копии также отправленном Верховному. Приказ констатировал, что были допущены «крупнейшие недочеты в организации боя и в управлении войсками». Так, после успешного завершения десантной операции в районе Феодосии и выхода частей 44-й и 51-й армий на р. Чурук-Су войска не закрепились на достигнутом рубеже, не организовали соответствующей системы огня, бдительного боевого охранения, непрерывной разведки и наблюдения. Командиры дивизий не использовали всей мощи огня артиллерии, мелкими группами бросали танки на неподавленную противотанковую оборону. Плохо было организовано управление войсками от штаба армии и ниже. Штаб фронта не знал истинного положения в районе Феодосии. Основной рубеж обороны Керченского полуострова — Ак-Монайские позиции — был подготовлен неудовлетворительно.

В приказе назывались имена старших и высших командиров, допустивших потерю управления войсками и «позорное бегство в тыл»: командира 9-го стрелкового корпуса, временно исполнявшего обязанности командующего 44-й армией генерал-майора И.Ф. Дашичева, к этому времени уже арестованного (впоследствии он был осужден к расстрелу, посмертно реабилитирован. — Ю.Р.), командира 236-й стрелковой дивизии комбрига В.К. Мороза и военного комиссара той же дивизии батальонного комиссара А.И. Кондрашова, командира 63-й горнострелковой дивизии подполковника П.Я. Циндзеновского и некоторых других

(они были преданы суду военного трибунала. — Ю.Р.).

Приказ предписывал:

«1. Командованию армий, дивизий, полков учесть опыт боев 15–18.01.42 г., немедленно навести порядок в частях.

...Полковую артиллерию и артиллерию ПТО иметь в боевых порядках пехоты...

2. Паникеров и дезертиров расстреливать на месте как предателей. Уличенных в умышленном ранении самострелов-леворучников расстреливать перед строем.

3. В трехдневный срок навести полный порядок в тылах...» [1, л. 32–36].

При проверке состояния ВВС и артиллерии фронта, в решающей степени определявших его боеспособность, тоже вскрылись серьезные недостатки. Из-за неудовлетворительного материально-технического обеспечения на Керченском полуострове скопилось 110 неисправных самолетов. В результате в день производилось менее одного самолето-вылета. Низкой оказалась боеготовность и артиллерии проверенных 51-й и 44-й армий.

Чтобы привлечь внимание к вскрытым недостаткам, представитель Ставки, как и в первом случае, добился издания приказов по фронту, в которых предлагалось в двухдневный срок недочеты исправить, дабы активно вести подготовку к новому наступлению.

Л.З. Мехлис действовал с присущей ему энергией, напором, свои возможности как заместителя наркома обороны и представителя Ставки ВГК стремился использовать сполна. Сходу невысоко оценив командующего фронтом генерала Д.Т. Козлова, он взял все нити управления на себя. Вел почти непрерывные переговоры по Бодо и обменивался телеграммами со Ставкой, Генеральным штабом, главными управлениями Наркомата обороны.

Усилия представителя Ставки подчинялись задачам предстоящего наступления. Даже отмечая у посланца Москвы немалую самонадеянность в оценке возможностей своих и противника, нельзя не заметить, что его действия были активны и поначалу целеустремленны. Достигалось повышение боеспособности войск, командно-политические кадры, которым армейский комиссар 1 ранга не давал покоя, стали действовать динамичнее. Не заслуживает

одобрения другое — грубое, некомпетентное вмешательство представителя Ставки в повседневную деятельность командующего и штаба фронта, тотальный контроль над ними.

«По распоряжению тов. Мехлиса все оперативные планы, директивы и иные распоряжения войскам фронта проверяются и санкционируются им, — информировал Д.Т. Козлов заместителя начальника Генштаба генерал-лейтенанта А.М. Василевского. И явно дезориентированный таким оборотом событий, спрашивал: — Следует ли в данном случае представлять на утверждение Народному Комиссару оперативные планы, свои предложения о предстоящей деятельности войск или все указания по всем вопросам жизни и деятельности войск получать от него (Мехлиса. — *Ю.Р.*) непосредственно на месте?» [2, л. 35].

Такая линия поведения представителя Ставки была, как представляется, не только нецелесообразной, но и вредной. Она дезориентировала руководящие кадры, вносила путаницу в принимаемые решения и их реализацию.

Побывавший в апреле 1942 г. в штабе Крымского фронта нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов вспоминал о царившей там неразберихе: «Командующий Крымским фронтом Д.Т. Козлов уже находился «в кармане» у Мехлиса, который вмешивался буквально во все оперативные дела. Начальник штаба П.П. Вечный не знал, чьи приказы выполнять — командующего или Мехлиса. Маршал С.М. Буденный (главком Северо-Кавказского направления, в состав которого входил Крымский фронт. — *Ю.Р.*) тоже ничего не смог сделать. Мехлис не желал ему подчиняться, ссылаясь на то, что получает указания прямо из Ставки» [7, с. 243].

Л.З. Мехлис, чувствуя себя на Крымском фронте полновластным хозяином, постоянно давил на командующего фронтом в ожидании быстрых результатов. Уже 25 января 1942 г. добился издания приказа по фронту на проведение частной наступательной операции по освобождению Феодосии.

Ставка, осудив подобную торопливость, срок начала операции пересмотрела и потребовала провести ее тщательную подготовку. 15 февраля Л.З. Мехлис вместе с П.П. Вечным были срочно вызваны к И.В. Сталину для до-

клада о степени готовности войск. Очевидно, Верховный оказался не в полной мере удовлетворен, поскольку приказал немедленно перебросить из Северо-Кавказского военного округа на усиление фронта 271-ю, 276-ю и 320-ю стрелковые дивизии.

Предпринятое 27 февраля 1942 г. наступление оказалось неудачным, несмотря на преимущество в живой силе (13 наших дивизий против трех у врага). Уже на следующий день противник вернул все из того немногого, что войскам фронта удалось захватить накануне, прежде всего главный узел обороны — Кой-Асан.

В эти дни в боевых порядках частей 51-й армии находился военный корреспондент «Красной звезды» Константин Симонов. «Наступление началось... очень неудачно, — писал он. — В феврале пошла метель вместе с дождем, все невероятно развезло, все буквально встало, танки не пошли, а плотность войск, подогнанных Мехлисом, который руководил этим наступлением, подменив собой фактически командующего фронтом безвольного генерала Козлова, была чудовищная. Все было придвинуто вплотную к передовой, и каждый немецкий снаряд, каждая мина, каждая бомба, разрываясь, наносили нам громадные потери...» [15, с. 27–28].

2 марта перед лицом явной неудачи командование фронтом доложило в Ставку о решении из-за непроходимости дорог закрепиться на достигнутых рубежах, а в решительное наступление перейти, когда подсохнет почва. 5 марта Ставка приказала возобновить операцию, как только позволит состояние погоды и дорог, не дожидаясь дополнительных указаний с ее стороны [13, с. 117].

Возобновив 13 марта наступление силами отдельных ударных групп, командование Крымским фронтом почти месяц пыталось прорвать Кой-Асанский узел вражеской обороны, но добились лишь незначительных тактических успехов. С 11 апреля попытки наступательных действий прекратились.

За два месяца пребывания на Крымском фронте представителю Ставки так и не удалось внести в ход событий необходимый перелом. Он все больше полагался на количественный фактор, на энтузиазм людей. Тщательную же подготовку наступления (выучку штабов и

войск, материальное и боевое обеспечение, разведку и т.п.) недооценивал, подменяя нажимом, голым приказом, массовой перетасовкой командных и политических кадров. То, что для компетентного военачальника было бы очевидным и значимым, начальнику главного политического органа Красной армии, по-видимому, представлялось второстепенным.

Сам не умея воевать по-современному, пресловутую «соринку» он искал в «глазу» руководящего состава фронта, в первую очередь, командующего. Пользуясь возможностью прямого доклада Верховному, представитель Ставки неоднократно пытался убедить его в необходимости сменить Д.Т. Козлова.

У последнего были свои и плюсы, и минусы. Он не участвовал в оборонительной кампании 1941 г. и потому имел весьма приблизительное представление о немецкой армии. Но, с другой стороны, в его активе было руководство успешной высадкой большого десанта в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции. Поэтому И.В. Сталин на предложение Л.З. Мехлиса заменить командующего генералами Н.К. Клыковым или К.К. Рокоссовским согласием не ответил.

Большого представителю Ставки удалось добиться в отношении начальника штаба генерал-майора Ф.И. Толбухина. Последний был переведен на другой фронт, а на его место был назначен генерал-майор П.П. Вечный. По инициативе представителя Ставки полностью сменился состав военных советов Крымского фронта и всех трех входивших в него армий. Сомнительная с точки зрения конечного результата перетасовка кадров коснулась и командующих армиями.

Несомненно, с ряда командиров и политработников представитель Ставки взыскивал справедливо, верно подмечая их профессиональную непригодность, отсутствие необходимых волевых качеств. Но нередко просто не мог или не хотел замечать и несомненных достоинств, как это было, скажем, с Ф.И. Толбухиным, уже через два года ставшим маршалом Советского Союза.

Войска фронта надо было готовить основательно, всерьез, тем более что противник не собирался отсиживаться в обороне. Не случайно немецкую 11-ю армию, действовавшую

на Крымском полуострове, возглавил один из наиболее подготовленных военачальников нацистской Германии генерал-полковник (позднее фельдмаршал) Э. фон Манштейн. Директива на летнюю кампанию, отданная верховным командованием вермахта 5 апреля, прямо предписывала ему: «до начала главной наступательной операции прежде всего следует очистить от противника Керченский полуостров в Крыму и овладеть Севастополем» [9, с. 72].

Операция по захвату Керченского полуострова в немецких штабах получила кодовое название «Охота на дроф».

Э. фон Манштейн вспоминал после войны: «На южном участке своего фронта — между Черным морем и селом Кой-Асаном — он (противник, т.е. войска Крымского фронта. — Ю.Р.) в основном по-прежнему занимал свой старый, хорошо оборудованный парпачский рубеж, так как все его атаки на этом участке были отбиты. На северном же участке его фронт отклонялся большой дугой на запад до Киета, выходя далеко вперед за этот рубеж. Этот фронт образовался в то время, когда противник сбил с позиций 18-ю румынскую дивизию... Наша разведка показала, что противник сосредоточил две трети своих сил на северном участке (часть из них на самой оборонительной позиции, часть же позади нее в качестве резерва). На южном участке оборону занимали только 3 дивизии и еще 2—3 дивизии составляли резерв...

Эта обстановка и явилась основой, на которой штаб армии разработал план операции «Охота на дроф». Замысел заключался в том, чтобы нанести решающий удар не непосредственно по выдающейся вперед дуге фронта противника, а на южном участке, вдоль побережья Черного моря, то есть в том месте, где противник, по-видимому, меньше всего его ожидал» [8, с. 261].

В целом к началу операции соотношение сил и средств было в пользу советских войск. Противник уступал: в живой силе — в 2, в танках — в 1,2, в артиллерии — в 1,8 раза. Немцы, правда, располагали большей по численности авиацией — в 1,7 раза [10, с. 33—34]. Именно на господство в воздухе и внезапность удара немецкий командующий сделал ставку в условиях невыгодного для 11-й армии соотношения сил.

Войска Крымского фронта к переходу противника в наступление оказались не готовы. 21 апреля Верховный Главнокомандующий подтвердил фронту задачу на продолжение действий по очистке полуострова от противника. И лишь 6 мая, то есть за сутки до вражеского наступления, приказал «прочно закрепиться на занимаемых рубежах, совершенствуя их оборонительные сооружения в инженерном отношении и улучшая тактическое положение войск на отдельных участках, в частности, путем захвата Кой-Асанского узла» [11, с. 260].

Сложилась противоречивая и очень опасная ситуация, когда группировка войск фронта оставалась наступательной, однако наступление откладывалось, а оборона не укреплялась. Все три армии были развернуты в один эшелон, что сокращало глубину обороны и резко ограничивало возможности по отражению ударов противника в случае прорыва. Из 17 авиационных полков, входивших в состав ВВС фронта, только 8 базировались на аэродромах Керченского полуострова. Тыловые оборонительные рубежи фронта — Турецкий вал и Керченские обводы — существовали лишь на оперативных картах.

Командование войсками фронта не смогло своевременно выявить планы противника и воспрепятствовать ему. В результате, как мощный бомбово-штурмовой удар немцев 7 мая 1942 г., так и наступление наземных войск противника на рассвете следующего дня оказались во многом неожиданными. К тому же связь КП фронта с КП всех трех армий в результате налетов вражеской авиации была нарушена.

8 мая Э. фон Манштейн, создавая видимость наступления по всему фронту, нанес главный удар своими тремя дивизиями по 63-й стрелковой дивизии 44-й армии на шестикиллометровом фронте. Уже в первый день части противника образовали брешь до 6 км по фронту и 10 км в глубину [5, с. 331].

Одновременно командование 11-й немецкой армии высадило десант в тылу советских войск, в 15 км северо-восточнее Феодосии. Ударами авиации (до 900 самолетовылетов в сутки) система управления Крымского фронта, его объединений и соединений была выведена из строя. Взаимодействие между армиями и внутри них было нарушено. Командующий

Крымским фронтом генерал Козлов не смог управлять войсками, которые беспорядочно отходили на восток. Враг продолжал развивать успех, введя в прорыв танковую дивизию.

Донося об этом Верховному Главнокомандующему, Л.З. Мехлис сетовал на господство вражеской авиации, острый недостаток снарядов и мин, просил перебросить с Таманского полуострова стрелковую бригаду для занятия обороны на Керченском обводе. Всю вину за неблагоприятное развитие событий он попытался переложить на Д.Т. Козлова.

Из телеграммы Л.З. Мехлиса И.В. Сталину от 8 мая 1942 г.: «Теперь не время жаловаться, но я должен доложить, чтобы Ставка знала командующего фронтом. 7-го мая, то есть накануне наступления противника, Козлов созвал военный совет для обсуждения проекта будущей операции по овладению Кой-Асаном. Я порекомендовал отложить этот проект и немедленно дать указания армиям в связи с ожидаемым наступлением противника. В подписанном приказании комфронт в нескольких местах ориентировал, что наступление ожидается 10—15 мая, и предлагал проработать до 10 мая и изучить со всем начсоставом, командирами соединений и штабами план обороны армий. Это делалось тогда, когда вся обстановка истекшего дня показывала, что с утра противник будет наступать. По моему настоянию ошибочная в сроках ориентировка была исправлена. Сопrotивлялся также Козлов выдвижению дополнительных сил на участок 44-й армии» [17, л. 602].

Телеграмма, однако, успеха не имела. Верховный был настолько раздосадован неудачей, что в ответной телеграмме не посчитал нужным сдерживать гнев: «Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте вы — не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неудачи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым... Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга (начальник германского Генштаба в годы Первой мировой войны. — Ю.Р.). Но вы не можете не

знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов. Дела у вас в Крыму несложные, и вы могли бы сами справиться с ними. Если бы вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте» [19, с. 58–59].

После того, как 9 мая советскому командованию не удалось ликвидировать прорыв немцев, и его глубина возросла до 30 км, причем в полосе не только 44-й, но и 51-й армии, представитель Ставки и командующий фронтом были вызваны к прямому проводу.

Они доложили, что войска на левом фланге отводят за Ак-Монайские позиции. Задерживать противника надеются силами 12-й и 143-й стрелковых бригад и 72-й кавалерийской дивизии, 156-я стрелковая дивизия ставится в оборону на Турецкий вал. Они просили присылки с Тамани 103-й стрелковой бригады, а также разрешения перенести КП фронта в связи с непрерывной бомбежкой в каменоломни на северную окраину Керчи.

Ответ был таков:

«1) Всю 47 армию необходимо немедленно начать отводить за Турецкий вал, организовав аррьергард и прикрыв отход авиацией. Без этого будет риск попасть в плен.

2) 103 бригаду дать не можем.

3) Удар силами 51 армии можете организовать с тем, чтобы и эту армию постепенно отводить за Турецкий вал.

4) Остатки 44 армии тоже нужно отводить за Турецкий вал.

5) Мехлис и Козлов должны немедленно заняться организацией обороны на линии Турецкого вала.

6) Не возражаем против перевода штаба на указанное вами место...

8) Примите все меры, чтобы вся артиллерия, в особенности крупная, была сосредоточена за Турецким валом, а также ряд противотанковых полков» [13, с. 198–199].

Окончательно поняв, что ни Л.З. Мехлис, ни Д.Т. Козлов «пороха не изобретут», Верховный поставил им как задачу-максимум: отвести войска и задержать части противника на рубеже Турецкого вала. Однако ни сам вал, ни Керчен-

ские обводы фактически не были оборудованы в инженерном отношении и серьезной преграды для противника не представляли.

Неразворотливость, растерянность командования фронтом и представителя Ставки служили врагу дополнительной подмогой. Приказ на отвод 47-й и 51-й армий их командующие генералы К.С. Колганов и В.Н. Львов получили из штаба фронта лишь к концу 10 мая, а начали его выполнять еще сутки спустя. Между тем уже к исходу 10-го передовые части немцев вышли к Турецкому валу. До Керчи им оставалось чуть более 30 км, частям же 47-й армии — в два с половиной раза больше.

Отход войск крайне затруднял управление ими. К тому же 11 мая во время бомбежки командного пункта 51-й армии погиб ее командующий генерал В.Н. Львов.

Видя, что командование фронтом и представитель Ставки окончательно утратили нити управления и положение наших войск становится все более угрожающим, Ставка ВГК 11 мая в 23 часа 50 минут отдала главному Северо-Кавказского направления маршалу С.М. Буденному следующий приказ: «в срочном порядке выехать в район штаба Крымского фронта (г. Керчь), навести порядок в Военном совете фронта, заставить Мехлиса и Козлова прекратить свою работу по формированию в тылу, передав это дело тыловым работникам, заставить их выехать немедленно на Турецкий вал, принять отходящие войска и материальную часть, привести их в порядок и организовать устойчивую оборону на линии Турецкого вала, разбив оборонительную линию на участки во главе с ответственными командирами. Главная задача — не пропускать противника к востоку от Турецкого вала, используя для этого все оборонительные средства, войсковые части, средства авиации и морского флота» [18, л. 346–347].

С.М. Буденный побывал в штабе Крымского фронта, но ограничился лишь некоторыми общими указаниями. Реально ему удалось добиться только того, что 12 мая Д.Т. Козлов и Л.З. Мехлис, вняв, наконец, приказу Ставки, выехали на Турецкий вал в район Султановки, куда вышли части 44-й армии. Положение было удручающее: офицеры штаба армии и представители штаба фронта останавливали отходящие

в беспорядке разрозненные подразделения и отдельных бойцов. Очень похожая картина предстала и в частях 47-й армии, где неорганизованный отход осуществлялся под жесточайшим воздействием немецкой авиации.

Лишь 13 мая, то есть спустя почти трое суток после приказа Ставки, основные оставшиеся части и соединения сосредоточились на линии Турецкого вала и приступили к занятию обороны.

Противник же не ждал, а навязывал свое развитие событий. Танками и пехотой при активной поддержке с воздуха Турецкий вал к исходу дня был прорван. На следующий день положение наших войск усугубилось еще больше.

Из доклада Л.З. Мехлиса И.В. Сталину: «В течение 14,5 бои на всем фронте Керченского обвода продолжались с неослабевающей силой. Противник танками и пехотой по-прежнему наносил удар по нашему центру в направлении Андреевка — Керчь и по левому флангу Чурбаш — Керчь, нанося одновременно непрерывные мощные бомбовые удары по нашим войскам, скоплениям обозов и разрушая все пристани и причалы в порту Камыш-Бурун, Керчь, завод Войкова и на переправах в Еникале, Опасная и Жуковка. Части несли тяжелые потери, особенно в материальной части. Недоставало огнеприпасов.

Обозы и тылы трех армий, собравшиеся на узком пространстве восточной части Керченского полуострова, разбивались авиацией. Армии к этому времени (утро 15 мая. — Ю.Р.) в своем составе имели только отдельные организованные части и соединения» [18, л. 106].

Видя, что командование Крымским фронтом окончательно утратило управление, Ставка принялась давать указания, которые были способны, к сожалению, лишь облегчить агонию. Но и они носили противоречивый характер. Так, на рассвете 14 мая из Москвы поступило распоряжение Ставки о начале отвода войск на Таманский полуостров.

К вечеру (в 18 часов 10 минут) Верховному Главнокомандующему доложили ответную телеграмму Л.З. Мехлиса: «Бои идут на окраинах Керчи, с севера город обходится противником. Напрягаем последние усилия, чтобы задержать <его> к западу от Булганак. Части стихийно отходят. Эвакуация техники и людей будет незначительной. Командный пункт переходит <в>

Еникале. Мы опозорили страну и должны быть прокляты. Будем биться до последнего. Авиация врага решила исход боя» [18, л. 77].

Очевидно, панический тон телеграммы заставил вождя принять решение, фактически отменявшее прежнее распоряжение о начале эвакуации. 15 мая в 1 час 10 минут он телеграфировал генерал-лейтенанту Д.Т. Козлову:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Керчь не сдавать, организовать оборону по типу Севастополя.

2. Перебросить к войскам, ведущим бой на западе, группу мужественных командиров с рациями с задачей взять войска в руки, организовать ударную группу с тем, чтобы ликвидировать прорвавшегося к Керчи противника и восстановить оборону по одному из Керченских обводов. Если обстановка позволяет, необходимо там быть Вам лично.

3. Командуете фронтом Вы, а не Мехлис. Мехлис должен Вам помочь. Если не помогает, сообщите...» [11, с. 266].

15 мая пала Керчь. В этот день в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдера появилась запись: «Керченскую операцию можно считать законченной. Город и порт в наших руках».

Немецкий генерал поторопился. Сопротивление наших войск было еще отнюдь не сломлено. Тот же Ф. Гальдер 17 и 18 мая вынужден был отметить в своем дневнике «ожесточенное сопротивление северо-восточнее Керчи» [6, с. 246, 248–249]. Тем не менее, Крымский фронт был обречен.

«Я видел Мехлиса, когда нам было приказано эвакуировать то, что еще можно было эвакуировать с Керченского полуострова, — рассказывал писателю К.М. Симонову адмирал И.С. Исаков. — Он делал вид, что ищет смерти. У него был не то разбит, не то легко ранен лоб, но повязки не было, там была кровавая царапина с кровоподтеками; он был небрит несколько дней. Руки и ноги были в грязи, он, видимо, помогал шоферу вытаскивать машину и после этого не считал нужным привести себя в порядок. Вид был отчаянный. Машина у него тоже была какая-то имевшая совершенно отчаянный вид, и ездил он вдвоем с шофером, без всякой охраны. Несмотря на трагичность положения, было

что-то в этом показное, — человек показывает, что он ищет смерти».

На замечание писателя, что, по его наблюдениям, Л.З. Мехлис — человек не робкого десятка, адмирал ответил: «Он там, под Керчью, лез все время вперед, вперед. Знаю также, что на финском фронте он бывал в боях, ходил в рядах батальона в атаку. Но... на мой взгляд, он не храбрый, он нервный, взвинченный, фанатичный» [14, с. 440–441].

Даже в эти последние, самые драматические для Крымского фронта дни представитель Ставки был не способен отрешиться от культивировавшейся десятилетиями подозрительности, стремления везде и всюду видеть чьи-то происки, провокации, заговоры, от желания переложить вину за провалы на других. Когда положение в Керчи стало катастрофическим, Л.З. Мехлис попытался свалить ответственность за случившееся на командира Керченской военно-морской базы А.С. Фролова, назначенного начальником переправы на Таманский полуостров. Он позвонил нарком ВМФ адмиралу Н.Г. Кузнецову и потребовал, чтобы тот отдал Фролова под суд. В противном случае пригрозил расстрелять его своей властью. Расправе помещала только твердая позиция наркома.

Очевидно, контр-адмирал А.С. Фролов несет свою долю ответственности за существенные недостатки эвакуации, начатой в ночь на 15 мая и продолжавшейся пятеро суток. Но он ли один? Штаб фронта плана эвакуации не имел. Ряд руководящих работников фронта поторопились перебраться на противоположный берег Керченского пролива. 17 мая и командный пункт фронта переместился на Таманский полуостров в пос. Кордон Ильича.

Плавсредства подавались нерегулярно и несвоевременно. Командиры многих гражданских судов отказывались подходить к берегу под бомбежкой и артиллерийским огнем, даже симулировали аварии.

При потенциальной возможности переправлять в сутки 30–35 тысяч человек только 17 мая смогли эвакуировать чуть больше 22 тысяч, в иные дни не удавалось и это. Установленная очередность: раненые, материальная часть тяжелой артиллерии, РСы (боевые машины реактивной артиллерии) не соблюдалась. Под видом

раненых, как позднее докладывал Л.З. Мехлис Верховному Главнокомандующему, толпы невооруженных, деморализованных солдат захватывали суда и переправлялись на косу Чушка.

Полную трагизма картину нарисовала позднее в коллективном письме Верховному Главнокомандующему группа политработников 51-й, 47-й и 44-й армий: отсутствие хоть какого-то организующего начала при отходе, быстро переросшем в паническое бегство, страшная давка на переправах, массовые жертвы [16, л. 223–224].

За спиной остались Крым, полностью (за исключением Севастополя) перешедший в руки врага, и огромные потери, понесенные с 8 мая — более 176 тысяч человек, около 3,5 тысяч орудий и минометов, 400 самолетов и почти 350 танков [5, с. 332]. Всего же за 111 суток существования Крымского фронта безвозвратные потери советских войск достигли 278 тысяч бойцов и командиров [4, с. 214]. На Таманский полуостров удалось эвакуировать не более 140 тысяч человек.

Катастрофа Крымского фронта существенно ухудшила положение защитников Севастополя. Фашистское командование перебросило туда войска 11-й армии, высвободившиеся на Керченском полуострове, поставив задачу овладеть городом в кратчайший срок.

2–7 июня противник начал третий штурм Севастополя. Защитники города мужественно оборонялись, отражая ежедневно по 15–20 вражеских атак. Немецкая артиллерия ежедневно обрушивала на город до 126 тысяч снарядов различного калибра, а люфтваффе совершали до 1–1,5 тысяч самолетовылетов в сутки [12, с. 66]. В начале июля главная военно-морская база Черноморского флота пала.

По указанию И.В. Сталина в Ставке ВГК была подготовлена специальная директива военным советам фронтов и армий от 4 июня 1942 г., в которой определялись главные причины поражения войск Крымского фронта:

- 1) полное непонимание командованием фронтом и представителем Ставки природы современной войны;
- 2) бюрократический и бумажный метод руководства войсками («Т.т. Козлов и Мехлис считали, что главная их задача состояла в отдаче приказа и что изданием приказа заканчивается

их обязанность по руководству войсками... Как показал разбор хода операции, командование фронта отдавало свои приказы без учета обстановки на фронте, не зная истинного положения войск...»);

3) личная недисциплинированность Д.Т. Козлова и Л.З. Мехлиса, которые нарушили указание Ставки и не обеспечили своевременный отвод войск за Турецкий вал. Опоздание на два дня с отводом явилось губительным для исхода всей операции [13, с. 236–239].

Решением Ставки был наказан весь командно-начальствующий состав Крымского фронта: понижены в должности и в воинском звании командующий фронтом Д.Т. Козлов, член Военного совета Ф.А. Шаманин, командующие 44-й и 47-й армиями С.И. Черняк и К.С. Колганов, командующий ВВС фронта Е.М. Николаенко. Начальник штаба фронта П.П. Вечный был снят с должности и направлен в распоряжение Генерального штаба. Л.З. Мехлис был снят с постов заместителя наркома обороны

СССР и начальника ГлавПУ Красной армии и снижен в звании на две ступени – до корпусного комиссара.

Объективно оценивая исход Керченской оборонительной операции, следует признать, что ответственность за тяжелое поражение с ними должны разделить и главком Северо-Кавказского направления маршал С.М. Буденный, и Генеральный штаб. Да и сама Ставка ВГК уже хотя бы потому, что так долго держала в Крыму своего столь незадачливого представителя.

...Майское 1942 г. поражение в Крыму (наряду с другой трагедией, произошедшей в то же время – под Харьковом) настолько осложнило обстановку на советско-германском фронте, что соединения Красной армии смогли вновь пройти по крымской земле – уже победной поступью – только через долгих два года, в мае 1944-го. И вел их бывший начальник штаба Крымского фронта командующий войсками 4-го Украинского фронта генерал армии Ф.И. Толбухин.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Архив Президента Российской Федерации (далее – АП РФ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 441.
2. АП РФ. Ф. 16. Оп. 1025. Д. 30.
3. Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. – М.: Наука, 1987. – 336 с.
4. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. – М.: Вече, 2010. – 384 с.
5. Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. – М.: Наука, 1998. – 544 с.
6. Гальдер Ф. Военный дневник. Пер. с нем. В 4 тт. Т. 3. Кн. 2. – М.: Воениздат, 1971. – 367 с.
7. Кузнецов Н.Г. Накануне. – М.: Воениздат, 1966. – 344 с.
8. Манштейн Э. Утерянные победы. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. – 896 с.
9. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. В 3-х тт. Т. 3. Война на два фронта. – М.: Изд-во иностр. лит., 1976. – 415 с.
10. Невзоров Б.И. Май 1942-го: Ак-Монай, Еникале. // Военно-исторический журнал, 1992, № 8. – с. 32–42.
11. Рубцов Ю.В. Мехлис. Тень вождя. – М.: Вече. 2011. – 384 с.
12. Рубцов Ю.В., Филипповых Д.Н. Герои битвы за Крым. Таврида в пламени Великой Отечественной. – М.: Молодая гвардия, 2019. – 400 с.
13. Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). – М.: ТЕРРА, 1996. – 624 с.
14. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения – М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1988. – 478 с.
15. Симонов К.М. Работаю в «Красной звезде». // В десант ушедшие навечно... Сборник. – М.: Красная звезда, 1993. – 64 с.
16. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 32. Оп. 11309. Д. 116.
17. ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 139.
18. ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 140.
19. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Изд. 2. В 2 кн. Кн. 1. – М.: Воениздат, 1985. – 447 с.

S.V. FEDULOV,
D.N. SOLOVYOV,
V.V. BELYAKOV

С.В. ФЕДУЛОВ,
Д.Н. СОЛОВЬЕВ,
В.В. БЕЛЯКОВ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕМЕЦКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В КАЧЕСТВЕ КОНСУЛЬТАНТОВ ПО СОЗДАННОМУ ИМИ МИННО-ТОРПЕДНОМУ ВООРУЖЕНИЮ

THE USE OF GERMAN SPECIALISTS AS CONSULTANTS ON THE CREATED BY THEM MINE-TORPEDO ARMAMENT

В статье показано каким образом руководство ВМФ СССР после окончания Великой Отечественной войны использовало немецких специалистов по оказанию консультативной помощи в разработанных ими образцах минно-торпедного вооружения.

The article shows how the leadership of the USSR Navy after the end of the Great Patriotic War used German specialists to provide advisory assistance in the samples of mine-torpedo weapons developed by them.

Ключевые слова: Военно-Морской Флот, минно-торпедное управление, минно-торпедный отдел, конструкторское бюро, минно-торпедное вооружение.

Keywords: Navy, Mine and Torpedo control, mine and torpedo department, Design Bureau, mine and torpedo armament.

В Германии накануне и годы Второй мировой войны были достигнуты серьезные успехи в области создания военной, военно-морской техники и вооружения. Это становится понятным из статьи «Основные принципы организации в Германии научно-исследовательских работ», опубликованной в американском журнале «Aviation» в 1945 году. В ней указывались предпосылки, позволившие германским ученым добиться столь больших успехов в области аэродинамики и в разработке новой авиационной материальной части, да и не только авиационной. Главное — осуществлялась государственная политика по организации исследовательских работ. Основные принципы этой политики американские специалисты сформулировали следующим образом:

1. Создание превосходно оборудованных лабораторий, рассредоточенных по всей стране и скрыто расположенных в живописных и курортных местностях.

2. Наличие в этих лабораториях наилучшего оборудования, достаточного для проведения исследовательских работ.

3. Предоставление научным работникам дополнительного питания, обеспечение их хорошей заработной платой и великолепными жилищно-бытовыми условиями.

4. Освобождение научных работников от «канцелярской писанины», ведения бухгалтерской отчетности, предоставления отнимающих много времени отчетов, проведения проверок хода работ или дачи обязательств о достижении определенных результатов. Было сделано все, чтобы избавить научных работников от забот, способных отвлечь их от своей работы, и чтобы дать им возможность сосредоточиться на выполнении поставленных задач [1. с. 6].

Американские ученые, как отмечалось в статье, обнаружили десятки таких лабораторий, расположенных в живописных Баварских Альпах, в Тюрингских лесах, на Саксонских курортах и на побережье Балтийского моря. Общее руководство всей исследовательской работой осуществляло министерство исследований Германии, которое не подчинялось ни военному, ни морскому министерствам, ни ВВС. Однако все эти ведомства использовали работы министерства исследований. Министерство исследований оказывало поддержку всем, кто предлагал эффективную идею, будь то совершенно неизвестное лицо или именитый изобретатель, исходя из того, что если одно изобретение из десяти оказалось успешным, то считалось, что затраты себя оправдали [1. с. 6]. При этом основная деятельность немецких ученых и

изобретателей была направлена на развитие военной мощи государства.

Поэтому, сразу же после разгрома нацистской Германии, представители Великобритании, США начали активно выявлять и вывозить немецких ученых, конструкторов, изобретателей, а также лабораторное, научное, научно-исследовательское оборудование и аппаратуру, необходимых для проведения работ в интересах собственных вооруженных сил.

По такому же пути пошло и командование ВМФ СССР, только в отличие от западных «партнеров» оно привлекало немецких специалистов лишь для консультаций по ранее созданными ими видам техники и вооружения. Особый интерес для командования НКВМФ представляли разработки по самонаводящейся акустической торпеде. Так, 21 апреля 1945 года начальник минно-торпедного управления (МТУ) ВМФ контр-адмирал Н.И. Шibaев обратился к начальнику разведывательного управления (РУ) Главного морского штаба (ГМШ) ВМФ капитану 1 ранга А.М. Румянцеву с ходатайством об оказании помощи МТУ ВМФ в поиске на территории оккупированной Германии немецких ученых занимавшихся разработками самонаводящейся акустической торпеды.

28 апреля 1945 года начальник РУ ГМШ ВМФ капитан 1 ранга А.М. Румянцев уведомил начальника МТУ ВМФ контр-адмирала Н.И. Шibaева о том, что им было возбуждено ходатайство перед Разведывательным управлением Генерального Штаба (ГШ) Красной Армии и начальником управления контрразведки «СМЕРШ» ВМФ о поиске и направлении в распоряжение начальника РУ ГМШ ВМФ немецких специалистов-акустиков, находящихся в Германии. Аналогичное указание начальником РУ ГМШ ВМФ было дано разведывательным оперативным группам ВМФ, работающим в Германии [2. Л. 147].

Сложность выполнения поставленной задачи заключалась в том, что наиболее известные немецкие ученые, конструкторы, специалисты и научно-исследовательские организации, которые работали в области акустики германского флота после капитуляции Германии, оказались вне Советской зоны оккупации и были вывезены, преимущественно, в США [1. с. 151].

7 июля 1945 года начальник РУ ГМШ ВМФ капитан 1 ранга А.М. Румянцев сообщал начальнику МТУ ВМФ контр-адмиралу Н.И. Шibaеву, что по имеющимся данным торпедный институт, ранее находившийся в Гдыне, в начале февраля 1945 года был эвакуирован в район Киля. И ведущие специалисты, занимающиеся самонаводящимися акустическими торпедами, доктора: Риккман, Аксенфельд, Фетцель, Рудольф, Гэфкен эвакуированы вместе с институтом [2. Л. 182].

Далее в своем сообщении капитан 1 ранга А.М. Румянцев информировал контр-адмирала Н.И. Шibaева: «15 июня 1945 года на пересыльном пункте в Берлине нашими людьми был обнаружен военнопленный вице-адмирал в отставке Фридрих Геттинг, который в период 1939—1940 годов являлся начальником Торпедного управления. По его заявлению, он знаком с материальной частью новейших торпед. Поиск указанного лица можно произвести через Управление по делам военнопленных НКВД СССР» [2. Л. 182].

В заключение начальник РУ ГМШ ВМФ информировал, что его подчиненными был организован переезд из зоны оккупации союзников в зону Советской военной администрации в Германии (СВАГ) специалистов-акустиков доктора Хальма, инженеров Колля и Проминца. А также просил начальника МТУ ВМФ сообщить, кому из представителей МТУ передать этих инженеров [2. Л. 182].

В августе 1945 года инженеры-акустики Колль и Проминц были включены в состав конструкторского бюро (КБ) Военно-морских сил (ВМС) в Берлине, руководимым капитаном 1 ранга Л.А. Коршуновым. КБ ВМС в Берлине было сформировано на основании решения наркома ВМФ адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова № 147 от 23 июля 1945 года [1. с. 146—147]. По характеру работ КБ ВМС занималось следующими проблемами.

Во-первых, с помощью германских инженеров выявить и изучить достижения германской военно-морской техники в области кораблестроения, вооружения и связи.

Во-вторых, обеспечить квалифицированной консультацией и разъясняющими работами трофейную технику в области кораблестроения, вооружения и средств связи и частично

использовать германских конструкторов в простых работах, для которых в СССР не хватало специалистов. В соответствии с данными положениями был составлен тематический план работ КБ ВМС, поэтому какими-либо принципиально новыми, неизвестными образцами военно-морской техники Германии бюро не занималось [1. с. 181].

КБ ВМС в Берлине состояло из: кораблестроительного, минно-торпедного, авиационного, артиллерийского отделов и отдела связи. Наиболее многочисленным и интенсивно работающим подразделением был минно-торпедный отдел.

В минно-торпедном отделе КБ ВМС работали четыре группы немецких специалистов, а именно:

- группа гидродинамики торпед под руководством профессора Кухарского;
- группа акустического самонаведения торпеды на цель под руководством диплом-инженера Гильдебрандта;
- группа акустических замыкателей мин под руководством диплом-инженера Колля;
- группа неконтактных металлоискателей под руководством диплом-инженера Мишке [1. с. 217].

В 1946 году минно-торпедным отделом были выполнены 42 темы. Все они касались широкого спектра проблем минного, торпедного и трального дела. Активность отдела объяснялась вниманием, которое к его работе неизменно проявляло минно-торпедное управление ВМФ и НИМТИ [1. с. 181].

Законченные работы КБ ВМС в Берлине (в том числе и минно-торпедного отдела) носили описательный характер тех технических достижений, которые имелись и применялись в германском флоте. Эта часть работы всего бюро составляла 2700 печатных листов текста и 480 чертежей и снимков. В целях наиболее полного использования научно-технических знаний, навыков и идей немецких специалистов руководство ВМФ СССР считало целесообразным создание в КБ ВМС в Берлине небольших лабораторий [3. Л. 3].

Успехи научно-исследовательской деятельности во многом зависят от финансирования, материально-технического, других видов обеспечения и это прекрасно понимало руковод-

ство НКВМФ. В отличие от других научных и научно-исследовательских организаций советских наркоматов, ведомств и учреждений, обеспечивающихся всеми видами довольствия централизованно от Советской военной администрации в Германии (СВАГ), КБ ВМС в Берлине финансировалось непосредственно НКВМФ через финансовый отдел Днепровской военной флотилии.

Это позволяло начальнику бюро инженер-капитану 1 ранга Л.А. Коршунову, через немецких специалистов, размещать на предприятиях германских фирм заказы на выпуск необходимых для исследований оборудования, механизмов, материалов, сырья. Благодаря ведомственному финансированию начальник КБ ВМС в Берлине мог за отличную работу премировать иностранных подчиненных. А ведомственные возможности обеспечения продовольственными пайками, тактичность, порядочность и высокий профессионализм Л.А. Коршунова делали работу в КБ ВМС для немецких специалистов значительно более привлекательной, чем работа не только в аналогичных советских учреждениях советской зоны оккупации, но и в организациях «союзников» западной зоны в Германии [3. Л. 84].

Все расходы на научную деятельность КБ ВМС в Берлине покрывались за счет центральных управлений НКВМФ, чьи тематические задания выполняло бюро. Так, например, 17 мая 1946 года на нужды КБ ВМС в Берлине было выделено за счет финансирования в 1946 году опытных и научно-исследовательских работ следующие средства от:

- Главного управления кораблестроения — 220 тыс. руб.;
 - минно-торпедного управления — 630 тыс. руб.;
 - артиллерийского управления — 133,5 тыс. руб.;
 - управления связи — 122,2 тыс. руб.;
 - управления радиолокации — 75,5 тыс. руб.;
 - управления ВВС — 120 тыс. руб.
- Всего — 1301,2 тыс. руб.

Начальник тыла ВМФ получил указание выделять в распоряжение начальника КБ ВМС 110 курсантских пайков в месяц [3. Л. 18]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что наибольшая часть средств на проводимые научно-

исследовательские и опытно-конструкторские работы выделялась минно-торпедным управлением ВМФ.

Важнейшей особенностью организации научно-исследовательских работ, в соответствии с решениями принятыми главами государств, входящих в антигитлеровскую коалицию, являлось то, что немецким специалистам было запрещено заниматься проблемами по военной и военно-морской тематике на территории Германии. Это требование не распространялось на тех немецких специалистов, которые работали за пределами Германии. Военные, правительственные круги США и Великобритании немедленно этой лазейкой воспользовались и практически сразу начали вывозить на свои территории целые немецкие научные коллективы с дальнейшим предоставлением гражданства и привлечением их к созданию собственных новых видов военной и военно-морской техники и вооружения.

Советское руководство было вынуждено идти по такому же пути, но с огромными отличиями от своих западных «союзников», во-первых, немецкие специалисты использовались только для консультативной и пояснительной работы по уже созданному ими вооружению и военной технике. Во-вторых, они привлекались на непродолжительное время (последний немецкий специалист покинул СССР в 1951 году). В-третьих, ни один из немецких специалистов не получил советского гражданства.

Реализация этого пути осуществлялась следующим образом: 27 июля 1946 года начальник МТУ ВМС контр-адмирал Н.И. Шибаев поставил задачу начальнику минно-торпедного отдела (МТО) КБ ВМС в Берлине инженер-капитану 1 ранга И.А. Скворцову доложить мероприятия по переводу в Научно-исследовательский минно-торпедный институт (НИМТИ) немецких специалистов и лабораторного оборудования минно-торпедного отдела. В перечень мероприятий необходимо было также включить характеристику лабораторного оборудования и количество транспорта, необходимого для вывоза оборудования [4. Л. 159].

Во исполнение данного распоряжения, 19 августа 1946 года начальник МТО КБ ВМС

инженер-капитан 1 ранга И.А. Скворцов сообщил начальнику МТУ ВМС контр-адмиралу Н.И. Шибаеву и начальнику НИМТИ контр-адмиралу М.Н. Курнакову следующие сведения:

минно-торпедный отдел КБ ВМС в Берлине состоял из 6 групп:

1. Торпедная.
2. Гидродинамики.
3. Акустических систем самонаводящихся торпед.
4. Акустических мин
5. Мин давления.
6. Средств обнаружения мин [4. Л. 160–161].

Немецких инженеров по различным областям минно-торпедных специальностей в отделе насчитывалось 25 человек, а также немецких служащих, техников, чертежников и прочих еще 22 человека. Всего — 47 человек. В группах 3, 4, 5 и 6 были созданы лаборатории, оборудованные приборами с учетом выполнения тематического плана 1946 года. В отделе имелись: холодильная установка, механическая мастерская, заканчивалась постройка водного опытового бассейна. Для перевозки в СССР всего имущества МТО КБ ВМС потребовалось от 12 до 15 крытых железнодорожных вагонов [4. Л. 165].

Помимо этого была подготовлена справка «Перечень работ, выполняемых немецкими специалистами и предложения по дальнейшему использованию немецких специалистов с СССР» [5. Л. 4–14] (таблица).

После тщательного отбора, с учетом личного согласия, 1 ноября 1946 года из списков КБ ВМС в Берлине в связи с переводом на работу в СССР были исключены следующие немецкие специалисты:

- руководитель группы минно-торпедного отдела, дипломированный инженер Г. Глоде;
- руководитель группы минно-торпедного отдела, дипломированный инженер Р. Колль;
- руководитель группы минно-торпедного отдела, доктор Э. Левис;
- старший инженер минно-торпедного отдела, инженер Э. Гильдебрандт;
- старший инженер минно-торпедного отдела, инженер Г. Проминц;
- старший инженер минно-торпедного отдела, дипломированный инженер К. Лавичек;

Перечень работ, выполняемых немецкими специалистами и предложения по дальнейшему использованию немецких специалистов в СССР

Содержание работ	Место работы в Германии	Немецкие специалисты	Ученое звание	Предложения по использованию	Предложения о времени перевода
1	2	3	4	5	6
<i>Минно-торпедное дело</i>					
Новые образцы и системы самонаведения торпед на цель	КБ ВМС В Берлине	Э. Левис, К. Лавичек, Г.Глоде, Э.Гильден-брандт (при них 16 человек)	дип. инж дип. инж инж-р	Министерство судостроительной промышленности НИИ-400	I-й кв 1947 г.
Новые образцы мин	КБ ВМС В Берлине	Р.Колль, Г.Промниц, Г.Мейер, Г.Циммер, К.Рер (при них 20 человек)	дип. инж инж-р дип. инж инж-р дип. инж	Министерство судостроительной промышленности НИИ-400	I-й кв 1947 г.
НИР по гидро-динамике и акустике в области минно-торпедного дела	КБ ВМС В Берлине	В.Воланд, Л.Мольво, Кухарский, А. Лепке, В.Мишке, Г. Кеппе, Э.Любке, Тренленбург Грутцмахер Вейгель	доктор доктор доктор дип. инж дип. инж доктор док, проф док, проф док, проф дип. инж	Министерство судостроительной промышленности НИИ-400	10–11.1946 г.

— старший инженер минно-торпедного отдела, инженер Г. Граеф;

— инженер-конструктор минно-торпедного отдела, доктор Э. Любке;

— инженер-конструктор минно-торпедного отдела, доктор Э. Клемке;

— инженер-конструктор минно-торпедного отдела, доктор Л. Мольво;

— инженер-конструктор минно-торпедного отдела, инженер Г. Бахман;

— инженер-конструктор минно-торпедного отдела, инженер Б. Бозе;

— инженер-конструктор минно-торпедного отдела, дипломированный инженер Г. Мартин.

А также 5 инженеров-лаборантов, техник-лаборант, 4 машинистки-стенографистки минно-торпедного отдела [6. Л. 77].

Переезд немецких специалистов был сопряжен с немалыми трудностями, а именно: во-первых, они выезжали с членами семей (женами, детьми, тещами), некоторые из которых проживали в оккупационных зонах США и Великобритании. Во-вторых, немецкие специалисты вывозили домашние вещи, в том числе

мебель, домашнюю утварь, автомобили и пр. В-третьих, вывозилось необходимое для проведения научных работ лабораторное оборудование, аппаратура, материалы. Однако эта задача была успешно решена. Для того, чтобы представить какой объем она представляла, достаточно обратиться к справке только по одной партии грузов. Краткий перечень отправляемого оборудования включал:

1. Лаборатория группы Г. Глоде в 22 ящиках общим весом 7,5 т., объемом 16 м³.

2. Лаборатория группы Р. Колля в 16 ящиках общим весом 5,5 т., объемом 12 м³.

3. Лаборатория подводных взрывов в 33 ящиках общим весом 5,5 т., объемом 16 м³.

А также: мебель и личные вещи немецких специалистов: профессора Любке, профессора Хорста, диплом-инженеров Мартина, Глоде, Яшке и др. общим весом 2,5 т. и объемом 8 м³.

Лабораторное оборудование, в основном, состояло из умформеров, усилителей, генераторов, катодных трубок, конденсаторов, сопротивлений и других монтажных материалов [7. Л. 8].

Прибывшие в Советский Союз немецкие специалисты, занимающиеся минно-торпедным вооружением, вошли в состав особого технического бюро (ОТБ) Научно-технического комитета (НТК) ВМС, начальником которого был назначен инженер-капитан 1 ранга Н.П. Сербин. Данные специалисты работали и проживали в бывшем Меншиковском дворце в Ораниенбауме (пригород Ленинграда) [9. Л. 78].

Как в Германии, так и в СССР немецкие специалисты вели консультативную работу по ранее созданным образцам военно-морской техники и вооружения. Советские специалисты НИМТИ, НИИ-400, завода «Двигатель»,

других учреждений и предприятий приезжали в Ораниенбаум, где работали с немецкими специалистами. В 1949 году, после выполнения консультативных работ, немецкие специалисты с семьями и своим имуществом уехали в Германию.

Таким образом, использование консультаций немецких специалистов по созданному ими минно-торпедному вооружению, приобретение по репарациям необходимого для научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ лабораторного оборудования, аппаратуры, приборов и материалов позволили советским специалистам успешно разрабатывать торпедное вооружение для советского флота.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Барбанель Б.А., Половинкин В.Н., Федулов С.В., Фомичев А.Б. Германский опыт на службе ВМФ СССР (1945–1949) СПб.: Крыловский государственный научный центр, 2019. 409 с.
2. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-Морского Флота, г. Гатчина) (далее – Филиал ЦА МО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина) Ф. 506. Оп. 36. Д. 581.
3. Филиал ЦА МО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 905. Оп. 4264. Д. 35.
4. Филиал ЦА МО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 905. Оп. 4264. Д. 15.
5. Филиал ЦА МО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 905. Оп. 4264. Д. 14.
6. Филиал ЦА МО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 905. Оп. 4264. Д. 1.
7. Филиал ЦА МО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 905. Оп. 4264. Д. 17.
8. Филиал ЦА МО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 914. Оп. 1733. Д. 5.

ВИДНЫЙ ВОЕННЫЙ УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ–НОВАТОР (К 100-летию Ивана Николаевича Воробьёва)

Это пишется накануне первого юбилея без личного участия активного участника Великой Отечественной войны, выдающего военного ученого и прекрасного человека, Ивана Николаевича Воробьёва. При этом пишется не по заказу, а по зову души, светло откликающейся на его имя. В этом году исполняется 100 лет нашему «земному военному праведнику», легкоранимому и умеющему болеть чужой болью. Приходится себя укорять за то, что мы не сделали после Воробьёва что-то необходимое и важное, за что он бился. И есть над чем подумать...

«Мы умели жить...» — эти слова Ивана Николаевича Воробьёва никак не совместимы с бытовой роскошью, на которую падки многие творческие люди. Важно помнить, что «умение жить» по Воробьёву означает — работать до изнеможения, пировать от души, любить до самозабвения, ценить искреннюю дружбу и дорожить ею. И пуще всего — любить свою Родину и, главное — жить по совести. Может эти призывы для кого-то звучат старомодно, но, на наш взгляд, они вечны...

Будучи человеком из народа, Иван Николаевич отличался трудолюбием и всегда связывал «умение» жить с честным трудом и честной жизнью. Вот этой ответственности перед народом и совестливости, увы, не наблюдается сегодня у тех, кого мы называем интеллигенцией. Тех, кто не поступается гуманными принципами, значительно меньше, и им, чаще всего, живется в современной жизни трудно... Большинство же тех, кого мы сегодня видим на экранах и на

сценах, овладела страсть к «красивой жизни», для которой требуются «большие деньги», приходящие вместе с «успехом». А он необходим «сегодня и сейчас». И некогда думать о каких-то «стремлениях к великой цели», и, увы, давно уже не наблюдается желания работать для народа.

А благодарить Ивана Николаевича надо за многое. Советской и российской военной науке давно был нужен подвижник «маленького», незначительного, неброского с виду и, как принято говорить, самого обычного человека. Мы сразу вспоминаем А.В. Суворова, П.И. Батова. Но это не тот «маленький человек», стиснутый социальными цепями и так трогательно описанный Гоголем, Достоевским и Чеховым. Такой образ

человека, наоборот, не вызывает жалости, ибо он не обделен разными достоинствами и, самое главное, мог упорствовать в отстаивании своих принципов. Мы ратуем именно за эту способность людей — не быть «маленькими» и жить, согласуясь с движениями своей души. Об этом свидетельствует пройденный Иваном Николаевичем Воробьёвым жизненный путь.

Генерал-майор в отставке **ВОРОБЬЕВ Иван Николаевич** — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор военных наук, профессор, почетный профессор Военной академии им. М.В. Фрунзе, действительный член Академии военных наук и Международной академии информатизации — родился 22 июня 1922 года. Участник Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года.

В годы войны прошел боевой путь от курсанта до майора — командира стрелкового батальона. За отличия в боях награжден тремя орденами, в том числе орденом «Красного Знамени». Его семья в Тамбовской области дважды получала «похоронки», но он выживал: видимо «ангелы» помогали. А они знают, кому помогать... За время службы награжден 25 орденами и медалями.

В Вооруженных Силах СССР с 1940 года. В 1950 году окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе с отличием и золотой медалью, а в 1955 году — адъюнктуру академии. Проходил службу на преподавательской работе на кафедре тактики Военной академии им. М.В. Фрунзе в течение 17 лет и служил в научном подразделении Генерального штаба ВС СССР (16 лет). В войсках занимал должность заместителя командира дивизии. И.Н. Воробьев, как один из лучших военных ученых, стал первым помощником министра обороны СССР Маршала Советского Союза А.А. Гречко.

После увольнения из рядов Вооруженных Сил — профессор Военной академии им. М.В. Фрунзе (с 1998 года — Общевоинской академии ВС РФ). Автор более двухсот научных работ по тактике и оперативному искусству, среди них капитальные военно-теоретические труды: «Принципы общевойскового боя», «Военная футурология». Является соавтором трудов «Тактика» из серии «Библиотека офицера», «Боевые действия в особых условиях», «Боевые действия ночью», «Методология военно-научного познания», «Культура военного мышления», «Боевые действия в вооруженном конфликте», «Тактика миротворческих сил», «Контртеррористическая операция», регулярно выступал на страницах журнала «Военная мысль». Ряд его статей удостоены первой премии министра обороны Российской Федерации. За цикл работ о тактике в 2000 году присуждена премия Академии военных наук им. А.А. Свечина.

Не случайно и то, что в современной России, переживающей глубочайший государственный, общественный и духовный кризис и ищущей пути восстановления своего былого величия, появляются люди, в биографии которых присутствует живая связь с великой крестьянской Россией прошлого. Эта удивительная, победившая время связь зародилась в его детстве, когда в лихолетье зарождения Совет-

ской России он взвалил на свои плечи заботу о матери и младших братьях и сестрах.

«Родину-мать не выбирают, — говорил Иван Николаевич, — она нас рождает, и наш сыновий долг оставаться с ней до конца, каким бы тяжелым недугом она ни страдала. Надо помочь ей встать на ноги и окрепнуть».

В его книгах, статьях, выступлениях мы видим боль за Россию, видим человека, кому ненавистно зло, предательство, беззаконие, чья душа не может примириться со смрадным потоком богоборчества, насилия, бесстыдства, русофобии, животных страстей. Он не мог равнодушно смотреть на то, как грабят стариков и растлевают молодежь, как пропивают, проедают остатки великой державы, как власть предающие коверкают души людей. Так страдать за Россию мог только чистый и сильный человек.

Долгие годы он радовал читателей своим творчеством, своей искренностью, правдивостью, примером беззаветного служения Отчеству. Когда, бывало, на душе тоскливо и казалось, что мрак никогда не рассеется, Иван Николаевич уверенно заявлял: «Наше дело правое», «Победа будет за нами!» и «Враг будет разбит». Их надо повторят нам и сейчас, потому что так оно и есть. Мы — русские! С нами Бог!

Иван Николаевич — видный ученый. Как он представлял свою принадлежность к науке? В частных беседах он говорил, что наука предстает как род деятельности, осуществляемый конкретными людьми — учеными. Иногда он утверждал, что науку надо определять как нечто, что делают ученые. Ученые же, прежде всего военные, по большей части разобщены, одни из них работают в режимных и недоступных лабораториях, другие занимаются сложными вычислениями и доказательствами, все они пользуются языком, понятным только их коллегам. Вместе с тем на смену представления о том, что открытие, так или иначе, было бы совершено, независимо от личностного вклада конкретного ученого, приходит ясное понимание того, что за теорией стоит личность определенного ученого, мыслителя.

Как же выглядит и что собой представляет современный ученый? Образ военного ученого, по нашему мнению, необходимо создавать со стиля научной и образовательной деятельности Ивана Николаевича. Современный ученый

должен быть способен защитить самые смелые утверждения. Он не должен питать ни вечной любви, ни вечной ненависти ни к одному из учреждений и ни к одной из идеологий. Он может пытаться достичь цели либо в одиночку, либо в составе организованной группы, либо со своими учениками. Чаще всего Иван Николаевич в своих изысканиях сотрудничал со своими учениками. При этом он в своей творческой работе использовал разум, эмоции, насмешку, «позицию серьезной заинтересованности» и любые средства, изобретенные людьми. Он открыто и постоянно выступал против универсальных стандартов и штампов. Профессор И.Н. Воробьев способен был превзойти любого Нобелевского лауреата в энергичной защите новых идей, демонстрируя образец научной честности. Он питал большой интерес к процедурам, феноменам и переживаниям, указывающим на то, что чувственные восприятия можно упорядочить в высшей степени необычным образом.

Необходимо добавить к его портрету то, что он как ученый ценил истину превыше всего, он был убежден, что знание — это высший дар жизни, что сама истина важнее всяких убеждений, идеологий и общественного мнения, что ученый призван проповедовать истину, а значит, иметь учеников и последователей. По его глубокому убеждению, смысл существования ученого состоит в поиске истины, «в повышении качества осознания» бесконечного универсума. Действительно, живое существо одарено сознанием при рождении и лишается его после смерти, но его качество — качество осознания — зависит от пройденного им жизненного пути, от приобретенного опыта и совокупности знаний. Каждый человек свободен в стремлении к достижению осознания своего бытия и постижению законов мироздания.

Иван Николаевич в научной и педагогической деятельности исходил из того, что плоды научных изысканий «люди знания» могут передавать лишь подготовленным и сведущим в сфере науки. Другие, неподготовленные, их просто взять не смогут. Интересно то, что «люди знания» — ученые разбросаны по всему миру и принадлежат всему человечеству. Они отыскивают друг друга, вступают друг с другом в контакты. Формы, которые обеспечивают встречи и общение ученых, имеют разные на-

звания — это семинары и конференции, симпозиумы и конгрессы. Однако самым верным и общепринятым путем, располагающим к общению, является путь публикаций научных трудов ученых. За исключением режимных разработок, каждый ученый стремится к предъявлению миру своего видения проблемы, своих результатов, на достижение которых он потратил жизнь. Такой подход в научной и педагогической деятельности профессора И.Н. Воробьева был определяющим. Об этом свидетельствует его список научных трудов.

В известном смысле ученый — это воин на поле неопределенности, безрассудства и лжи. Борьба ведется и в споре, где рождается истина. Научная полемика, дискуссия — принятые и поныне формы борьбы, где ученый-воин сражается, отстаивая приоритет обнаруженного им истинного знания. Борьба идет на нескольких фронтах. Сражается ученый и с варварским невежеством, и с собственным сомнением. Вызов, который он бросает природе, не всегда кончается его победой. Но, несмотря на неудачи, ученый, не останавливаясь, идет вперед. Поэтому можно сказать, что ученый, по существу своему, — человек, наделенный недюжинной силой воли, понимаемой как непрерывный поток энергии, управляемый с помощью намерения. В своей научной деятельности, направленной на освещение светом разума, того, что было неизвестно ранее, Иван Николаевич испытывал огромные интеллектуальные нагрузки, а его мысль была способна к невероятному напряжению. Профессор И.Н. Воробьев как настоящий военный ученый горел стремлением сделать знания полезными для процветания военной науки, он был весьма далек от попыток манипулировать и управлять людьми, приобретать над ними власть. Это качество рельефно проявлялось во взаимоотношении со своими учениками.

Нормой серьезного профессионального ученого является трезвый, строго следующий за фактами стиль рассуждения. Профессионализация и углубляющаяся специализация Ивана Николаевича влияли на ценностные ориентации его как ученого. С одной стороны, он как профессионал осуществлял строгий контроль в сфере своей компетенции, не пропуская в нее любителей-непрофессионалов, ограничивая

возможности некомпетентных, любительских воззрений. Но, с другой стороны, он сам был не прочь порассуждать и жарко поспорить о вопросах, в которых, строго говоря, не был «профи», о проблемах, выходящих вроде бы за рамки своей профессиональной компетенции. В этом проявлялся его интерес ко всему новому.

Противоположность норм и контрнорм проявлялась практически в каждом моменте проводимого Иваном Николаевичем научного исследования. К примеру, ему надлежало как можно быстрее сделать свои результаты доступными для коллег. Однако он обязан тщательно и не торопясь проверить свои результаты перед их публикацией, чтобы в них не проскользнула ошибка. Далее, он как ученый должен быть восприимчивым по отношению к новым идеям и веяниям. Но при этом он отстаивал свои научные принципы и не поддавался интеллектуальной моде. Профессор И.Н. Воробьев исходил из того, что от него, как ученого, требуется знать все относящиеся к области его интересов работы предшественников и современников. Вместе с тем он стремился сохранять самостоятельность мышления, чтобы его эрудиция не могла влиять на оригинальность его взглядов. Иван Николаевич постоянно стремился вписать добытые им результаты в сокровищницу военной науки, однако с самого начала он стремился быть критически настроенным ко всем добытым в рамках предшествующей парадигмы знаниям. Таким образом, амбивалентность ценностно-нормативной структуры военной науки всегда ставила ученого перед дилеммой: с одной стороны, жить и работать на благо военной

науки, в частности, тактики, с другой — в условиях, когда результаты его исследований были сомнительны, не взваливать на себя бремя ответственности за последствия их использования.

Ученый — это тот, кто превосходит по своему интеллекту средний тип, кто в принципе отвращен от лжи, кто, не впадая в отчаяние, терпеливо идет по пути поиска, обнаружения и защиты истины. Образ мыслей ученого избегает путаницы смешения понятий, но признает взаимосвязь и взаимозависимость всего существующего. Накопление и систематизация знания — ключ к тайникам мыслительной лаборатории ученого. Критический пересмотр и новая оценка традиции есть механизм движения вперед. Обильные, но хаотичные знания не позволяют отделить ценное от бесполезного, извлечь реальную и практическую пользу. Все это ставит под вопрос подлинные достижения. И потому процедуры классификации, а затем и выявление основополагающих принципов столь необходимы, ибо ведут к упорядочиванию обширных, но несистематизированных знаний. В результате подобных процедур ученый говорит: «Моя точка зрения на мир состоит в утверждении, что... И она непрерывно подтверждается как предшествующими знаниями, так и существующими опытными данными, а также на основании внутреннего диалога с самим собой». Такой подход к научным изысканиям у Ивана Николаевича был определяющим, и он старался привить его своим ученикам.

Однако, если для современного ученого есть «проблема разума, случая, рационального выбора», то «проблемы сердца» для него не существовало. Будь для ученого важно именно это, он стал бы не военным, физиком, а лириком.

Масса сложностей и проблем связана и с процедурой интерпретации, поскольку то, что увидел или понял ученый, требует своего лингвистического оформления. Таким образом, ученый вынужден вступить в царство языковых норм и форм. Здесь фактор различия интерпретации указывает на то, где и как учился ученый, что у него за душой, какая перспектива видится ему в частном, единичном эксперименте. Эти и множество подобных проблем объединены одним тезисом — о социальной природе научного познания, социальной обусловленности деятельности ученого. Все научные труды

профессора И.Н. Воробьева свидетельствуют о том, что он мастер слова высокого уровня и достоин подражания.

Ученые весьма различно оценивают поведение своих коллег, которые иногда отказываются понимать очевидный смысл употребляемых терминов и теорий. Ученые крайне непостоянны в своих предпочтениях и мнениях и могут даже поменять их на прямо противоположные и перейти в стан интеллектуальных противников. В результате берутся под сомнение основания великой идеализации: ученый — рыцарь истины, истины единой и объективной. И когда в споре все-таки рождается истина, она представляет собой определенный консенсус, который достигают ученые, несмотря на разногласия, различные мнения и взаимоотрицающие позиции. На протяжении долгой научной деятельности Иван Николаевич доказал своей приверженностью к военной науке — он истинный рыцарь общей тактики.

Ученые, достигшие определенных успехов, стремятся сохранить status quo. Следовательно, они не заинтересованы в быстрой смене существующих представлений, которые согласовываются с их личным вкладом в науку. Поэтому труд ученого сопряжен с надеждой, оставить свой след на страницах Великой книги Природы. Иван Николаевич оставил свой след в теории военного искусства, прежде всего в ее яркой и динамичной области — тактике.

Ученых часто упрекают в том, что они все упрощают. Это верно: нет науки без упрощения. Работа ученого и состоит в нахождении простых формул. После того, как ученый сформулировал какую-либо простую формулу, он должен проверить ее через наблюдаемые факты, выявить и следствия, чтобы убедиться, действительно ли они находятся в согласии с наблюдением. Таким образом, труд ученого, по нашему мнению, состоит из трех частей: выдвижение принципов; выведение логических заключений из данных принципов для получения относящихся к ним наблюдаемых фактов; экспериментальная проверка наблюдаемых фактов. Профессор И.Н. Воробьев в ходе своей научной и педагогической деятельности творчески придерживался этой формулы, что позволяло ему достигать высокой результативности в достижении поставленной цели.

Современный портрет ученого можно дополнить штрихами, которые заключаются, по нашему мнению, в долге ученого в беспрестанном преодолении себя, инерции собственного мышления. Современный ученый — это, прежде всего, профессионал и специалист. И тот, кто не способен однажды надеть себе, так сказать, шоры на глаза и проникнуться мыслью, что вся его судьба зависит от того, правильно ли он делает предположения в этом месте рукописи, тот не должен касаться науки. Иван Николаевич никогда не допускал мысли, что все его научные изыскания должны быть направлены в угоду «моде». Вопросы военной науки он рассматривал с позиции профессионала, специалиста в области оперативного искусства и тактики.

Существуют методики, которые указывают на ряд необходимых атрибутов и признаков при решении вопроса об отнесении того или иного представителя интеллигенции к интеллектуальной элите. В качестве таковых предлагаются следующие показатели:

- избрание конкретного ученого действительным членом, членом-корреспондентом, почетным членом академий, научных учреждений и обществ;
- присуждение премий и медалей за научную деятельность;
- включение биографических справок о них в специальные биографические справочники и энциклопедии;
- участие ученых в работе редакционных коллегий, изданий с высоким научным цензором;
- высокий индекс цитирования публикаций ученого членами научного сообщества.

В науке действует так называемый «эффект Матфея», при котором уже признанные ученые получают новые поощрения (премии, награды, цитирование) значительно легче своих пока еще не признанных коллег. По представленным атрибутам Иван Николаевич получил всеобщее признание среди военной общественности, чем он и гордился.

Онтопсихология интеллектуальной элиты указывает на два уровня мотивации творческого роста. Первый представлен личностными интересами и амбициозными стимулами, среди которых может быть потребность самоутверждения, личная неудовлетворенность, стремление к лидерству. Второй уровень обусловлен общественно значимой мотивацией, здесь свою роль играют приоритет отдельных сфер деятельности, интересы общества в целом или отдельных его структур. В нем используются различные возможности подчеркнуть значение творческой личности, популяризация творчества, материальные стимулы: гранты, индивидуальные стипендии, бюджетное финансирование. Любое общество должно быть заинтересовано в наращивании своего интеллектуального потенциала. Однако наблюдающееся сегодня в России падение престижа ученого, их переход вследствие необеспеченности научной сферы в другие отрасли деятельности говорит об ослаблении второго уровня мотивации.

Предложенный стереотип ученого неизбежно предполагает, что, во-первых, все представители научного сообщества имеют сходные черты и в ком-то смысле похожи друг на друга. Само по себе нахождение сходства среди представителей одной профессии не является однозначной ложью, поскольку, весьма вероятно, именно профессия и привлекает людей сходного типа, развивая у них определенные сходные качества. Вместе с тем стремление зафиксировать свойство является лишь одной из точек зрения на реальность, и потому ее неизбежным упрощением,

так как она игнорирует индивидуальные различия и уникальность каждого человека. Кроме того, фиксируя определенный набор личностных и профессиональных характеристик ученого, стереотип фактически делает незаметным другие возможные свойства его характера

Данный стереотип предрасполагает людей верить, что ученые именно такие. Весьма вероятно, что миллионы людей именно так и делают. Вместе с тем резонно будет предположить, что многие черты, свойственные ученым, остались, так сказать, за кадром. Собственно, так и работают стереотипы: подчеркивают определенные черты группы и сглаживают, затемняют другие.

Популяризация образа Ивана Николаевича Воробьева и его уникальных трудов будет способствовать повышению престижа российской науки и профессии военного ученого. Его принципы становления ученого будут ориентиром для представителей молодого поколения, мечтающих стать настоящими учеными.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Мы часто обращаемся к зарубежным военным ученым, которые выдвигают якобы самые передовые теории — сетцентризма, гибридных войн и т.д и т.п. Но если сравнить эти «скоропортящиеся» теории с фундаментальными трудами И.Н. Воробьева, то будет видно, что его труды стоят в одном ряду с бесценными трудами Сунь-Цзы, Суворова, Свечина и других военных теоретиков. И если в XVIII веке Суворова называли «ремдрантом» тактики, то И.Н. Воробьева мы можем назвать романтиком и рыцарем тактики СССР и Российской Федерации XX–XXI веков.

Хотелось бы, чтобы Министерство обороны Российской Федерации выпустило собрание научных трудов И.Н. Воробьева. Такая кладезь военной мысли будет служить военным ученым и всем военнотружущим Вооруженных Сил Российской Федерации верной опорой в деле защиты нашего Отечества.

А.А. КОРАБЕЛЬНИКОВ,

доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,

полковник в отставке,

В.В. КРУГЛОВ,

доктор военных наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ,

генерал-майор в отставке

В.В. КАРПОВ – ВОИН, ПИСАТЕЛЬ, ГРАЖДАНИН СВОЕЙ СТРАНЫ

Родился В.В. Карпов 28 июля 1922 г. в г. Оренбурге в семье потомственных уральских казаков. Отец — Василий Михайлович Карпов вместе с отцом Михаилом Гавриловичем Карповым работал в его бизнесе. Во время Гражданской войны был красноармейцем первого Оренбургского рабочего полка. Мать — Лидия Михайловна Бучевская окончила гимназию в Санкт-Петербурге, была из семьи нотариуса, владела немецким, французским и румынским языками. Володя рос любознательным, пытливым мальчишкой. Был крещен. Брат отца — Степан Михайлович Карпов окончил Императорскую академию живописи, его картины были представлены в Третьяковской галерее и зарубежных художественных музеях. Был похоронен в Новодевичьем кладбище.

Из-за голода в Оренбурге родители в 1929 г. уехали на освоение безлюдной степи в район Голодной степи на создаваемую вблизи поселка Илийска опытную рисоводческую станцию. Отец стал работать завхозом, мать — счетоводом. Школы не было, и мама стала первой учительницей. Она учила его чистописанию, арифметике, французскому и немецкому языкам. Через год переехали в Алма-Ату, затем в Ташкент, здесь Володя пошел в школу. Жили в узбекской махалле, Володя быстро подружился с местными ребятами, освоив узбекский разговорный язык. В четвертом классе у него появился интерес к написанию стихов, коротких рассказов, отправлял их на конкурсы начинающих литераторов, занимался в драмкружке.

Во Дворце пионеров занимался в секции бокса, которую вел американский эмигрант, боксер профессионал Сидней Джексон. В школе подружился с Юрой Петровым, сыном комбрига, начальника Ташкентского пехотного училища. Бывал у них дома. Это знакомство предопределило дальнейшую судьбу Володи. Очень строгий, требовательный к себе, подчиненным, прекрасно знающий военное дело

генерал Иван Ефимович Петров стал для Володи примером на всю жизнь. И спустя многие годы, став уже известным писателем, Владимир Васильевич напишет книгу «Полководец», посвященную генералу армии И.Е. Петрову.

Учеба в училище обогатила его новыми знаниями в военном деле. Он становится чемпионом Средней Азии, а затем чемпионом Среднеазиатского военного округа по боксу, пишет стихи, рассказы, публикуется в окружной газете «Фрунзевец».

Он уже в мечтах видел себя офицером, способным вывести свое подразделение в передовые, что будет помогать своим родителям, которые вложили в него все, что имели. Выпуск должен был состояться 23 февраля 1941 г., а 31 января курсант Карпов был арестован и обвинен в антисоветской пропаганде. В ходе следствия следователь пытался сфабриковать дело и против начальника училища генерала И.Е. Петрова, и комиссара училища Федорова. Следствие шло быстро, и вскоре в феврале 1941 г. Карпов В.В. был приговорен по статье за антисоветскую агитацию военным трибуналом САВО на 5 лет лагерей.

Так обрушились все мечты, и будущее стало призрачным. Отбывал наказание Владимир Карпов в Тавдинском лагере НКВД, в 450 км от Свердловска. В тяжелейших условиях лагерной жизни он сумел не только выжить, но и найти общий язык и заработать определенный авторитет среди заключенных и лагерного руководства. В октябре 1942 г. он обратился к Председателю ВС СССР М.И. Калинину с просьбой отправить его на фронт, защищать Родину.

Вскоре большая группа заключенных была освобождена из-под стражи и направлена в Гороховецкий учебный центр, где в течение 3 недель проходила подготовку, а затем штрафная рота была отправлена на фронт в 41-ю армию Калининского фронта. На время наступления штрафную роту придали 629 сп 134 сд, наступающей

на главном направлении. После первого боя из роты осталось 9 человек, которых влили в новую роту. После второго боя, в котором Карпов отличился, проявив находчивость и смелость, уничтожив 8 фашистов и захватив пленного и документы, и его перевели во взвод пешей разведки, он был награжден медалью «За отвагу».

20 февраля 1943 г. Военный Совет Калининского фронта снял с него судимость. В марте В.В. Карпову присваивается звание «младший лейтенант», и он назначается командиром взвода пешей разведки полка, в августе представляется к ордену «Красного Знамени», но награжден был орденом «Красной Звезды». В представлении было сказано: «Руководил лично всеми операциями по разведке в период наступления его взводом, за этот период уничтожено до 100 гитлеровцев, 2 пулеметные точки и подорвано гранатами 3 блиндажа вместе с солдатами».

За период наступательных операций в районе Пречистенского района Смоленской области с 13.8.43 года тов. Карпов со своим взводом 8 раз ходил в тыл врага, разведывал его огневые точки, скопление войск и техники перед участием полка.

15.08.43 при отражении контратаки противника взвод удержал занимаемый рубеж. В. Карпов, корректируя огонь артиллерии, подбил танк «Тигр» и САУ «Фердинанд», а взвод уничтожил до 70 гитлеровцев. В этом бою В. Карпов был ранен, но остался в строю».

Полк вел тяжелые оборонительные бои под Ржевом. Взвод разведки постоянно был на направлении сосредоточения основных усилий полка, работая в тылу противника и на передовой.

В июле 1943 г. В. Карпов — уже лейтенант, а в январе 1944 г. — старший лейтенант. Растет счет захваченных «языков» и уничтоженных фашистов. В ноябре 1943 г. был представлен к ордену «Красного Знамени». В представлении было сказано: «В период подготовки к прорыву сильного узла обороны противника на участке Зоолище—Кожемякино Лиозинского района, Витебской области проделал большую работу по разведке переднего края противника и выявлению огневых точек, что при прорыве дало возможность сразу же уничтожить таковые».

10 ноября 1943 г. когда противник перешел в контратаку в самое напряженное время тов.

Карпов организовал группу 20 человек, зайдя с тылу, лично блокировал на пути два ДЗОТа противника, окружив обороняющийся гарнизон, уничтожил более 90 немецких солдат и офицеров и взял в плен 17 немецких солдат.

11.11.43 г. при наступлении на дер. Жолнерово, когда противник своим пулеметным огнем не давал никакой возможности продвижения вперед, тов. Карпов с 3 разведчиками скрытно подполз с фланга, забросав две пулеметные точки, уничтожил в них два станковых пулемета и 8 немцев и обеспечил продвижение вперед наступающей пехоте.

В прошлых боях, будучи командиром взвода пешей разведки тов. Карпов сделал 37 выходов в тыл противнику, уничтожил взводом более 400 немецких солдат и офицеров и 55 взял в плен.

За проявленные доблесть, мужество и героизм в боях с немецкими захватчиками тов. Карпов достоин представления к Правительственной награде ордену «Красного Знамени».

Росло количество «языков» взятых в тылу противника (79 человек), которые давали ценные данные, что спасло жизни многих наших бойцов.

В.В. Карпова дважды представляли к Званию Героя Советского Союза, но судимость и кличка «враг народа» останавливали эти представления на верхних эшелонах армейского и фронтового руководства.

Войска 3-го Белорусского фронта вышли к границам Белоруссии. Действующая в глубоком немецком тылу подпольная группа завладела данными о системе оборонительных укреплений немцев. Необходимо было их взять у подпольщиков и доставить в штаб фронта. Выбор пал на старшего лейтенанта В. Карпова, имевшего хорошую подготовку, знание немецкого языка, умевшего быстро ориентироваться в обстановке. После короткой подготовки в управлении разведки фронта он был представлен командующему фронтом генералу И.Д. Черняховскому, который уточнил задачу, обратив особое внимание на важность выполнения задания.

С документами капрала 186-го пехотного полка Пауля Шуттера в немецкой форме он ночью перешел линию фронта. Получив от подпольщиков данные на выходе из Витебска, был задержан немецким патрулем, которых он застрелил и продолжил продвижение к фронту.

Переход через линию фронта был очень тяжелым. Немцы обнаружили разведчика, открыли огонь, Карпов был ранен в голову, потерял сознание, встречавшие его разведчики обнаружили его на нейтральной полосе и доставили в штаб. Задание было выполнено.

В медсанбате ему сделали операцию. После лечения он был выписан из госпиталя. Владимира Карпова направляют на курсы усовершенствования офицеров разведки в Москву. 6 июля направляясь на занятия, Карпов на стенде в газете «Известия» прочитал Указ Президиума ВС СССР о присвоении звания Героя Советского Союза офицерскому, сержантскому и рядовому составу Красной армии от 4.06.1944 г. Двенадцатым номером в этом указе значился лейтенант Карпов Владимир Васильевич. Через неделю в Кремле Председатель ВС СССР М.И. Калинин вручил В.В. Карпову «Золотую Звезду» Героя СССР и орден Ленина.

После завершения Белорусской операции на улицах Москвы под конвоем советских солдат прошли 57 тысяч оборванных, грязных солдат и офицеров вермахта во главе 19 фашистских генералов. Сзади колонн шли моченные машины, смывавшие следы фашистской нечисти. Был подготовлен фильм «Конвоирование немцев по Москве». Слушатель офицерских курсов Герой Советского Союза В. Карпов со съемочной группой проехал весь путь за плененной фашистской нечистью.

После окончания учебы на Высших разведывательных курсах В. Карпов получил отпуск. В Ташкенте его встречали с цветами и митингом. На следующий день он был на встрече с первым секретарем ЦК компартии Узбекистана У. Юсуповым, на приветствие которого В. Карпов ответил на узбекском языке. На следующий день на площадях, скверах города были вывешены огромные портреты В. Карпова с надписью «Сын узбекского народа, Герой Советского Союза Владимир Карпов». Надо отметить, что мероприятия по 100-летию В.В. Карпова в Узбекистане начались с начала июля с большим привлечением молодежи и ветеранов, тех, кто служил вместе с ним в полках и дивизиях ТуркВО, Союзе писателей Узбекской ССР.

После возвращения из отпуска капитан В. Карпов был зачислен в Высшую разведшколу ГРУ ГШ на западный факультет. На параде

Победы 24 июня капитан В. Карпов был назначен знаменосцем, а Герои Советского Союза подполковник Гришин и старший лейтенант Моковчук его ассистентами. Это была высочайшая ответственность и высочайшее доверие пронести знамя прославленной школы на параде Победы.

В 1946 г. школа была расформирована и слушатели зачислены на разведывательный факультет Военной академии им. Фрунзе, которую заканчивает в 1947 г. После окончания академии он направляется на ВАК АГШ, после окончания которого В. Карпов был оставлен преподавателем по тактике разведки. Через год он назначается старшим офицером одного из управлений ГРУ. Параллельно со службой в ГРУ он поступает в Литературный институт им. Горького на заочно-вечернее отделение. Руководителем творческого семинара был известный советский писатель К.Г. Паустовский. Занятия проводили К. Федин, К. Чуковский, М. Светлов, Е. Долматовский и др. Вместе с Карповым учились фронтовики Юрий Бондарев, Владимир Солоухин, Владимир Тендряков, Лидия Обухова, Майя Ганина и другие ставшие известными писатели. В 1954 г. он заканчивает институт.

Ранее, в 1953 г., он написал рапорт на перевод из ГРУ и был назначен офицером, а затем старшим офицером 5 отдела управления боевой подготовки Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск Советской армии. В 1954 году он назначается помощником начальника Ташкентского пехотного училища им. Фрунзе. В 1956 году должность сокращается и В. Карпов назначается командиром 190-го горнострелкового полка 71-й сд, затем командиром 427-го отдельного горнострелкового полка. С 1959 по 1961 год он командует 162 мсп 58 мсд. В 1961 г. он назначается заместителем командира 61 мсд. В армии идут большие сокращения соединений и частей. В 1962 г. Карпов назначается начальником штаба и заместителем командира 53 гвмсд. За эти годы Владимир Васильевич Карпов практически прослужил во всех основных соединениях ТуркВО – от Мары до Кушки.

В Вооруженных Силах продолжают сокращения и полковник В. Карпов в 1965 г. принимает решение уволиться из армии. На беседе командующий военным округом предлагает

остаться, с назначением в последующем на генеральскую должность, но Карпов поблагодарив, решения своего не изменил.

Уволившись, он вернулся в свой родительский дом в пригородном поселке Луначарское. Он начал писать в журналы, газеты республики, как позже он отметит, что вирус писательства в нем бродил с детства.

Через год первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Ш. Рашидов предложил работать заместителем председателя Госкомитета по печати. И хоть эта работа отнимала много времени, он продолжил трудиться над своим первым романом.

25 апреля 1966 г. произошло сильнейшее землетрясение, Ташкент был практически полностью разрушен. Вся страна откликнулась на эту беду. Каждая республика возводила в городе свой район. С учетом знания иностранных языков В. Карпова назначают ответственным за прием и работу иностранных делегаций, он избирается вторым секретарем Союза писателей Узбекистана. Работает над переводом романа Хаида Гуляма «Ташкентцы» на русский язык. Впоследствии автор романа получил государственную премию Узбекистана.

В 1968 г. в Ташкенте и в 1970 г. в Москве вышел первый роман Владимира Карпова «Вечный бой», а затем «Маршальский жезл», за которые он был удостоен государственных премий Узбекистана. В 1975 г. выходит роман «Взять живым», который был отмечен золотой медалью МО СССР. Роман был переведен на арабский, болгарский, вьетнамский, чешский и другие языки. Повесть «Не мечом единым» была издана в Москве, за нее В. Карпов стал лауреатом литературной премии имени А. Фадеева. Одновременно он печатается в журналах и газетах. Так состоялось становление Владимира Карпова как писателя.

Он считал, что войти в среду отечественных писателей ему помог писатель-фронтовик Валентин Овечкин, который славился своей бескорыстностью. Он практически читал все первые произведения В. Карпова, критиковал, подсказывал, рецензировал, помогал с продвижением в журнале «Новый мир», в редколлегии которого он состоял.

В 1972 г. В. Карпов переезжает в Москву в купленную кооперативную квартиру в Мат-

веевском. Позже Союз писателей выделит ему квартиру. В. Карпов дарит свою кооперативную квартиру ветерану войны, писателю Илье Верестову.

С 1972 г. по 1982 г. он вел передачу «Подвиг», которая стала выходить вместо тележурнала «Поиск», который вел фронтовик, лауреат Ленинской премии писатель С.С. Смирнов. Владимир Васильевич как автор сценариев лично готовил передачи. Находил героев телевизионных сюжетов, выезжал на места встреч и съемок. По его сценариям было снято более 100 телепрограмм. Передача стала популярной, тысячи писем шли к нему и с благодарностью и с новых тем и героев.

В 1977 г. В. Карпова представили бывшему министру иностранных дел СССР В.М. Молотову. Несколько бесед с опытным политиком и дипломатом привели его к мысли написать роман о Верховном главнокомандующем И.В. Сталине.

16 июля 1981 г. был утвержден секретарем Союза писателей СССР, совмещая ее с основной работой в журнале «Новый мир». В составе делегации СП СССР летал в Афганистан с целью помочь афганским писателям создать СП Афганистана.

На съезде писателей Афганистана было избрано руководство СП Афганистана. За эту работу Владимир Васильевич был награжден афганской медалью «За отвагу» и Почетной грамотой СП СССР. Здесь зародилась дружба с генералом армии В.И. Варенниковым.

12 ноября 1981 г. В.В. Карпов был назначен главным редактором журнала «Новый мир». 3 марта 1984 г. он был избран депутатом Верховного Совета СССР. В июне 1986 г. в Кремлевском дворце состоялся VIII съезд Союза писателей СССР в связи с тем, что первый секретарь Правления СП России Г.М. Марков заболел, отчетный доклад пришлось дочитывать В.В. Карпову.

На Пленуме Союза писателей он избирается первым секретарем Правления СП СССР. Избрание на эту высокую должность стало серьезным экзаменом и тяжелой нагрузкой.

В эти годы печатными изданиями Союза писателей являлись: «Литературная газета» и 12 журналов: «Новый мир», «Дружба народов», «Вопросы литературы», «Литературное обозре-

ние», «Иностранная литература», «Юность», «Советская литература» (на иностранных языках), «Театр», «Советиш геймланд» (на идише), «Звезда», «Костер». В ведении СП СССР было издательство «Советский писатель», Литературный институт имени А.М. Горького, Всесоюзное управление по охране авторских прав, Бюро пропаганды художественной литературы, ЦДЛ имени А.А. Фадеева в Москве.

В 1986 г. в состав СП СССР входило 9584 членов, а в 1989 г. — 9920 членов, 40% из них писали на русском языке. В рядах писателей имелись разные точки зрения по принципиальным вопросам, велись жесткие споры, шла идеологическая борьба.

Борьба в писательской среде шла по расхождениям во взглядах на советскую действительность и в отношении к западному образу жизни. Это тревожило Правление СП СССР и его первого секретаря. Иногда приходилось принимать неординарные жесткие решения по принципиальным вопросам.

Многочисленные поездки по стране, зарубежные визиты не оставляли времени для творческой работы. Но В.В. Карпов в редкие свободные часы продолжал работать над книгой «Маршал Жуков», некоторые главы из нее начались печататься в журнале «Советский воин». В.В. Карпов как депутат ВС СССР, руководитель Союза писателей побывал с визитами в Австрии, Болгарии, Великобритании, Греции, Дании, Мексике, Израиле, Индии, Испании, Италии, Люксембурге, США, Франции, Филиппинах. Это были не просто познавательные поездки, а трудная кропотливая работа.

Так, возглавляя парламентскую делегацию в Англию, в ходе переговоров были обсуждены проекты договора между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и его ратификации. Как депутат, Владимир Васильевич очень внимательно относился к просьбам избирателей, независимо от того, где они проживали. Так, рассматривал по просьбе моряков дело бывшего главкома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова, который был разжалован с адмирала флота Советского Союза до вице-адмирала. Собрав и изучив все документы, Владимир Васильевич обратился к генеральному секретарю М.С. Горбачеву. 28 июля 1988 года Указом Президиума ВС СССР Н.Г. Кузнецов был вос-

становлен в звании адмирала флота Советского Союза. Он также много сделал для реабилитации и присвоения звания Героя Советского Союза командиру подводной лодки С-13 Александру Маринеско. В.В. Карпов постоянно поддерживал связи с военными, встречался с военнослужащими в частях, на полигонах. В Главном штабе ПВО страны выступил с лекцией «Офицерский корпус как носитель духовных ценностей общества и военных традиций».

В.В. Карпов возглавил комитет по литературе и искусству в Госкомитете по Ленинским и Государственным премиям, который, как он говорил, отнимал очень много времени. Приходилось иногда по несколько раз смотреть и обсуждать спектакли, произведения.

Перестройка набирала обороты. Но, пожалуй, самым главным вопросом в политической жизни страны стало то, что депутаты-коммунисты отказались от законодательного закрепления руководящей роли КПСС в жизни страны.

После выхода в свет романа «Маршал Жуков» на него обрушился поток предвзятой критики. На пленуме Правления СП СССР Владимир Васильевич Карпов обратился в адрес очередного съезда СП СССР: «На прошлом пленуме я просил вас освободить меня от обязанностей первого секретаря. Но вы сказали, что доверяете мне, и просили продолжить работу до очередного съезда. Я согласился. Но оскорбления в мой адрес продолжались, причем и справа и слева. Чашу терпения переполнили два мощных психологических удара, нанесенных в день открытия пленума. Первый — статья в «Литературной газете», направленная против меня лично. И второй удар — оскорбительный выпад с трибуны пленума...

Многое я перенес в своей трудной жизни, но нигде, никогда (даже в поросших плесенью тюремных карцерах) не ронял человеческого достоинства. Тогда это у меня оставалось единственным, что может оставаться у человека, лишённого всего — свободы, пищи, солнца и даже чистого воздуха. Может быть, поэтому у меня такое обостренное желание сберечь и сегодня человеческое достоинство.

И еще — я двадцать пять лет носил офицерские погоны. Понятие чести за эти годы пропитало все мои поры. Другим быть я не могу. Я всегда считал себя порядочным человеком

и хочу им остаться до конца дней своих. Оскорбления, наносимые мне, несправедливы, безобразны и невыносимы. Надеюсь, вы поймете меня правильно. Взвесив и оценив еще раз создавшуюся ситуацию, я не вижу возможности защищать и отстаивать интересы писателей, поэтому еще раз заявляю о сложении с себя обязанностей первого секретаря правления Союза писателей СССР».

Все это не сломило писателя-фронтовика. Он продолжает писать. В свет выходит в 1991 г. «Маршал Жуков. Опала», в 1999 — «Расстрелянные маршалы», в 2000 — «Судьба разведчика» и «Можно ли Россию пешком обойти», в 2002 — «Генералиссимус» в 2-х томах, в 2004 — «Генерал армии Хрулев. Все для Победы. Военный интендант», в 2005 — «Дальше Кушки не пошлют», в 2006 — «Маршал Баграмян. Мы много пережили в тиши после войны», в 2006 — «Генерал армии Черняховский», в 2007 — «Повести и рассказы» и «Се ля ви...Такова жизнь», в 2009 — «Большая жизнь», в 2010 — «Гибель и воскреше-

ние разведчика» и «Жуков. Жизнь. Сражения, Победы».

Владимир Васильевич Карпов жил жизнью страны, боролся за историческую правду с фальсификацией истории своей Родины.

28 июля 2002 г. в день 80-летия Героя Советского Союза, ветерана Великой Отечественной войны, разведчика, писателя Владимира Васильевича Карпова поздравил Президент России Владимир Владимирович Путин, отметивший в телеграмме, что как «человек не простой, но поистине героической судьбы, Вы сумели донести до читателей всю правду о событиях, свидетелем и участником которых были сами...В ваших произведениях поднимаются проблемы волнующие людей сегодня — подвига и предательства, ценности жизни и самопожертвования, дружбы и любви. И поэтому уверен — они всегда будут востребованы и интересны».

Таким был и остается в нашей памяти воин, писатель, гражданин своей страны Владимир Васильевич Карпов.

В.П. БАРАНОВ,
доктор исторических наук, вице-президент АВН

СПИСОК АВТОРОВ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК» № 2 (79)–2022

Баранов Валерий Петрович, доктор исторических наук, профессор, действительный член АВН, вице-президент АВН, главный научный сотрудник Научного центра стратегических исследований Федеральной службы войск национальной гвардии, генерал-полковник в отставке.

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России.

Кардаш Игорь Леонидович, доктор военных наук, профессор, действительный член АВН, главный научный сотрудник Главного центра научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, полковник запаса.

Кулаков Андрей Анатольевич, кандидат философских наук, доцент, ученый секретарь отделения Общего учения о войне и армии АВН.

Сурма Иван Викторович, кандидат экономических наук, член-корреспондент РАЕН, профессор АВН, заведующий кафедрой государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД РФ.

Овсянникова Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, исполнительный директор Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности.

Караваев Игорь Николаевич, доктор военных наук, профессор, действительный член АВН, руководитель секции «Воинское обучение и воспитание» научного отделения «Военное искусство» АВН, заслуженный работник высшей школы РФ, полковник запаса.

Суханов Павел Владимирович, доктор педагогических наук, доцент, начальник учебно-методического отдела Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации», член-корреспондент РАЕ, полковник.

Бочарников Игорь Валентинович, доктор политических наук, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ имени Н.Э. Баумана, действительный член АВН, руководитель отделения «Общие проблемы войны, мира и армии» АВН, руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности.

Модестов Сергей Александрович, доктор философских наук, доктор политических наук, кандидат военных наук, профессор, вице-президент АВН.

Павловский Александр Алексеевич, главный эксперт НПОО «ОКБ ТСП» (г. Минск), доктор военных наук, действительный член АВН, чрезвычайный и полномочный посол, генерал-лейтенант в отставке.

Шерис Александр Владимирович, кандидат политических наук, заместитель директора НПОО «ОКБ ТСП» (г. Минск), полковник в отставке.

Дульнев Павел Александрович, доктор военных наук, профессор, действительный член АВН, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра (системных оперативно-тактических исследований Сухопутных войск) Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации», почетный работник науки и высоких технологий РФ, полковник запаса.

Котов Александр Владимирович, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, профессор АВН, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра (системных оперативно-тактических исследований Сухопутных войск) Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации», полковник запаса.

Педенко Николай Петрович, доктор военных наук, профессор, действительный член АВН, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра (системных оперативно-тактических исследований Сухопутных войск) Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации», полковник запаса.

Гаврилов Анатолий Дмитриевич, доктор военных наук, действительный член АВН, профессор кафедры оперативного искусства и тактики Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, генерал-лейтенант в отставке.

Грудинин Игорь Владимирович, доктор военных наук, действительный член АВН, профессор кафедры оперативного искусства и тактики Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, полковник запаса.

Майбуров Дмитрий Генрихович, доктор военных наук, доцент, профессор кафедры оперативного искусства и тактики Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, член-корреспондент АВН, полковник.

Буг Сергей Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, действительный член АВН, заместитель начальника Михайловской военной артиллерийской академии по учебной и научной работе, полковник.

Грудинин Игорь Владимирович, доктор военных наук, профессор, профессор кафедры оперативного искусства и тактики Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, действительный член АВН, полковник запаса.

Казахов Батраз Джумаевич, доктор военных наук, профессор, начальник кафедры оперативного искусства и тактики Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, полковник.

Иконников Олег Владимирович, кандидат военных наук, доцент, член-корреспондент АВН, доцент кафедры оперативного искусства и тактики Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, подполковник.

Дурнов Алексей Сергеевич, кандидат технических наук, доцент, начальник отдела – заместитель начальника управления ФГБУ «33 ЦНИИИ» Минобороны России, подполковник.

Егорушкин Дмитрий Андреевич, научный сотрудник ФГБУ «33 ЦНИИИ» Минобороны России, капитан.

Чешев Дмитрий Николаевич, кандидат технических наук, профессор АВН, заместитель начальника отдела ФГБУ «33 ЦНИИИ» Минобороны России, майор.

Сыч Юрий Григорьевич, научный сотрудник Центра военно-стратегических исследований Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, генерал-лейтенант запаса, в 2010–2017 гг. – начальник 12-го Главного управления.

Мотасов Данил Петрович, кандидат технических наук, научный сотрудник Центра военно-стратегических исследований Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, полковник запаса, в 2014–2015 гг. – начальник штаба-первый заместитель начальника 12-го Главного управления.

Вдовенко Геннадий Викторович, старший преподаватель кафедры военного управления Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, полковник, в 2015–2017 гг. – начальник отдела боевой подготовки и службы войск штаба 12-го Главного управления.

Багров Валерий Владимирович, кандидат технических наук, профессор АВН, заместитель директора Научно-исследовательского института энергетического машиностроения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)».

Воронин Евгений Алексеевич, ведущий научный сотрудник отдела управления робототехническими устройствами Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН.

Дивеев Асхат Ибрагимович, доктор технических наук, главный научный сотрудник и руководитель отдела управления робототехническими устройствами Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН.

Прокопьев Игорь Витальевич, доктор технических наук, ведущий научный сотрудник отдела управле-

ния робототехническими устройствами Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН.

Степанов Алексей Петрович, кандидат военных наук, доцент, докторант кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая ордена Жукова академия Вооруженных Сил Российской Федерации», полковник.

Цуциев Сергей Александрович, доктор медицинских наук, старший научный сотрудник ФГБУ «ГНИИИ ВМ» МО РФ, полковник медицинской службы в отставке.

Арзамаскин Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, действительный член АВН, заслуженный работник высшей школы РФ, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований) ФГУП «Военный университет имени князя Александра Невского» МО РФ, полковник в отставке.

Кепель Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор АВН, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований) ФГУП «Военный университет имени князя Александра Невского» МО РФ, полковник запаса.

Недбайло Борис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, профессор АВН, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований) ФГУП «Военный университет имени князя Александра Невского» МО РФ, полковник запаса.

Литвиненко Владимир Васильевич, доктор технических наук, профессор, научный сотрудник Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации», полковник в отставке.

Рубцов Юрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, действительный член АВН, ведущий научный сотрудник НИЦ (фундаментальных военно-исторических проблем) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, полковник в отставке.

Федулов Сергей Валентинович, доктор исторических наук, член-корреспондент АВН, доцент, профессор кафедры Военно-политической работы в войсках (силах) Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского, полковник в запасе.

Соловьев Дмитрий Николаевич, доктор исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры Военно-политической работы в войсках (силах) Михайловской военной артиллерийской академии г. Санкт-Петербург, майор в запасе.

Беляков Виталий Владимирович, курсовой офицер-преподаватель Михайловской военной артиллерийской академии г. Санкт-Петербург, капитан.